Сергей Дьяченко

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ

Посвящается независимому Казахстану

Сергей ДЬЯЧЕНКО

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ

“Елорда”
Астана-2001

ББК 66.3 (2)
Д 44

Выпущена по программе Министерства культуры,
информации и общественного согласия Республики Казахстан

Д 44 Дьяченко С.А.
Политический транзит в современном Казахстане –
Астана: Елорда, 2001 – 384 с.

ISBN 9965-06-125-4

В монографии на основе значительного массива эмпирических данных предпринята попытка сопоставления социально-политических проблем транзитных обществ с реалиями политического процесса в Казахстане. В этом контексте автор в центр анализа поставил соответствие политической действительности страны общемировым закономерностям, акцентируя внимание читателя на логике, внутренних механизмах, ведущих тенденциях и специфических особенностях в осуществлении реформ, на становлении и развитии новых политических и общественных отношений посттоталитарного Казахстана.

Автор выделяет различные аспекты происходящих перемен и тенденций развития политического процесса, раскрывает трудности переходного периода от тоталитарной к демократической модели устройства современного Казахстана, механизмы их преодоления, разрешения и перспективы дальнейшего развития страны, делая акцент на взаимосвязи политического и социального аспектов идущей трансформации казахстанского социума.

Монография представляет интерес для политических деятелей, научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов, экономистов, юристов, работников социальной сферы.

Рекомендована к печати Ученым советом Алматинского государственного университета имени Абая

Рецензенты:
Шабров О.Ф. – доктор политических наук, профессор
Балгимбаев А.С. – доктор философских наук, профессор

ББК 66.3 (2)

С $\frac{0801000000}{450(05)-01}$

© С. Дьяченко, 2001
© Елорда, 2001

ISBN 9965-06-125-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представленная вниманию читателя монография посвящена проблемам, уже много лет вызывающим не только академический интерес. Вполне естественно, что проводимые в стране реформы, означающие переход общества в новое качественное состояние, ничуть не убавляют число острых и проблемных вопросов в обществознании, а, наоборот, непрерывно порождают новые. Они являются объектом пристального внимания и изучения как ученых-политологов, так политиков и практиков.

Надо признать, что в анализе проблем демократического перехода и консолидированной демократии зачастую преобладали – и это вполне естественно на первом этапе демократического развития социума - во многом эмоциональные оценки и утверждения, основанные нередко и на соображениях конъюнктурного характера. Представляется, что в настоящее время в политологической мысли уже имеет место ситуация перехода от формально-нормативных, поверхностных публицистических подходов к трезвому, реалистичному и, главное, научному осмыслению идущих в обществе демократических преобразований.

В монографии рассматривается широкий спектр вопросов, связанных со становлением демократических режимов, характером трансформации политических систем транзитных обществ, своеобразием политической модернизации посткоммунистических государств, реакцией общества на происходящие события и т.д.

Автор исходит из того, что, если в конце 80-х – начале 90-х годов процессы демократизации в бывшем Советском Союзе и постсоветских республиках вызвали большие волны эйфории и романтизма, то прошедшие годы, наоборот, породили скептицизм, а то и откровенное разочарование в отношении перспектив демократического развития в посткоммунистический период.

Реальная политическая практика наглядно свидетельствует о том, что теории становления демократии в странах Латинской Америки (Аргентине, Бразилии, Уругвае, Чили), Южной Европы (Греции, Испании, Португалии, Турции), Юго-Восточной Азии (Индонезии, Малайзии, Тайване, Филиппинах), Восточной Европы (Болгарии, Венгрии, Польше, Чехии), казавшиеся универсальными, не всегда и не совсем могут быть эффективны в бывших тоталитарных государствах в силу ряда как объ-

ективных, так и субъективных причин. А, следовательно, необходимо искать новые концептуальные модели, позволяющие адекватно осмысливать динамику переходного периода.

В настоящее время какой-либо общей, так называемой теории трансформации в мире еще не существует, хотя было бы вполне оправданным, чтобы общественное развитие имело бы уже свою теорию вопроса, учитывающую имеющийся мировой опыт использования тех или иных установок в качестве своеобразных начал, организующих трудовые и общественно-политические отношения граждан.

Это тем более важно, что процесс трансформации в развитии стран Восточной Европы и Центрально-Азиатского региона будет продолжаться, вполне возможно, еще несколько десятилетий. Видимо, именно поэтому в мировой транзитологии усиливаются поиски конвергентных решений, сочетающих преимущества всех существующих в настоящее время подходов.

В связи с этим автору представляется весьма важной задача дальнейшей разработки теории и методологии как в целом казахстанского модернизационного процесса, соответствующего научного инструментария, так и отдельных его частей.

Исходным основанием для общей оценки ситуации выступает то, что казахстанское общество переживает переходный период – нестабильный исторический процесс, в ходе которого происходит его трансформация из тоталитарного состояния в демократическое.

В представленной монографии сделана попытка изучения процесса разрыва с прежней архаично-тоталитарной социальной структурой, характера ее сопротивления новым общественным отношениям, а также новых трансформационных сдвигов в социуме, форм ментальности и массовых моделей поведения им соответствующих, инноваций, характерных для политических и экономических сфер жизни государства.

В настоящее время в республике продолжается процесс крутой ломки старых общественных и государственных структур и создание новых, соответствующих уровню и потребностям современного этапа развития демократии.

Как отмечалось, многие страны планеты проходят этот весьма непростой путь. Поэтому можно и нужно отметить, что казахстанский опыт не является каким-то сверхновым или резко отличается от опыта дру-

гих стран мира, в том числе и постсоветского пространства. В республике с той или иной спецификой, в той или иной форме имеют место общие тенденции развития социально-политической ситуации, главной чертой эволюции которой является направляемость «сверху» идущих экономических и политических преобразований.

В этой связи обоснована совокупность аргументов в пользу учреждения института президентства и укрепления президентской власти в стране, что представляется необходимым для решения сложных задач переходного периода, как в становлении рынка и рыночных отношений, так и в политической сфере.

Несомненно, что решающее влияние на становление казахстанской государственности и развитие общества в целом оказывает институт президентства. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема теоретического осмысления казахстанской модели президентской формы правления, формирующейся с учетом конституционного опыта зарубежных стран, собственных национальных традиций и политической реальности в самом Казахстане.

Автор раскрывает методы функционирования института президентства Республики Казахстан на этапе формирования гражданского общества, рассматривает конституционные нормы, регулирующие взаимоотношения Президента и Парламента, Президента и Правительства, особенности их взаимодействия на практике с учетом особенностей настоящей политической реальности в стране.

Вполне естественно, что переходному периоду развития казахстанского общества присуща неопределенность. Совмещение разнородных укладов и элементов многих формаций позволяет обозначить его как своеобразный конгломератный строй, в котором эклектически соединены противоположности. В частности, еще нередко имеют место административно-бюрократические методы руководства и возрастающие самоналаживающиеся экономические, определенный формализм в осуществлении демократических процессов и подлинное самоуправление народа, патернализм, проявляющийся в мышлении инерции, выжидания и уже новое мышление эффективного действия, подлинного творчества граждан. Все это, разумеется, породило неустойчивое состояние общества, углубило в нем кризисные явления. Названные стороны симбиоза, как правило, несовместимы в нормально функционирующей, до-

стигшей целостности системе. Поэтому необходимо избавление от эклектизма, «квазисостояния», конгломератности и приобретение социумом органической целостности для того, чтобы элементы общественной жизни не просто механически соединялись и противостояли один другому, дестабилизируя систему, а органически взаимодополняли бы друг друга, укрепляя и динамически развивая ее.

Думается, что особо надо иметь в виду тот факт, что процесс социально-экономических изменений затронул практически все стороны жизни социума. Следовательно, в государстве переходного периода чрезвычайно важны вопросы формирования социальной политики, а также сокращения негативных последствий рыночных реформ для значительной массы населения, так как от их решения зависит устойчивое социально-экономическое развитие конкретного сообщества. Именно поэтому особое внимание уделено взаимосвязи социального и политического аспектов идущей трансформации. Необходимо, чтобы государство постоянно отслеживало социальные основы, а сама же государственная политика обеспечивала справедливое распределение результатов развития и способствовала бы сокращению бедности и неравенства.

Нет сомнения в том, что в трансформирующемся обществе государственная политика и программы должны быть направлены не просто на содействие экономическому росту, но и на обеспечение справедливого распределения конкретных результатов рыночного развития, защиты имущественной и личной безопасности граждан от каких-либо посягательств.

Сопутствующий рыночным явлениям негативный социально-политический фон, характеризующийся такими явлениями, как бедность значительной части населения и чрезмерная дифференциация доходов, слабая развитость институтов гражданского общества и неконсолидированность элит дает достаточно поводов для опасений за судьбу нарождающегося среднего класса. Несомненно, что эта проблема должна быть в центре внимания государства, а ее решение, безусловно, должно входить в число программных задач политико-экономических преобразований. Само наличие среднего класса нужно рассматривать как свидетельство эффективности проводимых преобразований, своего рода критерий того, что реформы идут в правильном направлении и приобретают необратимый характер. Хотелось бы надеяться, что перспективы казахстанской социальной трансформации в контексте глобальных мо-

дернизационных процессов, которые идут и в других регионах мира, оставляют достаточно пространства для оптимизма и веры в их успешное завершение.

Непривычность для большинства населения новой социальной среды, возникающий психологический дискомфорт обостряют и без того напряженную ситуацию, детерминируемую сложностями экономической сферы, и порождают, нередко, самые пессимистические ожидания. Неопределенность положения стала постоянным атрибутом жизни. Она продолжает восприниматься многими людьми, которые вышли из прежней общественно-политической системы, где все было расписано, а каждый конкретный человек занимал отведенную ему нишу и в соответствии с этим строил свои жизненные планы, как огромная потеря, утрата привычных социальных гарантий. Представляется, что пройдет еще немало времени, пока неопределенность станет восприниматься не столько как бедствие, сколько как шанс для собственного выбора. Сейчас же вполне естественен для общества стихийный поиск новых идеалов, который с неизбежностью воспроизводит и архаику, и анахронизм.

Следовательно, для установления подлинной демократии и достижения заявленных ориентиров и целей необходима эффективная трансформация не только экономики, но и идеологического климата.

Одна из основных гипотез состоит в том, что в условиях изменения казахстанского общества формирование новой системы политических отношений может с наибольшей полнотой идти через совокупную деятельность политических институтов, прежде всего института политических партий, направленную на сплочение масс, развитие гражданского общества, обеспечение единства основных общественно-политических структур, истеблишмента и правящей элиты, осуществляемую с использованием современных эффективных политических технологий.

Поэтому представлялось важным раскрыть сущность института партийного плюрализма как важного элемента демократического социума, показать парадигму общественного устройства через динамику становления, специфику и особенности развития многопартийности современного казахстанского общества, определить политическую культуру межпартийных и внутригосударственных отношений в стране как своеобразный стержень взаимодействия партий и государственной власти, правовой регулированности их отношений.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Казахстанская действительность настойчиво ставит перед гражданами республики задачу овладения основами современной политической культуры, требует ее коренных изменений, формирования массового менталитета, адекватного рыночной экономике и истинному плюрализму, отказа от обветшавших идеологических стереотипов, так как без глубоких изменений в общественном сознании невозможны никакие перемены.

Сможет ли общество реализовать эту задачу и тем самым вписаться в сложную парадигму общественного развития, эволюции, характеризующуюся сочетанием тенденций нового и прогрессивного, зависит, по существу, от осовременивания его социальной структуры, а также политической зрелости граждан страны, их политической культуры. И прежде всего, молодежи.

Необходима перемена взглядов на место и роль молодежи в социальном развитии, ибо без переворота в общественном сознании относительно самого феномена молодежи общество не сможет прогрессивно развиваться. Важно учитывать, что в структуре молодежи, ценностных ориентациях, самосознании со времени обретения Казахстаном государственности произошли глубинные, системные изменения и преобразования как позитивного, так и негативного плана. В связи с этим автор посчитал необходимым сделать анализ становления молодого поколения страны в период идущего реформирования, рассмотреть проблемы, связанные с социально-экономическим положением, социальным статусом, политической культурой, ценностными ориентациями, самоидентификацией молодых людей.

Представляется, что молодежи Казахстана как отдельной социальной группе пока не удалось интегрироваться в нынешнюю систему общественно-экономических связей и отношений с отлаженным гибким статусом и большим количеством степеней свободы, нежели обязанностей. Именно в связи с этим автор посчитал необходимым выделить проблемы этой важной социальной группы в отдельный параграф.

Поиску ответов на эти и другие важные вопросы современности и посвящена настоящая работа.

Автор не ставил своей целью создать комплексное научное исследование, претендующее на полное, концептуальное осмысление политико-экономической ситуации в стране. Понимая, что предлагать в настоящее время какую-либо новую концепцию развития общества — за

ГЛАВА 1. Теоретико-методологические аспекты исследования трансформации политических систем переходных обществ

1. Методология исследования политической системы трансформирующегося социума

Осмысление современного периода развития государств при любых подходах и исследовательских задачах связано с проблемой транзита, рассматриваемой в качестве своеобразного и относительно конкретного общественно-исторического феномена.

Несмотря на, казалось бы, значительный массив работ по политической трансформации и проблемам транзитного общества, разработка теории общества переходного периода остается одной из центральных проблем в социогуманитарных науках. В частности, переход постсоциалистических стран к принципиально новым общественным отношениям еще только осмысливается учеными стран СНГ и Восточной Европы, а за их пределами специально почти не изучался. Зарубежные ученые отмечают «...отсутствие в исторической практике такого перехода» и подчеркивают, что «...создание добротной теории – сложный и длительный процесс» /1/.

Понятия «переходный (транзитный) период», «переходный политический процесс», «переходное (транзитное) общество», «трансформация», «модернизация», «конвергенция», «транзит» и т.п. сегодня широко и довольно произвольно употребляются в научной и публицистической литературе, посвященной современным проблемам развития общества, а также публичных дискуссиях и в средствах массовой информации, в связи с чем их содержание оказалось в последнее время сильно размытым. Поэтому, на взгляд автора, в контексте настоящего исследования данные термины нуждаются в уточнении, ибо они, как и любые другие научные категории и их дефиниции, должны иметь собственное четко очерченное смысловое поле. Это относится равно как к самим понятиям «переходный политический процесс», «переходный период», так и к ключевому для интерпретации исторического развития понятию «политическая система».

В этой связи представляется полезным охарактеризовать имею-

щиеся в литературе взгляды на эти базовые для данного исследования понятия с тем, чтобы избежать их вольного или неправильного толкования, а также определить методологические основы изучения феномена «переходный период».

С определенной долей условности можно утверждать, что идея переходного периода была выдвинута А. Сен-Симоном, хотя ее родоначальником считается О. Конт /2/.

Специально проблему переходного периода впервые поставили в своих сочинениях 40-50-х годов XIX века К. Маркс и Ф. Энгельс, которые представляли ее в качестве неотъемлемой составной части коммунистической теории, рассматривающей переход от капитализма к коммунизму как вполне реальную цель пролетарского движения XIX века /3/.

Основанная Марксом и Энгельсом формационная методология анализа общества представлена теорией общественно-экономических формаций, закономерно возникающих на соответствующих стадиях развития материального производства. Отражая материалистическое понимание исторического развития, формационная схема анализа акцентирует внимание на соответствии характера производственных отношений состоянию и уровню развития производительных сил. Нарушение этого баланса ведет к переходу на новую ступень развития.

Формационный подход, заимствованный из марксистской политической теории переходного периода как методология исследования действительности, стал основополагающим, прежде всего, в трудах советских ученых, а «обоснование переходного периода советской наукой представляло собой не просто развитие наследия Маркса, а скорее рационализацию, облечение в наукообразную форму советской действительности» /4/.

Дальнейшее развитие методологии формационного анализа породило новые подходы, пытающиеся осовременить наследие Маркса и приспособить его к новым условиям трансформирующихся обществ.

Наиболее адекватным для понимания современных трансформационных процессов направлением является неомарксистская (итальянская) школа А. Грамши, которая ориентирована на динамику социальных перемен /5/. Вместо жесткого понятия «социальная формация» исследователи этой школы придерживаются концепции «мировой гегемонии» или «исторического гегемонного блока», ядро которого со-

ставляет не пролетариат, а интеллектуалы. Создаваемая сильными государствами гегемония изменяет их внутренние структуры, которые в итоге становятся образцом для подражания за рубежом. Распространяясь далее на «периферийные» страны, опыт гегемонии как бы связывает их в единый исторический гегемонный блок.

Согласно школе Грамши, классическими примерами мировых гегемоний были британская (1845-1875 гг.) и американская (1945-1970 гг.).

Концепция «мировой гегемонии» Грамши схожа с другой концепцией, относящейся к формационной схеме, – «мир-системным» анализом процесса перехода, представителями которого являются Ф. Бродель, И. Валлерстайн, К. Чейз-Данн и др. /6/. Они считают, что вероятность утверждения демократии в государстве тем больше, чем более оно близко к государствам так называемого центра мир-экономики, т.е. мировой экономической системы. Развитие переходных процессов здесь осуществляется по схеме «центр – полупериферия – периферия». Историческим центром выступают Великобритания и США. Отмечается, что в полупериферийных и периферийных государствах высока степень авторитарного отката /7/.

Углубление идеи формационного подхода, применение ее к трансформационным процессам имеет место также в трудах представителей франкфуртской школы неомарксизма (Т. Адорно, Ю. Хабермас, М. Хоркхаймер) /8/, в исследованиях сторонников концепции, именуемой «структуралистским марксизмом» или «еврокоммунизмом» (Е. Томпсон, Л. Альтюссер, Н. Пулянтцас, Р. Баскар, Э. Райт) /9/.

Следует отметить, что формационная схема анализа, при всех ее кажущихся достоинствах, не учитывает реальных ситуаций, когда на сходной экономико-технологической базе развиваются различные общественно-экономические и политические структуры и процессы. К примеру, в ее рамках не могут быть адекватно объяснены процессы внутриполитического развития ряда постсоветских государств, имевших в прошлом сходство по целому спектру экономических, политических, социокультурных параметров.

Параллельно с методологией формационного подхода в мировой политологической науке развивались иные взгляды на исследуемую проблему. В середине XX века сущность переходных процессов анализируется в ряде западных исследований (Х. Арендт, А. Лейпхарт, Ф. Хайек и др.) /10/. В них осмысливаются не только природа тотали-

тарных обществ, но и пути, способы выхода из этих аномальных, по мнению их авторов, состояний общества. Эту же исследовательскую линию продолжили западные экономисты, разработавшие ряд моделей перехода плановой экономики в рыночную.

Широкое распространение в мировой политологической мысли получила методология цивилизационного подхода к изучению процессов трансформации политических систем переходных обществ, обуславливающая внутриполитические процессы развития национальных государств их цивилизационной спецификой и признающая, что проблема перехода является не только «внутренней» проблемой государств, но и имеет глобальную сторону (Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, П. Сорокин) /11/. Как отмечает белорусский ученый В. Калмыков, «формационный подход подсказывает победу в рамках переходного состояния одного из качеств – неокапитализма, или гуманно-демократического социализма.... При этом ход рассуждений соответствует методологии, где тезис и антитезис (капитализм – социализм) оказываются разорванными. Однако монистическое развитие по одному из путей – капиталистическому или социалистическому – делает движение человечества одноцветным, лишает состязательных тенденций. Цивилизационный подход избавлен от недостатков односторонности и ориентирует на «синтезное движение общества» /12/.

В формате цивилизационной макро-схемы анализа находятся концепция культурно-исторических типов общества (Н. Данилевский), выдвигающая положения о типологии социальных и культурных систем, их своеобразии, локальности культур и цивилизаций; теория особой роли национальной культуры, оказывающей глубокое влияние на характер, содержание и направленность процесса развития (О. Шпенглер); идея о глобализации социально-политических, культурных, гуманитарных и экономических процессов и формировании на этой базе цивилизации, объединяющей все человечество (П. Сорокин).

К этому ряду следует отнести также самостоятельное направление политологической науки – транзитологию, представители которой считают, что демократизация посттоталитарных стран в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века идет в русле общих закономерностей, выявленных в переходах, исторически прошедших ранее (Л. Уайтхед; Ф. Шмиттер; Н. Никитченко; Di Palma, 1990; Bova,1991; Przeworski, 1991; Huntington,

1991-1992; O'Donnel, 1994; Linz and Stepan, 1996; Reisinger, 1997 и др.) /13/; теорию неореализма, исходящую из принципиального различия внутренней и внешней политики национального государства, сторонники которой считают, что демократизация в посттоталитарных и посткоммунистических странах стала результатом целенаправленной подрывной внешнеполитической деятельности других государств (К. Уолтц, Гилпин); неолиберальные теории, утверждающие, что переходные к демократии процессы детерминируются тенденцией распространения ценностей свободы, справедливости и либерального мира (M. Doule, M. Zacher, R. Matthew, T. Jonson, N. Onuf, J. Nue, R. Keohane); теории международных режимов (С. Краснер, Г. Саймон, М. Леви, О. Янг, М. Зурн, Д. Рагги, К.С. Гаджиев и др.), исходящие из того, что институты международного режима (нормы, специальные правила, процедуры, программы и т.д.) оказывают влияние на поведение государств и их субъектов в целях продвижения к демократии /14/.

Представляется, что наиболее значимым и довольно популярным в современных научных кругах направлением может быть названа транзитология. Некоторые политологи считают, что говорить о транзитологии как о целостной и системной научно-исследовательской отрасли или даже отдельной дисциплине не вполне правомерно. Собственно прикладной аспект данной теоретической модели должен рассматриваться, прежде всего, как методологическое основание политического анализа, а не законченное обоснование некоей доктрины /15/. Подтверждение этому – в реальных позитивных возможностях, которые предоставляет исследование политического процесса в рамках транзитологической парадигмы. Во-первых, ход политической жизни здесь можно представить как постоянно изменяющееся социальное бытие идей, общественных групп, институтов, практик, не фиксируемое в категориях статики, ибо сам политический процесс – динамичное разновекторное явление. Во-вторых, транзитологический подход сосредоточен на выделении и анализе факторов политических изменений методами институционализма и структурного функционализма. В-третьих, именно транзитологическая парадигма исследования политических процессов наиболее приемлема для рассмотрения нестабильных, неустойчивых, но в тоже время сложноорганизованных систем в их наиболее трудный период развития, когда они заняты

поиском оптимальной формы самоорганизации на основе переосмысления мирового опыта и актуализации своего историко-культурного потенциала. В-четвертых, транзитология увязывает глобальные мировые долгосрочные тенденции развития и локальные процессы.

В конце XX века методология цивилизационного исследования трансформации политических систем переходных обществ получила дальнейшее развитие в виде глобалистской схемы анализа (наиболее видные представители Э. Тоффлер, З. Бжезинский, К. Боулдинг, Э. Ласло, С. Мендловиц, Г. Лодж и др.) /16/. Теория глобализации охватывает переходные процессы посткоммунистических государств, рассматривая их как интеграцию национальных государств в целостную экономическую, социокультурную и политическую суперсистему, в которой внутриполитические изменения направлены на достижение прогрессивного развития, признание приоритета общечеловеческих ценностей и принципов.

Этот процесс в контексте демократизации и модернизации традиционных обществ включает в себя преодоление культурно-цивилизационных барьеров, общецивилизованное выравнивание стандартов и норм всех видов социальной, духовной, хозяйственной, политической и бытовой деятельности. При этом специфика различных культур сохраняется, но их языковое, поведенческое и психологическое своеобразие, бытовые, религиозные особенности, способы организации экономической и политической деятельности становятся проницаемы для соответствующих элементов других культур и, не теряя своей специфики, перестают быть барьерами, препятствующими взаимопроникновению, взаимодействию различных культур /17/.

С начала восьмидесятых годов прошлого столетия понятие переходности переживает, по сути, свое второе рождение благодаря распространению системной теории, соединению естественнонаучного (физического и биологического), социального и гуманитарного знаний и, разумеется, в контексте распада мировой социалистической системы, что способствовало отказу от линейно-стадиального видения истории и сциентистски толкуемой идеи прогресса, особенно в их истматовском варианте, использованию других мировоззренческих и методологических установок. Как отмечает М.А. Чешков, «в итоге обновленное понятие «переходности» стало крайне многозначным, адресуясь в принципе к любому изменению любого объема...» /18/.

По мнению белорусского исследователя А.Н. Данилова, «системность трансформации следует рассматривать, прежде всего, как степень ее полноты во всех общественных механизмах, которая бы вполне коррелировала с особенностями положения того или иного общества, той или иной страны, с их историческими реалиями, национальными интересами и т.п. Именно тогда достигается тот синергетический эффект, который снимает ситуацию кризисности и обеспечивает на како-то период относительно плавное эволюционное развитие» /19/.

Сегодня уже имеется достаточно обширная литература, посвященная теоретическому и эмпирическому анализу реальных переходных процессов, которые осуществились в послевоенный период в ряде стран Европы (Испания, Португалия, Греция, Турция, Германия).

На постсоветском пространстве, прежде всего в России, в последние годы также вышло в свет немало исследований, посвященных проблемам перехода /20/.

Прежде всего, речь идет о том, что «переходный период» – это особый этап исторического развития общества, непременный и многое объясняющий атрибут глубоких, поистине революционных преобразований, призванный перевести его из одного качественного состояния в другое /21/.

Современный французский исследователь М. Годелье дает следующее определение: «Выражение «переходный период» обычно обозначает особый этап в развитии общества, на котором оно сталкивается со все нарастающими внутренними и внешними трудностями при воспроизводстве экономических и социальных отношений, лежащих в его основе и придающих логику его существованию, специфическую форму его эволюции. На этом же этапе появляются экономические и социальные отношения нового типа, распространяющиеся более или менее быстро, с большей или меньшей силой, и превращающиеся в условия функционирования некоего нового общества» /22/.

По мнению российского профессора С.В. Полениной, переходный период – это «...время, когда правовая надстройка претерпевает существенные изменения, в основе которых лежит коренная трансформация экономической, политической и социальной сфер жизни страны. Однако временные рамки этого периода подвижны и весьма неопределенны» /23/.

В процессе исследования проблем переходного периода, по признанию ученого, пришлось отказаться от предположения о заверше-

нии переходного периода принятием новой Конституции и окончанием конституционных реформ. По мнению Полеяновой, «переходным следует считать тот временной отрезок, в течение которого на практике будут реализованы такие базовые принципы, провозглашенные Конституцией той или иной страны, как демократия, правовой и социальный характер государства» /24/.

Другой известный российский ученый М.Г. Анохин характеризует переходный период как особое и качественно самостоятельное состояние политической системы, сопровождающееся нестабильностью и кризисными явлениями, отличающееся слабой управляемостью, снижением эффективности социального регулирования, постоянным возникновением стихийных, неинституционализированных форм и альтернативных структур, изменением политических отношений /25/.

Его соотечественник И.И. Кучецов отмечает очевидную ограниченность и упрощенность понятия «переходность» «и даже фиксации лишь нестабильного и сложного процесса, требующего особого инструментария для анализа» /26/. А по мнению А.И. Приложина, «переходный тип должен быть осознан как особая историческая система, в которой есть свое устройство, свои закономерности функционирования и свои механизмы регулирования» /27/.

Казахстанский ученый И.П. Гаспринбетов считает, что «в самом общем виде под переходным периодом понимается нестабилизирующий период развития государственности и общества, в течение которого происходит преобразование политической системы тоталитаризма в устойчивую политическую систему демократического типа» /28/.

Опираясь на дефиницию «развитого общества» /29/, А.Х. Бижанов предлагает считать переходными те общества, которые: а) пытаются достичь значительного уровня индустриализации; б) стремятся к устойчивому экономическому развитию при высоком валовом внутреннем продукте и широком использовании неорганических источников энергии; в) используют научно-технические достижения в целях общественного процесса; г) добиваются высокого уровня и качества жизни населения; д) заняты развитием профессионально-отраслевой структуры высокомобильного населения, занятого в промышленности, науке и сфере обслуживания; е) ориентируются на большой удельный вес среднего класса в системе социальной стратификации и т.п. /30/.

Немецкий государствовед и политолог Петер В. Шульце выступает против применения понятий «трансформационное» или «переходное» общество к постсоциалистическим странам, поскольку «...на вооружение берется теоретическое определение, сформулированное критиками и теоретиками западноевропейских левых, в первую очередь, для обозначения уже не существующего социалистического общественного устройства», которое «...представляло собой некий гибрид, некую переходную стадию между капитализмом и социализмом» /31/.

Это не опровергает общепризнанное в политической и государственно-правовой науке понимание переходного периода в качестве обозначения посттоталитаризма. В то же время Шульце прав, говоря, что «...не только раньше, но и в настоящее время никакой целостной теории «переходного общества» создать не удалось, а существуют только «некие теоретические предположения» /32/.

Обобщая изложенное, можно подчеркнуть, что переходный процесс – это, во-первых, исторический временной отрезок, где происходят радикальные изменения общественных условий, старый общественный порядок меняется на новый. В связи с этим принципиально важно заранее знать от чего и к чему происходит общественный переход, каковы качественные и количественные характеристики этих общественных альтернатив, каков примерный срок, временная протяженность этапа переходного процесса.

И, во-вторых, уже из самой сути переходности ясно, что это этап развития общества, в котором с необходимостью сочетаются, сосуществуют старое и новое. Поэтому нужно гипотетически представлять подвижную динамику соотношения старого и нового во времени и пространстве.

Подытоживая сказанное, по мнению автора, категорию «переходного периода» можно охарактеризовать как состояние относительной устойчивости политической системы, осуществляющей развитие и претерпевающей за довольно короткий исторический период времени динамичные, достаточно радикальные изменения, характеризуемые процессом синтеза старого и нового, их острыми столкновениями, разрывом социальных связей, перераспределением функций, перестройкой структуры и формированием новых границ социальных слоев и групп.

В современной политологии переходные процессы рассматриваются как естественное, закономерное состояние общества в процессе

его развития и постоянного накопления количественных и качественных изменений. Понятие «переходности» употребляется в отношении любого изменения, имеющего вектор и сдвиг от системы одного качества к системе другого качества или порядка /33/.

И вполне естественно, что политологический дискурс по проблеме переходности приводит аналитиков к изучению условий выживаемости политических систем в постоянно меняющемся мире. По мнению Д. Истона, «поиск ответа, в конечном счете, позволяет нам понять то, что можно назвать жизненными процессами политических систем, т.е. фундаментальными функциями, без которых никакая система не может длительное время существовать, а также типичные способы реакций, с помощью которых системам удается их поддерживать» /34/. Именно это и является центральной проблемой транзитологии.

Внутри политической системы происходит «конверсия» всех социально-политических импульсов, поступающих на ее «вход»: переработка, поддержка, подавление, отрицание, либо проявление к ним нейтралитета. На «выходе» система выдает обязывающие политические решения, политические действия по их реализации, связанные с ними типы поведения и импульсы обратной связи, т.е. политические решения и действия, поступающие непосредственно на «вход» системы.

В результате постоянного взаимодействия «входа» и «выхода» системы образуется «контур» или «петля» обратной связи, являющаяся главным механизмом устранения напряженности в обществе. Эта связь позволяет выявить ошибки, скорректировать дальнейшую деятельность и определить новые цели и задачи. Следовательно, главной задачей политической системы является постановка и достижение стратегических целей.

Таким образом, явившаяся следствием наложения метода систем на процессы, происходящие в обществе, теория политической системы позволила по-новому взглянуть на эти процессы. Представление о системе, согласно которому ее отличительными признаками являются связь, целостность и устойчивость структуры, позволило исследовать многообразие элементов политической системы в их зависимости и взаимообусловленности. На основе ее использования появилась возможность более тонко понять различия политической и неполитической сфер общества, их взаимодействие между собой, легче соотнести элементы политики друг с другом, преодолеть ограниченность

таких подходов, когда изучаются отдельно взятые государства, партии и т.п.

Кроме того, поскольку феномен «политическая система» является производным родового понятия «система», теория политической системы вслед за общей теорией систем унаследовала от нее методологическую функцию и в настоящее время сама представляет собой один из методов изучения социума. Она является методологической основой для анализа больших массивов данных, являясь незаменимой в случаях решения задач макроанализа. В частности, теория политической системы активно эксплуатируется в сравнительной политологии как инструмент для сопоставления различных национальных систем, для изучения динамики одной политической системы на протяжении длительного времени.

Политологи усматривают методологическую значимость этой теории в том, что она является «весьма ценным инструментом социального и политического анализа» (К. Шелф); перспективной концепцией, определяющей «общие рамки научных исследований в области политической науки» (Р. Голдмэн); важнейшей доктриной, обладающей «центральным теоретическим статусом и выступающей в качестве исходной точки при проведении любых анализов структуры и процессов (Дж. Велтмен); идеальной моделью для широкого применения и раскрытия потенциальных возможностей функционализма (Г. Алмонд); своеобразной опорой и средством укрепления концепции «группы давления» и доктрины политического плюрализма (Д. Трумэн); основой для выработки и развития других концепций и всякого рода теоретических моделей (М. Каплан, Т. Парсонс).

А.А. Беляев подчеркивает особое методологическое значение теории политической системы для анализа государственного политического управления в различных регионах мира /35/. По его мнению, с помощью категории «политическая система» и ее теории легче отделить политическую сферу от государственной, раскрыть их взаимодействие, сопоставить элементы государственной политики общества, отличить государственное управление от управления обществом в целом.

Следует также особо отметить такую методологическую функцию теории политической системы, как возможность с ее помощью унифицировать политологическую терминологию, кодифицировать дан-

ные и эффективнее сохранять политическую информацию. Отвлекающийся по своей природе от частностей политической жизни, данный подход представляется в этой связи наиболее адекватным задачам, решаемым политической философией, привнося общее в понятия и категории политологии.

Однако при всей значимости системного подхода большинство исследователей используют лишь одну его часть – институциональную методологию, ограничивающую проблему анализа политических процессов анализом лишь отдельных политических институтов /36/. Поставленная же задача выживаемости политической системы в транзитный период требует получения комплексного представления об основных тенденциях и перспективах политического процесса, возможность достижения которого, на взгляд автора, открывает комплексное применение методологий институционального, системного и синергетического подходов.

В построении общих моделей, или идеальных типов генезиса демократии существенный интерес представляет структурный подход к анализу социально-политических процессов (Lipset, 1959; Almond and Verba, 1963; Rustow, 1970; Almond and Verba, 1980; Inglehart, 1988; Pye, 1990; Lipset, 1996 и др.) который выявляет (в разных сочетаниях) основные корреляции между некоторыми социально-экономическими и культурно-ценностными переменными и вероятностью установления и сохранения демократических режимов в различных странах. Такие корреляции понимаются именно как структурные, – то есть обусловленные влиянием тех или иных объективных общественных структур, а не субъективными намерениями и действиями участников политического процесса – предпосылки и условия демократизации и демократии /37/.

Эти концепции, если свести их в некую обобщенную модель, выделяют три основных типа структурных предпосылок демократии: во-первых, обретение национального единства и соответствующей ему идентичности; во-вторых, достижение довольно высокого уровня экономического развития; и, в-третьих, массовое распространение таких культурных норм и ценностей, которые предполагают признание демократических принципов, доверие к основным политическим институтам, межличностное доверие, чувство гражданственности и др.

Однако, как показывает мировая практика, большинство этих кор-

реляций достаточно спорно. Это понимается и сторонниками структурного подхода, которые, выделяя их, вместе с тем делают акцент на том, что они представляют собой не обязательные предпосылки, а являются лишь факторами, благоприятствующими демократизации либо затрудняющими этот процесс.

Отсутствие категоричности и однозначности в суждениях сторонников структурного подхода, продиктованное изучением сущности современных демократических транзитов, прослеживающихся с середины 70-х годов прошлого века, привело к определенным сомнениям в универсальности и обоснованности модели генезиса демократии с некими едиными социокультурными предпосылками и к появлению в данной теории наряду со структурным процедурного подхода. Это стало возможным потому, что сама практика демократических транзитов продемонстрировала их эндогенный характер, т.е. зависимость от определенных решений, стратегии и тактики отдельных акторов политического процесса.

Сторонники этого подхода (O'Donnel and Schmitter, 1986; Linz, 1990; Di Palma, 1990; Przeworski, 1991; Schmitter with Karl, 1994; Karl and Schmitter, 1994) исходят из посылки о том, что никакие «объективные» социальные, экономические, культурные и иные факторы не в состоянии ни объяснить, ни предсказать, кто конкретно, какие политические силы и акторы в определенной ситуации будут отстаивать недемократический статус-кво или бороться за его ниспровержение. И тем более действия этих акторов не предопределяются никакими факторами /38/.

В то же время авторы процедурного подхода также не склонны к абсолютизации своей методологии.

Говоря о двух направлениях – структурном и процедурном, – надо иметь в виду, что речь идет, по сути, о двух вариантах политического развития общества: эволюционном и революционном, а также об изучении вероятных путей. «Один из возможных исследовательских подходов состоит в изначальном предположении, что в каждом конкретном случае – будь то конфликт, обстоятельства транзита и т.п. – решающая роль отводится разным факторам. Другой подход – попытаться найти единый (пусть в самом общем виде) механизм, позволяющий если не все объяснить, то с весомой долей достоверности проанализировать ситуацию» /39/.

По мнению некоторых авторов, между этими двумя подходами нет непреодолимого противоречия, напротив, взятые вместе они взаимодополнимы, ибо фактически делают упор на разные стороны одной группы явлений, которая определена нами как демократический транзит. О таком интегрированном подходе к анализу трансформирующихся режимов говорят Дж. Мэхони и Р. Снайдер, а из российских ученых – А.Ю. Мельвиль (Mahoney and Snyder,1995; Мельвиль А.Ю., 1998) /40/.

Одна из методологических схем в области транзитологии была предложена А.Ю. Мельвилем, который, в свою очередь, использовал в модифицированном виде кэмпбелловскую модель «воронки причинности» /41/. Согласно модели Мельвиля, факторы, влияющие на процесс демократического транзита, располагаются на семи уровнях – от макроуровня (наиболее широкого) до микроуровня (наиболее узкого), образующих своего рода воронку. Как и Ф. Шмиттер, Мельвиль выделяет две фазы демократического транзита: учреждение демократии (по Шмиттеру – либерализация) и ее консолидация. Далее предполагается, что при исследовании первой фазы осуществляется «постепенный переход от преимущественно структурного к преимущественно процедурному анализу», а при изучении второй фазы (т.е. рассмотрении собственно консолидации) – «обратным движением в аналитике – т.е. от микро- к макрофакторам» /42/.

Заслуживает внимания гипотеза автора о том, что «если на ранних этапах демократического транзита преимущественное значение имеют процедурные факторы, то на фазе консолидации, напротив, главенствующими становятся факторы структурные. Соответственно, и сам процесс консолидации демократии может быть проанализирован в разных измерениях – конституциональном, политическом, ценностном, поведенческом, социально-классовом, социально-экономическом и др.» /43/.

Теоретический синтез структурного и процедурного подходов предоставляет реальную попытку преодоления методологической односторонности каждого из них в отдельности и выработки более многомерных моделей, учитывающих последний опыт структурирования новой социально-политической реальности, в том числе и интегрированной теории современного посткоммунизма.

2. Парадигмы трансформации политических систем транзитных обществ: общее и особенное

Как справедливо отмечается в современной политологической литературе, на пути создания общей теории переходных процессов перед исследователями встает ряд актуальных и трудных вопросов /44/.

Первый. Возможна ли вообще в настоящее время общая теория переходных процессов и являются ли они общей закономерностью исторического процесса?

Третий. Что такое переходный период, каковы его качественные характеристики, структура переходного процесса и т.д.?

Четвертый. Может ли само переходное общество с относительно одинаковой интенсивностью решать вопросы преобразований одновременно в нескольких общественных сферах или необходимо отдавать приоритеты каким-то отдельным сферам и направлениям?

Пятый. Каково соотношение национально-специфических и общих, интернациональных факторов в переходных процессах?

Шестой. Может ли общая теория переходных процессов быть настолько полной, чтобы предсказывать развитие переходного процесса или даже управлять им?

Характер трансформации политических систем транзитных обществ представляется важным рассмотреть через призму имеющихся в современной транзитологии моделей трансформации политических режимов, которые связаны с именами Г. Алмонда, В. Банса, С. Вербы, Р. Даля, Липсета, А.Ю. Мельвиля, Дж. Мэхони, Л. Пая, Д.А. Растоу, Р. Снайдера, Л. Уайтхеда, С. Хантингтона, Ф. Шмиттера, Й. Шумпетера и др.

Как направление в политической науке, изучающее проблему трансформации политических систем на этапе их транзита из одного состояния в другое, транзитология появилась относительно недавно: в последние десятилетия прошлого века, хотя препарируемый ею феномен политической трансформации восходит своими корнями к эпохе Ренессанса, положившей начало развитию парадигмы либерализма /45/. Вместе с тем, вплоть до конца прошлого столетия в связи с отсутствием в мировой научной мысли достаточно сильного политологического крыла, коим предстает в настоящее время уже имеющая весомые традиции и продолжающая активно развиваться наука о по-

литических процессах, не представлялось возможным глубоко изучить опыт прошлого с позиций трансформационного мышления.

Однако под влиянием очередной волны политической трансформации стран, начавшейся в 70-е годы XX столетия, актуализировался иной взгляд на проблему, способствовавший, как уже отмечалось, возникновению в достаточно институционализированной к этому времени политологической науке самостоятельного направления – транзитологии, объединяющей всевозможные теории модернизации.

Собственно сама концепция модернизации возникла в 50-е годы прошлого века в США как теоретическое обслуживание политики Запада по отношению к освободившимся от колониальной зависимости странам. Поэтому первоначально ее суть сводилась к обоснованию идей заимствования отсталыми государствами Азии, Африки и Латинской Америки ряда уже готовых и апробированных в развитых странах политических институтов (централизованное государство, парламент, многопартийная система, всеобщие альтернативные выборы, разделение властей и т.д.) и ценностей (политическая свобода, индивидуализм и т.п.).

Российский исследователь в области социальных изменений и проблем модернизации П. Штомпка отмечает, что «теории модернизации и конвергенции являются продуктом эпохи, начавшейся после второй мировой войны. Они отразили сложившееся разделение человеческого общества на три мира: первый мир развитых индустриальных обществ, включая Западную Европу и США, к которым вскоре присоединились Япония и индустриализировавшиеся страны Дальнего Востока; второй мир авторитарных социалистических обществ во главе с Советским Союзом, продвигавшихся по пути насильственной индустриализации за счет серьезного социального ущерба; и третий мир постколониальных обществ юга и востока, многие из которых задержались в своем развитии на доиндустриальной стадии» /46/.

Пройдя более чем полувековой путь развития, концепция модернизации в конечном итоге превратилась в обоснование некой общей модели глобального процесса цивилизации, суть которой в описании характера и направлений перехода от традиционного к рациональному обществу в результате научно-технического прогресса, социально-структурных изменений, преобразования нормативной и ценностной систем.

Известно, что в политологии выделены и подвергаются анализу

различные типы переходов. К примеру, в работе У. Стеффани (1997) четко проведены различия между переходом к демократии от авторитарных режимов, которые отвечают понятию «транзит», и переходом от тоталитарных режимов, которые уместнее определять как посткоммунистическую трансформацию /47/.

История знает коммунистическую системную трансформацию, впервые начатую Россией в 1917 году и впоследствии скопированную другими странами, антидемократическое становление фашизма, ретроактивные возникновения авторитарных режимов в Греции, Южной Кореи, Нигерии, Филиппинах в середине прошлого столетия.

В целом в мировом сообществе доминирует демократический тип перехода. Теологическая заданность такой парадигмы определяется однозначно позитивной ценностью демократии, преимуществами ее перед другими формами политических режимов. Эта ценность рассматривается как абсолютная и вневременная, универсальная для всех стран и континентов. Демократия стала своеобразным мерилом цивилизованности и прогресса. Поэтому на сегодняшний день демократический транзит наиболее детально исследован учеными, в то время как анализ перехода к недемократическим режимам находится на периферии внимания политологов.

В соответствии с моделью «волнового» развития мирового демократического процесса в истории было несколько всплесков демократизационных изменений, охватывавших в свое время сразу ряд государств, в связи с чем переходы к демократии в современной политологической литературе интерпретируются учеными как «глобальные демократические волны» (Huntington, 1991; Markoff, 1994; Karl and Schmitter.1994; Markoff, 1996 и др.) /48/.

Парадигма волнового развития демократического процесса имеет общее с делением П. Штомпкой человеческого общества на три мира, о чем говорилось выше, и теорией «трех эшелонов модернизации» В.А. Красильщикова /49/.

Хантингтон, точка зрения которого признана классической, насчитывает три демократические волны. Распространение принципов и процедур демократии в ее современном понимании началось в США в начале XIX века и продолжалось до окончания первой мировой войны /50/. К странам первого эшелона Красильщиков также относит

США, Канаду и страны Западной Европы, которые «образовали «ядро» мировой цивилизации...». Здесь модернизация была органичной, спонтанно вытекала из самого хода повседневной жизни общества, эндогенные факторы превалировали над экзогенными.

Вторая волна началась с победы над национал-социализмом во второй мировой войне в Западной Германии, Италии, Японии, Австрии, в ряде развивающихся стран в результате их деколонизации.

Что касается современной демократической волны, то, начавшись в 1974 году с падением в Португалии салазаровской диктатуры, она перекинулась на Испанию, Грецию, а затем – в Латинскую Америку, достигнув к 80-м годам некоторых стран Азии, а со второй половины 80-х годов распространившись на коммунистический мир – государства Центральной и Восточной Европы и СССР. Таким образом, для Хантингтона крушение СССР и появление новых независимых государств явилось продолжением «третьей волны».

В то же время, по мнению автора, трансформация посткоммунистических стран, начавшаяся в 80-е годы прошлого века, ввиду явного отличия этого процесса от всех предыдущих этапов демократизации вполне может быть охарактеризована как автономная четвертая демократическая волна. В этом случае по Красильщикову она идентична второму эшелону модернизации, куда он относит постсоветские страны, государства Восточной и Юго-Восточной Европы, а также Турцию и Японию. Импульсом к началу модернизации в этом случае послужили не столько внутренние факторы, а, прежде всего, внешнее влияние Запада. Страны Латинской Америки, Азии и Африки, охваченные третьей демократической волной, Штомпка, как отмечалось, отнес к третьему миру, а Красильщиков – к третьему эшелону модернизации.

Таким образом, с середины прошлого века процесс демократизации принял глобальный характер. Если в середине 70-х годов XX столетия к числу демократических стран всего мира, так или иначе, относилось около 40 стран, то к его концу – уже более 100 /51/.

Переходы от недемократических форм правления, имевшие место в Южной Европе, Латинской Америке, Азии, Африке, Восточной и Центральной Европе и в бывшем СССР, весьма разнообразны, и их невозможно свести к какой-либо одной модели. Растоу отмечает, что «в мире нет двух демократий, которые бы прошли через борьбу одних

и тех же сил, ведущих спор по одному и тому же кругу вопросов и с теми же последствиями» /52/.

Весьма различаются между собой и исходные характеристики трансформирующихся общественных систем и политических режимов – от классического правого авторитаризма и военных хунт в Латинской Америке и Южной Европе до постоталитарного авторитаризма в СССР и европейских социалистических странах либо такого анклава традиционного тоталитаризма сталинского типа, как в Албании, или «султанизма», как в Румынии.

Так, например, трансформациям в Центральной и Восточной Европе свойственен смешанный тип изменений. Здесь радикальные изменения важнейших устоев общественного порядка сочетаются с постепенными реформами, с заменой различных элементов прежнего политического устройства новыми, более адекватными уже сформировавшимся началам постсоциалистической системы. В таком типе перехода, как правило, быстро (но не всегда полностью) заменяются определяющие, ключевые элементы старого порядка («партии-государства»), но это лишь открывает путь постепенным, медленным (спонтанно эволюционирующим или проводимым сверху) реформам других системных элементов. Даже частичные договоры в «эталонном» виде найти трудно, а правила игры меняются неоднократно, если они, казалось бы, ранее были приняты всеми /53/.

Специфика политических процессов в странах восточноевропейского региона в значительной степени определяется низким уровнем политизации населения, противоречивостью и сложностью демократизации политической системы, не говоря уже об аналогичных тенденциях в становлении гражданского общества. Это накладывает свой отпечаток на темпы продвижения в направлении консолидации власти и общества. Надо отметить и то, что при пульсирующей кризисной эволюции наиболее продвинутые страны (Чехословакия, ГДР) в силу неудачных попыток реформирования получили более жесткие режимы и испытали мощное психологическое давление, что затормозило их демократизацию. В несколько менее развитых странах – Польше и Венгрии – либерализация и демократизация постепенно набирали силу. И если Венгрия смогла справиться с проблемами переходного периода более цивилизованными методами и приступить к решению про-

блем консолидации, то Польша периодически демонстрирует наличие непреодолимых внутренних антагонизмов. В Болгарии и Румынии явления консолидации носят временный и поверхностный характер. Есть и еще одна особенность трансформации в этом регионе, заключающаяся в непосредственной связи с мощным возрождением этнонациональных проблем, а это в немалой степени определяет возможности, динамику и перспективы процессов консолидации в большинстве стран данного региона.

Несмотря на многообразие процессов общественно-политических демократических трансформаций, все они объединены как самими попытками перехода от недемократических форм правления к более демократическим, так и некоторыми общими факторами и обстоятельствами.

Прежде всего, происходящие в мире демократические преобразования, по сути, выражаются процессом движения к «открытому обществу», так как этот термин наиболее точно определяет демократические общества с присущим им плюрализмом в политике, экономике, культуре, развитыми структурами гражданского общества и правового государства. Немецкий социолог Р. Дарендорф, имея в виду проблему перехода к демократии стран Восточной Европы, отмечает, что этот «переход не означает и не должен означать замены одной системы на другую. Нет никакого смысла в переходе от социализма к капитализму. Дорога к свободе есть переход от закрытого общества к открытому. А открытое общество – не система, а только механизм для изучения альтернатив. Экономические структуры и политики в нем не предопределены...» /54/.

Идея «открытого» и «закрытого» обществ, их дихотомическом различении и противостоянии высказана британским философом и социологом К.Р. Поппером в работе «Открытое общество и его враги». Являясь чисто мыслительной конструкцией, поскольку сам Поппер находил в реальных западных демократиях черты, не позволяющие быть полным воплощением «открытого общества», его идея носила в себе необходимость перехода всех стран к этому идеалу.

Другая, менее известная, более ранняя по времени возникновения, трактовка «открытого общества» предложена французским философом А. Бергсоном в работе «Два источника морали и религии». По Бергсону, «открытое общество» – идеальное общественное устройство, в основе которого – международная, лишенная антагонизм-

мов человеческая общность, общечеловеческая мораль, свобода личности и творчества.

В социально-философском плане трактовки «открытого общества» противостоят обществам традиционного типа и «закрытым обществам» стран социализма.

В идее «открытого общества» имплицитно заложена идея конвергенции капиталистической и социалистической систем. Общность идеи конвергенции и «открытого общества» заключается в предположении, что глобальный характер взаимодействия социальных и политических систем ведет к постепенному сближению различных социальных и политических систем.

Различие идеи «открытого общества» и конвергенции заключается в представлении о путях, формах и методах этого сближения. Идея «открытого общества», если следовать К. Попперу, основана на большей приближенности западных демократий к этой идеальной конструкции, т.е. социалистическим странам предстоит во многом перенять опыт и достижения Запада /55/.

Российский исследователь В.Я. Гельман, опираясь на известную классификацию Д. Хэлда, утверждает, что подавляющее большинство теоретиков демократических транзитов, так или иначе, ориентируются на одну из двух концептуальных схем – одномерную Й. Шумпетера и двумерную Р. Даля /56/. Первая – «соревновательный элитизм» в шумпетерианском варианте, при котором единственным критерием демократии признается замещение правительственных должностей на основе свободных и справедливых выборов /57/. Вторая – далевская плюралистическая модель «полиархии», в рамках которой основными измерениями политического режима являются «состязательность» и «участие», а главными индикаторами демократии – набор гражданских политических прав и свобод /58/.

Модель Д. Растоу предполагает важным и необходимым условием перехода наличие идеи осознания национальной идентитарности, общей идентичности, принадлежности граждан государства к данному обществу, что является весьма актуальным для современного Казахстана, учитывая его полиэтничность, включающую решение вопросов сообщежития различных народов на одной территории /59/.

Высокую эвристическую ценность для понимания сложных про-

цессов системного перелома в странах Центральной и Восточной Европы имеют типология переходов от авторитарного строя к демократии и критерии укрепления нового режима одного из создателей нового научного направления изучения способов консолидации демократических форм правления – так называемой консолидологии – Филиппа Шмиттера, профессора Европейского университета во Флоренции.

Теоретическая и методологическая схема анализа политических переходов Ф. Шмиттера, системный подход к предмету открывают возможности анализа конкретных политических процессов исторического значения, которые определяются динамическими взаимодействиями разнородных компонентов экономического, культурного, идеологического, институционального, психологического характера, развивающихся по своим закономерностям. Такое сочетание элементов теории систем и функционального структурализма, использование схемы четырех типов транзитов, понятий «ложной демократизации», «авторитарного регресса», «недоиспользованной власти», консолидированной демократии» чрезвычайно ценны для анализа политической модернизации такой страны «переходного типа», как современный Казахстан /60/. Сравнительно-политические исследования Ф. Шмиттера, а также А. Лейпхарта, Й. Элстера, А. Пшеворского стали руководством к действию для политиков и законодателей стран этих регионов. С этим и связано изначальное сходство политической тактики реформаторов данных стран, а также ощущение воплощения в жизнь единой заданной модели /61/.

Теоретически переход к демократии может осуществляться по двум основным схемам. Первая предполагает поочередную смену нескольких фаз: либерализацию, демонтаж прежней системы, собственно демократизацию и консолидацию. Вторая описывает развитие событий в странах, где в финале демократического транзита консолидации демократии не произошло, и установился авторитарный порядок.

Фазы, этапы, периоды, стадии демократических переходов, по-разному именуемые в разнообразных концептуальных моделях, имеют в сущности одни характеристики, фиксируя сходство и последовательность транзитов этого типа. Порядок и темпы прохождения государствами этапов преобразований зависят от того, чем в политическом и экономическом отношении характеризовался последний перед началом трансформации период существования страны.

Стадия либерализации (у Шмиттера, подготовительная – у Растоу) представляет собой процесс институционализации основных гражданских свобод без радикальной смены властного аппарата.

Широкое политическое участие граждан, расширение гражданских прав и свобод ведут к появлению в обществе альтернативных мнений, поляризованных политических сил и к серьезным политическим конфликтам. Политический конфликт, по мнению Растоу, является единственным подготовительным условием в процессе демократизации, а демократия есть конкурентный процесс и искусство политических компромиссов /62/.

Поэтому конфликт между сторонниками старого режима и оппозицией должен завершиться не победой одних над другими, а оформлением особого рода пакта между соперничающими сторонами – добровольным принятием всеми сторонами демократических норм и ценностей, и, главное, согласием институционализировать основные интересы сторон в рамках новой политической системы. В этом случае ведут речь о демонтаже старой системы (у Бжезинского – переломная фаза, у Мачкув – стадия радикальных преобразований, у Ашимбаева – период слома) и наступлении стадии собственно демократизации (у Растоу – фаза принятия решений, у Бжезинского – фаза глубоких преобразований, у Бальцеровича – экстраординарная стадия, у Ашимбаева – период кристаллизации), включающей сознательное принятие демократических правил и институтов. Этот этап заключается в институционализации критерия «единства многообразного» и выражается в сознательном выборе открытого политического плюрализма и консенсуса основных политических сил в обществе.

Степень институциональной готовности политики к демократизации (наличие суверенного государства, гражданского общества, конституции, системы представительного правления и т.п.), характер воздействия международных политических систем и режимов, демопопуляционные, экономические, культурные и даже географические факторы в немалой степени влияют на ход демократических преобразований, придавая своеобразие тем или иным типам перехода.

Важнейшим фактором перехода от стадии демонтажа к демократизации является активное вовлечение в этот процесс структур гражданского общества. Недооценка этого есть одна из основных причин, по которой силы, инициирующие навязанный переход, впоследствии

теряют над ним контроль. В определенной слабости мобилизации структур гражданского общества (партий, общественно-политических движений, профсоюзов и т.д.) заключается отличие и постсоветских Казахстана и России, а также стран Восточной Европы от государств Южной Европы и Южной Америки.

Критический момент в середине этой стадии переходного процесса – учредительные выборы, при проведении которых ни одна из сторон не может полностью их контролировать и гарантировать исход в свою пользу.

Следующим этапом демократической трансформации является период привыкания к ней, ресоциализация в новую социальную среду (по Шмиттеру, Бжезинскому – фаза консолидации демократии, по Бальцеровичу – нормальная фаза, по Ашимбаеву – период эволюции), другими словами, осознанное, глубинное отстаивание идеологии свободы и равенства.

Проблема консолидации демократии занимает ключевое место. Она понимается им в основном как важнейшая заключительная стадия (или совокупность заключительных стадий) демократического транзита, успешное или неуспешное прохождение которой определяет устойчивость демократии как таковой. Дело в том, что практика транзитов «третьей волны» убедительно продемонстрировала, что само по себе установление формально демократических институтов и процедур вовсе не гарантирует собственно демократический результат самого процесса перехода. Именно поэтому в транзитологии закрепилось важнейшее аналитическое различие фазы учреждения и фазы консолидации демократии.

Формы и механизмы, а значит и потенциальные возможности консолидации демократии, во многом предопределяются процессами, происходящими на более ранних этапах перехода от авторитаризма к демократическому режиму, в частности, институтами, возникающими в данный период, глубиной ценностно- и идейно-политического раскола, который исходно имеет место в обществе, взаимоотношениями в обществе между политической элитой и массами населения, между государством и обществом и т.п. Условия, механизмы и субъекты консолидации демократии, в том числе соответствующие акторы, партии, правила политической игры и тому подобное формируются (или не формируются) именно на этих первоначальных стадиях демократического транзита /63/.

А. Пшеворски, например, обращает внимание на сочетание полити-

ческих и экономических факторов: «Демократия становится консолидированной, когда в данных политических и экономических условиях определенная система институтов становится единственно возможной» /64/. Х. Линц и А. Степан, в свою очередь, выделяют следующие сферы, в которых консолидированная демократия получает поддержку и воплощение: 1) гражданское общество; 2) политическое общество; 3) правовое государство; 4) эффективный государственный аппарат; 5) экономическое общество /65/.

Таким образом, суть процесса консолидации – выбор, ведущий к формированию свода правил политической игры, в лучшем случае являющихся результатом договоренностей на основе взаимного согласия. Эти нормы и правила в итоге закрепляются в конституции.

Представляется, что консолидированная демократия не сводится исключительно к установившимся политическим институтам, таким, как партии и система выборов (роль последних даже снижается по мере ее консолидации) или к стабилизации «частичного режима» с более или менее удачной композицией исполнительной и законодательной властей, а также сбалансированной партийной системой /66/.

Во-первых, существует такая разновидность «частичного режима», когда особо важна специфика взаимодействия гражданских и военных групп (во многом латиноамериканский вариант), в особенности – гражданский контроль над военными.

Во-вторых, важны системы презентации организованных интересов (ассоциаций бизнеса, других профессиональных объединений). Этот тип взаимоотношений между гражданами и властью приобретает приоритетное значение над иными, так как позволяет лучше представлять интересы граждан и внушает им наибольшую уверенность в защищенности. Две оси формируют особые типы организации интересов – плюрализм и корпоратизм. Государство может иметь малоконсолидированную партийную систему, но располагать весьма консолидированной системой организованных интересов, которые концентрируются в определенных политических зонах (прежде всего связанных с макроэкономической политикой), а последние и служат существенным фактором общей политической стабильности.

В-третьих, консолидацию маркирует продвигающийся параллельно с переходом от автократии к демократии процесс децентрализации и территориального перераспределения властного авторитета из центра в пользу

режимов. Тенденция эта заключается в прогрессирующей деволюции, рассредоточении власти, и тем самым демократизация осуществляется на деле, что особо важно для новообразованных государств /67/.

Ф. Шмиттер предложил весьма сложное представление о консолидированной демократии как состоящей из разнородных «частичных режимов». По его мнению, консолидируется, строго говоря, не демократия, а тип демократии, состоящий из разных сочетаний партий, групп интересов, конфигураций исполнительной власти и т.д. Он обращает особое внимание также на то, что «вопросы о качестве демократии и о консолидации демократии – это разные вопросы, которые никак нельзя смешивать» /68/.

Безусловно, на темпы, уровень демократизации, степень консолидации демократических режимов влияют исходные рубежи, с которых начинается в каждом конкретном случае демократизация. Нельзя, естественно, сопоставлять тип демократизации в Португалии и Испании, где речь шла о преодолении исторически и политически изживших себя фашистских режимов в условиях, когда мир уже осудил фашизм, с аналогичными процессами в латиноамериканских странах, где институты парламентаризма и конституциональные реформы сложились еще в XIX веке, но их действительное наполнение демократическими принципами и процедурами затянулось на многие десятилетия. Это было обусловлено как зависимостью и социально-экономической отсталостью этих стран, так и прямым вмешательством извне со стороны США, во многом искусственно поддерживающих сохранение военных диктатур и реакционных режимов во имя своих интересов вплоть до 60-х годов прошлого века, а в ряде стран и позднее /69/.

Невозможно в рамках единой схемы объединять, с одной стороны, варианты демократизации в странах Азии и Африки, зачастую со слабо структурированным, традиционалистским обществом, прерванным (в силу колониальной зависимости) государственным строительством, слабостью демократических сил, а с другой – процессы демократизации в странах бывшего Варшавского блока, у народов которых был ко времени крушения коммунистических режимов немалый опыт борьбы за демократию в ходе становления независимых государств в конце XIX – начале XX веков, в межвоенный период, в годы сопротивления фашизму и в послевоенные десятилетия.

Наиболее ценным в теории Ф. Шмиттера является представленная им, претендующая в некоторой степени на универсальность, мо-

дель четырех типов перехода к демократии: «навязанный», «пактированный», «реформистский» и «революционный» /70/.

Вариант «навязанного» перехода: одна из ведущих группировок режима, начинающего либерализацию, заставляет всех прочих акторов (участников политического процесса) признавать свои правила политической игры. При определенных обстоятельствах силы, инициировавшие весь транзитный процесс, оказываются в состоянии консолидировать и последующее развитие, включая стадию консолидации. В большинстве же случаев те, кто навязал переход к новому режиму, в ходе его реализации теряют контроль над процессом, и результат очень сильно разнится от того, который ими предполагается (либо просчитывается) в начале перехода.

Второй тип перехода к демократии – «пактированный» («договорной») – значительно менее распространен, но весьма хорошо исследован. Его основной принцип состоит в заключение пактов и соглашений, в которые оказываются вовлеченными правящие группы прежнего режима, а также те, кто был отстранен от власти или вообще не обладал никакой властью.

Третий тип – «реформистский» – связан с массовой мобилизацией снизу, когда реформы осуществляются благодаря существующему давлению низов на правящие группы (Корея, Перу, Чехословакия, а также Индонезия и Филиппины).

Четвертый тип – демократизация путем революции.

Каждый из типов демократического транзита – «навязанный», «пактированный», «реформистский» и «революционный» – тесно связаны с начальными условиями демократизации и, по существу, успех или неуспех консолидации демократии во многом уже предопределен самим выбором типа демократического транзита. Как отмечает В.Н. Пантин, можно согласиться с тем, что оптимальным вариантом, обеспечивающим в итоге наилучшие шансы для утверждения консолидированной демократии, является «пактированне», а «революционный» тип сопряжен с наибольшими трудностями. Но дело в том, что сам выбор типа демократического транзита отнюдь не произволен. Он диктуется не столько волей политической элиты или ее части, сколько историческими традициями, нормами и институтами, присущими данной политии, политической культурой конкретного

общества, а также в немалой степени «внешними» – экономическими, социальными, внешнеполитическими и другими факторами.

Иными словами, подчеркивает автор, «пактирование» – это, безусловно, наиболее приемлемая форма и важный механизм продвижения политического процесса, но чем именно обеспечивается успех или неуспех заключаемых пактов, в рассматриваемой концепции во многом остается как бы «за кадром» /71/.

«Пактирование» только тогда может быть успешным, если в этом процессе будут участвовать все основные политические силы данного общества (типичный пример – «пакт Монклоа» в постфранкистской Испании) и если политическая игра будет честной. Однако реальное, а не формальное выполнение этих условий оказывается, как правило, затруднительным, а то и невозможным вследствие низкой правовой культуры общества, отделенности политической элиты от массовых групп населения.

Шмиттер заявляет, что важнейшей, даже необходимой предпосылкой, обеспечивающей успех заключенных пактов и вообще всего процесса «пактирования», является либо усталость основной массы населения от длительной политической конфронтации, либо постепенный, растянутый во времени процесс перехода к демократии и рынку, позволяющий как бы «разделить во времени» большой пакт на множество мелких пактов и дать возможность различным группам адаптироваться к новым условиям /72/. Ситуация первого рода была отмечена в Испании и Южной Африке, что обеспечило здесь в итоге утверждение консолидированной демократии. Ситуация второго рода была характерна для Венгрии. Она, по мнению Шмиттера, является одним из успешных примеров консолидации демократии среди восточноевропейских стран /73/.

Политическая действительность показывает, что для Казахстана, равно как и для большинства других стран, ни первая, ни вторая ситуация не могут быть реализованы в достаточной степени, вследствие чего возникает необходимость процесса, сочетающего в себе черты разных типов демократического транзита, а также потребность в поиске новых механизмов утверждения демократии, которые соответствовали бы реальным условиям и особенностям развития казахстанского социума.

В условиях Казахстана особое значение имеет не только заключение пакта между основными политическими силами о соблюдении

определенных правил игры, но и своего рода соглашение (пусть неформальное) между властью и обществом о стабильности и преемственности дальнейшего государственно-политического развития.

Согласно представленной типологии Шмиттера, начальные преобразования в Центральной и Восточной Европе следует отнести к разряду «договорных переходов». Исключение составляет только Румыния, где произошел слом прежней системы «снизу», под давлением масс. В Чехословакии же, прежде всего, компартия в переговорах с Гражданским Форумом предприняла решающие шаги по трансформации строя. В этих странах общие признаки стабилизации новых институтов и отношений прослеживаются достаточно определенно: свободные выборы проводятся регулярно, партии чередуются у правительственного руля, партийные системы стабилизируются по количеству партий и их «качеству», демократические принципы функционирования власти принимаются всеми политическими субъектами. В Венгрии очерчиваются контуры консенсусной сообщественной модели власти на базе широких коалиций центристских партий левоправого толка. В остальных странах сотрудничество между правыми и левыми проявляется только на низовом уровне, хотя и намечается линия на его расширение в верхах в тех случаях, когда партии политически и программно начинают тяготеть к центру, а интересы правящего класса и элит не доминируют над общенациональными целями. Но это пока скорее исключение, нежели правило /74/.

Надо заметить, что теперь уже новые политические режимы в данных странах страдают многими серьезными болезнями. За годы реформ не удалось добиться настоящего представительства интересов широких масс, разных слоев и групп населения. Политический процесс остается верхушечным, нацеленным, скорее всего, на интересы политических элит, а не широких народных масс, что обуславливает высокую напряженность в противоборстве левых и правых на фоне все большего безразличия к политике основной части общества.

Политика не в состоянии найти адекватное разрешение острых общественных проблем, таких, как неравноправная приватизация, деформация отношений по найму, чрезмерная эксплуатация наемных работников, нарушение ряда других гражданских прав. Обостряется и противоречие между национальным и транснациональным капиталами. Все это вызывает частые забастовки, политические кризисы, сме-

ны правительств и внеочередные выборы, столь характерные для современной жизни Польши, Румынии, Болгарии и еще недавно проявлявшиеся в Венгрии и Чехии /75/.

Глобализация идущих в мире демократических преобразований в рамках третьей в мировой политической истории (по С. Хантингтону), а по некоторым подсчетам – даже четвертой (по Т. Карл и Ф. Шмиттеру, с чем, как уже отмечалось, солидарен автор) волны демократизации «подводит к правомерному вопросу о том, не рассматриваем ли мы варианты политического развития (модернизации), когда изменения происходят почти синхронно, однако в совершенно разных и трудно сравнимых между собой контекстах с неодинаковыми исходными данными и событийным рядом, а потому сами процессы подчиняются разным закономерностям?» /76/. Возникает вопрос: что же это – разрозненные явления, порожденные разными причинами и подчиняющиеся разным закономерностям, или звенья одного глобального процесса?

Интересен в этом плане подход казахстанского ученого М.С. Ашимбаева, который для выявления общих закономерностей процессов перехода к демократии различных стран предлагает проводить их условную классификацию по шести наиболее важным критериям: по темпам, содержанию, формам, детерминантам демократического перехода, по масштабам вовлеченности граждан в этот процесс и по наличию в странах соответствующих предпосылок демократизации /77/. В этой связи представляется важным рассмотреть точку зрения этого исследователя более подробно.

В соответствии с первым критерием Ашимбаев подразделяет все страны, осуществившие и осуществляющие в настоящее время демократический транзит, на четыре группы: с форсированными, поэтапными, переменными и затяжными темпами перехода.

Содержание переходного процесса классифицирует государства на осуществляющих комплексную трансформацию, вбирающую в себя одновременно экономические, политические реформы и утверждение независимости; проводящих параллельно политические и экономические преобразования; реформирующих только политическую систему общества либо только экономику.

По форме перехода к демократии страны объединяются следующим образом: эволюционный путь транзита; острая внутренняя конфронтация и борьба элит; революция.

Детерминантами выступают либо внешние факторы, либо внутренние, либо внешние и внутренние одновременно.

В переходе к демократии могут принимать участие либо широкие слои населения, либо только политическая элита. Возможен также сценарий, в котором происходит конкурентная борьба нескольких политических группировок.

Институциональные предпосылки группируют государства на не имевших до начала перехода опыта функционирования классических демократических институтов; на возвращающихся к когда-то утерянным демократическим традициям; на возрождающих демократические институты на более высоком цивилизованном уровне.

На основе такой классификации Ашимбаев выделяет закономерности, прослеживающиеся в демократическом типе перехода разных стран /78/. Во-первых, для стран, в которых процессы демократизации были вызваны комплексом внутренних и внешних причин, массовой потребностью и участием в этих процессах широких слоев населения, характерны быстрые темпы преобразований. При этом они были наиболее устойчивы, если государство осуществляло возврат к ранее существовавшим демократическим институтам.

Во-вторых, в странах, где одновременно происходят экономические и политические преобразования, а также создается национальная государственность, процесс демократизации принял поэтапный характер.

В-третьих, отсутствие серьезных результатов в политических реформах характерно для стран, в которых нет необходимых экономических и социокультурных условий, а процесс демократизации является лишь следствием борьбы за власть отдельных элит и политических группировок.

В-четвертых, процесс демократизации должен носить индивидуальный характер. Механический перенос опыта демократической модернизации не просто бесполезен, а даже вреден.

В-пятых, базовое условие демократизации – переход к рыночной экономике.

В-шестых, геополитически расположенная «в зоне демократий» страна имеет ускоренное развитие внутригосударственных процессов. И наоборот. Сложное геополитическое положение может сдерживать ход реформ.

В-седьмых, уровень процесса демократизации зависит от таких

факторов, как многообразие социального состава населения, четкая стратификация общества, наличие неправительственных организаций, благосостояние большинства граждан, степень урбанизации и грамотность населения.

Ведя речь о типологии политических систем транзитных обществ, представляется важным выделить некоторые общие закономерности. Имея в виду специфику посттоталитарного развития, здесь, тем не менее, следует подчеркнуть принципиальную мысль, что в теоретическом плане наиболее детально этот вопрос разработан в отношении стран традиционного Востока, который структурно во многом противоположен антично-капиталистической Европе.

Обычно идею демократии считают прерогативой западной цивилизации. Действительно, современная англосаксонская и американская политическая культура демократии находит свои корни еще в античной цивилизации, известной своим жизнелюбием и свободомыслием. Также большую роль в становлении демократии играет эпоха Просвещения, теория естественных прав человека, становление и развитие теории либерализма, принесшей с собой идеологию индивидуализма и рационализма. Однако это не говорит о том, что демократия как образ мышления может воплощаться только на цивилизованном Западе. История современности показывает, что идеи равенства и свободы как универсальные понятия становятся приоритетом всего мирового сообщества, о чем свидетельствуют так называемые национальные модели демократии /79/.

В призме рассмотрения проблем демократизации и политической модернизации, а также перспектив демократического развития нашего общества задача исследования теории демократии не меняет своей значимости, более того, становится еще более актуальной. Идея демократии в современном значении – многоаспектное явление, вбирающее в себя ряд подходов, и, прежде всего, понимание демократии как принципа организации частных отношений, выражающихся в народовластии, как формы политического режима и тип государства, включающий функционирование политических партий, общественных организаций и институтов гражданского общества, а также тип политического мировоззрения и аксиологического понятия, под которым широко понимается идея демократии как проекции гуманизма, культуры свободомыслия и равенства.

Страна, избравшая демократический путь развития, сопоставляет свои условия перехода к ней, культурно-цивилизационные особенности, менталитет и т.д. Иначе говоря, можно предположить, что проблемы демократизации и модернизации казахстанского общества можно рассмотреть через известную дилемму: посттоталитарный Восток – постиндустриальный Запад, т.е. правомерно встает вопрос о том, почему казахстанцы должны воспринимать западные ценности и нормативы демократии, не учитывая возможность различного их понимания у различных народов и в культурах?

Любая модель транзитного общества, будь то японская, китайская, южно-корейская, стран Латинской Америки или же западноевропейских стран послевоенной поры, имеет национальные корни и интересы, конкретную направленность, и этим они существенно разнятся друг от друга.

Идея адаптированной модернизации, выработки собственной стратегии экономической трансформации для каждой страны, определяемая наличными возможностями, национально-государственной спецификой, выдвинута и разносторонне обосновывается Н.А. Назарбаевым в работе «На пороге XXI века». «Чистая теория модернизации», предлагавшая на первых этапах своего формирования сугубо западный опыт в качестве универсального рецепта, глобального проекта для всех модернизирующихся стран, не учитывала конкретно исторические условия развития, национальные цели и интересы той или иной страны. Именно адаптированная модернизация, привязанная к «...традиционным институтам, этнокультурным особенностям, политической истории региона, реальному положению государства в геополитических, геоэкономических, геокультурных структурах» должна, по мнению Н.А. Назарбаева, определять меру жизненности, динамизм, социальную эффективность экономических и институциональных преобразований в постсоветских странах /80/.

Интересно, что к механическому копированию западных политических институтов, моделей развития так называемой вестернизации отрицательно относятся сами же западные политологи, отмечая, что сутью демократической трансформации является органическое вхождение демократических институтов на почву традиционных, социокультурных, геополитических и исторически сложившихся особенностей страны, вставшей на путь демократического развития. Если рас-

сматривать процесс трансформации и политической модернизации стран постсоветского политического пространства в призме дилеммы Запад – Восток, то страны постсоветского режима по многим своим характеристикам можно отнести к посттоталитарному Востоку, т.к. явления совсем недавнего коммунистического прошлого по всем своим параметрам относятся к восточным, авторитарным обществам. Восточная культура отличается приоритетом коллективного начала над личностным, а также традицией авторитарного мышления. Обращаясь к этимологии понятия авторитаризма, следует подчеркнуть, что оно обозначает почитание авторитетов, уважение старших. Данная черта больше характеризует традиционное общество, которое отличается строгой иерархией и обязательной подчиненностью власти. Почитание власти старших переходит в почитание власти вообще, особенно сильной, персонифицированной власти и власти государства как безличной силы, воплощающей общий интерес.

Как известно, особенности политического менталитета евразийского сообщества Казахстана имеют характеристики и культурно-цивилизационные особенности, выражающиеся в общих коллективистских традициях, автократичной этике, патернализме, элементах авторитаризма и этатизма.

В предисловии к известной книге А. Лейпхарта «Демократия в многосоставных обществах» доктор исторических наук, профессор А.М. Салмин отмечает, что к моменту начала работы над данным исследованием доминирующей темой в обсуждении перспектив современной государственности становится вопрос о ее неукоренености за пределами исторического Запада, а возможно даже – о чуждости демократической идеи бытийным основам «незападного мира», будь они следствием цивилизационных особенностей или формационного запаздывания /81/.

Думается, что Лейпхарт не случайно ссылается в своей книге на «знаменитый синдром из семнадцати пунктов» Люсиана Пая, в совокупности определяющих характер политического процесса «незападного типа»: 1. В незападных обществах сфера политики не отделена резко от областей общественных и личных отношений. 2. Политические партии склонны претендовать на выражение мировоззрения и представляют образ жизни. 3. Политический процесс отличается преобладанием клик. 4. Характер политических ориентаций предполагает, что

руководству политических группировок принадлежит значительная свобода в определении стратегии и тактики. 5. Оппозиционные партии и стремящиеся к власти элиты часто выступают в качестве революционных движений. 6. Политический процесс характеризуется отсутствием интеграции среди участников, что является следствием отсутствия в обществе единой коммуникационной системы. 7. Политический процесс отличается значительными масштабами рекрутирования новых элементов для исполнения политических ролей. 8. Для политического процесса типично резкое различие в политических ориентациях поколений. 9. Незападные общества отличаются незначительностью консенсуса в отношении узаконенных целей и средств политического действия. 10. Интенсивность и широта политической дискуссии мало связаны с принятием политических решений. 11. Отличительной чертой политического процесса является высокая степень совмещения и взаимозаменимости ролей. 12. В политическом процессе невелика значимость явным образом организованных групп интересов, играющих функционально-специализированные роли. 13. Национальное руководство вынуждено апеллировать к недифференцированной общественности. 14. Неструктурированный характер незападного политического процесса вынуждает лидеров придерживаться более определенных взглядов во внешней, а не во внутренней политике. 15. Эмоциональные и символические аспекты политики оттесняют на второй план поиски решений конкретных вопросов и общих проблем. 16. Велика роль харизматических лидеров. 17. Политический процесс обходится в основном без участия политических «брокеров» /82/.

Эти тезисы в совокупности определяют характер политического процесса «незападного типа». Выделим еще раз тезис о том, что в незападных обществах, как отмечает Пай, политическая сфера не отделена четко от сферы социальных и личных отношений. «Основные структуры «незападной» политики имеют общинный характер, и все политическое поведение в значительной мере определяется факторами общинной принадлежности» /83/.

Такие общинные ориентации являются тем, что Клиффорд Гирц называет «первобытной» преданностью, которая может основываться на языке, религии, обычае, местности, расе или предполагаемых кровных связях /84/. В европейских сообщественных демократиях суб-

культуры, имеющие религиозную и идеологическую природу, на которую в двух из этих стран накладываются еще и языковые различия, также можно рассматривать в качестве первичных общностей, если считать идеологии своего рода религией. Все названные общества как западного, так и незападного типа будут здесь именоваться многосоставными.

Таким образом, многосоставное общество (plural society) есть общество, в котором группы населения, имеющие религиозную, идеологическую, языковую, региональную, культурную, расовую или этническую природу, представляют собой сегменты общества /85/.

Определение термина «многосоставное общество» близко тому смыслу, в котором его употреблял Дж.С. Фернивал. Следует отметить, что концептуальные построения Алмонда и Фернивала полностью совместимы, потому что Фернивал специально включает культурные различия в число характеристик многосоставных обществ: «Каждая группа привержена своей религии, своей культуре и языку, своим идеям и образу жизни». Он определяет многосоставное общество как такое, в котором «различные группы живут бок о бок, но изолированно, в едином политическом образовании». Эта концепция несколько более узкая, чем концепция Гирца, поскольку не распространяется на региональное деление. В многосоставном обществе, по Фернивалу, составляющие его группы хотя и существуют на единой территории, но социально удалены друг от друга. «В строгом смысле, это общество представляет собой мозаику (народов – С.Д.), поскольку отдельные его части смешиваются, но не соединяются друг с другом» /86/. В данной работе принято более широкое определение, лучше отвечающее задачам сравнительного исследования, несмотря на часто раздающиеся критические замечания о том, что концепция многосоставного общества слишком расплывчата и охватывает слишком многое /87/.

Вторая существенная особенность незападной политики наряду с многосоставностью – поражение демократии. После первоначального оптимизма по поводу перспектив утверждения демократии в странах, освободившихся от колониальной зависимости (эти перспективы связывались главным образом с демократическими устремлениями их лидеров), воцарился дух разочарования. И, как отмечают многие наблюдатели, существует прямая связь между

двумя основополагающими чертами незападной политики: многосоставное общество оказывается неспособным сохранить демократические принципы правления.

Эта зависимость была косвенным образом отмечена уже в работе Фернивала. Он применил концепцию многосоставного общества к странам, находившимся в колониальной зависимости, и высказал мнение, что их целостность поддерживается лишь недемократическими средствами колониального управления. Это согласуется с пессимистичной оценкой Джона Стюарта Милла шансов представительной демократии в многосоставном обществе: «Свободные институты едва ли возможны в стране, населенной разными национальностями. Между людьми, не испытывающими добрососедских чувств, а особенно говорящими и читающими на разных языках, единое общественное мнение, необходимое для деятельности представительной власти, существовать не может» /88/.

Такую же мысль в самой категоричной форме высказал и М.Г.Смит. Доминирование одного из сегментов является частью его определения многосоставного общества. Но дело здесь не только в определении. Согласно Смиту, многосоставность неизбежно требует поддержания существующего политического строя способами принуждения и силовыми методами; «разнообразие культур или многосоставность с необходимостью порождают объективную потребность в доминировании одной из социокультурных групп. Это обусловливает необходимость недемократических средств регулирования отношений между группами». Подобная интерпретация предполагает дихотомную типологию, весьма схожую с той классификацией, которую предложил Алмонд для европейских политических систем. Один тип представлен «интегрированными обществами, характеризующимися консенсусом и однородностью культуры», другой – «регулируемыми обществами, отличающимися идейным и культурным многообразием». Следовательно, однородность (гомогенность) рассматривается как необходимое предварительное условие для демократических форм политического управления, что влечет за собой и конкретный прогноз: «многие страны, недавно освободившиеся от колониальной зависимости, могут либо распасться на отдельные территории, каждая с собственным типом культуры, либо сохранить целостность, но лишь при

условии установления отношений господства – подчинения между социокультурными группами /89/.

Надо заметить, что проблема модернизации Востока и более широко – взаимосвязь по линии Запад – Восток в плане способности последнего к изменениям – всегда интересовала исследовательскую мысль Запада. Такой ли уже благодетельной, к примеру, будет тотальная «американизация» жизни для самобытных социокультурных традиций Востока? Ведь в свое время американская революция была направлена именно против политической «англизации» (хотя и весьма прогрессивной по тем временам) Америки. А столь уж абсолютны рецепты политической модернизации, взращенные на европейской почве, скажем, для народов Крайнего Севера? Эти консервативные вопросы могут иметь и другие измерения. Хрестоматийным выступает пример Японии, сумевшей осуществить широкий прорыв из традиционного общества в современное, не только не отринув особенности своего традиционного жизненного уклада, но и эффективно встроив их в процесс трансформации и, тем самым, обеспечив мощнейшие дополнительные источники своего развития.

Несомненный интерес представляют, в частности, доводы М. Вебера, который на основе сравнительного анализа религий и культур Востока и Запада пришел к выводу, что если доминирующий, например, в Китае тип взаимодействия со средой можно охарактеризовать как приспособление, то доминирующий в Европе тип – как овладение миром. Приспособление подразумевает преобладание в матрице пассивного начала, а овладение – активного начала. Поэтому, естественно, что Вебер объяснял отсталость Китая того времени уникальной исторической непрерывностью и исключительно низкой внутренней способностью китайской цивилизации к трансформации. Современные же авторы ищут факторы, способствовавшие модернизации ряда азиатских стран, не в них самих, а вовне, полагая, что для их модернизации характерны повышенная роль экзогенных факторов, импульсов извне, феномен революции сверху, доминирующая роль надстроечных институтов /90/.

При этом некоторым авторам видится некая дуальность в системе отношений Запад – Восток или Восток – Запад, подразумевая под «Западом» принцип личностный, а под «Востоком» – принцип социаль-

ный. Однако реальности современного мира и новейшие исследования сравнительного плана свидетельствуют об односторонности и определенной некорректности такой дихотомизации. Прежде всего, необходимо учесть, что Восток не есть нечто абстрактное и монолитное, он представляет собой целый конгломерат социокультурных, национально-историко-культурных ареалов, таких, как ближневосточный арабо- и тюрко-мусульманский, средневосточный иранско-тюрко-мусульманский, среднеазиатский тюрко-мусульманский, восточно-азиатский буддийско-синтоистский, индийский и индуистско-буддийско-мусульманский и т.д. Каждый из этих миров, как по внутренним базовым характеристикам, так и по взаимоотношениям с западным миром имеет свои особенности и требует соответствующей трактовки.

Особенно важно подчеркнуть, что в принципе является недоразумением рассматривать восточные культуры как исключительно коллективистские, а западные – как исключительно индивидуалистские. Первое начало ассоциируется с пассивностью и застоем, а второе – с его способностью к развитию. Как представляется, коллективистское и индивидуалистическое начала, взятые сами по себе, присутствуют во всех культурах, как в восточных, так и западных, но выражаются и проявляются они с разной интенсивностью. Что касается, например, рационализма, то его отнюдь нельзя считать исключительным достоянием западного менталитета. Он интегрально присущ конфуцианству и буддизму. Вместе с тем необходимо отказаться от бытующих у нас позиций, по сути дела, безоговорочно отождествляющих рыночные отношения и демократию с индивидуализмом и на этом постулате строящих концепцию вестернизации восточных обществ путем трансплантации в эти общества западных ценностей, прежде всего индивидуализма. При этом, как правило, забывают, что культуры и цивилизации черпают жизненные силы, прежде всего, в самих себе. В борьбе за самоидентичность и выживание любая культура или цивилизация конкурируют с другими, как с параллельными, так и с теми, которым она приходит на смену. Внутри культуры также происходит острая конкуренция между различными компонентами, ценностями, нормами и т.д.

Как показывают многочисленные исследования, подобного рода национально-культурные особенности, служившие в качестве несущих опор модернизации, характерны и для других стран и народов

Востока как азиатско-тихоокеанского, так и других регионов. В частности, некоторые авторы не без определенного удивления отмечали, что у социализма с китайской спецификой значительно больше общего с капитализмом тайваньского образца, чем с социализмом в бывшем СССР, или же у тайваньского капитализма значительно больше общего с китайским социализмом, чем с западным капитализмом.

При всей условности этих аналогий все же можно утверждать, что Восток – не просто пассивный объект вестернизации-модернизации, а активный участник формирования важнейших параметров новой всепланетарной цивилизации. Об этом свидетельствует тот факт, что в Японии и других странах азиатско-тихоокеанского региона достигнут своеобразный синтез традиции и современности. Модернизация осуществлена при сохранении важнейших традиционных начал в социокультурной сфере. Здесь, в частности, сохраняется важное значение таких ценностей, как иерархия, долг, обязанность, консенсус, приверженность каждого своей референтной группе, подчинение интересов личности интересам группы, приверженность принципам корпоративизма, коммунитаризма в отношениях между фирмой и наемными работниками. При решении конфликтов часто используются неформальные механизмы принятия решений в духе патернализма, сохраняются половозрастная дифференциация и неравенство в социальной и профессиональной иерархии. Подобных особенностей можно привести немало.

Все это убедительно свидетельствует о том, что вряд ли можно говорить о замене характерологических установок японской или южнокорейской социокультурной общности характерологическими установками европоцентристской техногенной цивилизации. Именно сохранение традиционных ценностей и ориентаций позволило Японии, Южной Корее и другим странам азиатско-тихоокеанского региона освоить достижения техногенной цивилизации, не превратившись в техногенные государства в общепринятом смысле этого слова, модернизироваться экономически, сохранив многие черты своей традиционной культуры, идти не просто по пути вестернизации, а сохраняя свою идентичность.

В иерархии типовых связей на первом месте в странах традиционного Востока стояли те, что опосредованы государством, властью-собственностью и просто властью, господством административного аппарата или аналогичного ему аппарата военно-административного, т.е. систе-

мой централизованной редистрибуции. Второй важный тип связей – связи корпоративные, сила которых вполне ощутима и в наше время. Наконец, на третьем месте стояли связи, опосредованные частнособственническими отношениями. В свое время колониализм принес на традиционный Восток трансформацию этих типовых связей, но не изменил их иерархии, особенно в политически самостоятельных государствах.

Существенное значение представлял и цивилизационный фундамент в различных странах традиционного и современного Востока, а также степень прочности традиций государственности в них. Здесь можно выделить три крупных блока: индо-буддийский, конфуцианский и исламский религиозно-цивилизационные фундаменты, на которые оказывали влияние в ряде стран католицизм, а в ряде – православие.

Еще одна характерная особенность стран Востока, отмеченная Н.А. Симония, – отсутствие сформированного гражданского общества, которое могло бы быть альтернативой роли государства и стать той силой, которая способствовала прогрессу. Отсюда роль государства, которое призвано играть активную формирующую или созидательную роль практически на всех этажах общества в экономическом базисе (то есть в качестве непосредственного агента производственных отношений, выполняющего функции организации и управления производством), в национально-этнической композиции, в социальной структуре, во всей системе политической надстройки (то есть в плане достраивания и перестраивания собственного гражданского и военно-полицейского аппарата) и даже на идеологическом уровне (формирование и внедрение господствующей государственной идеологии) /91/.

Разветвленность госаппарата на Востоке рождает новые социальные компоненты общества, что иногда в корне меняет общую расстановку сил. Например, присвоение чиновничеством, особенно его верхушкой, значительной доли национального дохода (в некоторых арабских странах – до 40%) содействовало его превращению в бюрократическую буржуазию, господство которой может серьезно затормозить всякое поступательное (в том числе «нормальное» капиталистическое) развитие. Будучи типично переходной, смешанной категорией, бюрократическая буржуазия опасна своим стремлением навечно закрепить свое господство путем спекуляции на тех многочисленных функциях, которые выполняет государство в многоукладном обществе.

Другой важный аспект специфики классообразования и политической борьбы на Востоке раскрывает В.Ф. Ли: гигантская масса деклассированных элементов, формально выброшенных из общества, но фактически составляющих его неотъемлемую часть, самый многочисленный и (что гораздо хуже) продолжающий расти компонент социальной структуры, самый бесправный и отверженный слой. Политическое давление этого «дна» может принимать самые разнообразные формы – от разгула левоэкстремизма, шовинизма и стихийных голодных бунтов до освященного религией социального протеста /92/.

Таким образом, специфика стран Востока заключалась в том, что альтернативой частной собственности здесь была власть-собственность, альтернативой гражданской общины-полиса и демократии, прав и свобод – всесильное государство с административным аппаратом власти и принуждения, «поголовное рабство» подданных, не имевших представления о свободах и гарантиях частноправового характера, но живших по нормам санкционированного религией обычного права и объединенных при этом в рамки социальных корпораций, растворявших в себе все индивидуально-личностное. Во многом все это, с поправкой на цивилизационный аспект проблемы, было характерно и для тоталитарных обществ советского типа.

Из этой специфики вытекает и одна из основных задач переходного периода в транзитных обществах, которая заключается в изменении всей иерархии традиционных связей, с одной стороны, а с другой – в создании условий для постепенного возвышения связей, опосредованных частнособственническими отношениями, умеренной роли связей, опосредованных государством, и ликвидации корпоративных связей. При этом важная особенность переходного состояния общества заключается в том, что синтезированная структура его социального и экономического базиса не переносится адекватно на уровень политического правления, то есть на структуру политического режима. Последняя отличается значительно большей однородностью, и если социальное господство выражается компромиссом классов и социальных групп, то политическое господство – компромиссом их фракций. Именно характер этого политического компромисса – конкретный состав его участников и конкретные результаты их соглашения – определяет форму каждого данного государства, а изменения в характере компромисса – смену форм госу-

дарственности /93/. Суть проблемы в том и состоит, что при синтезированном характере общества невозможно полное и адекватное представительство на уровне политического правления всех участников социального компромисса, который данный синтез выражает.

Существенно и еще одно обстоятельство. В условиях транзитного общества сохраняется опасность увеличения степени централизации власти как способа сохранения политической стабильности. Однако чрезмерная централизация государственного аппарата порождает тенденцию к авторитаризму, бюрократизации, коррупции, создает опасность изменения вектора развития.

Ключевая проблема переходного периода заключается в том, что социально-экономическое развитие имеет тенденцию к потере или разрыву традиционных связей почтения и послушания власти. Появляются новые интересы и новое сознание, на индивидуальном и групповом уровне требуются новые политические и организационные способности. Расширяются требования общества, начиная от права участвовать, до осязаемых и символических выгод. Закономерность переходного периода такова, что чем больше реализуется социально-экономических предложений, тем больше давление на правящий режим народных требований. И чем меньше способности у лидеров обобщить их, тем ярче тенденция появления популистских лозунгов. Поэтому главная задача государства, – не утратив демократической перспективы и не впав в искушение решения проблем преимущественно авторитарными методами, сохранить политическую стабильность в обществе и обеспечить решение вопросов социально-экономического развития.

Отсюда и главная задача политического режима – сохранить условия для своей собственной демократической эволюции, и решающая здесь проблема – проблема взаимоотношений государства и общества. Невозможность установить стабильную демократию зависит от широкого бюрократического доминирования в политике и обществе. Преобладание высокоцентрализованных государственных институтов устраняет развитие сильных и автономных групп по интересам, объединений и политических партий. Когда последние появляются, они обычно кооптируются и заглушают бюрократию. Автономные движения и организации служат сдерживанию тенденции со стороны государства централизовывать и расширять свою власть, способствуют введению гражданской подотчет-

ности и контроля. Они расширяют массовое участие в политическом процессе, дополняя формальную арену определенными неофициальными каналами, а также посредством своих действий могут усилить какие-то формальные институты демократии, такие, как суды.

Однако при этом, как отмечает К.Л. Сыроежкин, не следует пытаться быть демократичнее «самых демократичных стран», а следует в большой степени учитывать реальную ситуацию и расклад политических сил в обществе. Как показывает исторический опыт большинства стран Востока, заимствование важнейших по своей значимости политическо-правовых стандартов европейского типа, сыгравшее огромную роль в процессе трансформации традиционного Востока, не привело к превращению восточного общества в европейское. И, прежде всего, потому, что процессы, происходившие в экономике трансформировавшегося Востока, не только существенно отставали от трансформации в сфере политики либо права, но и, эволюционируя, требовали, как это ни парадоксально, все большего внимания со стороны государства, все большего участия его в системе трансформирующихся политических, экономических и социальных отношений. Государства постколониального Востока не только продолжали быть субъектами всех этих отношений, но и как бы наращивали это свое обычное для Востока качество. Другими словами, капитализм на современном Востоке не является, как это было на Западе, итогом некоего динамично развивающегося, но в основе своей стихийного саморегулирующегося процесса, лишь иногда корректируемого политикой государства. Здесь это был процесс, субъективно осмысленный и сознательно определяемый государством. Это был результат определенной политики, и именно в этом – главный урок, который следует извлечь из специфики процесса капиталистического развития на Востоке /94/.

3. Особенности политической модернизации посткоммунистических государств

Процесс преобразования коммунистической системы, целью которого является достижение демократии и рыночной экономики, в социальных науках имеет разные названия: «посткоммунистическая трансформация», «посткоммунизм» «постоталитарная системная трансформация», «посткоммунистическая демократизация» и пр., что

характерно при анализе того или иного политологического феномена. При этом (и это важно иметь в виду) под «коммунизмом» понимается социализм советского образца.

Вопрос о сущности изменений, которые начались в коммунистических системах Европы в 1990-е годы, до сих пор остается важнейшей аналитической проблемой специалистов в области компаративной демократизации. Несмотря на уже довольно широкий интернациональный опыт трансформации тоталитарных порядков коммунистической окраски в демократию, сколько-нибудь убедительных обобщений этого процесса сегодня нет. Нет общей концепции, общей модели, которая могла бы описать и объяснить все многообразие разнородных процессов трансформации обществ, как свершившихся, так и протекающих в настоящее время в связи с крахом коммунистических режимов в конце прошлого века. Более того, со временем становится все более очевидным, что исследователи просто пытаются приложить знания, полученные при изучении демократизационных процессов в Южной Европе, Латинской Америке и Восточной Азии, к «восточноевропеским» обществам.

Имеют место и принципиально различные исследовательские подходы к такому состоянию транзитного общества, как посткоммунизм. К примеру, российский ученый А.П. Бутенко отмечает два таких подхода: «Один подход состоит в стремлении нарисовать общую картину этого политического перехода, наметить его наиболее существенные тенденции или линии и таким путем дать его общую зарисовку с некоторой детализацией. Другой подход видится в формулировке какой-то или каких-то общих закономерностей этого перехода. Исторически первым появился второй подход, явно несущий на себе следы догматического марксизма с его вечным поиском общих закономерностей... Наряду с квазимарксистской попыткой «открыть» и конституировать... «общую закономерность» политического перехода, имел место и другой подход, стремившийся нарисовать общую картину этого перехода от тоталитаризма к демократии, наметить наиболее существенные тенденции или линии такого перехода» /95/.

Таким образом, мы имеем дело с политико-проблемной ситуацией, для научного понимания которой необходимо разрешить ряд теоретико-методологических вопросов, особенно важных для той об-

ласти сравнительной политологии, которая занимается посткоммунизмом в контексте транзитологии:

1. Есть ли достаточные основания для того, чтобы конкретные и каждый раз индивидуальные случаи переходов от недемократического правления к развитию демократических институтов и практики в разных странах и регионах, включая и Казахстан, в течение последней четверти XX – начала XXI веков (среди которых много неудачных попыток) причислять к одной демократической волне?

2. Какие факторы в наибольшей мере определяют исход демократизации – структурные, т.е. преимущественно социально-экономические и культурно-ценностные предпосылки и условия, способствующие (препятствующие) становлению и закреплению демократических институтов и норм, или же процедурные, т.е. особенности и последовательность конкретных решений и действий, осуществляемых ограниченным кругом инициаторов и непосредственных политических участников процесса демократизации?

3. Возможен ли теоретико-методологический синтез различных – прежде всего, структурного и процедурного – подходов к анализу феноменов современных посттоталитарных и поставторитарных трансформаций?

4. Допустимо ли рассматривать процессы посткоммунистической трансформации в Казахстане и в других новых независимых государствах в общем теоретико-методологическом контексте поставторитарной демократизации ее нынешнего третьего цикла или же феномен посткоммунизма своей спецификой выделяется из этого ряда? /96/.

С одной стороны, имеют место попытки концептуализации посткоммунизма в рамках транзитологических моделей, авторы которых занимаются выявлением общей логики переходов от авторитаризма к демократии, происходивших в разных странах мира в последние десятилетия (Di Palma, 1990; Bova, 1991; Przeworski, 1991; Huntington, 1991-1992; Schmitter with Karl, 1994; O'Donnel, 1994; Linz and Stepan, 1996; Reisinger, 1997 и др.). С этой точки зрения, горбачевская перестройка, распад СССР и крах коммунизма, последующие преобразования в посткоммунистическом Казахстане и бывших социалистических странах могут быть поняты как звенья внутренне разнородного, но все же одного глобального процесса – всемирной демократизации /97/.

С другой стороны, получило распространение и совсем иное тол-

кование посткоммунизма – как настолько специфичного (по исходным условиям, задачам, действующим политическим субъектам и др.) явления, что нет никаких оснований сравнивать его с поставторитарными демократизациями, характерными для Южной Европы и Латинской Америки (Terry, 1993; Bunce, 1955) /98/. В этот подход вписывается и трактовка посткоммунизма как «мирной революции» (McFaul, 1995; Fish, 1995), не сравнимой по глубине и масштабности политических и социоэкономических задач с изменениями по преимуществу только политических режимов при переходах от правого авторитаризма к демократии /99/.

В связи с многомерностью современного посткоммунизма разные его стороны могут быть концептуализированы в разнообразных теоретических моделях, интерпретирующих посткоммунизм и как демократизацию авторитарного политического режима, и как трансформацию политической системы с сохранением многих традиционных черт, и как переход от командной экономики к рыночной, и как составной элемент глобальной демократической волны, и как распад последней в мире империи либо национальное самоопределение со становлением новых государственности и национальной идентичности, наконец, как мировая революция, несравнимая по глубине и масштабности политических и социально-экономических задач с изменениями по преимуществу только политических режимов при переходах от авторитаризма к демократии.

Представляется, что именно в многомерности посткоммунизма, который поддается концептуализации в разных теоретических парадигмах, как раз и состоит «причина распространенного в западной литературе мнения о неправомерности каких-либо аналогий между посткоммунизмом и признанными «классическими» поставторитарными демократизациями в Южной Европе и Латинской Америке» /100/.

Следовательно, вполне можно согласиться с точкой зрения А.Ю. Мельвиля о том, что «слишком расширительное использование понятия демократизации применительно ко всем разновидностям общественных трансформаций, так или иначе вписывающихся либо связанных с современной демократической волной, вряд ли всегда оправданно, особенно если иметь в виду реальную многомерность, разновекторное движение и неодинаковые практические ре-

зультаты этих процессов. С нашей точки зрения, более широкое в содержательном и более нейтральное в оценочном плане понятие «демократического транзита (перехода)» – в отличие от «перехода к демократии», фактически постулирующего редко встречающийся в чистом виде итог процесса, – лучше отражает разнообразие обстоятельств, особенностей и многовариантность конечных форм рассматриваемых нами общественных трансформаций» /101/. И далее: «Иными словами, демократические транзиты как таковые не означают гарантированного перехода к демократии и уж тем более ее консолидацию.... Именно это позволяет рассматривать их как составные элементы нынешней глобальной (хотя и сущностно весьма разнородной) демократической волны» /102/.

На основе имеющихся в политологической и исторической литературе данных /103/ можно провести периодизацию процесса трансформации коммунистических систем, претендующую на некую обобщающую концептуальную схему, вычленив одновременно особенности модернизации посткоммунистических государств. При этом отправным моментом следует считать интерпретацию посткоммунистических трансформаций в качестве посттоталитарных, включив в анализ высказанное в 1995 году Х. Линцем, А. Степаном и Р. Гантером соображение о том, что самой важной переменной, объясняющей ход посткоммунистического развития, является природа свергаемого старого режима /104/.

Если сделать исторический экскурс в три последних десятилетия XX века, то можно отметить, что тоталитарная модель модернизации, апробированная сначала Советским Союзом, а затем реализованная и государствами Центральной и Юго-Восточной Европы, имела определенный потенциал, но одновременно имманентно содержала в себе противоречия, ограничивающие ее эффективность. Тоталитаризм советского типа, в конце концов, не развил экономику как независимую общественную подсистему и лишил тем самым целые народы и районы мира доступа к современным экономическим благам. Последствия этого исторического «эксперимента», хорошо видны на примере государств, территориально поделенных по политическим соображениям в течение продолжительного периода, в результате чего параллельно имеющих, либо имевших тоталитар-

ные и нетоталитарные – авторитарные или демократические – режимы: Северная и Южная Корея; материковый Китай, Тайвань и Гонконг; Восточная и Западная Германия.

В результате с семидесятых годов в экономической системе, сформировавшейся как в СССР, так и в странах Восточной Европы, стали преобладать негативные тенденции. Как следствие – ни бывший Советский Союз, ни его восточноевропейские союзники так и не смогли решить задачу приспособления созданных ранее экономических институтов к условиям технологической революции. Экономические трудности, начавшиеся в этот период, переросли, как известно, в системный кризис и во многом способствовали крушению коммунистических режимов.

За несколько десятилетий совместного существования различия между странами восточноевропейского региона во многом нивелировались. Сгладились также различия между этими государствами и бывшим СССР. По характеру и уровню технологического развития, по социальной и экономической структуре все посткоммунистические общества были похожи между собой. Исходная тождественность ситуации определила и схожесть экономических и социальных проблем, политических тенденций посткоммунистического развития /105/.

Автор согласен с мнением Е. Мачкува, считающим, что впервые экзистенциальный кризис социализма советского типа выявили выступления протеста польских рабочих в июне 1976 года и еще в большей степени – летом 1980 года /106/. В СССР этот кризис обнаружили инициированные М. Горбачевым в 1985 году процессы перестройки и гласности. Для его преодоления следовало вернуться к ленинским и сталинским методам террора. Отказ от такого развития событий явил собой начало изменений в социалистической системе советского типа, вступление посткоммунистических государств в период радикальных изменений, начало конца тоталитаризма.

Наиболее быстрыми темпами процесс демонтажа развивался в Польше и Венгрии. Проведенные в этих странах соответственно в 1989 и 1990 годах свободные и относительно демократические парламентские выборы, а также политика М. Горбачева по отноше-

нию к сателлитам СССР подготовили почву для ликвидации здесь монополии коммунистической партии на власть, способствовали началу коренных изменений в других коммунистических партиях-государствах, смене правительств в них. Во всех случаях, в том числе и в бывших республиках Советского Союза, новые правительства провозгласили своей основной целью переход от советского тоталитаризма к демократии и рыночной экономике.

Продолжительность фазы радикальных преобразований варьировалась в зависимости от страны от нескольких недель до нескольких месяцев. На этом этапе была заложена институциональная база нового режима, хотя и сохранялись структуры старой системы в качестве контроля всех сторон жизни общества. Как считает Мачкув, следствием внезапности перехода к посттоталитарной системе стало, во-первых, приобретение новыми лидерами значительной общественной поддержки и одновременно широких полномочий, что таило в себе угрозу развития общества по пути авторитаризма. Во-вторых, социалистические государства советского типа не прошли через либерализацию – процесс, который сыграл важную роль в демократизации южноевропейских, латиноамериканских и восточно-азиатских стран /107/.

Один из аналитиков посткоммунистической трансформации Л. Бальцерович подразделяет ее на две фазы – «экстраординарную» и «нормальную» /108/. Первую отличает сохранение в ней ряда условий, характерных для периода радикальных изменений: легитимность лидеров и «заблаговременная легитимация» еще не существующего общественного строя.

На этом этапе начинается экономическая трансформация, целью которой является дифференциация однородной социальной структуры тоталитарного государства на богатых и бедных со всеми сопутствующими «нарушениями» справедливости. Учитывая последнее обстоятельство, в целях снижения угрозы политической стабильности наиболее приемлемым представляется проведение сложной части экономической трансформации на период экстраординарной политики. Тем не менее, даже максимальное использование преимуществ этой фазы для вхождения в рынок не в состоянии гарантировать, что преобразование экономической системы удастся завершить на этом этапе. Если авторитарные системы вполне способны проводить успеш-

ную экономическую политику в относительно сжатые сроки и без особых социальных тягот, то процесс создания современного рыночного способа хозяйствования на месте централизованной плановой экономики длится десятилетиями и сопровождается резким падением производства. Шоковая терапия, как показал опыт последнего пятнадцатилетия, может лишь способствовать скорейшему осуществлению первоочередных и наиболее непопулярных мер. Широкомасштабная же приватизация требует гораздо большего времени.

Одновременно с экономической трансформацией в рамках «экстраординарной» фазы идет интенсивный процесс институционализации демократии, определяемый политологами как создание легитимных демократических политических институтов /109/. Наряду с усвоением демократических процедур политической элитой и широкой общественностью институционализация считается частью процесса консолидации демократии. Поскольку в отличие от авторитаризма, когда принимающие решения лица лишь ограничивают способность политических институтов выполнять свои функции, при тоталитаризме искажается сам смысл политических учреждений, постольку цель посткоммунистической институционализации демократии заключается в возврате унаследованным от старой системы институтам их исконных функций. При этом институционализация приобретает широкое социальное значение, т.к. речь идет отнюдь не о простой возможности делать то, что ранее было запрещено: фундаментальному изменению должны подвергнуться не только структурный, но и политико-культурный и поведенческий уровни политической системы.

Задачами посттоталитарной системной трансформации являются также создание как можно более благоприятных условий для формирования, быстрой институционализации и утверждения плюралистической партийной системы и структур гражданского общества и формирование новой политической элиты.

С появлением негативных следствий преобразования экономики черты радикального периода постепенно исчезают, «экстраординарная» фаза сменяется «нормальной», характеризующейся наличием государства, адекватного существующему в консолидированных западных демократиях. На этот этап приходится завершение начавшихся в периоды радикального преобразования и экстраординарной полити-

ки процессов образования новых политических сил, проведения учредительных выборов, принятия новых конституций, расширения полномочий парламентов, избрания глав государств, новых правительств и т.п., темпы которых варьируют в зависимости от страны.

Однако консолидация демократии зависит не от конституционного провозглашения институтов и органов демократического государства, а от усвоения демократических процедур и норм политической элитой. В противном случае утверждаются квазидемократические авторитарные системы, обладающие следующими отличительными чертами:

- их легитимация основана на сочетании формально демократических принципов с обращением к психологии и политической культуре подчинения. Даже если их правители... горько сетуют на утрату тоталитарной идеологии, они пытаются снискать поддержку народа путем относительно сдержанной популистской апелляции к патриотизму и национализму;

- уровень практического использования ими демократических процедур, особенно свободных выборов, варьируется. Различаются они и по степени соответствия другим критериям полиархии Р. Даля. Тем не менее, в них допускается в той или иной мере ограниченная свобода убеждений, информации и объединения;

- все они являются олигархиями, даже если там нет политиков, которые бы... олицетворяли собой систему. Эти режимы опираются уже не на государственную партию, а скорее на более или менее формализованную, но всегда продажную «партию власти», формирующуюся вокруг лидера;

- службы государственной безопасности и наиболее важные воинские подразделения используются для защиты интересов правящей олигархии, не в последнюю очередь против ее экономических и политических оппонентов. Там, где соотношение сил внутри олигархий часто меняется, а связи последних с государственным властным аппаратом относительно слабы, в общественной жизни фактически доминируют мафиозные группировки, что ведет к утрате государством своего авторитета и эффективности» /110/.

Противники уподобления демократизации и посткоммунизма совершенно правы, когда фиксируют очевидные особенности постком-

мунистических трансформаций: двойную задачу политической демократизации и перехода к рыночной экономике; необходимость демонтажа значительной части устаревающих производственных мощностей ради модернизации и реструктуризации других; отсутствие, в большинстве случаев, первоначального пакта между реформаторами и консерваторами; возникновение этнонационалистической (т.е. сущностно недемократической) реакции на коммунистический коллапс; зачаточный характер гражданского общества при аморфности связей между его изолированными протоэлементами и государством и др. Этот реестр посткоммунистических отличий от традиционного поставторитаризма может быть продолжен и далее.

Отраженные в современной политологической литературе усилия исследователей в направлении построения теории посткоммунистического перехода, не вписывающегося в рамки известных концепций демократизации, можно условно разделить на три группы. Первая акцентирует внимание на особенностях «двойного» /111/, «тройного» /112/ или даже более многогранного /113/ процесса перехода в странах Восточной Европы и пост-СССР, заметно отличающихся от стартовых условий демократизации в Латинской Америке и Южной Европе /114/. Не отрицая значимости этих особенностей, следует, однако, отметить, что их учет сам по себе не дает ответа на вопрос о принципиальных отличиях переходов в Восточной Европе и постсоветских странах.

Ко второй группе исследователей относятся те, что придают первоочередное значение особенностям истории и культуры транзитных стран, объявляя посткоммунистическое общество априори непригодным для демократии в силу локальных – «расколотая культура» /115/ – или же глобальных – «столкновение цивилизаций» /116/ – причин. В.Я. Гельман и Г. Голосов отмечают по этому поводу, что такого рода подходы располагаются по ту сторону научного знания, «поскольку предлагаемые в их рамках объяснения носят самодостаточный характер: согласно им, постсоветские общества не могут перейти к демократии из-за «неправильной» культуры, а «правильная» культура не может утвердиться при отсутствии демократии в этих странах» /117/.

Третья группа авторов ставит в центр анализа проблему роли государства в процессе перехода. Перефразируя известное высказыва-

ние Б. Мура, Х. Линц и А.Степан выдвинули тезис: «Нет государства – нет демократии» /118/. В этой связи становится весьма распространенным описание стран постсоветского региона как «слабых» государств /119/, которым присущи две основные характеристики: существенное ограничение возможностей государства по применению силовых методов принуждения и отсутствие верховенства права /120/.

На языке неоинституционального подхода /121/ «верховенство права» означает преобладание формальных институтов и наоборот: отсутствие верховенства права означает приоритет неформальных институтов, основанных на партикуляристских нормах и правилах, таких, как клиентелизм или коррупция. В этом контексте идеальная демократия предстает как конкуренция акторов в рамках формальных институтов, а посткоммунистический режим как неконкурентный с нарастанием неформальных институтов. Следуя этой логике, Гельман квалифицирует постсоветские режимы в России и Украине как конкурентные с преобладанием неформальных институтов, а в Казахстане и Беларуси – как неконкурентные, однако тоже с преобладанием неформальных институтов /122/.

Согласно оценке многих политологов, имеют место четыре явные особенности постоталитарной системной трансформации, отличающие ее от демократизационных процессов авторитарных режимов, происходивших в прошлом, концептуально дифференцирующие эти два типа переходов /123/. Одна из них – так называемая дилемма одновременности, впервые описанная в работе К. Оффе /124/. Суть ее в том, что в процессе трансформации необходимы одновременные преобразования политических отношений и «радикальная реформа экономики, правовой и судебной систем, государственной бюрократии и самого общества». Т.е. должны быть преобразованы все стороны функционирования общества, включая детерминированные культурой склад ума и образ жизни, экономические основы и, конечно, политику.

Возникновение дилеммы одновременности обусловлено тоталитарным характером социалистического государства советского типа. Поскольку марксистско-ленинское государство десятилетиями пыталось достичь абсолютного контроля над экономикой, культурой и обществом, перед посткоммунистическими правительствами стояла и до сих пор стоит историческая задача преодоления институциональ-

ных, социальных и психических последствий его деятельности, сокращения его роли до разумных пределов, очерченных границами свободного развития общества.

В тоталитарном обществе, как известно, его стратификация основывалась на доступе к власти, что было связано с привилегиями. В результате такое общество распадалось на две части: уполномоченную принимать решения государственных и партийных функционеров (незначительную) и большинство населения, вынужденного соглашаться с таким положением вещей и только мечтать о распределявшихся дефицитных ресурсах. Стратификация же посткоммунистических обществ отражает отношения собственности. Поэтому требуется создание определенного класса, владеющего этой собственностью – среднего класса, причем необходимо его явное количественное преимущество в сравнении с малочисленными высшим и низшим классами. В этом – вторая особенность посткоммунизма, и успех такой демократизации во многом зависит от того, как скоро это произойдет.

Третье очевидное отличие посткоммунистической системной трансформации от демократизации авторитарных режимов заключается в том, что военные здесь играют важную, но не центральную роль. В фазе радикального преобразования секретная служба выступает в качестве опоры аппарата государственной власти, который прокладывает путь для перехода к новой системе /125/.

И, наконец, четвертая особенность представлена феноменом «посттоталитарного волюнтаризма», означающим детерминированность вектора трансформации исключительно политической волей новых правительств при остающемся антидемократическом характере государственных и общественных структур.

А.П. Бутенко в качестве одной из основных линий комплексного перехода от тоталитаризма к демократии рассматривает следующий ряд факторов:

1) перемены в общественном сознании, связанные с заменой монополии на информацию гласностью, утверждением свободы печати;

2) разрушение или трансформация государственной системы массовых репрессий, террора;

3) преобразование характерной для коммунистического тоталитаризма политической системы – системы «партия-государство» – в демокра-

тическую политическую систему с общепринятым разделением властей и многопартийностью;

4) конституционно-юридическое оформление демократических порядков и прав граждан;

5) формирование с помощью демократических выборов всех вертикальных и горизонтальных структур демократической власти /126/.

В этом и заключаются, по его мнению, границы переходного периода.

При изучении современного посткоммунизма и демократических транзитов «третьей волны» ключевое значение имеет проблематика демократической консолидации. Она «ставит целый ряд теоретико-методологических и прикладных политических вопросов: когда заканчивается собственно «переход» (фаза «учреждения демократии») и начинается консолидация? Какова взаимосвязь между «негативной» консолидацией (т.е. политической маргинализацией несистемных и антисистемных элементов и сил) и консолидацией «позитивной» (т.е. стабилизацией структур демократической политии и массовым распространением соответствующих ценностей)? Какие внутренние и внешние факторы влияют на консолидацию демократии (специфика доавторитарного опыта в случае его наличия; тип преодолеваемого авторитарного режима; конкретные особенности самого процесса распада авторитаризма; избрание тактики и стратегии ключевых политических акторов; реакция масс; воздействие внешней среды, в том числе степень вовлеченности в международное сообщество и др.)» /127/.

Транзиты посткоммунистических политий демонстрируют в настоящее время столь широкую качественную многоосновную разновекторность, что важнейшей аналитической задачей становится выработка новой типологии политических режимов, возникающих при распаде коммунизма. Консолидированные демократии в данной ситуации оказываются более чем редким непосредственным результатом. В большинстве же случаев такими результатами оказываются разнотипные «симбиотические» («гибридные») режимы вплоть до «консолидированных автократий» /128/.

Независимо от того, как происходила политическая модернизация в прошлом, в настоящее время государства восточноевропейского и постсоветского регионов столкнулись с, опять-таки во многом, одинаковыми проблемами и в политике, и в экономике. Все они вступили в завершающую фазу политической модернизации, конечным

итогом которой является становление стабильной демократической системы. Идущая волна демократизации имеет в рассматриваемых странах достаточные объективные предпосылки: это и степень урбанизации, и развитие коммуникаций, и образовательный уровень населения, вполне сопоставимый с показателями развитых стран, наконец, рационализация сознания и поведения людей, ставшая возможной с преодолением наследия традиционного общества /129/.

Развитие переходного процесса, естественно, зависит от специфики конкретной страны, ее масштабов, этнонациональной, демографической, конфессиональной структур. В отличие от стран Запада, прошедших иной исторический путь к демократии, в посткоммунистических странах налицо значительные трудности адаптации большинства населения к новым условиям жизни, а также резкое социальное расслоение между ним и элитой, во многом скомпрометировавшей своими действиями демократические цели и ценности. Цена демократизации и ее результативность в условиях демонтажа коммунистических порядков оказалась весьма высокой, вследствие чего основная часть населения выносит всю тяжесть перехода и социального экспериментаторства, творимого без учета реальностей посткоммунистического общества с его специфическими чертами и сложностями: ростом социальной необеспеченности, свертывания промышленного потенциала стран и стремительного роста безработицы, кризиса сельского хозяйства, науки и культуры, люмпенизации и маргинализации населения, сложностей обретения посткоммунистическими государствами своих позиций в системе мирохозяйственных связей, перемен во внешнеполитических ориентациях.

Все вышеобозначенные проблемы полностью относятся и к казахстанскому обществу. И теоретические, и прикладные аспекты развития переходных процессов в Казахстане органически связаны как с проблемами, имеющими место в странах посткоммунистического лагеря, так и с глобальными проблемами человечества, требующими рассмотрения ныне существующего казахстанского общества в качестве некоего единого целого и части мирового сообщества. Поэтому проблемы эволюционирующей системы постоянно находятся в поле зрения исследователей – специалистов в области политологии, социологии, истории, информатики и др.

Имеющиеся особенности трансформации посткоммунистического Казахстана позволяют выделить ее специфические черты, что может способствовать выработке в дальнейшем не только интегрированной концепции посткоммунизма как такового, но и обновить некоторые концептуальные положения общей теории демократии. Причем здесь очень важно переосмыслить собственно методологию исследования. Однако проводить анализ особенностей этого периода можно, естественно, только с учетом исторического опыта государства.

Развивая мысли Чжан Вон Чана, можно отметить, что специфика трансформационного процесса в Казахстане заключается и в том, что, во-первых, он представляет собой трансформацию посткоммунистического режима, не имевшего ранее аналогов в истории, если его брать в комплексе общих перемен, характерных для конца 80 – начала 90-х годов; во-вторых, если для большинства восточноевропейских политических элит и для основной массы населения современные реформы стали, образно говоря, «возвращением в Европу», то для казахстанского общества с его существенными социокультурными и цивилизационными отличиями характерно отсутствие дототалитарного опыта демократического развития, здесь модернизация носит, образно говоря, догоняющий характер, республика решает одновременно задачи, относящиеся по своему происхождению к различным этапам технологического и экономического развития, в связи с чем она идет совершенно неизведанным путем, во многом действует методом проб и ошибок; в-третьих, реформаторский процесс происходит в государстве, чрезвычайно неоднородном в историческом, социокультурном, религиозном отношениях; в-четвертых, политическая модернизация, направляемая «сверху», опережала и опережает процессы модернизации в экономической, технологической и культурной сферах /130/.

Несмотря на неравномерность развития модернизационных процессов в силу, прежде всего, объективных причин (уровень индустриализации, урбанизации, образования и развития социально-культурной среды, степень неравномерности развития отдельных регионов и т.д.), они повлекли за собой пробуждение национального самосознания, рост национал-сепаратистских настроений, утверждение институтов парламентской демократии и партийно-политического плюрализма. Надо иметь в виду и тот непреложный факт, что в связи с тем,

что реформы проводятся в основном «сверху», и их инициатором выступает отнюдь не либеральная по духу и происхождению элита, то, естественно, что и проводимая демократизация носит во многом ограниченный и непоследовательный характер.

Несомненно одно: условием окончательной стабилизации политической системы, как для Казахстана, так и для других стран постсоветского пространства, восточноевропейских государств может быть успешное завершение экономических реформ, создание жизнеспособной социальной рыночной экономики, решение целого ряда конкретных проблем политического характера. Все это требует достаточно длительного времени, хотя продолжительность этого этапа для каждой страны в отдельности будет зависеть от факторов, перечисленных выше.

Необходимость продолжения серьезной научной разработки методологических аспектов и проблем теоретической модели общества переходного периода, роли как государственных, так и общественных институтов в идущем процессе демократизации переходных посткоммунистических обществ обусловлена и тем, что переходный период в Казахстане, можно уже констатировать, составит целую эпоху, в ходе которой будут осуществляться фазы демократической социализации, включая экономические, политические и духовные преобразования. Успехи же переходного периода будут зависеть также от того, насколько назревшие проблемы общества будут осмыслены на уровне теории, концепции развития республики и воплощены в программах ее деятельности.

Думается, что проблемы трансформации тоталитаризма в демократию в казахстанском обществе должны разрабатываться на всех уровнях. В политологическом плане такая модель развития страны призвана уточнить само понятие политической системы переходного периода, сущность идущих демократических преобразований, отобразить типы политического сознания и поведения, определить субъекты политической деятельности. Представляется, что в культурологическом плане такая модель развития государства могла бы вобрать в себя все ценное из прошлой советской социалистической культуры, возродить культурные традиции различных этнических групп, идентифицировать особенности тюрк-

ской культуры и евразийского уклада жизни, раскрыть формы диалога и полилога культур, определить систему культурных ценностей, адекватно выражающих своеобразие менталитета казахстанского общества.

И, наконец, в социально-философском измерении такая модель, несомненно, помогла бы обогатить теорию современного мирового развития на основе учета уникального содержания социально-исторических особенностей различных регионов мира, их этнокультурного многообразия.

Резюмируя изложенное в настоящей главе, следует, прежде всего, подчеркнуть, что представленный комплекс вопросов исследования переходных процессов имеет во многом условный характер. Значимость, соотношение и тем более перечень их могут меняться в зависимости от тех или иных научных подходов и задач. Но, как представляется, бесспорны следующие обстоятельства.

Теория переходных процессов должна иметь интегративный характер, соединять методологическое и идейное своеобразие и специфику различных теоретических подходов – философского, экономического, политологического, социокультурного и др. Интегративная сущность данной теории предопределяется природой самих переходных процессов, в которых отдельные направления и аспекты взаимозависимы и с необходимостью дополняют и определяют друг друга.

Изучение в рамках концепций перехода динамики политической системы также требует получения комплексного представления об основных тенденциях и перспективах политического процесса, возможность достижения которого открывает комплексное применение методологий институционального, системного и синергетического подходов.

Наиболее отвечающим такому методологическому основанию политического анализа является транзитология. В ее рамках ход политической жизни рассматривается как постоянно изменяющееся социальное бытие методами институционализма и структурного функционализма. Она наиболее приемлема для рассмотрения нестабильных, неустойчивых, но в тоже время сложноорганизованных систем, находящихся на стадии перехода, увязывая их трансформацию с глобальными долгосрочными тенденциями развития мирового сообщества.

Далее. Категорию «переходного периода» можно охарактеризовать как состояние относительной устойчивости политической систе-

мы, осуществляющей развитие и претерпевающей за довольно короткий исторический период времени динамичные, достаточно радикальные изменения, характеризуемые процессом синтеза старого и нового, их острыми столкновениями, разрывом социальных связей, перераспределением функций, перестройкой структуры и формированием новых границ социальных слоев и групп.

При анализе современных посткоммунистических процессов общественная наука входит в область новых уникальных социальных явлений, где она неизбежно сталкивается с ограниченностью своих познавательных возможностей, поскольку методологическая база и понятийный аппарат даже западной экономики, политологии и социологии, которые по многим параметрам (объем накопленных знаний, разработка теорий и концепций, научные кадры, структуры, периодика, техническая оснащенность и т.д.) занимают ведущие позиции в мире, оказываются недостаточными для того, чтобы объяснить и тем более предсказать многие современные процессы, в частности, сокрушительный развал коммунистической системы. Эти науки сформировались как осмысление и отражение процессов становления и развития западных прогрессирующих обществ в XIX-XX веках и поэтому пока не адаптировались в другой социальной реальности, важнейшими характеристиками которой являются распад, возвратность развития, деградация и т.д. Таким образом, задача создания новых теорий в области общественных наук сводится, в том числе, и к радикальному обновлению методологической базы и понятийного аппарата социального познания.

Представляется, что опыт структурирования новой социально-политической реальности последнего десятилетия более или менее адекватно может быть проанализирован в рамках транзитологии путем синтеза структурного и процедурного подходов, используемых в построении интегрированной теории современного посткоммунизма. Это дает возможность преодоления методологической односторонности каждого из этих подходов в отдельности при выработке более многомерных моделей, или идеальных типов генезиса демократии в посттоталитарных государствах.

И, наконец, важно отметить, что большинству исследований, посвященных разработке проблем посткоммунистической трансформации, присущи характеристики, которые могут быть сгруппированы следующим образом.

а) Господствует представление о режиме переходного общества как о неопределенном, объединяющем в себе черты демократии и авторитаризма (в форме как автократии, так и олигархии) с преобладанием элементов авторитаризма.

б) В качестве факторов, способствующих авторитарным тенденциям, рассматриваются преобладание исполнительной власти над представительными органами, клиентелистские формы социальных связей, слабость гражданского общества, монополизм, теневая экономика.

в) Главными политическими акторами являются различные сегменты элиты (как старой, так и новой), характер взаимодействия которых играет важную роль в эволюции режима.

г) Перспективы политического развития в основном рассматриваются в континууме «авторитаризм – демократия» в рамках промежуточных и гибридных форм политических режимов типа «полудемократии – полуавторитаризма» /131/.

Сами преобразования политических систем посткоммунистических государств вполне можно рассматривать как своего рода звенья внутренне разнородного, однако, одного глобального процесса всемирной демократизации. Создание же общей теории переходных процессов является еще не решенной, но, без сомнения, важной и необходимой задачей.

ГЛАВА 2. Социально-экономические основы трансформации казахстанского общества

1. Некоторые аспекты преобразования экономической и социальной структуры Казахстана

Известно, что процесс социально-экономических изменений в посткоммунистических странах затронул практически все стороны жизни социума. Несомненно, что его основой являются сами проходящие социально-экономические перемены, нередко сопровождаемые кризисными явлениями.

Российские ученые Г.П. Лузин и К.В. Павлов изучение кризисных переходных социально-экономических состояний общества назвали патоэкономикой и в рамках ее новых концепций поставили под сомнение традиционные представления о сущности противоречий при социализме и в период перестройки. И такой подход представляется весьма интересным. Ученые, в частности, заявили, что «областью исследования этой новой экономической науки является анализ и классификация факторов кризиса, типологизация форм и видов кризисных состояний, всевозможных диспропорций, выявление путей и методов выхода из кризиса, анализ типов и разновидностей реформ, изучение общих закономерностей и специфических особенностей кризисных состояний, а также экономических проблем анализа чрезвычайных ситуаций» /1/.

С учетом важности вопроса представляется возможным и правильным привести здесь значительные цитаты из работ известных ученых, детально занимающихся этими проблемами.

Так, белорусский ученый А.Н. Данилов, в частности, отмечает, что «патоэкономика рассматривает процесс трансформации как способ преодоления общественных противоречий и потому, возможно, предложит немало интересного с точки зрения стратегии перехода к новой системе социально-экономических координат развития, выработает новые методы диагностики экономических кризисов и неурядиц. Упомянутая проблема заслуживает внимания, поскольку инструментарий нормальных экономик оказался практически бесполезным для кризисных экономик, и причина этого заключается не в «исчезновении знания», а в неполноте его, которую и выявила эпоха трансформации» /2/.

И далее. Мысль о всеобщем высоком социально-экономическом развитии в рыночных условиях – «это такая же утопия, как и идея о наступлении всеобщей эры коммунизма (правда, есть такой вариант – определенное усреднение уровня потребления всех стран за счет перераспределения дохода в пользу бедных, что сделает мир более устойчивым). В этой связи можно даже сформулировать принцип о необходимом существовании в данном временном интервале в мире государств с различными хозяйственными системами, так как для развитых стран необходимы страны, выполняющие роль сырьевого придатка и экологического отстойника (впервые этот принцип сформулирован в работе «Социальная рыночная экономика: вопросы теории» под редакцией Г.П. Лузина, 1993), а это значит, что не для всех государств стремление к рыночным (или, точнее, к преимущественно рыночным) экономическим отношениям является научно оправданным. Таким образом, рыночные отношения сами по себе могут способствовать как повышению эффективности, так и усилению экономической зависимости – многое зависит от исходного технологического уровня экономики и состояния мирового рынка. Ведь не следует забывать, что из всей совокупности рыночных государств к высокоразвитым относится только небольшая часть, существенную долю доходов, которым дают проценты за предоставляемые кредиты, неэквивалентный обмен и эксплуатация дешевой рабочей силы в странах «третьего мира»: добавим также, что в последнее время к высокоразвитым странам не добавилось ни одно государство, более того, разрыв между ними и развивающимися странами увеличивается» /3/.

Автор разделяет точку зрения Данилова о том, что приведенные факты указывают, прежде всего, на «нереальность нынешних упований на всеобщность блага, которое принесет с собой тотальное изменение социально-экономических условий существования десятков государств.

Не умея пока предвидеть результаты происходящих в мировом сообществе реформационных процессов, ученые вновь заговорили о «возрастающем значении» теории, хотя пока никто не готов предложить новых и действительно радикальных мер экономического обновления. Ни синергетика, ни теория катастроф и волновых явлений не обещают пока каких-либо существенных прорывов в уяснении существа происходящих событий» /4/.

И далее. «Тупики, обнаружившие себя в процессе трансформации, побуждают все большее число ученых утверждать, что очередное шараханье» ничем не оправдано, и путь к высокому уровню сбалансированного экономического развития не обязательно идет через повторение опыта западных стран, поскольку повторить его в нынешних условиях просто невозможно» /5/.

Лузин и Павлов в статье «Об изучении переходных, кризисных состояний экономики» заявляют: «С научной точки зрения совсем не очевидно, что для России и для других стран переход к рынку – единственно возможный путь» /6/.

Как пишет Данилов, «Велико искушение – привести мир к единообразию и тем самым к умиротворению, повторяя везде однотипные модели. Но действительность сопротивляется этим благим или неблагим намерениям. В муках и противоречиях повседневной жизни все эти страны в какой-то степени вырабатывают свой собственный путь трансформации и рыночного хозяйства» /7/.

Напомним, что главный творец германского «экономического чуда» Людвиг Эрхард, начиная восстановление немецких земель в послевоенный период, постоянно подчеркивал, что «синтез элементов развития рождает новые качества. Нет никаких сомнений, что и процесс трансформации приведет к образованию качественно новых экономик и социальных сообществ, параметры которых ныне едва ли просматриваются» /8/.

Политическая практика показывает, что нигде и никогда нельзя игнорировать общественное мнение. Это подрывает как само доверие населения к реформам, так и снижает уровень их эффективности. Стратегия национального развития обязательно должна признаваться и поддерживаться большинством. Ведь если вникнуть в суть высказываний Эрхарда по поводу процессов трансформации, то становится ясным, что только та экономическая система является жизнеспособной и эффективной, которая ориентирована на все общество в целом. «Надо стремиться к тому, чтобы от растущих доходов выигрывали как можно более широкие круги населения, чтобы само увеличение доходов было пропорционально росту экономического потенциала» /9/.

Думается, что именно в настоящее время актуальны и становятся понятны современникам и мысли Генри Форда, олицетворявшего со-

бой попытку соединения частного интереса с высоким идеалом общественного служения: «От накопления частных состояний страна не станет великой. Превращение земледельческого населения в промышленное также не способствует величию страны. Страна становится великой, если достояние ее распределяется среди возможно более широких кругов населения и наиболее справедливым образом, при осторожном и разумном развитии ее доходных источников и работоспособности народа» /10/. Он требовал учета различных факторов, в том числе и чисто человеческих, зная один критерий освоения действительности: «максимум пользы для большинства народа» /11/.

Приведенные цитаты позволяют отметить, что для государств, экономика которых находится в переходном состоянии, чрезвычайно важны вопросы формирования социальной политики, а также сокращения негативных последствий рыночных реформ, так как от их решения зависит устойчивое социально-экономическое развитие данных сообществ.

Для этого необходимо, чтобы государство постоянно отслеживало социальные проблемы, а сама государственная политика обеспечивала справедливое распределение результатов развития и способствовала сокращению бедности и неравенства. Возможно же это только при условии, когда само Правительство считает обеспечение социальных основ одним из приоритетов своей деятельности.

Причем государственная политика и программы должны быть направлены не просто на содействие экономическому росту, но и, подчеркнем еще раз, на обеспечение справедливого распределения конкретных результатов рыночного развития, в особенности посредством инвестиций в образование и здравоохранение. Государству необходимо также обеспечить защиту имущественной и личной безопасности граждан от каких-либо посягательств.

Ресурсы и услуги, выделяемые государственными мероприятиями и программами, следует использовать для тех людей, которые нуждаются в них более всего.

Важнейшими вопросами здесь, на взгляд автора, являются организация и мобилизация ресурсов, что обеспечило бы реальное осуществление социальной политики, в том числе гарантировало бы предоставление необходимого спектра услуг для населения, а также выяв-

ление социальных проблем, которые возникают на пути интеграции. Требуют дальнейшего изучения и рассмотрения вопросы о том, что происходит в странах, когда они переходят от централизованной экономики к рыночной? Что получит в итоге та или иная страна, так как понятно, что итоги трансформации будут разными для разных стран? Какие проблемы порождает процесс децентрализации? Как это сказывается на гражданах? Что, наконец, получит западное сообщество, добившись однотипности политических и экономических систем?

В переходный период у людей имеет место обостренное чувство социальной незащищенности, присутствует целый комплекс проблем, связанных с уменьшением заработной платы, пенсий, пособий, упразднением или значительным сокращением льгот, усилением социальной дифференциации в обществе и недоступностью многих видов социальных услуг для определенных групп населения. Наиболее негативно это отражается на наименее обеспеченных слоях общества.

Практически везде в обществе, переживающем переходный кризис, экономические различия достигают особой глубины. В переходных социумах абсолютное повышение жизненного уровня одних зачастую сочетается с относительным обеднением тех, чья жизнь улучшается медленнее, а абсолютное понижение жизненного стандарта – с относительным обогащением тех, кто теряет сравнительно немного. Кроме того, не слишком часто встречается параллельно происходящее абсолютное обогащение и абсолютное обеднение значительных масс людей. Таким образом, крайние позиции всегда опасны.

Российский ученый С. Кузьмин считает, что разрушительную роль играет в настоящее время социальный кризис, расколовший общество на отдельные социальные группы и подгруппы и вынуждающий правящие круги формировать особую политику по отношению к каждой из групп, маневрируя, в частности, оставшимися рычагами государственной поддержки. Это обстоятельство также не способствует единению общества, в свою очередь, негативно отражаясь на мотивации труда и солидарной производительной деятельности общества. Падение производительности общественного труда – прямой результат этой негативной тенденции. И приватизация государственной собственности в том ее виде, в котором она осуществляется, не соответствует основам социальной справедливости.

В связи с важностью для понимания сути проблемы высказываний ученого приведем их полностью.

«Резкий сдвиг в траектории социального развития любого общества, конечно, не может быть случайным, вызванным какими-либо малозначащими (в историческом контексте) или конъюнктурными обстоятельствами. Эти случайные обстоятельства или явления, какой бы размах они ни принимали, в конечном счете, не меняют систему радикально, после них все, как правило, «возвращается на круги своя». Походы Разина, пугачевский бунт, всколыхнувший пол-России, не могли изменить социальную структуру тогдашнего общества; не изменило ее и осознанное, имеющее разработанную программу переустройства России движение декабристов. Очевидно, что истинные «революции» созревают в тиши повседневной жизни, социальная революция – это, прежде всего, внутренняя, чаще всего невидимая глазу перестановка сил внутри общества, в результате которой социальная трансформация, приход к власти иных социальных групп является лишь завершающим этапом этого процесса» /12/.

В политическом аспекте новые социальные силы отличаются чрезвычайной незрелостью. Это выражается, во-первых, в их раздробленности, недостаточной политической консолидации. Во-вторых, в том, что они не овладели инструментарием гражданского согласия, обязательного для любой развитой рыночной экономики. Напротив, многие внешние проявления деятельности этих социальных сил накаляют обстановку, резко выпячивают теневые стороны капиталистического хозяйствования, тщательно скрываемые на Западе (слишком бросающиеся в глаза проявления имущественного неравенства, подчеркивание особенных отношений с властями, неподсудность крупных «новых богачей» и т. д.).

Еще одно обстоятельство, которое также определяет траекторию социально-экономического развития России, – это усиливающееся верховенство компрадорской деятельности и компрадорских групп над группами, работающими (или пытающимися это сделать) на внутренний рынок. Данное явление знакомо практически всем странам, находившимся в начале капиталистического развития. Это вполне объяснимо: рынок сразу же нащупывает наиболее быстрый и легкий способ зарабатывания денег. Уход компрадоров на второй план по сравнению с производителями товаров и услуг в этих странах, как известно, про-

исходил в результате неуклонного вытеснения посреднического капитала производительным, объективной основой этого процесса была растущая выгодность и привлекательность внутреннего рынка по сравнению с компрадорской деятельностью, в чем немалую роль играло государство с его гибкой политикой поощрения одних групп и определенного ограничения других.

У нас же пока не началось вытеснение компрадорской деятельности производительной. Переломить ситуацию может лишь курс на стимулирование инвестиционной деятельности, на всестороннюю защиту инвестиций и инвесторов /13/.

Профессор университета им. Дж. Гопкинса Зб. Бжезинский, предполагая, что социально-экономическая трансформация на территории прежнего СССР будет длительной и болезненной, рекомендует, чтобы Запад не настаивал на поголовной замене старых, коммунистических догм новыми догмами капиталистической практики: любая попытка навязать политическую демократию и одновременно свободную рыночную экономику, которая самым тщательным образом не просчитывает, как свести к минимуму социальные издержки подобного перехода, может привести к «нежелательным коллизиям». К сожалению, именно эти важнейшие методологические указания одного из лучших аналитиков Запада, которые полнее всего учитывают его геополитические интересы, ныне, кажется, многими уже забыты /14/.

Надо иметь в виду и тот непреложный факт, что разрушение тотально идеологизированного и политизированного госсоциалистического строя ведет к тому, что необходимая деидеологизация оборачивается тотальным отказом от идеологии, от нравственных и идеальных императивов вообще и возникает опасность идейно-этического вакуума. В этой обстановке материальное положение людей и групп может на какое-то время стать суррогатом идейных и этических критериев, а то чуть ли и не единственным показателем жизненных достижений, приобрести самоценное значение.

Одновременно «повышение роли денег и материальных ценностей в качестве измерителя жизненного успеха, создавая угрозу идеальным началам людского существования, многообразию его целей, оказывается мощным средством утверждения равенства различных видов жизнетворчества. В этом смысле замещение множества профес-

сиональных, чиновных, наследственных статусов деньгами есть форма демократизации повседневной жизни» /15/. Конечно же, вероятность материальных достижений и связанного с ними признания остается «неодинаковой для категорий и групп, имеющих разный социальный статус и занятых разными видами социальной активности. Но, по крайней, мере слабеет внеэкономическая иерархия сословно-статусной принадлежности, которая составляет отличительную черту феодальных и тоталитарных (в том числе госсоциалистических) обществ. Так что в момент перехода к рыночному общественному устройству экономическая дифференциация может замещать дифференциацию ценностно-культурную» /16/.

Представляется, что в настоящее время в Казахстане именно экономические элементы могут оказаться своего рода ключом к пониманию весьма существенных процессов, формирующих новые социальные неравенства и определяющих напряженность социального развития в целом.

Переходная природа нынешней социальной ситуации придает всем ее элементам, в том числе и социальной дифференциации, смутный, незавершенный и во многом неопределенный характер. Если то, от чего отходит казахстанское общество, сравнительно понятно, то куда движется страна, какой строй и какая социальная структура формируются, пока еще не вполне ясно. Последовательное изучение отдельных сторон действительности, сосредоточение на том, что может быть подвергнуто анализу, исходя из имеющихся материалов, так или иначе определяет главные подходы к постепенному познанию социальных реальностей, кристаллизирующихся из первичной «социальной взвеси» переходного времени. В данной связи полезно, отбирая объекты изучения, учитывать не только их потенциальное значение в жизни социума (тем более что пока трудно быть уверенным в сравнительной важности тех или иных феноменов), но и брать в расчет доступность объектов исследования, надежность и полноту характеризующих их данных. Изучение экономических различий обеспечено такими данными лучше, чем исследование многих других сторон социальной дифференциации. Кроме того, эти различия в известном смысле проще социально-культурных и социально-классовых делений. Соответственно, они особенно пригодны для первичного анализа, в том числе, когда выделение групп производится не по одной ха-

рактеристике (как бы важна она ни была), но одновременно по нескольким показателям, на многомерной основе /17/.

Поскольку социальная политика, по сути, есть выбор между определенными общественными интересами и приоритетами, включающий в себя в той или иной степени перераспределение национального дохода, а ее проведение предполагает значительное государственное вмешательство, постольку это объективно переводит ее из чисто экономической плоскости в политическую. Справедливо отмечает казахстанский ученый И.Н. Тасмагамбетов, что «проблема исследования социальной политики до сих пор является монопольной прерогативой экономистов, отражаясь на односторонней направленности проводимого анализа, что не может не вызывать беспокойства. В литературе можно встретить экономические подходы к исследованию социальной политики, однако, остается практически без внимания анализ взаимозависимости социального и политического аспектов трансформации общества» /18/. В этой связи представляется, что актуальность комплексного изучения эволюции социальной политики в контексте политической трансформации казахстанского общества несомненна, важна и востребована.

И далее. «Проблема выбора стратегического направления социальной политики особенно остро стоит в трансформирующемся обществе также потому, что, во-первых, трансформация предполагает некоторую нестабильность, а социальная напряженность в условиях отсутствия опыта и институтов разрешения конфликтов чревата общественной дестабилизацией и откатом к прежнему состоянию; во-вторых, демократизация политической системы сопровождается массовой социальной мобилизацией, когда происходит значительная политизация общества и массы втягиваются в политику: в этих условиях неучет мнения электората означает отказ от демократических принципов, а выполнение предъявляемых требований ведет к подрыву предпосылок экономического роста, что иначе можно истолковать как появление противоречий между социальным, политическим и экономическим аспектами трансформации; в-третьих, эффективная социальная политика всегда являлась мощнейшим средством легитимации власти, а переходные периоды как раз отличаются дефицитом легитимности; в-четвертых, временное снижение уровня жизни населе-

ния в результате реформ ведет к перерастанию социальных требований в политические, выдвигая на первый план политической жизни социальную идею» /19/.

В последние годы стало особенно очевидно, что процессы трансформации в постсоветских странах проходят гораздо сложнее, чем предполагалось ранее, и наиболее уязвимыми оказались именно социальные структуры.

Возникает резонный вопрос: каковы, с точки зрения автора, основные препятствия, которые мешают мобилизовать имеющиеся ресурсы и обеспечить предоставление социальных услуг на более высоком уровне? Прежде чем ответить на него, представляется необходимым рассмотреть некоторые позиции преобразования экономики.

Здесь уместно привести мнение Е. Мачкува, который считает, что преобразование социалистической экономики в рыночную подразумевает либерализацию, приватизацию и стабилизацию /20/.

Либерализация предполагает, в первую очередь, предоставление свободы экономической активности, отказ от контроля за ценами и открытие государственных границ для импорта товаров из-за рубежа. В то же время либерализация должна иметь известные пределы. Так, в частности недопустимо наделять находящиеся в общественной собственности предприятия правом самостоятельно устанавливать размеры заработной платы, ибо даже обоснованное повышение последней способно подорвать экономическую стабильность. Неизбежным следствием либерализации является инфляция, которая вместе с жесткой финансовой политикой – еще одна стабилизационная мера – ведет к быстрому росту нищеты, а также глубокому экономическому спаду.

Известно, что приватизация в противовес либерализации открывает возможность скорого обогащения, что значительно расширяет водораздел между богатыми и бедными.

Учитывая сказанное, следует констатировать, что революционное стремление к введению рыночной экономики чревато серьезным политическим риском. Чтобы добиться успеха на данном поприще, обществу приходится платить высокую цену. Тяжесть неизбежных издержек может, в свою очередь, стать причиной народного протеста против социальных последствий перехода к рынку и повлечь за собой электоральные поражения реформаторских правительств. Иными сло-

вами, политическая свобода юных демократий оказывается препятствием на пути реализации настоятельных потребностей экономики.

Поэтому с прагматической точки зрения было бы лучше, если бы постсоциалистическая трансформация, направленная на установление рыночной экономики, произошла в период экстраординарной политики. Чем более энергично и последовательно новые правительства осуществляют переход к рыночной экономике, тем более высокими кажутся социальные издержки реформ и тем больше шансов на то, что в среднесрочной и долгосрочной перспективе можно будет пожинать плоды системной трансформации. Правительства, сделавшие выбор в пользу «шоковой терапии», следовали логике политических настроений. Сторонники же «постепенного перехода», выступая за «социальную справедливость», упускают из виду те непреложные факты, что социальная напряженность и конфликты неизбежны даже при постепенном подступе к преобразованиям и что оттягивание или растягивание реформ не спасает от инфляции, роста безработицы и других спутников экономического спада.

Опыт показывает, что процесс создания современной рыночной экономики на месте централизованного планового хозяйствования длится десятилетиями. Шоковая терапия может лишь способствовать скорейшему осуществлению первоочередных и наиболее непопулярных экономических мер. Широкомасштабная приватизация или закрытие унаследованных от социалистической эпохи предприятий крупной промышленности потребует гораздо большего времени.

Исходя из чрезвычайной важности фактора политической стабильности в период трансформации экономической системы представляется весьма целесообразным рассмотреть два блока проблем.

Первый – это отсутствие в странах, которые находятся в переходном периоде, устойчивого экономического развития. А без этого, естественно, общество не может обеспечить гражданам адекватные социальные услуги и необходимое социальное обеспечение. Ведь только с подъемом экономики можно решить вопросы занятости населения, повысить его доходы, сохранить кадры высококвалифицированной рабочей силы. Таким образом, макроэкономические проблемы и социальная политика взаимосвязаны, и их эффективность зависит друг от друга.

Представляется важным иметь в виду, что главной целью устойчивого

развития общества является не только повышение уровня жизни населения, но и улучшение ее качества: рост удовлетворенности жизнью в обществе, увеличение ее продолжительности, обеспечение духовной гармонии.

В настоящее время в силу отсутствия достаточно четкого понимания термина «устойчивое развитие» в разных странах, в зависимости от национальных интересов той или иной страны, в это понятие вкладываются самые разнообразные смысл и содержание. Национальные программы устойчивого развития, как правило, отражают, прежде всего, собственные национальные интересы, которые не всегда гармонируют с интересами других стран и глобальными интересами человечества. Наличие противоречий между странами уже предполагает отсутствие устойчивого развития как в глобальном масштабе, так и самих стран с противоречащими друг другу интересами.

В имеющейся отечественной научной литературе отмечается, что, к примеру, страны Западной Европы под устойчивым развитием понимают, прежде всего, сбалансированность между производством и потреблением, предполагающую увеличение расходов государства и общества, связанных с охраной окружающей среды, экологичностью производства, ресурсосбережением, вторичным использованием ресурсов и т.д.

Скажем, в США в понятие «устойчивое развитие» вкладывается примерно тот же смысл, что и в Западной Европе, однако американская специфика заключается в том, что, помимо внутренних, Соединенные Штаты определяют для себя и многообразные внешние аспекты устойчивости в соответствии со своими национальными интересами и той ролью, которую играет эта страна в мировых процессах.

Для развивающихся стран такая ориентация означает необходимость расстаться с мечтой экономического и технологического прорыва в будущем. Поэтому для этой группы стран определяющим аспектом устойчивого развития являются темпы экономического роста, от которых зависит решение проблем нищеты, голода, болезней, безграмотности, других социальных и демографических проблем.

Совсем иное значение имеет термин «устойчивое развитие» для стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Здесь на первый план выдвигаются задачи территориальной целостности, экономической стабилизации, гражданского согласия, построения право-

вого общества, а для многонациональных государств еще и задача сохранения межнационального согласия.

В случае с Казахстаном возможно несколько сузить проблему и рассмотреть, из чего складываются социально-экономические основы устойчивого развития. По выражению Л. Эрхарда, «конечной целью всякого хозяйствования может быть только потребление» /21/, т.е. общая цель развития заключается в достижении уровня потребления, обеспечивающего гражданам страны достойный для данного времени уровень жизни. Величина этого показателя зависит от целого ряда специфических факторов, таких как: наличие природных ресурсов в достаточных объемах; численность населения и показатели его роста; наличие соответствующей рыночной инфраструктуры и законодательной базы; технологические и финансовые ресурсы, имеющиеся для производства товаров и услуг; степень развитости рыночных отношений; существующая система распределения и т.д.

Весьма интересным представляется взгляд на проблему казахстанских ученых К.Л. Сыроежкина и С.М. Акимбекова, которые отмечают, что «обычно выделяется три иерархически взаимосвязанные проблемы, с решением которых связано устойчивое развитие. Они сводятся к поддержанию:

1) устойчивого масштаба экономики, который соответствовал бы ее экологической системе жизнеобеспечения;

2) справедливого распределения (distribution) ресурсов и возможностей не только в рамках нынешнего поколения людей, но также между нынешним и будущими поколениями, а также между человеком и другими биологическими видами;

3) эффективного распределения (allocation) ресурсов во времени, которое бы адекватно учитывало природный капитал» /22/.

С экономической точки зрения концепция устойчивого развития основывается на определении уровня дохода. Данный подход был разработан Дж. Хиксом. Он подчеркивает, что «в практической жизни определение уровня дохода преследует цель указать людям, сколько они могут потреблять, не делая себя при этом беднее» /23/.

Следовательно, с социальной точки зрения концепция устойчивого развития направлена на сохранение социальной и культурной стабильности, в том числе на сокращение числа разрушительных конфликтов как в конкретном государстве, так и в мире в целом. Она исходит из того, что без справедливого распределения ресурсов и возможностей между всеми чле-

нами человеческого общества устойчивое развитие невозможно. Именно поэтому фундаментальной идеей концепции устойчивого развития стала идея соблюдения прав будущих поколений.

Наконец, с экологической точки зрения устойчивое развитие должно обеспечивать стабильность биологических и физических систем. При этом особое значение имеет жизнеспособность локальных систем, от которых зависит глобальная стабильность всей биосферы в целом.

Таким образом, можно отметить, что под устойчивым понимается такое развитие, которое, удовлетворяя потребности настоящего времени, не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности. Но это не просто комплекс экономических, экологических и социальных условий, обеспечивающих жизнедеятельность общества, а, скорее, комплекс идей, составляющих основу понимания нового миропорядка и устройства общества /24/. С этих позиций, по-видимому, и стоит оценивать степень устойчивости развития Казахстана.

Переход к рыночной экономике в республике также потребовал значительно больше времени, чем это представлялось ранее. И более ясен стал тезис о том, что «переход от рыночной экономики к плановой не представляет никаких проблем, тогда как наоборот, замена плановой экономики свободным рыночным хозяйством сопряжена с неимоверными трудностями» /25/.

Ведь происходит не введение каких-либо новых отдельных элементов хозяйствования, а коренное изменение всей экономической системы, происходящее, к тому же, в условиях неопределенности и нестабильности всех общественных отношений и само, кроме того, порождающее и неопределенность, и нестабильность. Именно в этом и есть сложность проводимых преобразований.

Применительно к Казахстану положение осложняется еще и тем, что республика была, образно говоря, вырвана из сложившейся десятилетиями системы разделения труда. Экономику, по сути, перегрузили периодически повторявшиеся в первые годы реформ неплатежеспособность предприятий и банков, финансовые спекуляции, задолженность по выплатам зарплаты и соцпособий, неясности в расчетах между кооперирующимися предприятиями, оказавшимися по разные стороны границ, огромная инфляция.

Уместно вспомнить, что в первой половине 90-х годов академик Т. Ашимбаев прогнозировал, что к 1996-1997 годам республика выйдет на 3-5%-й рост промышленного производства. Вместо этого в 1994-1998 годах Казахстан имел среднегодовой минус темпов развития ВВП (-4,2%). И теперь стране для того, чтобы к 2010 году выйти на уровень 1990 года, когда был достигнут максимальный объем ВВП, по расчетам Г. Султанбековой, потребуется обеспечить ежегодный темп роста в размере не менее 3,5-4% ВВП /26/.

Тем не менее, представляется возможным все же отметить главный полученный результат нынешнего этапа реформ – переход к рыночной экономике стал необратимым. В Казахстане в основном завершена приватизация. В экономике преобладает негосударственный сектор. Сформированы одна из лучших в странах СНГ банковская система и рынок ценных бумаг. За годы реформ доля малых предприятий в ВВП возросла в 7 раз, а численность работающих в малом бизнесс, скажем, уже в 1998 году достигла 1,2 млн. человек, что составляет почти 20% от общего числа занятых в экономике страны /27/.

Правительство приобрело определенный опыт противостояния нежелательным экономическим тенденциям, становится более современным управленческий экономический инструментарий. Имеет место также макроэкономическая стабилизация, подкрепленная низкой инфляцией, и подконтрольный обменный курс валюты, либерализованные цены и более или менее синхронно работающие товарные рынки.

Апрельская девальвация тенге 1999 года, рост цен на нефть и другие виды сырьевых ресурсов, успешная реализация политики импортозамещения настолько изменили экономическую ситуацию в стране, что Правительство в своем Заявлении «О дальнейшем реформировании экономики в целях обеспечения устойчивого роста» уже в 2000 году поставило практическую задачу «по закреплению факторов, которые обеспечивают устойчивый рост нашей экономики и ее дальнейшее развитие». В этом же Заявлении прогнозировался рост ВВП в 2000 году в размере 5,5% /28/. Фактический же прирост ВВП составил 9,8% и значительно превысил показатель, заложенный в индикативном плане, достигнув 2.596 млрд. тенге. А ведь исходя из него рассчитывался бюджет 2001 года /29/. И именно благодаря этому Правительство смогло в апреле 2001 года войти в Парламент с предложением об увеличении республиканского бюджета на 25 млрд. тенге.

Как отметил Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев в своем выступлении на восьмой сессии Ассамблеи народов Казахстана в октябре 2001 года, подводя и осмысливая первые итоги проведенных страной реформ, следует констатировать, что Казахстан преодолел экономический спад, вышел из тяжелейшего социально-экономического кризиса, перешагнул «болевой порог» реформ переходной экономики. В стране начался экономический подъем. Если в 2000 году рост ВВП составил 9,8%, то только за 9 месяцев 2001 года прирост промышленности достиг почти 13%. Внешнеторговый оборот за полгода вырос почти на 18%. Инвестиции в основной капитал за 8 месяцев этого года увеличились на 26%. Сотни тысяч людей имеют свой бизнес. Заработали тысячи предприятий. Люди вернулись на производство. Сократилась безработица, заметно выросла зарплата. В 2002 году минимальная пенсия возрастет почти на 45% к уровню 1999 года. Высокие темпы экономического роста позволяют решать вопросы социально-экономического развития, стратегические задачи безопасности /30/.

Приведенные факты и цифры вполне позволяют проблему устойчивого развития поставить в практическую плоскость, тем более что Республика Казахстан располагает разнообразными минералами, значительными запасами нефти, угля, рудами черных и цветных металлов, которые создают хорошую основу для устойчивого экономического роста. Вопрос в том, чтобы доход, получаемый от эксплуатации природных богатств, использовать таким образом, дабы развивались, прежде всего, наиболее современные отрасли перерабатывающей промышленности, так как именно они, в первую очередь, создают условия для устойчивого развития. В конечном итоге должно выиграть население республики.

С началом практической реализации пенсионной накопительной системы на фондовом рынке Казахстана появился новый самостоятельный класс институциональных инвесторов в лице накопительных пенсионных фондов. И хотя основную долю в их портфелях по состоянию на начало 2001 года составляют государственные ценные бумаги – 75,8%, возрастающая роль накопительных пенсионных фондов как инвесторов на фондовом рынке несомненна. В частности, суммы финансовых средств, которыми они располагают, выросли с 9.025,9 млн. тенге в первом полугодии 1998 года до 112.649,4 млн. тенге на

начало 2001 года, т.е. в 12,5 раза. При этом ими было вложено в корпоративные ценные бумаги на эту же дату 17,21 млрд. тенге /31/.

Ситуацию на рынке личных сбережений изменило создание в декабре 1999 года «Казахстанского фонда гарантирования (страхования) вкладов (депозитов) физических лиц». Доверие вкладчиков к банковской системе в значительной степени возросло, следствием чего был 73% рост вкладов физических лиц за 2000 год и дальнейшее снижение доли вкладов в Народном сберегательном банке с 66,3% в 1998 до 39% в 2000 году, что также свидетельствует об укреплении доверия населения к негосударственным банкам /32/.

Следствием концентрации банковского капитала были изменения, происшедшие за эти годы в динамике, объемах и структуре кредитных вложений в экономику страны. В начале 90-х годов в условиях разбалансированности экономики доля долгосрочных кредитов снизилась почти в 6 раз – с 27,4% в 1990 году до 4,7% в 1993 году. С 1994 года благодаря жесткой политике Нацбанка, выполнению краткосрочных программ преобразования банковской системы Казахстана удалось изменить направленность этого процесса. При общем росте кредитных вложений за семь лет в 6,2 раза, доля долгосрочных кредитов с 4,4% в 1994 года выросла до 48,2% в 2000 году, в абсолютном выражении – с 1.950 млн. тенге до 132.987 млн. тенге, или в 68 раз /33/.

В настоящее время появились принципиально новые возможности для обеспечения устойчивого развития. Создан Национальный фонд, призванный выполнять две функции: сберегательную и стабилизационную. Уже в первом полугодии 2001 года активы фонда составили около 1 млрд. долларов, к концу 2001 года планируется 1,5 миллиарда. Одновременно создан и Банк развития Казахстана с уставным фондом 200 млн. долларов. Их создание означает переход нашей экономики и государственных финансов на новый качественный уровень.

Отмечая положительные тенденции в развитии экономики, вместе с тем необходимо одновременно подчеркнуть, что в Казахстане приобрело ярко выраженный характер неравенство в распределение доходов. Здесь, как и в других постсоветских странах, оказались нарушенными оптимальные, проверенные мировой практикой, пределы дифференциации доходов. Известно, что развитые страны, ориентирующиеся, как правило, на социальный мир, и сформировавшие мощный средний класс,

имеют невысокие различия в уровне доходов. В Казахстане же разрыв в уровне доходов 20% наиболее состоятельных и самых бедных слоев населения в дореформенные годы составлял 3,6 раза, в первом полугодии 2000 года – уже 7,3 раза, причем по 10% самых богатых и самых бедных превышение в 1999 году составило 11 раз /34/.

Возникает вопрос: в чем же причина столь заметного неравенства в распределении доходов?

Отечественные ученые Сыроежкин и Акимбеков видят ответ, в частности, в том, что на первом этапе реформ «в силу отсутствия сформировавшегося гражданского общества, альтернативой ему выступило государство, что нашло свое выражение, главным образом, в специфике трансформации «социалистической собственности» на средства производства. Вместо предопределенного логикой демократических преобразований полного отделения государства от бывшей социалистической собственности, произошло обратное: государство объявило себя юридическим собственником средств производства, вследствие чего, с одной стороны, государство присвоило социалистическую собственность, с другой, – во многом перестало нести ответственность за социальную сферу. Это и послужило причиной тех негативных тенденций, которые возникли в политической и социальной сферах /35/.

На одном рубеже – бюрократическая буржуазия, обладающая экономическим и внеэкономическим господством и стремящаяся навечно закрепить его путем спекуляций на многочисленных функциях государства через систему «право-привилегия». На другом – различные социальные группы, в той или иной мере сумевшие приспособиться к новым производственным отношениям: рабочие и служащие некоторых промышленных предприятий, главным образом, переданных под иностранное управление; отдельные фермерские хозяйства; работники сферы обслуживания («челноки», мелкие и средние торговцы и ремесленники, некоторые категории научно-технической интеллигенции и т.д.). На третьем – гигантская масса деклассированных элементов, численность которых постоянно увеличивается.

Таким образом, отмечают Сыроежкин и Акимбеков, трансформация «социалистической собственности» не привела к ожидаемому появлению свободных персонифицированных собственников и свободного рынка, настоящих экономических и правовых отношений, форми-

рованию массового среднего класса. Более того, общество оказалось расколотым на меньшинство собственников и большинство несобственников. Государство, объявив себя юридическим собственником средств производства, фактически создало условия для возникновения симбиоза власти и собственности, столь характерного для феодальной стадии развития общественных отношений. Отсюда далеко до буржуазного гражданского общества, где давно уже утвердившееся всеобщее формально-правовое равенство существенно дополняется развитой системой социальной политики за счет собственников и верхов общества в пользу несобственников и низов общества. Разница большая, можно сказать, формационная: там привилегии на стороне несобственников, в Казахстане же они предоставлены собственникам /36/.

Уместно заметить, что современная мировая практика опровергает утверждение, будто имущественное расслоение неизбежно и даже необходимо. Порождаемое нерегулируемым рынком чрезмерное расслоение является не чем иным, как социальной деградацией. Именно поэтому нерегулируемый или слабо регулируемый государством рынок не облегчает, а ощутимо усложняет переход к устойчивому развитию. Различие в доходах должно отражать только различие в трудовом и интеллектуальном вкладах людей в достижение целей, определяемых обществом. Слишком глубокое имущественное расслоение является, на взгляд автора, весьма тревожным фактом, который может привести в будущем к серьезным негативным последствиям.

Второй блок проблем. Ослабление роли Правительства, недостаточное уважение граждан к институтам власти. При централизованной экономике правительство всегда считалось сильным, но в процессе трансформации общества, когда в действиях органов верховной власти нет достаточной открытости, очень сложно определить, каким путем следует идти, чтобы решить ту или иную социальную проблему. Понятно и то, что рыночная экономика, основанная на частном предпринимательстве, может только направляться, но не контролироваться в полной степени центральными или местными государственными органами управления.

Между тем принижать роль правительства, государства в целом в странах с переходной экономикой нельзя, так как она весьма значительна, прежде всего, в координировании направлений социально-эко-

номического развития государства. Наличие сильной государственной власти, способной осуществлять социально-экономическую трансформацию, является решающим фактором успеха проводимых преобразований и реформ. Интересным представляется взгляд на эту проблему А.Н. Данилова: «Сильное государство – это либо демократическое государство, располагающее прочной легитимностью, либо авторитарное государство в его технократических или популистских вариантах. Даже эта вторая альтернатива, несомненно, предпочтительнее хозяйственного паралича и краха, хотя не исключено, что она не приведет к образованию среды, благоприятной для появления национального предпринимательства» /37/.

Экономическая политика, безусловно, создает фундамент для решения социальных проблем развития общества, которые, в свою очередь, позволяют решать экономические задачи. Один из способов мобилизации ресурсов – реструктурирование экономики с распределением средств по тем секторам или отраслям, которые связаны с предоставлением социальных льгот беднейшим слоям населения.

Несомненно, что социально-экономическая политика – одно из главных направлений внутренней политики государства, призванное обеспечить воспроизводство тех социальных ресурсов, из которых оно черпает себе поддержку и создает предпосылки для расширенного воспроизводства и своей деятельности, а также обеспечения стабильности всей общественной системы. При этом всегда возникает вопрос либо о пределах вмешательства государства в социальную и экономическую сферы, либо о степени негативных последствий в случае, когда государство, образно говоря, «сбрасывает» с себя эту ответственность.

Особенно актуально этот вопрос звучит в трансформирующихся (транзитных) обществах, где развитие политических, экономических и социальных процессов характеризуется неустойчивостью и незавершенностью, что создает условия для активизации деструктивных процессов на почве возникновения противоречий между социальными, экономическими, политическими и культурно-цивилизационными аспектами преобразований. Именно поэтому концептуальный выбор определенного типа социально-экономической политики может приобрести решающее значение в эволюции самого политического режима, определив успешность либо крах процесса демократической модернизации общества /38/.

Согласно современной теории государственного сектора (Public Economics), государство в развитой рыночной системе призвано обеспечивать институционально-правовую структуру экономики и восполнять так называемые «провалы рынка» (market failures). Соответственно, называются следующие его функции:

Во-первых, производство «общественных благ» (оборона, охрана общественного порядка, общественные услуги и пр.).

Во-вторых, защита общества от «внешних эффектов» (охрана природной среды).

В-третьих, регулирование «естественных монополий» (энергетика, транспорт, связь).

В-четвертых, корректировка последствий социального неравенства, порождающего чрезмерное неравенство в доходах.

В-пятых, стабилизация экономики и поддержание экономического роста.

Чтобы ограничить роль государства именно этими функциями, требуются глубокие реформы как экономики, так и самого государства – его аппарата и рычагов его воздействия на экономику. При этом «речь идет не о невмешательстве государства в экономику, а о правилах этого невмешательства, т.е. о том – и это главное, – что будет представлять из себя государство» /39/.

Опыт и история развития передовых стран дают немало свидетельств того, что влияние государства на экономические процессы не всегда прямо пропорционально величине государственной собственности или доле государственного предпринимательства в национальном хозяйстве. Все большей популярностью в последнее время пользуется экономическая школа, сформированная на основе открытий Джона Челбрейта, полагавшего, что уровень эффективности экономики определяет не столько форма собственности, сколько тип организации и управления хозяйствующими субъектами. Во всех без исключения случаях государство, чтобы выступать гарантом эффективного функционирования рыночного и конкурентного механизма, объективно занимает такое положение в обществе, когда обязывает его, во-первых, аккумулировать и выражать интересы общества в целом, во-вторых, поддерживать гибкие, но единые «правила игры» в национальной экономике, в-третьих, служить надежным «тылом», а перед-

ко и «впередсмотрящим» для национальных кампаний на мировом рынке /40/. Получается, что сегодня, когда минул уже не один век в истории рыночного развития, отмеченные «экономические обязанности» государства не блекнут и не умаляются, а становятся все более решающим фактором социально-экономического прогресса.

Вполне можно согласиться с отечественными исследователями, которые отмечают, что если суммировать различные подходы и высказывания по поводу роли государства в переходной экономике, то складывается представление о трех основных направлениях его деятельности.

Первое направление – неуклонная работа по созданию институтов, как правовых, так и организационных, необходимых для функционирования рыночной экономики. При этом, однако, необходимо иметь в виду, что простое копирование западных институтов не обещает успеха, поскольку любому хозяйственному и общественному порядку присуща специфическая индивидуальность, обусловленная культурным и политическим развитием /41/. Главные элементы рыночного «порядка» определены достаточно четко – институт частной собственности; правовое государство, перед которым стоит задача выделить частным субъектам надежную сферу, где они могут действовать, исходя из собственных расчетов; обеспечение свободы предпринимательства, соблюдения договоров и ответственности за их выполнение; эффективная антимонопольная политика – и отсутствие одного из них делает бесперспективной саму идею «внедрения рыночных отношений в обществе».

В деле создания такого «порядка», подчеркивает Кристиан Ватрин, «со всей отчетливостью проявляется центральное значение государства для трансформации экономики. Уже само установление порядка частной собственности, охватывающей как человеческий, так и вещественный капитал, является важнейшей правовой созидательной задачей. Только когда этот порядок будет сформирован, причем таким образом, что возникнут рынки товаров, услуг, труда и капитала на основе индивидуального распоряжения, – только тогда и начнется процесс рыночного хозяйствования» /42/.

Второе направление – перестройка самого государства на принципах демократии и требований рыночного хозяйства, означающая, в свою очередь, коренное преобразование, в том числе и сокращение

государственных финансов, аппарата исполнительной власти и овладение новыми методами управления экономикой. Эта перестройка также длительна, болезненна и противоречива, как и те процессы, которые характеризуют создание институтов рыночной экономики. Одно лишь разрушение старого аппарата управления не приводит к автоматическому рождению новой системы. Оно ведет лишь к полной потере управления хозяйственными процессами, а образующийся вакуум толкает к возрождению старых методов административного управления, рождает анархию, дает простор криминальным элементам, усиливает коррупцию и углубляет экономический кризис.

Третье направление – переход к новым формам регулирования, проведение социальной и экономической политики, призванной найти оптимальные пути для решения триединой задачи: сохранить стабильность в обществе, в котором усиливается социальное расслоение и появлятся больше безработных; сломить инфляцию, т.е. стабилизировать экономику; обеспечить структурную перестройку и экономический рост /43/.

Именно по этому блоку вопросов разногласия особенно остры, и специалисты предлагают различные подходы к их комплексному решению.

Приверженцы либеральной концепции предполагают скорейшее сокращение старых форм государственного вмешательства в экономику, создание нового государственного аппарата, главные функции которого – законодательство и надзор за его исполнением, а также контроль над естественными монополиями, при минимальных социальных обязательствах. Приоритетное значение придается антиинфляционной политике, малому бюджету (с ограниченным дефицитом) и открытости экономики для международной конкуренции, движению товаров и капитала. Однако, как показывает практика (в том числе и Республики Казахстан), одной политики макроэкономической стабилизации и подавления инфляции недостаточно. В условиях глубокого структурного кризиса необходима особая система мероприятий, направленных на стимулирование инвестиций, оздоровление промышленной структуры, на экономический рост. Другими словами, необходима продуманная промышленная политика. Либеральная модель таких мер не предусматривает /44/.

Именно на эти аспекты экономической политики делают упор сторонники дирижистской позиции. Они считают, что, во-первых, в про-

цессах трансформации решающая роль должна оставаться за государством, сохраняющим в своем владении важнейшие отрасли экономики; во-вторых, приоритетную роль должна играть промышленная политика; в-третьих, в условиях глубокого промышленного спада дефицитное финансирование может использоваться для стимулирования экономического роста. Однако и эта позиция имеет свои ограничители. Увеличение государственных инвестиций в отечественное производство в условиях дефицита средств ведет к увеличению денежной массы и росту инфляции, а государственный патернализм консервирует прежние методы управления экономикой, иждивенческие настроения и не способствует эффективному внедрению рыночных механизмов.

Несмотря на это, государство не может полностью отказаться от ответственности за производственный сектор экономики, в котором имеется еще масса проблем. Как уже отмечалось, некоторое улучшение экономических показателей во многом благодаря стабильным ценам на углеводороды, еще не позволяет говорить о существенном экономическом прорыве.

Представляется важным, образно говоря, нащупать некоторую промежуточную стратегическую линию, которая, опираясь на реформы и рыночные стимулы, а также на государственную поддержку, позволила бы осуществлять промышленную политику. При этом очень важно не допускать раздувания государственных расходов и увеличения дефицита бюджета. Поддержка отраслей, ориентированных на экспорт, должна быть дополнена программой возрождения и повышения эффективности передовых отраслей машиностроения и легкой промышленности. Тем более что только так можно решить проблему занятости, роста доходов населения, расширения платежеспособного спроса /45/.

Вопрос заключается в том, как, какими методами осуществлять промышленную политику – путем прямого государственного вмешательства и наращивания государственных капиталовложений, денежной экспансии или использовать более тонкие инструменты косвенного воздействия на рыночные стимулы и регуляторы, требующие сокращения налогов и активного привлечения частных сбережений и инвестиций, при параллельном ограничении бюрократических институтов самого государства и их преобразования в целях выполнения тех функций, в которых действительно нуждается общество?

С точки зрения здравого смысла и логики экономической целесообразности ответ, думается, очевиден. Однако очевидность решения не всегда тождественна его практической реализации. Последняя во многом зависит от совокупности факторов как объективного, так и субъективного свойства. И прежде всего, – от готовности населения принять это решение и желания «управляющих» его реализовывать. Другими словами, речь идет о субъекте, создающем условия для устойчивого развития /46/.

Надо признать, что в ходе реформ государство в определенной степени утратило функции управления. С самого начала был взят курс на форсированное формирование базовых институтов рыночной экономики и сокращение государственного участия в хозяйственной жизни страны. Центральным звеном реформ стала широкомасштабная приватизация, в результате которой негосударственный сектор, дополненный частногосударственным, занимает доминирующие позиции в экономике. Ожидалось, что после предоставления хозяйствующим субъектам полной самостоятельности сами собой заработают рыночные механизмы самоорганизации и спонтанно начнется экономический рост. Предполагалось также, что механизмы частной собственности и соответствующих ей новых организационно-правовых предприятий наряду со свободой рыночного ценообразования и конкуренции во многом, если не во всем, заменят функции государственного регулирования экономики. На долю государства оставалось налоговое, бюджетное, таможенное и банковское регулирование.

Приватизация привела к заметной утрате государственного и общественного контроля над производственной сферой, к ее «теневизации» и использованию приватизированных предприятий в корыстных интересах новых собственников. Повсеместной стала острейшая нехватка финансовых ресурсов на всех уровнях. Главной ее причиной является значительный отток финансовых средств из реального сектора экономики. Имела место и утечка капиталов за границу.

Необходимость усиления общественного и государственного контроля за производственной деятельностью очевидна, ибо в чьей бы собственности ни находились предприятия, они, в конечном счете, должны служить обществу.

И главное, надо признать, что в должной мере не реализован ос-

новополагающий принцип рыночной экономики, а именно: разделение собственности и власти. Более того, близость к властным структурам и вхождение в них стали фактором, в высшей мере благоприятствующим приобретению и использованию собственности. Налицо своеобразный симбиоз капитала и государственной бюрократии. Власть и экономика либо оказались изначально неразделенными, либо органически слились на новых началах.

Слабая властная система создает благоприятную почву для произвола со стороны государственных органов и чиновников, соответственно -- для коррупции и мздоимства. Один из представителей концепции социального рыночного хозяйства Ф. Бем не без оснований называл государство, поддающееся давлению отдельных заинтересованных групп, «слабым». По его мнению, когда государство стоит над законом, неизбежно наступает «дикая» феодализация», в условиях которой «правительству практически невозможно править нейтрально». Результатом оказывается «слабое, во все вмешивающееся государство с необычайно хорошими социальными намерениями» /47/.

Мировая практика показывает, что учет фактора активности государства особенно важен в странах, осуществляющих переход к рыночной экономике, поскольку там слабы как рыночные структуры, так и властная система. Это, естественно, относится и к Казахстану. «Здесь, – как считает Ф. Шамхалов, – упор должен быть сделан на повышение роли государства в рыночных преобразованиях. В то же время усилия должны быть направлены на укрепление государственных институтов, создание новых институтов, норм и правил, которые стимулировали бы чиновника действовать в интересах общества, ограничивая в то же время произвол и коррупцию. Этому могут способствовать как полномасштабное введение либерально-демократических институтов, обеспечивающих независимость судов, система сдержек и противовесов, основанная на разделении ветвей власти, и эффективный контроль общественности над действием государства, так и установление достаточно высоких окладов должностным лицам государства, повышение их морального и профессионального уровня» /48/.

Так, не полностью еще сформирована институционально-законодательная база, призванная гарантировать соблюдение всеми субъектами общепризнанных норм и правил игры. Сильные институты, обеспечива-

ющие нормальную работу рыночных механизмов, намного важнее для успеха трансформации, чем радикальность и темпы либерализации. Именно слабость институтов стала тем фоном, на котором произошли гигантское увеличение масштабов «теневой» экономики; падение доли государственных расходов в ВВП; неспособность государства выполнить свои обязательства по распределению материальных благ; накопление неплатежей по заработной плате; долларизация; криминализация и т.д.

Говоря о необходимости повышения роли государства, правительства, следует выделить важнейший, если не главный вопрос – проведение в странах транзитного периода активной социальной политики, внедрение государственной адресной социальной помощи.

Известно, что в постсоциалистических странах вопрос об организации адресной социальной помощи обсуждается много лет, а в ряде стран Восточной Европы уже приняты соответствующие законы. И это вполне оправданно, так как нужно иметь сначала четкое представление о том, что составляет реальный прожиточный минимум в конкретной стране. А уже следующим шагом должно быть определение той доли населения, доходы которого ниже прожиточного минимума, для того чтобы определить разницу и сумму выплат. В этом вопросе практически во всех восточноевропейских странах возникли трудности. Людей, которые причисляют себя к категории бедных, т.е. имеющих доход ниже прожиточного минимума, оказалось намного больше, чем официально отнесенных властями к таковой.

Вследствие вышесказанного определение уровня бедности до настоящего времени остается спорным: в одних случаях за основу берут такое измерение, как «минимальная потребительская корзина», в других – еще более низкие показатели.

В итоге сегодня нет единого международного показателя уровня бедности для того, чтобы иметь возможность сравнивать и формировать собственную социальную политику, направленную на преодоление бедности. Поэтому в ходе работы над законопроектом «О государственной адресной социальной помощи» в Республике Казахстан было важным определение уровня бедности в стране. К сожалению, принятый в 2001 году Закон не был обеспечен должными статистическими данными по уровню, глубине бедности, а без объективных и надежных данных, без широкого обзора положения дел, направлен-

ного на выявление уровня, тенденций распространения бедности, трудно дать гарантии того, что этот Закон будет эффективно работать.

Вполне можно высказать предположение, что во многих постсоциалистических странах уровень прожиточного минимума был снижен для того, чтобы создать видимость сокращения бедности. В этой связи задача поставить большинство государственных выплат в зависимость от уровня доходов населения в восточноевропейских странах еще не решена. Отсюда региональное бюро ПР ООН для стран Европы и СНГ в «Докладе о развитии человеческого потенциала в странах Европы и СНГ» сделало следующий вывод: «Необходимо еще раз подчеркнуть, что селективные, спонтанные схемы социальной защиты, равно как и схемы, основанные на измерении дохода, заведомо ущербны ввиду невысокого охвата и больших организационно-управленческих расходов. Международный опыт свидетельствует, что пособиями охвачена относительно небольшая доля тех, кто в них действительно нуждается, в то время как возрастает доля расходов, идущих на организацию выплат пособий и контроль за ними» /49/.

Представляется, что и принятый казахстанский закон рассчитан также не на снижение уровня бедности, а на чисто физиологическое выживание.

В России, к примеру, после августовского кризиса в июне 1998 года принят закон «О государственной социальной помощи». Размер помощи определяется в пределах разницы между суммой величин прожиточных минимумов и общим доходом членов малоимущих семей.

Не секрет, что во всех бедных странах, а также и в России, все семьи, и с достатком, и бедные, занижают декларируемые доходы, поэтому невозможно достоверно определить потребление бедных семей. Это приводит к значительному расходу бюджета страны. В целях определения эффективной методики и совершенствования критериев бедности в России были выделены такие показатели, как наличие: трудоспособных членов семьи; одного или двух пенсионеров; приусадебных участков, скота; второго жилья; предметов длительного пользования (телевизоры, холодильники, автомобили и т.п.). Но на практике выявление реального имущественного статуса было крайне сложным. Трудоспособные члены семьи были безграмотными, земельные участки, второе жилье, автомобиль нередко были оформлены на других, жилье же иногда было в другом районе города, либо вообще в другом городе, количе-

ство скота занижено. Предметы длительного пользования также скрывали от комиссии. Кроме того, немаловажную роль играет традиционная родственная солидарность, другие неформальные каналы, «теневая экономика», но они, как правило, опять же скрыты. В связи с этим, думается, в России вопрос адресности социальной помощи практически также не решен. Поэтому, как показывает опыт, главным направлением социальной политики во многих странах мира остается система социальной защиты в таких базовых сферах, как расширение бесплатного высшего образования, бесплатного здравоохранения, удешевление коммунальных услуг, адресная помощь только многодетным матерям и инвалидам, пенсионерам и другим уязвимым слоям.

Представляется, что по этому магистральному пути должен идти и Казахстан, поэтому и Закон мог бы быть назван «О государственной социальной помощи». Естественно, это потребует значительных дополнительных финансовых средств. Однако не считаться с опытом России и других стран, рекомендациями ПР ООН нельзя.

С учетом высокой прослойки в казахстанском обществе женщин, хотелось бы отметить и то, что важным фактором развития общества призвана стать и эффективная социально-экономическая гендерная политика. В этом плане можно отметить двоякое влияние транзитного периода. С одной стороны, происходит позитивная переоценка ценностей в области отношения к женщине, наблюдается рост гражданской активности женщин.

С другой стороны, женщины Казахстана, как и их сверстницы из стран СНГ, наряду с общими для всех женщин мира проблемами угрозы здоровью, жизни, экономической независимости, ограничения их участия в общественной жизни, поставлены еще и перед необходимостью адаптации к принципиально новым условиям жизнедеятельности.

В Казахстане принята Концепция государственной политики улучшения положения женщин в республике, создана национальная комиссия по делам семьи и женщин при Президенте республики Казахстан.

В последние годы динамично развивается процесс становления массовых женских организаций. В настоящее время Министерством юстиции республики зарегистрировано более 30 различных республиканских организаций, занимающихся проблемами женщин. Женское движение институционализировалось в такие уже известные сегодня

организации, как Ассоциация деловых женщин Казахстана, международная экологическая Ассоциация женщин Востока, Феминистская лига, Алматинский женский информационный центр, Алматинская Ассоциация одиноких матерей. Практически все женские организации страны в настоящее время располагают и программами по женскому лидерству.

В спектре так называемого третьего сектора казахстанский феминизм как особая часть женского движения занимает место хоть и не многочисленного, но зато теоретически вооруженного и интеллектуально насыщенного авангарда. Это уже вполне самостоятельное движение. Отсутствует его ангажированность какой-либо политической партии. Данный вывод сделан автором, в частности, при работе над справочником по политическим партиям Казахстана, который вышел в свет осенью 2000 года.

Организованное женское неправительственное движение в настоящее время оказывает все усиливающееся влияние на политику. В ноябре 1998 года возникла коалиция «Женские избирательные инициативы». В 1999 году начал свою деятельность общественный политический фонд «Женский избирательный блок», была создана такая структура, как политический альянс «Женских организаций Казахстана», трансформировавшаяся в политическую партию женщин Казахстана.

В республике активно проводятся гендерные исследования в гуманитарных дисциплинах, действует центр гендерных исследований при институте стратегических исследований в г. Алматы, гендерный информационно-аналитический центр в г. Караганде. С 2000 года началось преподавание теории гендера в государственных университетах, в частности, в Алматинском государственном университете им. Абая. Важно заметить, что живая связь гендерных исследований с повседневной практикой человеческих отношений предоставляет исследователям большой набор шансов на постоянные теоретические и педагогические находки.

Иными словами, женщины Казахстана – страны с традиционно восточными взглядами на роль женщин в обществе -- добились значительных успехов в борьбе за свои права.

Вместе с тем рейтинг дискриминации женщин в стране еще достаточно высок. Кроме традиционных женских проблем, таких, как право женщины решать, иметь или не иметь детей, экономическое неравенст-

во и насилие в семье, имеют место также проблемы, связанные с коррупцией государственных органов, состоянием окружающей среды, ограничением доступа к информации, ухудшением социального обслуживания, нехваткой благоустроенного и вообще жилья и другие, непосредственно затрагивающие интересы женщин.

Многие из этих проблем, ранее не характерные для общества, являют собой социальные издержки перехода к рыночной экономике, так или иначе, связаны с ухудшением экономического положения семьи и женщин. В частности, рынок поколебал систему ценностей в репродуктивной сфере, весь груз которой лежит на женщинах: происходит падение рождаемости. Имеет место смертность матерей и детей при родах. Наблюдается тенденция к возрастанию неграмотности, т.к. есть факты, когда дети не посещают школ. Причем, если перед родителями встает выбор, кого отправить в школу, предпочтение отдается мальчику. Все это напрямую связано и с обнищанием населения.

Повседневная жизнь казахстанских женщин свидетельствует о том, что издержки трансформации общества отразились более всего на положении женщин, нежели мужчин. Экономическая и социальная неразбериха, неопределенность переходного периода являются не только причинами дополнительных испытаний, но и источниками обострения конфликта между основными предназначениями женщины: матери, домохозяйки, профессионального работника, экономически независимой и свободной развитой личности.

Адаптация женщин в условиях рыночной экономики сопровождается, в первую очередь, ростом женской безработицы. Причем, она почти повсеместно в Казахстане значительно выше, чем среди мужчин. Можно сказать, что сегодняшний безработный в республике – это женщина (58,1%), имеющая среднее (45,2%) или среднее специальное (37,9%) образование, в возрасте от 30 до 50 лет (60,4%), со стажем работы более 10 лет (58,7%).

С ростом конкуренции за рабочие места нарастают дискриминационные тенденции в отношении женщин при приеме на работу и их увольнении, особенно женщин, имеющих несовершеннолетних детей, и женщин в возрасте старше 40 лет. Заранее известно, что при найме сотрудника работодатель в подавляющем большинстве случаев предпочтет мужчину женщине.

Есть примеры, когда за одну и ту же работу мужчины получают более высокие должности и оклады, что характерно для рыночного сектора экономики.

Продолжается процесс снижения профессионального статуса женщин. Число работниц, выполняющих работы низкой квалификации, более чем в два раза превышает число мужчин, выполняющих подобные работы. Этому, несомненно, способствует разрушение традиционной социальной инфраструктуры, отсутствие на работе условий, учитывающих семейные обстоятельства, а также сокращение числа детских дошкольных и внешкольных учреждений.

По-прежнему серьезный урон экономике наносит традиционная схема, которой придерживается общество: женщине лучше заниматься домом, а мужчине – быть «добытчиком» и содержать семью, хотя именно рынок во многих семьях, образно говоря, повернул эту схему на 180 градусов. Такая практика изолирует неработающего члена семьи от общества, которое не должно себе этого позволять ни с точки зрения своей эффективности, ни с позиций прав человека.

Поскольку женщины, имея, порой, лучшие и более высокие образовательные стандарты, недостаточно задействованы в экономике, общество не использует их потенциальные возможности, и на этом немало проигрывает. Такого рода дискриминация является разрушительной не только с экономических позиций, но и для семьи в прямом смысле слова: цифры распада семей на сегодняшний день не могут не вызывать беспокойства.

Серьезную озабоченность общества вызывают и факты насилия против женщин. По данным МВД Казахстана, женщина подвергается грабежу, разбою, изнасилованию, побоям, истязаниям, доведению до самоубийства, похищениям и вербовке с целью сексуальной или иной эксплуатации, здоровью женщине умышленно причиняется вред. И происходит все это, порой, не на улице, а в ее собственном доме.

Надо заметить, что до декабря 1998 года этой проблемой занимались исключительно неправительственные и, отчасти, международные организации.

Поворотной точкой отсчета стало выступление Президента страны Н.А. Назарбаева на II Республиканском форуме женщин, где он провозгласил борьбу с насилием основным приоритетом государственной по-

литики в отношении женщин. В результате в 1999 году в системе административной полиции созданы специальные подразделения по борьбе с проявлениями насилия в отношении женщин, начала работать секция Национальной комиссии «Права женщин и проблемы насилия», проведена первая Республиканская конференция по проблемам насилия, создан первый государственный кризисный центр (в г. Алматы). Запланировано рассмотрение законопроекта «О бытовом насилии».

Гендерная экспертиза Уголовного кодекса выявила настолько серьезную незащищенность женщин, что это вызвало массированную кампанию давления неправительственных и международных организаций на соответствующие госструктуры. В результате имеют место соответствующие изменения Уголовного и Уголовно-процессуального Кодексов, принятые Парламентом страны.

Говоря о действующем законодательстве, хотелось бы обратить внимание на следующий момент. Безусловно, в республике должна быть создана правовая база подлинно равных возможностей, независимо от пола. Однако явных и скрытых дискриминационных положений в законодательстве страны сегодня предостаточно.

Скажем, существующее трудовое законодательство основано на защитной идеологии по отношению к женщине, выражающейся в таких понятиях, как «помощь женщине», «улучшение положения женщины», «льготы женщинам-работницам». Но практика показывает, что только предоставление привилегий – это не путь к реальному балансу прав мужчины и женщины. В этом контексте предстоит решить вопрос: что лучше с точки зрения социальной политики, что эффективнее: более активная общественная позиция женщины или предоставление ей различных льгот и привилегий?

Здравый смысл подсказывает, что нужна такая политика, которая сочетала бы интересы репродуктивной и продуктивной сфер. Безусловно, нужно обязательно обеспечить защиту женщине с точки зрения репродуктивной, т.е. всемерно способствовать росту деторождаемости. Но при этом нельзя ни в коем случае забывать о продуктивной функции женщины.

В этом плане отрадно, что в сентябре 2000 года Правительство республики приняло постановление «О мерах по поддержке женского предпринимательства». Этот документ базируется на том, что казахстанская

женщина уже состоялась как предприниматель, имеет определенные производственные и коммерческие навыки, стартовый капитал и опыт работы в своей сфере. Однако этот документ свидетельствует не только о теоретическом, законодательном, но и, что не менее важно, о фактическом, практическом признании прав женщин в области бизнеса.

Иное положение в сфере политики и управления. К примеру, при полном декларировании равенства прав реалии таковы, что сегодня в Парламенте Казахстана всего лишь около 11% женщин, одна женщина – министр в Правительстве, количество женщин-послов варьирует от одной до двух, низок процент женщин и в руководстве политических партий.

Заключая отмеченный блок проблем, в концептуальном плане представляется интересным показать взгляд на проблему, правда, несколько запоздалый, В.Ф. Шумейко, бывшего Председателя Совета Федерации Федерального Собрания России, входившего в команду «безоговорочных разрушителей»: «Функции государства в условиях рыночной экономики также безальтернативны. Без их задействования объективные рыночные механизмы начинают работать отрицательно, разрушительно, «нецивилизованно». Государство обязано сглаживать противоречия и не допускать господства слепой силы рынка над обществом в целом и каждым человеком в отдельности. Главным же критерием и выражением успешности выполнения названных функций должно стать становление «социально ориентированной рыночной экономики». Она предполагает высокую степень государственного регулирования и контроля на макро- и микроуровне» /50/.

Таким образом, создание рыночной экономики, современных рыночных механизмов формирования производства и распределения как условий нормализации общественного развития есть важнейшая цель идущих трансформационных процессов. Роль государства не может не быть особенно значительной в обществе, где еще только формируются рыночные рычаги управления, имеет место социальная напряженность и высокий уровень криминальности. Представляется, что это не всегда учитывается как в политических, так и научных кругах Запада, как, впрочем, и стран переходного периода. Усиление роли государства, взятие им на себя уже новых, трансформационных функций нередко выдается за усиление авторитарности власти, хотя, думается, это не что иное, как реальное использование организаторского потенциала государства для ускорения социально-экономических преобразований.

2. Специфика проводимой социально-экономической политики и первые результаты реформ

Представляется возможным отметить, что в Казахстане в течение последнего десятилетия шло формирование институтов социального партнерства, соответственно, и коллективно-договорной модели социального механизма. Причем они были созданы «сверху» и гораздо проще, чем на Западе, где этот процесс очерчивается десятилетиями.

Отсчет вполне можно вести с июня 1992 года, когда коллегия Министерства труда утвердила постановление «Основные направления достижения социального партнерства в Республике Казахстан ». Затем 4 июля 1992 года был принят Закон «О коллективных договорах», где впервые регламентировались вопросы заключения коллективного договора как средства согласования интересов сторон по решению трудовых и социально-экономических проблем. В августе 1992 года Правительством было утверждено типовое положение о порядке заключения отраслевых тарифных соглашений. И, наконец, постановлением Президента № 1987 от 12 декабря 1994 года «О социальном партнерстве в области социально-экономических и трудовых отношений» был отрегулирован порядок заключения Генерального соглашения.

Напомним, что под социальным партнерством (трипартизмом) понимается механизм регулирования трудовых отношений с участием трех сторон: органов государственной власти и управления, представителей собственников, профсоюзов (объединений профсоюзов), которые разрешают возникшие разногласия, вырабатывают и реализуют оптимальный вариант сотрудничества. Субъектами трипартизма являются: государство в лице органов государственной власти и управления; работодатели или их объединения; трудящиеся, интересы которых представляют профсоюзные органы или объединения профсоюзов.

Государство в сфере регулирования трудовых отношений и конфликтов призвано разрабатывать законодательную базу, исполнять законы и поддерживать законные требования трудящихся. Работодатели защищают свои интересы, соблюдают действующее законодательство и несут ответственность за развитие производства. Интересы трудящихся представляют профсоюзы, отстаивая их социальные и трудовые права.

В соответствии с общепризнанной мировой практикой социальное

партнерство предполагает три уровня взаимодействия: первый представляют предприятия, где результатом переговоров сторон является коллективный договор; вторым уровнем являются либо отрасли, либо регионы, которые вырабатывают отраслевые и региональные соглашения; на третьем, государственном уровне принимаются генеральные соглашения.

Законодательно эта модель социального механизма окончательно оформилась с принятием Законов: «О труде» в декабре 1999 года и «О социальном партнерстве» в декабрс 2000 года. В связи с острой необходимостью реализации принципов трипартизма особое внимание в Законе «О труде» уделено двум аспектам: коллективному договору и выполнению функций контроля за соблюдением трудового законодательства. В нем подробно регламентированы содержание и структура коллективного договора, порядок разработки и заключения, его сроки и сфера действия.

Однако, объективности ради, надо отметить, что за годы реформ в значительной мере был утрачен контроль со стороны государства за соблюдением законодательства о труде. Представленный в конце 1999 года доклад Федерации профсоюзов Казахстана содержит многочисленные примеры подобных нарушений. Так, в 104 иностранных строительных компаниях рабочие и служащие работали по 10-12 часов в день с одним-двумя выходными в месяц. Причем получали всего 10-14 тысяч тенге, что значительно ниже заработной платы иностранных рабочих. Подобная практика имела место и в отечественных компаниях /51/. Поэтому в Законе «О труде» контролю за соблюдением трудового законодательства посвящена специальная 12 глава, а непосредственно контрольные функции возложены на государственную инспекцию труда, которая данным законом наделена правом издавать предписания об устранении нарушений законодательства о труде, обязательные для работодателей.

Производственная деятельность человека протекает в сфере экономики и, в конечном счете, имеет целью улучшение условий жизни, что зависит от уровня развития как самой экономики, так и социальной сферы. Взаимодействие между ними имеет достаточно сложный характер и определяется действующим социальным механизмом и социальной политикой, реализуемой с помощью этого механизма.

В современной рыночной экономике социальный механизм включает в себя общественные институты, регулирующие социальные процессы, такие, как государство, профсоюзы, бизнес. Социальная полити-

ка осуществляется на разных уровнях экономической деятельности. Так, можно говорить о социальной политике фирм, предприятий, корпораций, а также региональной и общегосударственной социальной политике. Между социальной политикой и экономикой существует определенная взаимосвязь и взаимозависимость. При этом можно выделить две стороны этого процесса.

Во-первых, по мере экономического роста, накопления национального богатства главной целью экономической деятельности становится создание благоприятных социальных условий для граждан. Таким образом, в социальной политике концентрируются цели экономического роста, все другие аспекты экономического развития можно рассматривать в качестве средств реализации экономической политики. Во-вторых, сама социальная политика является фактором экономического роста. Если экономический рост не сопровождается ростом благосостояния, то люди утрачивают стимулы к эффективной деятельности, усиливается напряженность в обществе. И наоборот, чем выше ступень экономического развития, тем выше требования к людям, обеспечивающим экономический рост, их знаниям, культуре, физическому развитию, нравственным качествам. Это, в свою очередь, требует дальнейшего развития социальной сферы.

При формировании социальной политики в разных странах используются различные подходы. Так называемый «социальный подход» предполагает, что общество должно гарантировать каждому его члену доходы, не позволяющие ему опуститься ниже черты бедности. В этом реализуется принцип социальной справедливости. «Рыночный подход» означает, что государство обязано только создавать условия каждому члену общества для проявления экономической активности, что и обеспечит его доходами. Согласно статье 1 Конституции Казахстана, республика провозглашена социальным государством. К сожалению, экономические возможности страны до 2000 года постоянно снижались, что не позволяло реализовывать принцип социальной справедливости. И только в 2000 году объем ВВП превысил уровень 1994 года. Что касается дореформенного 1990 года, то объемы ВВП 2000 года составили только 69,3% от того уровня.

Здесь представляется уместным вспомнить, что имела республика к моменту обретения независимости в части идей и организации социальной защиты населения. Прежде всего, надо отметить, что в

1990-1991 годах в Казахстане с учетом и на основе активного социально-демократического обновления общественного устройства была принята целая серия законов по социальной защите населения: «О занятости населения» (декабрь, 1990 год), «О минимальном потребительском бюджете», «О минимальной заработной плате и государственных социальных гарантиях в области оплаты труда», «Об индексации денежных доходов населения в связи с ростом цен на потребительские товары и услуги», «О пенсионном обеспечении граждан в Казахской ССР» (все – июнь, 1991 год), а также ряд других. Центральной идеей этих правовых актов было обеспечение органичного сочетания ответственности граждан за свою судьбу с государственными гарантиями доходов на уровне прожиточного минимума для всех социально-демографических групп населения страны. Разработчики законопроектов исходили из того, что минимальная заработная плата, пенсии, стипендии, пособия не должны быть меньше прожиточного минимума, а социальная защита – это не благотворительная помощь населению со стороны государства (хотя и это имело место, например, по отношению к престарелым, инвалидам с детства и т.п.), а вопрос государственной безопасности, социальной стабильности, залог прогресса развития общества.

С учетом этой основной позиции определялся и подход к месту и роли в жизни общества систем здравоохранения, образования, а также детей. И это вполне понятно, так как дети – это не только проблема и забота родителей, но и общества, государства, а образование и здравоохранение – это не только личное дело, проблема конкретного человека, а часть заботы власти о государственной безопасности и социальной собственности.

Основой системы социальной защиты в части государственной гарантии прожиточного минимума для всех социально-демографических групп населения являлся Закон «О минимальном потребительском бюджете», который устанавливал, что с учетом природно-климатических и социально-экономических различий прожиточный минимум разрабатывается раздельно для городского и сельского населения по регионам и социально-демографическим группам (взрослые работающие, пенсионеры, студенты, дети). При этом предполагалось, что будет по-прежнему действовать порядок, при котором ресурсы на

детей будут предусматриваться не в заработной плате работников, а в общественных фондах потребления (как это было принято в январе 1991 года). Кроме того, определялись минимальные нормативы на содержание граждан в учреждениях социальной реабилитации.

Предполагалось также, что получит дальнейшее развитие система обязательного социального страхования (как фактор повышения ответственности граждан за свою судьбу), а вся система социальной защиты опиралась на практически полную занятость экономически активного населения.

Однако в реальной практике реформы были направлены, прежде всего, на перераспределение собственности и дистанцирование государства от управления социально-экономическими процессами в интересах и на благо всего народа.

В результате произошел не предполагавшийся расцвет, а обвал экономики. Естественно, это не могло не сказаться и на системе социальной защиты населения, т.к. он сопровождался (и сопровождается) массовой безработицей и обнищанием населения. Из 7 миллионов человек экономически активного населения работают по найму 3,5 миллиона (на начало 2001 года по данным Нацстатагентства), платят налоги 3 миллиона человек, производят отчисления в накопительные пенсионные фонды 1,8 миллиона человек.

Далеко не все благополучно и в системах образования и здравоохранения. Все это вместе взятое обусловило резкое ухудшение показателей естественного и механического движения населения: почти в два раза (с 23-25 до 13-14 промилле) снизилась рождаемость, более чем на четверть (с 7,6 до 10-11 промилле) выросла смертность. Средняя ожидаемая продолжительность жизни сократилась с 69 до 64 лет (у женщин с 74 до 70, а у мужчин с 65 до 58 лет). Сказанное на фоне массовой эмиграции привело уже к уменьшению населения на 2,4 миллиона человек (с 17,2 на начало 1992 года до 14,8 миллиона человек в 2001 году) /52/.

Разумеется, трансформации в экономике и социальной жизни не могли не сказаться (и сказались) на правовой защите населения. Сначала законодательство по социальной защите «просто» не исполнялось. Затем стало «совершенствоваться» в сторону снижения уровня социальной защищенности. В ряде случаев в законодательстве сохранялась

форма, но выхолащивалась суть. Так, вместо прожиточного минимума как критерия уровня дохода, обеспечивающего возможности удовлетворения потребностей в минимально допустимых объемах, введен показатель «черта бедности» (но при этом не определена его социально-экономическая суть). Причем в соответствии с Законом «О прожиточном минимуме» «черта бедности» зависит не от потребностей людей, а от возможностей бюджета. Получается парадокс: если возможности бюджета будут стремиться к нулю, то к нулю будут стремиться и потребности человека.

В законодательстве сохранилось понятие «прожиточный минимум». Но при его расчете принято, что в минимальном доходе 70% расходов составляют расходы на продовольствие, а на все остальное – достаточно якобы и 30%. Некорректность такого подхода очевидна, так как в прожиточном минимуме (по принятому в расчет перечню товаров и услуг) удельный вес расходов на оплату жилищно-коммунальных услуг составляет порядка 50%. При этом при расчете прожиточного минимума не учитываются расходы на оплату медицинской помощи (а она, как минимум, наполовину платная), на приобретение жилья.

Впрочем, в реальной системе социальной защиты населения показатель «прожиточный минимум» фактически не используется. Так, на 2001 год размер минимальной месячной заработной платы установлен в сумме 3.484 тенге, что почти в два раза меньше прожиточного минимума взрослого работающего (без учета расходов на детей, на приобретение жилья и на оплату медицинских услуг).

По мнению известного казахстанского экономиста В.П. Макалкина, «шараханья» в пенсионной защите населения привели к тому, что пенсионеры также оказались по сути поделенными на 3 категории: пенсионеры, вышедшие на пенсию до 1 января 1992 года – у них минимальная пенсия (вне зависимости от стажа работы и уровня заработной платы в период работы); пенсионеры, вышедшие на пенсию в период с 1992 по 1996 годы (до 1 июля 1996 года) – у них пенсия немного выше, чем у первых; пенсионеры, вышедшие на пенсию после 1 июня 1996 года – у них пенсия может достигать 8 тысяч тенге (в настоящее время) /53/.

Показателями результативности социальной политики являются характеристики уровня жизни населения. С учетом международной классификации основные составляющие уровня жизни следующие: доля

фонда потребления в валовом внутреннем продукте, национальном доходе, абсолютные размеры на душу населения; фактические потребительские стандарты по продуктам питания и промышленным товарам; уровень занятости, условия труда; состояние образования и здравоохранения; развитие социального обеспечения и социального страхования; рождаемость, смертность и продолжительность жизни; обеспеченность жильем и коммунальными услугами; развитие коммуникаций (транспорта, связи, информатизации); состояние экологической среды обитания и др.

Разумеется, автор не ставит своей целью проанализировать все социальные результаты реформ. Предполагается рассмотреть лишь наиболее существенные из них. Но, прежде всего, представляется важным напомнить, с чего, собственно, и как начиналось проведение реформ в Казахстане.

В законе о разгосударствлении, принятом в июле 1991 года, была четко определена последовательность секторов, в которых будет происходить смена собственности: жилье, розничная торговля, бытовое обслуживание, сельское хозяйство, а лишь затем строительство и промышленность.

К середине 1992 года были получены первые конкретные результаты разгосударствления. Страна ступила на путь развития частного предпринимательства и рыночной экономики. Около 25% государственной собственности передавалось гражданам республики бесплатно – в виде приватизационных купонов. Программа разгосударствления получила значительную поддержку, за ее реализацию высказались 85% опрошенных /54/.

Правительство, используя консультации западных специалистов, активно участвовало в разработке «казахстанской модели» реформирования и ориентировалось на аграрную реформу и малую приватизацию с целью создания, прежде всего, новых финансовых рычагов преобразований. Однако с середины 1992 года Казахстан был вынужден принять российские «правила игры», учитывая тесную привязанность к рынку России /55/.

Отпуск цен в Казахстане дополнился возвращением госконтроля над ценообразованием важнейших продуктов питания. Одновременно жестко регулировалась зарплата. Сократились объемы льготного финансирования нерентабельных предприятий. Тем не менее, в 1993 году инфля-

ция превысила 2000%, резко возросли взаимные неплатежи, а стоимость кредитов оказалась наивысшей в странах СНГ (до 500%).

Надо отметить, что руководству Казахстана удалось выработать эффективные меры по подавлению инфляции, сбалансировать бюджет, но этим, пожалуй, и ограничились главные успехи /56/.

Не принесли кардинального улучшения положения ни 1993, ни 1994 годы. На 1 июля 1994 года полностью или частично простаивали 730 предприятий, 106 из которых с совокупной численностью 55,2 тысяч человек полностью не работали. Число убыточных предприятий на тот же период составило 1.351. Растущая задолженность предприятий госбюджету достигла в середине 1994 года 435,8 млн. тенге, а коммерческим банкам – около 5 млрд. тенге. Уровень доходов населения республики стал значительно ниже, чем во многих других государствах СНГ. Среднемесячная заработная плата в Казахстане в 1994 году (апрель) составила 23,8 долларов (в России – 94, в Туркмении – 57,7, в Узбекистане – 39,6) /57/.

Нарастание общественной неудовлетворенности характером реформ сопровождалось межклановой борьбой и противостоянием за раздел сфер влияния в структурах власти.

В 1995 году в результате огромных усилий удалось несколько ограничить темпы спада.

Надо отметить, что особое значение в развитии процесса акционирования с середины 1995 года приобрела «казахстанская модель» передачи в иностранное управление ведущих крупных предприятий цветной и черной металлургии, железорудной, хромовой и фосфорной промышленности. Причем при выборе иностранных управляющих основная ставка делалась на фирмы, которые были в состоянии оказать финансовую и технологическую помощь предприятиям, оказавшимся на грани банкротства. По истечении срока контракта (обычно 5-10) лет управляющая иностранная фирма получила льготные права на первоочередное приобретение этих предприятий в собственность.

В настоящее время, несмотря на определенные успехи в развитии экономики страны, представляется все же правильным исходить из того непреложного факта, что за годы реформ у большинства населения Казахстана уровень жизни значительно снизился, что было обусловлено общим экономическим спадом. Прежде всего, это выразилось в сокра-

щении реальных доходов населения. Начиная с 1991 года, они катастрофически падали, чему способствовало раскручивание инфляционной спирали. В 1991-1994 годах потребительские цены выросли в тысячи раз, а падение реальных доходов за эти годы составило, по оценкам Агентства по статистике, 40-50% /58/. Представление о динамике этого процесса после 1994 года дает таблица 1 /59/.

Таблица 1

Реальные располагаемые среднедушевые доходы населения

в процентах к предыдущему году

1995	1996	1997	1998	1999	2000
99,4	100,6	103,0	99,8	104,4	103,6

Как видно из таблицы, перелом в этом негативном процессе наступил только после 1998 года, когда с изменением общей экономической ситуации наметился рост реальных среднедушевых располагаемых доходов населения (располагаемые денежные доходы – доходы с учетом изменения потребительских цен). В 1999 и 2000 годах они выросли, соответственно, на 4,4% и 3,6%, а в целом за 1994-2000 годы – на 11,2%. Однако эти темпы роста не перекрыли их резкое снижение за предыдущие годы. Естественно, что такую же динамику имело изменение покупательной способности среднедушевых доходов населения в эти годы.

Так, в 1998-2000 годах по сравнению с 1995 годом снизились темпы прироста цен на некоторые потребительские товары, стабилизировалась и даже несколько выросла в 2000 году покупательная способность населения /60/.

Однако следствием значительного, особенно в первой половине 90-х годов, снижения доходов явилось сокращение потребления продуктов питания и ухудшение его структуры, снижение обеспеченности населения товарами длительного пользования /61/.

Сокращение потребления затронуло практически все виды продуктов питания, за исключением овощей и бахчевых. Причем, наиболее значительное снижение произошло по рыбе – на 66%, яйцам – на 64, фруктам и ягодам – на 61, сахару – на 47%. Это привело к тому, что практически по всем видам продуктов питания Казахстан откатился на уровень 1960 года и даже ниже.

Есть еще один обобщающий показатель – расходы на питание в общей сумме расходов. По принятой в ООН методике они являются критерием определения бедности. Если они составляют 40-50% от суммарных расходов, то это малая степень обеспеченности, 50-59% – состояние на грани выживания, и уровень более 59% – это абсолютное обнищание. В Казахстане доля расходов на продовольственные товары снизилась с 59% в 1996 году до 50% в 2000 году /62/.

За 10 лет значительно снизилась обеспеченность населения товарами культурно-бытового и хозяйственного назначения – почти на 40-50%, за исключением электропылесосов и в целом по абсолютному большинству товаров стала соответствовать уровню 1970-1975 годов.

Одним из наиболее важных последствий реформ стало не просто снижение доходов, а изменение положения населения в экономической иерархии. Перераспределение государственной собственности и возникновение частного сектора, реструктуризация экономики и появление безработицы, сокращение государственных субсидий на социальные цели, либерализация регулирования размеров заработной платы усилили материально-имущественную дифференциацию населения.

Распределение населения по уровню располагаемых доходов отечественная статистика учитывает с 1997 года. Но и последние три с половиной года раскрывают картину, по сути дела, всего десятилетия. Более половины населения страны имели располагаемый среднедушевой доход ниже 3.000 тенге /63/.

В частности, Б. Бектурганова отмечает, что существующий на сегодня прожиточный минимум является «плавающей» границей между абсолютной и относительной нищетой. Согласно определениям Х. Делеен и К. Ван ден Боша, абсолютная нищета – это отсутствие основных элементов для поддержания физиологического существования, относительная – отсутствие материальных и культурных ресурсов для участия в жизни общества в соответствии с его социальными нормами. И далее: «Особенность процесса обнищания в нашей стране состоит в том, что сегодня в разряд нищих попадают и те, кто обладает высоким культурным капиталом, но из-за крайне низких доходов не только не может вписаться в рыночные отношения, но и вести нормальный образ жизни. По данным опроса общественного мнения, свыше 30% населения республики балансирует на грани абсолютной нищеты» /64/.

В ноябре 1999 года Парламентом был принят Закон «О прожиточном минимуме», который вступил в силу с 1 января 2000 года. В нем прожиточный минимум определялся как «необходимый минимальный денежный доход на одного человека, равный по величине стоимости минимальной потребительской корзины», которая, в свою очередь, состоит из продовольственной корзины и расходов на непродовольственные товары и услуги, а в статье 4 дано определение черты бедности как «границы дохода, необходимого для удовлетворения минимальных потребностей человека, устанавливаемой в республике в зависимости от экономических возможностей». Смысл принятия этой нормы заключается в том, что черта бедности служит критерием оказания материальной помощи. И первый, и второй показатели должны рассчитываться ежеквартально по стране и регионам в отдельности.

Черта бедности стала официально определяться со второго квартала 2000 года и составляла в среднем по стране 1.515 тенге, в третьем – 1.514, в четвертом – 1.496 тенге. В первом квартале 2001 года – 1.566 тенге.

Если же выделить городское и сельское население, то оказывается, что в первом полугодии 2000 года в городе имеющих располагаемый среднемесячный доход ниже 3.000 тенге насчитывалось 31%, а на селе – 78,5%. Как положительный момент хотелось бы отметить следующее обстоятельство: в целом, хотя и незначительными темпами, идет сокращение низкодоходных групп населения с одновременным увеличением числа лиц с располагаемыми доходами от 3.000 до 9.000 тенге, с 43% в 1997 году до 32% в 2000 году сократилась доля населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума.

Номинальные денежные доходы горожан на протяжении всего периода были значительно выше, чем у сельских жителей. Если в 1996 году превышение составляло 2,34 раза, то по данным первого полугодия 2000 года разрыв сократился до 1,99 раза. Причем доходы сельского населения росли более высокими темпами /65/.

К примеру, В. Парамонов отмечает, что неравенство в распределении доходов в целом по стране приобрело ярко выраженный характер. Известно, что оно существует везде и само по себе не является отрицательным явлением. Однако в Казахстане, как и в других постсоветских странах, оказались нарушенными оптимальные (4-6 раз), проверенные мировой практикой, пределы дифференциации доходов. Развитые стра-

ны, ориентирующиеся, как правило, на социальный мир, и сформировавшие мощный средний класс, имеют невысокие различия в уровне доходов и небольшие когорты бедных, что наглядно видно из приведенной ниже таблицы /66/.

Таблица 2

Неравенство доходов в высокоразвитых странах в начале 90-х годов

Страна	Доля в ВВП, в %		Степень неравенства, раз
	беднейшие 20%	богатейшие 20%	
США	4,7	41,9	8,9
Великобритания	5,8	39,5	6,8
Франция	6,3	40,8	6,5
Италия	6,8	41,0	6,0
Германия	6,8	38,6	5,7
Япония	8,7	37,5	4,3

Различия в доходах населения характеризуют методика определения их по квинтильным группам. Распределение всех семей в соответствии с их годовым доходом на пять квинтилей (квинтиль – пятая часть) позволяет определить «глубину» неравномерности распределения совокупного дохода. К первому квинтилю относятся семьи с самыми низкими доходами, к пятому – с высшими доходами. В Казахстане разрыв в уровне доходов 20% наиболее состоятельных и самых бедных слоев населения в дореформенные годы составлял 3,6 раза, в первом полугодии 2000 года – уже 7,3 раза, причем по 10% самых богатых и самых бедных превышение в 1999 году составило 11 раз.

Конечно же, не идеальное распределение доходов может сглаживаться за счет сокращения доли крайних групп, то есть более богатых и бедных, и увеличения доли людей со средним достатком. К сожалению, подобной тенденции в Казахстане пока не отмечается /68/.

Степень неравенства в 90-е годы колебалась в пределах от 6,4 до 7,3, причем доля доходов самых богатых возросла с 41,4 до 43,7%, а бедных – только с 5,7 до 6,0%. При этом доля доходов II-IV групп (по

формальному определению составляющих средний класс) снизилась с 55,9% в 1989 году до 50,3% в первом полугодии 2000 года /69/.

Известно, что доходы населения зависят от уровня его занятости. Поэтому, естественно, что отказ от системы централизованного планирования повлек за собой структурную перестройку занятости. К концу 80-х годов большая часть занятого населения Казахстана работала на крупных промышленных предприятиях и в государственных организациях. На начальной стадии реформ (примерно до середины 1995 года) осуществлялась прямая государственная поддержка нерентабельных предприятий в целях сдерживания массового высвобождения работников. Однако приватизация государственной собственности и возникновение собственности частной привели к кардинальному изменению на рынке труда. Его доминирующей характеристикой стала нестабильность, пронизывающая практически все складывающиеся здесь отношения.

Процессы формирования многоукладной экономики, разгосударствления и приватизации способствовали появлению новых тенденций в структуре занятости, обусловили рост интенсивности движения рабочей силы между предприятиями и отраслями, сферами и видами трудовой деятельности. Стало проявляться усиление дисбаланса спроса и предложения рабочей силы. К тому же негативное влияние на рынок труда начали оказывать неполная занятость, скрытая безработица, стихийный характер рыночных отношений в социально-трудовой сфере.

Ранее, при социализме, обеспечивавшем всеобщую занятость населения, общество выработало такую систему жизненных устоев, которая предполагала уравнительное право на удовлетворение невысоких жизненных потребностей. Это оказалось противоестественным в рыночных условиях. За очень короткие исторические сроки реформ произошли необратимые сдвиги и изменения в общественном сознании. Переход к рыночной экономике привел к сокращению государственного сектора и вызвал рост частного предпринимательства, а численность занятых в госсекторе постоянно снижалась: с 3.541,6 тысяч человек 1994 году до 1.399,4 тысяч человек в 1999 году. Соответственно численность занятых в частном секторе выросла с 1.621,4 до 4.584,4 тысяч человек, что составило 75,1% от общего числа занятых.

Увеличилось производство товаров и услуг в домашних хозяйст-

вах, сформировался неорганизованный рынок. Его субъектами являются в основном физические лица, деятельность которых практически не регулируется. Уменьшается доля оплаты труда в ВВП, что связано со снижением занятости населения в формальном секторе экономики, увеличением самозанятости в домашних хозяйствах, а также укрытием зарплаты от налогов /70/.

Здесь, думается, можно заметить с большой долей объективности, что люди получать меньше не стали, они стали меньше показывать свои доходы.

Доля производства домашних хозяйств в ВВП возросла во многих отраслях экономики Казахстана и превышает 30%, в сельском же хозяйстве она стала преобладающей. В торговле и бытовом обслуживании половина всех услуг производится населением. Возросла доля товаров и услуг, получаемых в натуральной форме от собственного производства в личных подсобных хозяйствах.

Рост производства в домашних хозяйствах и его отраслевая структура прямо связаны со спадом производства, ростом безработицы в соответствующих отраслях производства и снижением доходов населения. Большая часть владельцев домашних хозяйств рассматривает свое личное производство не как элемент товарного рынка, а как источник денежных и натуральных доходов для самозанятости и самообеспечения. Принципиальным отличием динамики занятости в Казахстане от стран с развитыми рыночными отношениями до последнего времени являлось отсутствие прямой зависимости темпов роста безработицы от темпов спада и экономического роста. В 1999 году по сравнению с 1995 годом ВВП вырос на 3%, а численность занятых в экономике за тот же период снизилась на 6,8%. В 2000 году наметился определенный сдвиг: численность занятых в экономике по сравнению с 1999 годом увеличилась на 0,2%, общий уровень безработицы снизился до 12,8%, число зарегистрированных безработных – на 8% и оно составило 231,4 тысяч человек. Однако безработица по-прежнему остается одной из наиболее острых социальных проблем /71/.

С 1995 по 1998 годы основной формой социальной защиты безработных являлась выплата пособий по безработице, на которые имели право зарегистрированные безработные. По стране средний размер пособия по безработице в среднем составил за 1998 год 2.751 тенге,

что было равно 74% величины прожиточного минимума и 28,4% среднемесячной заработной платы оплачиваемых работников.

В 1999 году вступил в силу новый Закон Республики Казахстан «О занятости населения». В соответствии с ним была осуществлена реорганизация государственной службы занятости, которая частично сократилась и трансформировалась в уполномоченные органы по вопросам занятости. В новом законе среди мер социальной защиты на первое место поставлено содействие в трудоустройстве; на второе – профессиональная переподготовка, повышение квалификации, переподготовка и организация общественных работ; на третье – оплата труда безработных, занятых на общественных работах. И только на четвертом и последнем месте – оказание государственной адресной социальной помощи безработным из числа малообеспеченных граждан.

Таким образом, пособие по безработице превратилось в государственную адресную помощь, при этом возможный контингент получателей сократился от вообще безработных до безработных из числа малообеспеченных.

Предпочтение отдано профессиональной подготовке, общественным работам, в организации которых уже в 2000 году удалось добиться весьма значительных результатов. Так, благодаря многократно возросшему финансированию численность занятых на общественных работах по сравнению с 1996 годом увеличилась, без малого, в 38 раз, среднемесячный размер оплаты составил 2.400 тенге /72/.

Известно, что огромным резервом, позволяющим в значительной степени снизить остроту безработицы, является малый бизнес. Если в развитых странах мира в этой сфере работает от 40 до 80% всего занятого населения, то в Казахстане этот показатель на 1 января 2001 года составляет всего 6,5%. К 2000 году в рамках «Государственной программы развития и поддержки малого предпринимательства в Республике Казахстан на 1999-2000 годы» предполагалось увеличить число малых предприятий до 500 тысяч, а численность занятых в малом бизнесе – до 2 млн. человек (1/3 всего занятого населения страны или 23% от общей численности трудовых ресурсов). Здесь трудно не согласиться с Парамоновым, который считает, что, как показывают несложные расчеты, ожидаемых результатов можно достичь в лучшем случае при сохранении среднегодовых темпов увеличения работаю-

щих в малом бизнесе (1,5-2% в год) только к 2012 году. Фактически активно функционировало 35.844 предприятия, на которых было занято 396,4 тысяч человек. Тем не менее, за 2000 год в сфере малого бизнеса было создано 83,3 тысяч рабочих мест /73/.

Одной из сложных проблем рынка труда в Казахстане, имеющей большое социальное значение, является так называемая скрытая безработица или неполная занятость, обусловленная спадом производства, различными экономическими и финансовыми проблемами предприятий. Неполная занятость отражает напряженность в экономике и в сфере занятости и сдерживает мобильность работников. Вместе с тем она является альтернативой открытой безработице, представляя собой своеобразный механизм адаптации предприятий к экономическим сложностям, способствуя сохранению их трудового потенциала /74/. В последние два года здесь наметился определенный сдвиг. Экономический рост, начавшийся в 1999 году, в значительной степени снял остроту проблемы скрытой безработицы: в 2000 году по отношению к 1998 году число предприятий, полностью остановивших производство, уменьшилось более чем в два раза, частично остановившихся – в 2,5 раза, количество работников, находящихся в вынужденных отпусках, – в 3 раза /75/.

Опыт развитых стран показывает, что кардинально изменить ситуацию на рынке труда может только экономический рост в совокупности с мерами конкретного характера, направленными на сокращение безработицы. С этой целью в июне 2000 года правительством была принята «Программа по борьбе с бедностью и безработицей на 2000-2002 годы». Предполагается обеспечить занятость в Казахстане как минимум для одного члена каждой семьи, а в целом предусматривается за 2000-2002 годы создать 400,4 тыс. новых рабочих мест и не допустить снижения числа существующих.

По итогам 2000 года, согласно информации Министерства труда и социальной защиты населения, было создано 259,6 тысяч рабочих мест, направлены на общественные работы 114,0 тысяч безработных, прошли профобучение и переобучение 12,8 тысяч человек, из которых трудоустроено 10 тысяч. На территории страны в рамках Программы были созданы и функционируют 31 бизнес-инкубатор /76/.

Однако по данным Статистического агентства среднегодовая численность безработных с 950 тысяч человек (13,5% от экономически

активного населения) в 1999 году снизилась в 2000 году до 906,4 тысяч человек (12,8% от экономически активного населения) или всего на 43,6 тысяч человек.

Правительственный документ несет также отпечаток узкого подхода к пониманию бедности – только с точки зрения уровня доходов населения. Отсутствует также само определение бедности, что следует отнести к одному из самых существенных недостатков Программы, затрудняющих четкое формулирование целей, задач и методов борьбы с этим явлением в Казахстане. Борьба с бедностью в республике в ближайшей перспективе увязывается только лишь с повышением уровня доходов социально уязвимых слоев населения и деятельностью по сокращению безработицы.

Видимо, учитывая вышеприведенные факты, Правительство Казахстана обратилось к международным донорам с просьбой оказать содействие в разработке документа, который позволит систематизировать мероприятия по всем направлениям проблем бедности. Откликнулись 3 международные организации: Азиатский Банк Развития, Программа Развития ООН и Всемирный Банк. 6 июля 2000 года между ними и Правительством республики был подписан Меморандум, которым указанные международные организации обязались оказать Казахстану техническую помощь для подготовки Стратегии борьбы с бедностью на 2003-2007 годы путем предоставления донорами международных консультантов, имеющих большой опыт по разработке подобных программных документов.

Предполагается, что новая Среднесрочная Программа учтет имеющийся мировой опыт по решению многоаспектных проблем бедности, а именно:

- гендерные и возрастные аспекты бедности (для женщин и мужчин, для детей и стариков);
- бедность в городах или селах, в том числе в малых городах;
- бедность среди различных социально незащищенных слоев населения (пенсионеров, инвалидов, малообеспеченных, многодетных и т.д.);
- проблемы окружающей среды, к примеру, безопасность питьевой воды;
- доступность к базовому образованию, первичной медицинской помощи, коммунальным услугам и т.д.

И еще один аспект рассматриваемой проблемы. Социальная ориентированость рыночной экономики во всем мире и все возрастающее значение человеческого фактора в современном производстве обуславливают повышение требований ко всей социальной сфере, которая становится все более важным подразделением экономики.

Становление рыночных отношений в социальной сфере включает, прежде всего, формирование рынка услуг нематериального характера (здравоохранение, образование, культуру и др.), удовлетворяющих потребности человека, связанные с интеллектуальным и физическим развитием, приобретением определенной профессии и квалификации.

Так, состояние системы здравоохранения характеризуется, главным образом, данными заболеваемости населения как по абсолютным показателям, так и в расчете на 100 тысяч человек населения. Общая заболеваемость с 1991 по 1999 годы возросла на 26%, высокими темпами идет рост паразитных заболеваний, туберкулеза, других видов болезней, ожидаемая продолжительность жизни в период с 1991 по 1999 годы снизилась с 67,5 до 65 лет /77/.

Несмотря на то, что большинство больниц и научных учреждений получили статус государственных и коммунальных казенных предприятий главным источником их деятельности является выполнение государственного заказа, или иными словами те же бюджетные средства. Думается, что основными причинами того, что больницы в стране «не разгосударствляются», являются, во-первых, пассивное, а порой негативное отношение к этому вопросу Министерства здравоохранения Республики Казахстан; во-вторых, низкая платежеспособность большей части населения; в-третьих, ментальность людей, привыкших получать медицинскую помощь бесплатно.

Все вышеперечисленные факторы способствуют также тому, что ситуация с состоянием здоровья народа неуклонно ухудшается. Так, в последние годы идет процесс депопуляции населения, что обусловлено эмиграцией, снижением рождаемости, высокой заболеваемостью и смертностью всех его слоев.

Не вызывает сомнение, что движущей силой реформ в их самом начале была убежденность людей в несправедливости и неравномерности распределения дохода и внезапно открывшейся возможности

добиться материального успеха в условиях только что обретенной экономической свободы.

Несомненно, в настроениях людей доминировали наивные представления о том, что рыночные отношения сами собой принесут более высокий доход и обеспечат его более справедливое распределение, и стоит лишь отказаться от старой системы, как распределение доходов будет больше отвечать их интересам, а разрыв между бывшими социалистическими и развитыми странами в области потребления удастся ликвидировать за считанные годы. Сейчас же вопрос стоит не о ликвидации этого разрыва, а хотя бы о достижении уровня потребления по состоянию на 1990 год.

Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что в Казахстане имеют место мнения, что переходный период принес коррупцию и сформировал феодально-клановый капитализм, обусловивший спад производства, рост неравенства и распространение бедности на протяжении почти всего десятилетия реформ. Как уже отмечалось, благоприятны пока только результаты 2000-2001 годов. Но это отнюдь не способствует улучшению социальной атмосферы, так как многие граждане опять же считают, что в настоящее время накопление богатства во многом зависит от связей или нечестных деяний, а бедность порождена экономической системой.

Таким образом, положение казахстанского общества остается достаточно сложным, несмотря на оптимизм официальных источников, Есть и падение жизненного уровня населения, и бедность, и безработица, и большие размеры внутренней государственной задолженности, и многое другое. Надежды на «нефтяное чудо», а также борьба вокруг раздела ожидаемых дивидендов блокируют властные решения всех проблем, деловая активность остается во многом замороженной, причем даже в сфере теневой экономики. Казахстан втянут в воронку хронического социального кризиса, который оставляет мало надежд на выполнение стратегических целей Правительства. Положение усугубляется непрофессиональными действиями, ошибками в деятельности правящей элиты. Наиболее заметно это в регионах Казахстана. Центральная власть во многом лишена основных приводных ремней для преодоления кризиса в связи со слабостью периферийных элит. Если же пойти по пути установления жесткой монополии властных

прерогатив со стороны центральной власти, то это необратимо сузит поле ее стратегического маневрирования.

Общественное мнение, стабильность балансируют, можно сказать, в положении неустойчивого равновесия. И какие-либо экстраординарные события или усилия, как со стороны правительственных, так и со стороны оппозиционных сил, могут нарушить его в любой момент. К примеру, очередной рост цен на коммунальные услуги, тарифы или продовольствие, шумное разоблачение кого-либо из высших эшелонов власти – и чаша равновесия качнется в одну сторону; какой-либо популистский шаг оппозиции, скажем, серия выступлений по телевидению с демонстрацией хождения в народ – и слабое движение в другую. Поэтому все эти проблемы властным органам надо четко обозначать, видеть их, понимать и своевременно реагировать, делая правильные выводы.

3. Проблемы формирования среднего класса в казахстанском обществе

Переход Казахстана к принципиально новому состоянию общества, имеющие место деструктивные процессы в политике и экономике и, как следствие, социальная напряженность, наличие конфликтных методов социальной трансформации настоятельно ставят вопрос как о путях снятия социальной напряженности, так и о методах и средствах стабилизации казахстанской общественной системы.

Проведенный анализ имеющейся по этому вопросу отечественной и зарубежной литературы позволяет сделать вывод, что ученые, политики и политологи, как правило, едины в том, что стабилизация общества напрямую зависит от того, насколько конституирован и функционирует в социальном пространстве средний класс, являющийся социальной базой демократической формы правления.

Действительно, переход к рынку выдвинул во всех странах постсоветского пространства проблему формирования так называемого «среднего класса» как самой крупной и мобильной социальной категории, являющейся, по сути, опорой современного общества. Однако вследствие шокового характера проводимых реформ наиболее резко снизился уровень жизни семей, имевших ранее средний достаток. Таким образом, произошло размывание потенциальной базы среднего класса и

выведение ее за черту прожиточного минимума. Одновременно началось образование частнопредпринимательского слоя, имеющего высокие и сверхвысокие доходы.

В классическом произведении Аристотеля «Политика» выдающийся мыслитель древности высказал ряд идей, оказавшихся весьма актуальными и в настоящее время. Рассматривая причины раздоров и распрей в государстве, он уже в то время обратил внимание на факт, что наиболее устойчивыми политическими режимами оказываются те, которые «стремятся к середине». «В каждом государстве, – пишет он, – есть три части: очень состоятельные, крайне неимущие и третьи, стоящие посредине между теми и другими» /78/. Аристотель считал, что государство не должно опираться в своей деятельности ни на крайне богатых, ни на крайне бедных, т.к. ни те, ни другие не склонны повиноваться доводам разума. «Люди первого типа становятся по преимуществу наглецами и крупными мерзавцами. Люди второго типа часто делаются злодеями и мелкими мерзавцами». Первые – не умеют подчиняться (а без этого умения, по Аристотелю, нельзя научиться властвовать). Вторые чрезвычайно унижены в своем положении и чаще всего руководствуется завистью к чужому богатству. «Величайшим благополучием для государства является то, чтобы его граждане обладали собственностью средней, но достаточной» /79/.

Идеи Аристотеля сыграли определенную роль в формировании теории среднего класса (или средних классов, средних слоев) в современной социологической литературе, прежде всего, в странах с устойчивым экономическим развитием. Среди зарубежных авторов, наиболее часто цитируемых в связи с этой темой, назовем П. Бурдье, М. Вебера, Э. Гидденса, Дж. Голдторпа, Р. Дарендорфа, К. Дойча, К. Дэвиса, Д. Локвуда, К. Маркса, Р. Мертона, В. Мура, Т. Парсонса, Л. Уорнера, Н. Элиаса и др. /80/.

Обобщая сказанное этими исследователями, можно прийти к выводу о том, что западный средний класс, прежде всего, неоднороден. Он делится на высшую, среднюю и низшую части. Естественно, численные оценки среднего класса западных исследователей различны, но, как правило, средний класс составляет около 60%, а его средняя часть (ядро) – около 20% /81/.

Строго говоря, в нормальной рыночной экономике средний класс

– экономически социальный субъект, имеющий определенные характеристики и способный эффективно выполнять традиционные для него функции.

Основные характерные особенности среднего класса западного типа – это срединное положение в стратификационной вертикали, массовость, высокий квалификационный потенциал и общая удовлетворенность жизнью его членов. Функциональные характеристики – сберегать и инвестировать в национальную экономику, играть роль основного налогоплательщика, выступать в качестве, образно говоря, стабилизатора общественно-политической ситуации. Отмечаются также и такие специфические функции, как обеспечение высокой производительности труда; производство и распространение знаний, информации; определение характера и структуры потребительского рынка; выступление гарантом политической свободы /82/.

От экономического положения среднего класса зависят инвестиционная активность населения, состояние государственного бюджета, реализация государственных социальных программ и ряд других важнейших социально-экономических процессов. Промежуточное, среднее положение по материально-имущественной шкале делает его оплотом социальной стабильности, свидетельствует об определенных успехах и достижениях принадлежащих к нему людей. Его представители заинтересованы в стабильности и, как минимум, в сохранении своих социальных позиций, не заинтересованы в смене власти, курса страны, в каких-либо социальных катаклизмах. Именно средний класс является стержнем любого общества, как в силу своей многочисленности – в идеале более половины всего населения, – так и благодаря участию в образовании бюджета и в развитии демократии и стабильности общества. Само наличие среднего класса способствует, образно говоря, «рассеиванию» собственности (деньги, льготы и т.д.) среди множества конкурирующих между собой мелких и средних собственников, согласно рациональным общегосударственным приоритетам и равным для всех законам. Стремление закрепить достигнутое объективно связано с нежеланием менять «правила игры», овладение которыми позволило им занять устойчивое положение в обществе.

Таким образом, в странах с развитой рыночной экономикой и демократическим политическим строем под средним классом подразумева-

ют ту часть общества, которая занимает «средние» – между «верхами» и «низами» – статусные позиции, составляя наибольшую по численности социальную группу, и выполняет ряд функций, важнейшими из которых являются функции социального «стабилизатора» общества и источника воспроизводства квалифицированной рабочей силы /83/.

Представляется важным исходить из того, что становление среднего класса относится к числу фундаментальных социальных процессов и в трансформационных экономиках, т.к. является одной из главных целей перехода от плановой экономики к рыночной. Российские ученые Л. Григорьев и Т. Малева даже утверждают, что «развитие гражданского общества и формирование среднего класса – почти синонимы» /84/.

Изначально предполагалось, что экономические реформы в странах Восточной Европы и СНГ приведут к появлению масштабного среднего класса, ибо его рождение, создание и становление представлялось процессом во многом само собой разумеющимся и не требующим принятия специальных мер. Думалось, что этому будут полностью способствовать приватизация бывшей социалистической собственности, реинституция, массовое создание малых предприятий, ликвидация коллективного сельского хозяйства. Поэтому в начальный период реформ главное внимание было сосредоточено на проблеме развития предпринимательства, а не на трансформации социального общества и формировании среднего класса непосредственно на базе социальных компонентов уходящего строя.

Однако, если в большинстве стран Центральной и Восточной Европы такие ожидания более или менее оправдались, то в постсоветском пространстве ситуация развивалась иначе: трудное, а порой, драматичное протекание экономической трансформации общества обусловило противоречивое положение различных слоев среднего класса, чьи возможности участвовать в демократическом процессе расширились, а материальные основы, определяющие их политическую независимость, напротив, сузились. Поэтому в настоящее время, после первого десятилетия идущих реформ, сложилась новая ситуация, становящаяся исходной как для дальнейшего анализа проблем среднего класса, так и для выработки экономической политики государства в целом.

Известно, что концентрации капитала и собственности и ориента-

ции их владельцев на максимизацию прибыли отнюдь недостаточно для обеспечения занятости средних слоев. Например, в 1912 году, когда в США финансовый капитал достиг гигантских успехов (доминанта финансовой олигархии, состоящая из дома Морганов и его сателлитов, контролировала 341 корпорацию с суммарной капитализацией в 22,2 миллиарда долларов), В. Вильсон констатировал, что «средний класс» выжимается все больше и больше в результате тех процессов, которые мы называем процветанием. К 1929 году, когда концентрация финансового капитала стала еще более значительной (более 2400 корпораций с чистыми активами в 74 миллиарда долларов контролировались 167 персонами), уже миллионы безработных всех профессий «были выброшены из нормального образа жизни в нищету и деградацию пауперизма» /85/.

Недостаточно и прихода в страну крупного иностранного капитала. Еще в 1935 году Кори обращал внимание на то, что в экономически слабых странах действия крупного капитала препятствуют нормальному развитию среднего класса, индустрия этих стран подавляется в пользу экспортирования сельскохозяйственной продукции и сырья, а промышленные товары импортируются: развиваются только те отрасли, которые доминируют над экономикой и приносят сверхприбыли: энергетика, добыча ископаемых и транспортные артерии. В результате развитие этих стран получается неполным, «обкорнанным» и, соответственно, «не формируется средний класс, способный вести борьбу за власть и создание демократических традиций». Подтверждение тому – опыт ряда стран Латинской Америки, испытавших после ухода иностранных монополий острый дефицит в собственных квалифицированных кадрах /86/.

Недостаточно для активизации инвестиционного процесса и внутренних финансовых ресурсов. Хотя частный сектор распоряжается значительной частью национального дохода, это не становится фактором инвестиционного роста.

Необходимое условие для того, чтобы каждый из указанных факторов инициировал экономический рост и через него формировал массовый средний класс, – способность общества как совокупности экономических субъектов осознать свой долгосрочный интерес и руководствоваться им. Средний класс как раз и является признанным носителем такого рода экономического рационализма.

Кроме того, за образец была взята классическая модель демократи-

ческих обществ Запада, где наиболее многочисленная по количественному составу группа среднего класса является основным компонентом социальной структуры. В этой связи возникли различные дискуссионные вопросы. И прежде всего, о самой возможности возникновения среднего класса западного типа в посткоммунистическом обществе. О его роли в таком социуме: как стабилизирующего фактора и гаранта демократической организации общества или, как это ни парадоксально, в качестве одной из его серьезнейших конфлитогенных детерминант, приводящих социальную систему к кризисам и катастрофам /87/.

Активные научные споры и разногласия идут о путях и способах конституирования этой социальной страты, о сроках и тенденциях, превалирующих сегодня в ее формировании, о трудностях и причинах их вызывающих /88/. В частности, казахстанских исследователей интересует целый ряд вопросов: Есть ли в настоящее время средний класс в Казахстане? Какова его численность и доля в обществе? Как возникает средний класс в постсоветской республике, т.е. опирается ли он на поддержку государства или формируется стихийно, на основе свободной игры рыночных сил? Должна ли государственная политика ставить своей целью формирование и поддержку среднего класса? Может ли средний класс играть самостоятельную роль в политике?

Наличие многочисленных дискуссионных вопросов по этой важной теме вполне объяснимо. Во-первых, само понятие «средний класс» стало сравнительно недавно употребляться в отечественной социологии. Во-вторых, состав среднего класса еще не представляет собою законченную сформировавшуюся группу. Естественно, что динамичность и изменчивость этой группы вызывает дополнительные сложности в ее изучении.

Большинство современных казахстанских исследователей, сосредоточившихся на проблеме среднего класса в республике, признают его существование, но в то же время единодушно отмечают незавершенность его формирования или начальный этап становления. В силу этого некоторые из них употребляют понятие «средний слой», имея в виду достаточно аморфную и не вполне устойчивую еще общность, занимающую срединное положение в социуме.

Следует отметить, что казахстанское общество, равно как во многом и другие общества стран постсоветского пространства, представляет собой специфический феномен, не только не сводимый к демо-

кратическим обществам западного типа, но и возникший и развивающийся как их альтернатива. Его основу составляют властно-правовая иерархия при фактическом отсутствии частной собственности на землю, ресурсы и средства производства, являющиеся собственностью всего общества. А социальная структура обществ подобного типа носит биполярный характер и состоит из небольшой группы «людей власти» и остального – полунищего и бедного населения. Средний же класс, как принято считать, основа стабильности любого общества, практически отсутствует. Более того, в социальных системах подобного типа его появление, как уже отмечалось, вызывает, как правило, их диструкции и приводит к серьезным общественным катаклизмам.

Сегодня по большому счету ставится задача реорганизации казахстанского социального пространства, опираясь не на властно-правовую иерархию, а на институт частной собственности, не на отношения господства и подчинения, а на отношения сосуществования.

За последние годы в казахстанском обществе появились принципиально новые классы и страты, а также усиливается процесс перехода населения из одних социально-экономических страт в другие, меняется демографическая ситуация, принимает принципиально иной характер миграция населения.

К началу перестроечных преобразований Казахстан обладал значительным слоем представителей интеллигенции, которую можно было смело отнести к представителям так называемого «нового среднего класса» – наиболее динамичной и наиболее значимой части социальной структуры, определяющей сегодня будущее любой страны.

Перестроечные трансформации 1985 года имели своей подоплекой конфликт двух типов организации социального пространства, двух его базовых принципов – властно-правовой иерархии и института собственности. В связи с этим вновь стала актуальной проблема среднего класса как основной социальной базы для построения в стране общества западного типа, общества классической демократии. Но вновь, как и прежде, победу одержали традиционные для казахстанского социального пространства властные отношения. В результате возник парадокс: средний класс же, руководствующийся вполне понятной и конкретной целью – получить для себя полную и экономическую, и политическую свободу от идущих преобразований больше всего и

пострадал, превратившись сокращающийся и экономически не защищенный слой общества.

С началом перестройки были ликвидированы сами источники, благодаря которым в обществе мог бы конструироваться многочисленный класс собственников: проведено обвальное обесценивание денежных вкладов населения, утрачена во многом сама возможность для большинства граждан страны накопить большие денежные суммы для вложения их в конкретное дело (земля, предприятия, магазины и т.д.), сдерживается развитие малого и среднего бизнеса.

Уменьшается и такой важный источник пополнения среднего класса, как представители интеллигенции, специалисты высокой квалификации. Только за 4 года почти втрое сократилась численность персонала, занятого научно-технической деятельностью (с 30.000 человек в 1994 году до 10.944 – в 1998). Причем средний возраст работников этой сферы составляет 50 лет /89/.

В целях оптимизации значительно сократилось число общеобразовательных школ. По данным национального отчета о человеческом развитии в Казахстане за 1998 год, доля общих расходов государства на образование в 1990 году составляла 8,2% от ВВП, в 1995 – 4,5%, в 1997 – 4,3% /90/.

Вследствие вышеперечисленных причин имеет место восстановление традиционной для общества биполярной структуры: небольшая группа людей власти и основная масса нищего, полунищего и бедного населения при весьма малой доли среднего класса. Иными словами состояние социальной структуры характеризуется признаками деклассирования. Возрастает число жителей страны, обладавших средним достатком до начала реформ, а в ходе их проведения перешедших в категории малообеспеченных, бедных и беднейших.

Практика показывает, что попытки большей части населения собственным трудом и инициативой встроиться в рыночные отношения у основной массы населения, лишенной собственности, оказываются неэффективными. Социальная структура общества продолжает представлять собой, образно говоря, «кооперацию наемников», чей уровень потребления социальных благ зависит от государственных выплат. Настоящее состояние и тенденции развития социальной структуры не дают удовлетворительной перспективы.

Самые доходные занятия в стране, приносящие наиболее высокие при-

были (финансирование, кредитование, страхование, торговля), привели к тому, что богатые располагают состояниями, эквивалентными сотнями тысяч и миллионов долларов, и ориентированными на стандарты западного среднего класса.

Таким образом, при изучении среднего класса эмпирически фиксируется центральная проблема социально-экономического развития казахстанского общества: собственно средний класс, который мог бы быть основанием политической устойчивости, составляет меньшинство; большая же часть средних слоев остается на грани бедности, и, следовательно, их стабилизирующая роль малоэффективна. В этом – отличие среднего класса постсоветского пространства в условиях трансформации от своих западноевропейских аналогов.

Однако влияние переходного состояния социума на его стратификацию этим не ограничивается. Российские ученые обращают внимание на то, что исследование среднего класса должно опираться на определенное понимание трансформационных процессов в обществе в целом, в ходе которых не только изменяется состав и соотношение слоев, но одновременно возникают новые способы образования социальных групп /91/. При таком подходе проясняется двойственный характер среднего класса. Сложность его конфигурации и состава связана не столько с профессиональными различиями внутри него самого, сколько с новыми классообразующими структурами и соотношениями. По мнению Н.Е. Тихоновой, средний класс современной России (равно как и Казахстана – С.Д.) связан, с одной стороны, с традиционной структурой, основанной на государственной собственности, а, с другой, – с возникающими и приобретающими все больший динамизм новыми структурными отношениями, основанными на частной собственности и частном интересе /92/.

К числу особенностей формирования классовой структуры в постсоветском обществе следует отнести также активное участие в этом процессе и воздействие на него командно-административной системы, в результате чего основным методом построения новой социально-классовой структуры стала приватизация государственной собственности и государственных статусных позиций.

Следующая черта, характерная для среднего класса, – внутренняя противоречивость этой социальной группы, базирующаяся на ее промежуточном положении. Надо отметить, что в отличие от приведен-

ных выше, эта характеристика отмечает средний класс не только трансформирующегося общества, но и западного.

Среди исследователей, анализирующих формирование среднего класса в Казахстане, отсутствует консенсус по поводу того, какие показатели являются наиболее важными для определения принадлежности к среднему слою и как эти показатели должны фиксироваться в ходе массовых социологических опросов или в исследованиях иного типа. В мировой практике принято несколько критериев определения среднего класса, которые в обобщенном виде можно свести к следующим: материально-имущественные ресурсные признаки (величина текущих доходов, владение имуществом, в том числе недвижимостью, структура расходов и потребления, включая склонность к сбережениям); нематериальные признаки (образовательный ценз и профессионально-квалификационные характеристики); признаки социального самочувствия и успешного экономического поведения (самоидентификация и принадлежность к определенным социальным группам); относительная устойчивость всех перечисленных параметров /93/.

Из всех указанных критериев первым, конституирующим эту социальную группу, принято считать уровень доходов. Соглашаясь с этим постулатом и применяя его к современному казахстанскому обществу, М. Аженов, к примеру, считает, что сюда могут быть включены все лица, чьи доходы находятся в пределах от 10 до 100 тысяч долларов /94/. В этом случае казахстанский средний слой, первоначально охватывавший врачей, адвокатов, бизнесменов, процветающих фермеров, некоторых квалифицированных рабочих, несколько расширяет свои границы.

Однако автор солидарен в данном случае с Григорьевым и Малевой, считающими, что такую социально-экономическую и социопсихологическую общность (образование), как средний класс, нельзя охарактеризовать лишь показателями потребления или среднего дохода. Данная логика не применима к большинству стран, как развивающихся, так и с переходной экономикой. При 6-10 тысяч долларов ВВП на душу населения (Бразилия, Россия, Чехия, Венгрия, Польша и пр.) необходим более качественный и детальный анализ статистики, поскольку душевой доход оказывается слишком зыбким параметром. Требуется специальное доказательство, что те или иные социальные группы в странах с переходной экономикой отвечают социальному «портрету»

среднего класса развитого мира и демократии, поскольку численные показатели отличаются на порядки /95/. Такого же мнения придерживается и российский исследователь Г.А. Зравомыслов, отмечающий, что «данные о доходах далеко не исчерпывают совокупности показателей, характеризующих уровень жизни и социальное положение» /96/. Кроме того, нельзя не учитывать региональное различие цен на товары и услуги, которые непосредственно влияют на имущественное положение людей.

Денежный доход сам по себе не может дать исчерпывающую информацию о социальном статусе граждан еще и потому, что в соцопросах и статистических обследованиях, на данные которых, в основном и опираются исследователи среднего класса, указывается, как правило, неполная информация, в виду проблемы недекларированных доходов, характерной для казахстанской жизни. Поэтому в странах с транзитной экономикой уровень доходов как критериальная оценка должен быть дополнен, как минимум, такими характеристиками, как структура и источник доходов /97/.

Все это говорит о сложности определения границ среднего класса. На сегодняшний день в политологии не существует методики, которая могла бы с абсолютной точностью определить количественный состав среднего слоя. Более или менее очевиден вопрос о самых бедных и самых богатых, но структурирование этой страты как таковой должно решаться в специально ориентированных исследованиях.

На взгляд автора, наиболее достоверный результат может быть получен лишь при взаимном дополнении статистической и социологической информации при условии рассмотрения вышеперечисленных критериев (признаков) определения среднего класса как равнозначных и равновесных и одновременно доминантных. В таком случае социальные группы, отвечающие одному или нескольким доминантным признакам, можно считать казахстанским вариантом среднего класса. При этом о социальной группе, обладающей всеми основными критериальными характеристиками, можно говорить как о своеобразном «ядре» среднего класса, вокруг которого сосредоточены протосредние классы, обладающие некоторыми характерными для этой страты признаками, а, следовательно, и определенным потенциалом на перемещение в «ядро» /98/.

Казахстанский исследователь Б. Ескеев для определения численно-

сти среднего слоя предлагает прибегнуть к пятичленной (квинтильной) методологии расчета, которая основана на том, что все общество делится на 5 равных по численности частей. Для Казахстана в разные годы в квинтиль входило 3,3-3,1 млн. человек. Согласно этой методике, по мнению Ескеева, в «бедный» слой войдут первый и второй квинтили, в средний – третий и четвертый, а в «богатый» – пятый квинтиль /99/. Несложно подсчитать, что при таких расчетах условный средний класс в республике составлял на начало 2001 года в среднем примерно 6,4 млн. человек, или 43,1%. Но отражает ли это реальную картину?

Г.М. Матаев выделяет несколько социальных групп, на основе которых, по его мнению, может в принципе образоваться средний класс. Это касается, прежде всего, лиц, работающих не по найму, т.е. занятых в собственном деле: посредническая деятельность разного рода, в основном торгово-закупочная, производство услуг, индивидуальная трудовая деятельность, фермерские хозяйства, семейные предприятия. Надо отметить, что доля работающих «на себя» неуклонно возрастает. Если в 1997 году она составляла 43% занятых в экономике граждан, то по статистическим данным за 2000 год эта цифра составила уже 60% /100/.

Другая группа, которая потенциально могла быть, по мнению Матаева, отнесена к среднему классу, – самодеятельное население, численность которого последние годы растет /101/.

Весьма интересен для исследователей вопрос классовой самоидентификации граждан. Как правило, к средней группе причисляют себя те граждане, которые считают, что они живут не лучше всех и не хуже некоторых. Основания для такой самооценки кроются в опыте повседневной жизни. Человек, ассоциирующий себя «середняком» не входит в круг лиц, чья жизнь изобилует символами престижа. У него более скромные потребности и интересы, которым соответствуют и навыки поведения и привычки. В состав среднего класса, таким образом, попадают врачи, учителя, государственные служащие невысокого ранга, владельцы малых предприятий и предприниматели средней руки, работники торговли и военнослужащие, журналисты, квалифицированные рабочие, преподаватели вузов и научные сотрудники, крестьяне и фермеры, – в общем, все те, на ком держится этот мир, кто своим трудом обеспечивает достойную жизнь своей семьи, так или иначе, сводя концы с концами, держа удары постсоветсткого рефор-

мирования, постоянно осваивая новые возможности и стараясь не упустить шансов на удачу.

В этой связи значительная часть среднего класса чрезвычайно мобильна в профессиональном и социальном плане, что является еще одной специфической особенностью этой страты современного казахстанского общества. За годы трансформации миллионы людей были вынуждены поменять свои профессии, переквалифицироваться, найти новую работу. При этом многие стали совмещать должности и профессии в целях поддержания привычного жизненного стандарта.

Наиболее динамичные процессы происходят именно в среде предпринимателей, с которыми, в первую очередь, ассоциируется средний слой. Действительно, в этой профессиональной группе социальная вертикаль весьма мобильна: имеется вполне реальная возможность оказаться как на самых высоких бизнес-позициях, так и переместиться вниз.

Пополнение среднего класса может происходить, как правило, двумя путями. Первый – на основе повышения доходов, накопления и легализации активов недостаточно образованных представителей мелкого бизнеса. Второй – на основе адаптации к реалиям экономической среды образованных и высококвалифицированных групп /102/.

По мнению Здравомыслова, неоднородность состава среднего класса, его внутренняя противоречивость, разнонаправленные интересы приводят к тому, что «весьма проблематичным оказывается осознание общих интересов этого класса» /103/, а, следовательно, и создание политической партии, агрегирующей и представляющей эти интересы.

Следует отметить, что наряду с вопросом о численности и границах среднего класса важен также вопрос о том, носителями какой социально-экономической стратегии являются его представители. Ведь «средний класс – это не просто «таксон» (единица измерения) социальной стратификации (слой, класс, группа), это образ жизни, стандарт поведения, особый тип ментальности, которым «тестирует» себя западная цивилизация» /104/. Дело в том, что сегодня, к сожалению, в ходе казахстанских реформ у представителей среднего класса, и прежде всего, предпринимателей, сложились определенные негативные, с точки зрения развития экономики страны, модели поведения: недоверие к крупным частным банкам, предпочтение хранения сбережений в наличной валюте и за рубежом, недоверие к внутренним государст-

венным ценным бумагам, сокрытие доходов, недоплата по налогам, т.е. именно те, которые противоречат ожидаемой роли среднего класса в обществе и экономике.

Разумеется, экономическое оживление, начавшееся в республике в 2000 году, оказывает позитивное воздействие на средний слой. Улучшение состояния бюджета благоприятно сказывается на уровне жизни государственных служащих. Отмечается и эффект диффузии доходов от богатых отраслей, предприятий в сферу услуг. Однако только заметный экономический рост в течение длительного времени способен привести к существенным изменениям размеров, конфигурации и роли среднего класса в Казахстане.

Незрелость поведения среднего класса и даже его «ядра» означает, что недостаточно обладать пусть даже и всеми признаками среднего класса, чтобы стать его полноправным представителем. Поэтому вопрос «дозревания» слоев казахстанского среднего класса до адекватного уровня – самостоятельная проблема, от решения которой зависят многие параметры развития страны.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что имеющие место в научных кругах попытки доказать или опровергнуть существование среднего класса в современном Казахстане все же неэффективны, т.к. он был всегда, и его нельзя ликвидировать или создать заново. Другое дело, что в настоящее время применение в казахстанской действительности понятия «средний класс» в том смысле, в каком он понимается в западных обществах, в силу рассмотренных причин еще не может быть корректным и обоснованным. Но вполне естественно, что социальный слой, отвечающий всем критериям среднего класса в экономически развитых и в эволюционно развивающихся обществах, еще не сложился, не сформировался, а если и имеется, то в очень ограниченных масштабах. В том смысле, в котором он существует на Западе, казахстанский средний класс еще не прошел, да и не мог в столь короткий с исторической точки зрения период времени пройти тест на устойчивость.

В казахстанском обществе средний класс, подчеркнем еще раз, в том смысле, как он понимается на Западе, сформируется еще не скоро. Сейчас границы среднего слоя расплывчаты и неустойчивы. Они, как и размеры среднего класса, его характер и состав на том или ином

этапе проводимых реформ меняются. Думается, что такая ситуация продлится до установления стабильного воспроизводства, поскольку только в этом случае средний класс может самоопределяться по целому ряду взаимосвязанных параметров и показателей: к примеру, по уровню дохода, по покупательной способности, по участию в производстве, по социальному статусу. Здесь можно согласиться с мнением Б. Ескеева, что любой из этих критериев трудноприложим к современному Казахстану /105/.

Далее. Казахстанский средний класс есть не единая группа, а совокупность разнородных социальных групп. Многочисленные социологические исследования подтверждают именно этот факт. Его профессиональный состав включает в себя представителей всех профессиональных групп казахстанского общества, а также группы с разными экономическими интересами и политическими ориентациями.

Значительные расхождения в оценках величины и внутренней структуры среднего класса обусловлены не только индивидуальными предпочтениями социологов или такими универсальными особенностями среднего класса, как гетерогенность и размытость его границ. Сложность идентификации среднего класса во многом усугубляется явлениями, характерными в целом для переходных обществ: незрелостью социальной структуры и значительными нарушениями связей между критериальными характеристиками социальных слоев, включая и деформацию традиционной цепочки «образование – профессиональный статус – доход – самоидентификация».

В связи с тем, что стадия экономической трансформации еще не пройдена, представляется неправомерным отдавать предпочтение одному из перечисленных критериев и делать вывод о непригодности других. Это относится, прежде всего, к такому критерию идентификации, как доход. Несмотря на все сомнения относительно его «работоспособности», связанные с многочисленными методическими проблемами, как статистического учета, так и социологических измерений, данный индикатор сохраняет свою роль базового параметра социально-экономического положения индивида и домохозяйства.

Для возникновения среднего класса требуется изменить многое в казахстанском обществе. В частности, приватизационную политику, нормативно-правовую базу, отношения гражданина и государства, сде-

лать реально функционирующие декларируемые институты демократии. Необходимыми условиями выступают также устойчивый экономический рост, легализация доходов и расширение доступа к ресурсам малого и среднего бизнеса, развитие максимально честной конкуренции. Политика реформ в Казахстане должна переключиться с формирования «ядра» на «подтягивание» до его уровня протослоев. «В сущности, именно такой переход – превращение противоречивого материального положения большинства в среднее положение полунуждающихся-полублагополучных, а не искоренение крайней бедности, – образует сегодня первоочередную задачу совершенствования пропорций материальной дифференциации» /106/. Только тогда средний класс возникнет и станет тем, что от него ожидают.

С позиций прикладного анализа проблема развития среднего класса является, в свою очередь, основанием для решения ряда нижеследующих экономических проблем.

Во-первых, налоговая реформа и легализация малого бизнеса, скрытая зарплата и издержки производства. К примеру, снижение с июля 2001 года планки подоходного налога в интересах тех групп предпринимателей и средних слоев, высокие доходы которых могут быть довольно легко легализованы.

Во-вторых, заметное отставание потребительского рынка и рынка услуг (особенно образовательных, в сфере здравоохранения и пр.) от потребностей и возможностей среднего класса. Отсюда вывод – необходимы инвестиции в рыночные и инфраструктурные секторы, клиентами которых являются представители средних классов.

В-третьих, характер и механизмы социальных и экономических трансфертов от средних классов к бедным социальным группам. От деятельности таких трансфертов зависит способность среднего класса обеспечить устойчивость социальной «пирамиды», а значит, и тип движения к эффективной экономике и зрелой демократии в Казахстане.

В-четвертых, проблема сбережений и инвестиций. Экономическая мораль среднего класса – делать сбережения и поддерживать устойчивость уровня благосостояния, оказывать сопротивление давлению рынка. Для этого финансово-экономическая сфера должна быть в состоянии обеспечить средний класс надежными институтами, инструментами сбережений и превращать их в инвестиции на террито-

рии страны. В противном случае вывоз финансовых ресурсов вместе с человеческим капиталом будет лишь набирать силу.

В целом проблема формирования среднего класса остается весьма актуальной для настоящей казахстанской действительности. Процесс становления этой группы осложнен различными экономическими и политическими факторами, не имеет в научном анализе однозначных подходов, оценок и результативной методики изучения. Важно было бы рассмотреть проблему в ретроспективе, учитывая многочисленные социально-экономические, политические, культурно-исторические, национальные аспекты процесса становления среднего класса в разных регионах Казахстана и при разных типах социально-хозяйственного уклада. Это помогло бы достаточно точно описать реальную картину становления среднего класса в стране и послужило бы основой для обоснованных выводов о наличии больших проблем с реализацией стратегического курса на строительство общества, в социальную основу которого должен быть положен средний класс. Но это не входит в задачу настоящего исследования.

Завершая главу, исходя из проведенного анализа, представляется возможным сделать следующие выводы.

При выработке и реализации социальной политики государства переходного периода важно предусмотреть социальные последствия ее проведения, а также продумать меры Правительства, призванные решить возникающие проблемы.

К примеру, в одной из своих статей С. Глазьев справедливо говорил о том, что «философия вульгарного либерализма, утверждающая автоматическое развертывание механизмов рыночной самоорганизации и роста по мере самоустранения государства с «экономической арены», оказалась удобной для оправдания беспомощности и безответственности. Экономический спад и деградация промышленности достигли такого предела, что без стимулирующей поддержки государственного спроса и государственной инвестиционной активности положения не поправить» /107/.

С учетом важности высказывания российского ученого С. Кузьмина приведем его дословно: «Все чаще в экономической литературе высказывается совершенно справедливая мысль, что в нынешних условиях при многосложных хозяйственных связях, повышенных тре-

бованиях общества к социальным условиям и качеству жизни всех граждан рыночный механизм не является и не может являться единственным регулятором экономических процессов, он должен сочетаться с достаточно сильным государственным регулированием в ряде областей хозяйственной и общественной жизни. Это, собственно, мы видим практически во всех развитых рыночных экономиках. Быстрое свертывание многих функций государственного регулирования в России, несомненно, является тем социально-политическим фактором, который усиливает разбалансированность экономики.

Однако для того, чтобы это государственное регулирование было действенным в новых условиях, необходимо определение его четких принципов. Ими должны стать, прежде всего, благосостояние всего населения, а не отдельных групп, сплочение, а не разъединение по имущественным, национальным и другим признакам, достижение социального равновесия. Государственное регулирование социальных процессов должно быть направлено, прежде всего, на поддержку и расширение «производящих» социальных групп населения, а не спекулирующих и занимающихся «посреднической» деятельностью.

Разрешение социального кризиса в этом направлении, безусловно, положительно воздействовало бы на экономическое возрождение России. Конечно, для такого возрождения необходимы и чисто экономические условия, и, прежде всего, обновление основного капитала, структурная перестройка экономики, но и без солидарного труда, согласия, общего стремления к процветанию страны никакие экономические меры не могут быть достаточно эффективными» /108/.

Думается, во многом это относится и к реалиям современного Казахстана. Против такой постановки вопроса сейчас уже не выступает практически никто из солидных экономистов и социологов. Теперь считается само собой разумеющимся, что практический успех реформ в странах «постсоциалистической эпохи» будет зависеть, прежде всего, от способности правящих элит обеспечить широкие общественные и национально-государственные интересы.

Совершенно новые принципы хозяйствования принесли с собой и новые принципы социального регулирования. В частности, сокращению социальной инфраструктуры, свертыванию различных льгот, целенаправленному сокращению занятости населения и т.д. В связи с этим

эффективное решение возникающих социальных проблем должно превратиться в важнейший фактор развития процесса разгосударствления собственности с целью недопущения социального взрыва, способного развалить всю экономическую систему.

Решающим фактором успешного проведения реформ, безусловно, является наличие сильной государственной власти, осуществляющей и прямо влияющей на социально-экономическую трансформацию общества.

Первоочередной необходимостью для всех стран с переходной экономикой является достижение или поддержка экономического роста и совершенствование финансового регулирования. Возрастает понимание того, что достижение осязаемого экономического роста требует активного применения государством всего диапазона доступных ему политических инструментов для интеграции социальной и экономической политики, а также приоритета гарантированного роста занятости и определения человека как центрального субъекта развития. Успешные преобразования в интересах всего населения зависят от прочной и «прозрачной» политической базы, объединяющей проводимую макроэкономическую политику с активной и всеобъемлющей социальной политикой, а не только программами компенсаций и периодическими мерами по «облегчению тягот» потрясений, вызванных преобразованиями.

Исходным основанием для оценки ситуации является, на взгляд автора, то, что хотя и в разной степени, социальные издержки переходного периода, включая высокий уровень безработицы, снижение реальных доходов населения, заработной платы и пенсий, увеличение расслоения доходов и ухудшение качества услуг являются очевидными во всех странах постсоветского пространства. Издержки переходного периода в преимущественной мере вынуждены нести самые бедные и наиболее незащищенные члены общества /109/.

Строительство нового, демократического общества, ориентированного на рыночные реформы и одновременно на социальные цели, т.е. обретение возможностей для продвижения к рыночной экономике со стороны общества есть чрезвычайно острая проблема, которая включает в себя множество сложнейших аспектов. Важно исходить из того, что социальная трансформация общества может таить в себе и большие опасности, например, возможность социальных и межэтнических конфликтов, или так называемых постконфликтных проблем. По-

нятно, что дезорганизация общества, беспорядки приводят к значительным финансовым потерям в странах с переходной экономикой. Эти явления лишний раз свидетельствуют о том, что нужно принимать срочные меры, чтобы изменить ситуацию к лучшему.

Сейчас же приходится констатировать, что в ближайшей перспективе нет оснований надеяться на значительное увеличение возможностей государства финансировать социальную сферу.

В этой связи необходимо со всей определенностью подчеркнуть три обстоятельства.

Во-первых, в настоящее время речь может идти не столько об улучшении уровня жизни большинства населения, сколько о его сохранении. Важно не допустить такого его падения, которое может привести к необратимым последствиям.

Во-вторых, имеющиеся материальные ресурсы необходимо сконцентрировать на небольшом количестве наиболее важных направлений.

В-третьих, необходимо в максимальной мере использовать правовые, административные и организационные меры, которые не потребуют прямых государственных расходов, однако способны в той или иной степени стабилизировать ситуацию.

Либерализация, предшествовавшая формированию необходимых органов управления и конкурентной среды, привела к стремительному росту цен без равнозначного повышения заработной платы, а именно: к стремительному снижению реальной заработной платы наряду с потерей сбережений вследствие инфляции.

На начальном этапе реформ упразднение централизованных органов управления и механизмов расчета привело к задержке платежей между предприятиями и переходу к бартеру вместо денежных операций, уменьшая тем самым налоговые поступления и выражаясь зачастую в продолжительных задержках выплат заработной платы работникам как государственных, так и частных предприятий. Рост теневой экономики и сопутствующее ей отсутствие «прозрачности» также привели к дальнейшему сокращению налоговых поступлений на фоне уже сузившейся налоговой базы.

Естественно, что все эти факторы способствовали резкому усилению и стремительному росту неравенства, а также ограничили государственные ресурсы сдерживания этой тенденции. По мере увеличения продол-

жительности переходного периода в странах СНГ, в том числе и в Казахстане, наблюдается рост социальной бедности, которая, по определению Программы развития ООН, означает отсутствие основных социальных возможностей. Доступ к высококачественным услугам сократился при одновременном ухудшении показателей здравоохранения, снижается численность контингента учащихся. Известно, что снижение показателей в сфере здравоохранения и образования является серьезной угрозой как текущему, так и будущему благосостоянию населения и способности экономики государства успешно восстановиться в будущем.

Аксиомой является и то, что важнейшая задача переходного периода заключается в обеспечении расширенного участия граждан в процессе принятия политических решений. Однако не все социальные группы получили доступ к новым политическим возможностям. Вызывает растущее беспокойство социальная дезинтеграция, которая является как следствием неравенства доходов, так и следствием неравенства в ряде так называемых «горизонтальных» измерений, включая пол. Разрушение социальных связей и формирование недружественных отношений между разными группами населения нередко связаны с растущей угрозой безопасности по мере мобилизации той или иной группы в борьбе за контроль над убывающими ресурсами.

Оплачиваемая работа является не только основным средством получения дохода граждан, но и основным механизмом их социальной интеграции. Кроме того, занятость способствует физическому здоровью и обеспечивает доступ к целому ряду товаров, услуг и связей. Однако безработица превратилась в серьезную проблему. Все больше людей примыкают к хронически безработным. И чем дольше они остаются безработными, тем больше навыков и контактов теряют, снижая тем самым свои шансы найти работу.

Социальные издержки переходного периода неравномерно ложатся на лиц женского и мужского пола, усиливая дискриминацию по полу, и требуют устранения путем проведения социальных и экономических мероприятий для обеспечения справедливого и эффективного развития. Неспособность интегрировать женщин – как создателей и как получателей экономической выгоды – в процесс принятия политических решений приводит к недостаточному использованию навыков и потенциала более чем половины населения, и, таким образом, обходится об-

ществу слишком дорого. Судя по международным стандартам, законодательство в Казахстане по этому вопросу является достаточно прогрессивным, но с учетом отсутствия ресурсов и инструментов контроля, его применение является проблематичным. Женщины недостаточно представлены в Правительстве и в Парламенте страны и сохраняют значительное присутствие в официальных политических органах лишь на местном уровне. Не секрет, что для женщин более велика, чем для мужчин, вероятность потерять работу и меньше вероятность нового трудоустройства. Снижение государственной поддержки семей в воспитании детей и недостаточные семейные доходы заставляют женщин компенсировать это путем расширенного индивидуального домашнего и огородного производства, что повышает их рабочую нагрузку.

Многие страны в процессе переходного периода сталкиваются со снижением уровня рождаемости. И Казахстан здесь не является исключением, что представляет собой своеобразную реакцию на необеспеченность работой и отражением недостаточной поддержки женщин в одновременном воспитании детей и выполнении оплачиваемой работы. Одновременно происходит увеличение уровня материнской и детской смертности вследствие резкого снижения доступности медицинского наблюдения в период беременности и надлежащего питания. Общество не гарантирует пока всеобщую доступность основных услуг здравоохранения, включая средства планирования семьи и медицинское наблюдение беременных женщин, призванных гарантировать здоровье матери и детей.

Объективности ради, надо отметить, что в попытках сократить социальные издержки реформ в стране сохранены и даже несколько расширены прежние системы социальных гарантий, разработанные при социализме. В частности, оставлено в силе и всеобъемлющее законодательство о социальных льготах на ранних стадиях преобразований. Тем не менее, государство вынуждено ограничить свои социальные затраты, таким образом, сужены фактические объемы льгот и/или число тех, кто ими пользуется.

Другим существенным препятствием для реализации обязательств социального обеспечения является утрата доверия к властным структурам и неуверенность в их способности справиться с социальными и экономическими проблемами, что характерно для политической атмосферы во многих странах, включая общества с переходной экономикой.

И Казахстан здесь также не является исключением. С другой стороны, глубоко укоренившаяся вера в патерналистскую роль государства по-прежнему существует во многих странах с переходной экономикой наряду с отсутствием опыта в отношении политической деятельности добровольных объединений, что находит свое отражение в ограниченном числе гражданских общественных организаций. Эти факторы являются естественными последствиями перехода, в результате которого старая система была отвергнута, но новый социальный контракт между государством и населением по-прежнему находится на стадии проработки. Надо иметь в виду, что автоматически эти проблемы решены не будут, а требуют специального внимания государства.

Реализация политики и контроль за развитием событий также осложняются отсутствием современной и высококачественной информации. Исчерпывающие статистические системы, которые должны были представлять весь спектр информации о нуждах населения и об эффективности программ, по-прежнему отсутствуют. Вследствие скудной, а иногда и ненадежной общегосударственной информации о положении в социальной сфере Правительство, Парламент и многие другие институты, а также действующие лица, причастные к социальному развитию, не могут реально оценить текущую ситуацию, тенденции и перспективы и, таким образом, не могут решать проблемы своевременно.

Для того, чтобы системные преобразования были осязаемыми, они должны нести улучшения всему обществу. У государства, частного сектора и граждан есть свои важные роли, которые они должны играть в создании продуктивной среды для социальной политики, снижения издержек переходного периода и гарантий того, что выигрывают все стороны. Государственное вмешательство необходимо для создания нормативной и законодательной базы и для нивелирования последствий рыночных неудач, которые выражаются в концентрации собственности, неэффективной конкуренции и растущем неравенстве. Социальная политика может быть обеспечена, отрегулирована государством, но уход государства от прямого обеспечения не следует путать с уходом государства из сферы финансирования и регулирования. Четкое и «прозрачное» регулирование услуг для населения путем соответствующего правительственного решения является неизбежной функцией государства.

С целью улучшения социальных условий власть пытается пропагандировать и вводить в действие четкую социально-экономическую политику для ускорения роста и снижения социальных издержек переходного периода. Тем не менее, по-прежнему ждет своего решения ряд важных проблем, связанных с разработкой и реализацией соответствующей политики, а также необходима выработка эффективных мер, позволяющих сформировать устойчивое и открытое общество, в котором центром развития является человек.

Успешный переход, от которого в результате выигрывает все население, требует соответствующей политической базы, объединяющей четкую макроэкономическую и активную социальную политику. Социальные задачи, такие, как рост занятости, ликвидация бедности и социальная интеграция, должны быть неотъемлемой частью экономической политики:

а) принципы социальной политики должны быть интегрированы с институциональной базой Правительства путем дальнейшего развития национальной системы социального обеспечения, обладающей достаточными ресурсами для реализации мер социальной политики. Декларируемая в стране приверженность задачам социальной политики на высшем политическом уровне является необходимой для обозначения важности социальной политики на всех правительственных уровнях;

б) должна иметь место координация действий на государственном уровне между разными министерствами и парламентскими комитетами, а также с международными организациями и между ними с тем, чтобы обеспечивать общую последовательность политики в разных сферах;

в) требуется общее согласие в отношении приоритетных политических мер и объединение усилий всех соответствующих министерств, государственных институтов, парламентских и гражданских общественных организаций, поддерживающих друг с другом контакты с целью выработки последовательной стратегии, постановки задач и контроля достижений. Ход реализации должен стать предметом постоянного общественного обсуждения;

г) необходимо иметь четко сформулированные приоритеты экономической реформы и скорректировать их в соответствии с разными региональными нуждами и обстоятельствами. Международная прак-

тика показала, что реализация стратегии быстрой экономической реформы, известная под названием «шоковой терапии», не всегда вела к процветающим рыночным экономикам, а иногда способствовала повсеместной экономической нестабильности и бедности.

Национальная стратегия борьбы с бедностью, включая временные рамки для достижения конкретных целей, должна занять свое достойное место в государстве, равно как и механизмы контроля за ее реализацией. При разработке и реализации этой стратегии первоочередное внимание должно быть уделено следующим мерам:

а) внедрение доступа к основным экономическим гарантиям на базовом уровне точно так же, как был в свое время внедрен всеобщий доступ к основным услугам здравоохранения и образования в качестве одной из задач;

б) активный сбор и обмен опытом реализации проектов борьбы с бедностью в других странах, которые оказались успешными;

в) анализ минимальной заработной платы и внедрение ее показателя, основанного на том минимуме, который необходим для удовлетворения основных потребностей, включая питание, жилье, образование и здравоохранение; внедрение механизма индексации минимальной заработной платы, минимальной пенсии, а также базовых социальных льгот;

г) анализ действия пенсионной реформы во всех регионах страны для выявления и количественного определения ее влияния на бедность.

Следует признать, что государство играет решающую роль как регулятор рынка и гарант основных общественных благ. Даже в тех случаях, когда Правительство выступает в роли непосредственного поставщика услуг, государство несет неизбежную ответственность за четкое и «прозрачное» регулирование обеспечения посредством надлежащих административных действий. Надежное руководство, т.е. эффективное, демократичное и «прозрачное», и институциональная неразрывность, являются незаменимыми для определения приоритетов реформ, реализации мер социальной и экономической политики и обретения общественного доверия:

а) для укрепления политического потенциала, разработки и анализа проводимой политики, а также повышения качества политических дискуссий необходимы центры для проведения высококачественных социально-политических исследований;

б) необходимо поддерживать «прозрачность» деятельности и отчетности Правительства на всех уровнях, чтобы уменьшить возможности для коррупции и укрепить тем самым общественную поддержку социальных программ. Необходимо разработать четкие механизмы обеспечения «прозрачности» и отчетности;

в) надо отметить единогласное признание важности становления и реализации юридической базы для прав собственности. Допускается широкое многообразие форм собственности, хотя их реализация может быть поэтапной. Тем не менее, к этой проблеме необходим четкий подход, чтобы стимулировать инвестиции и уменьшить отток капиталов;

г) следует поощрять политические дискуссии в разных группах населения и организациях, равно как и между ними, в рамках различных направлений региональной социально-экономической политики, создать как государственные, так и региональные социально-политические механизмы для обмена опытом удачных и неудачных практических мер.

Должна быть переломлена тенденция к усилению дискриминации по признаку пола. В обществе, где женщина и мужчина фактически имеют неравное положение, последствия любой социальной или экономической политики не могут быть нейтральными с точки зрения пола. Следовательно, необходимо четко разработать политику, стимулирующую равенство:

а) необходимы специалисты по вопросам пола во всех сферах и на всех уровнях Правительства;

б) необходимо собрать данные о влиянии вопросов пола на социальные изменения, позволяющие точно оценить и спрогнозировать последствия предполагаемых реформ;

в) важно всячески поощрять участие женщин в политике, что не только способствует равенству по признаку пола, но и служит положительным примером для других женщин и часто помогает жестко ставить проблемы социальной политики в повестку дня работы Правительства;

г) для того, чтобы предоставить женщинам возможность участия в общественной жизни, следует предпринять энергичные усилия для стимулирования равномерного распределения семейных обязанностей между мужчинами и женщинами. Хотя делегирование конкрет-

ных задач является сугубо индивидуальным делом, работа по дому должна справедливо распределяться среди членов семьи. Особую важность имеют политика и воспитание общества, которые предлагают стимулы и поддержку для распределения обязанностей по воспитанию детей между родителями;

д) необходимо внедрять в повседневную жизнь действующие законы, относящиеся к равенству полов, и анализировать законодательные меры с тем, чтобы хорошо задуманные охранительные законы на практике не оказывали дискриминационного влияния, делая женский труд более дорогостоящим и неконурентоспособным на рынке;

е) следует поощрять женские объединения и предоставить доступ к государственному финансированию на конкурентной основе для всех проектов социального обеспечения. Тем не менее, надо иметь в виду то, что наделение женщин исключительными ресурсами может привести к возмущению тем, что воспринимается как привилегии и вызывает отрицательные эмоции, особенно в традиционалистских обществах и в условиях, когда мужчины испытывают резко возрастающую необеспеченность. Поэтому ресурсы можно было бы направлять через женские объединения, но согласовывать с программами стабилизации семей, уделяя особое внимание стимулированию женской и мужской занятости и практическим стратегиям негативных стереотипов по признакам пола.

Увеличение возможностей для достойного трудоустройства в официальной экономике обеспечивает рост доходов, уменьшение бедности и сохранение качества рабочей силы, равно как и расширение налоговой базы. Увеличение занятости требует не только соответствующей фискальной и бюджетной политики, но и активной политики трудоустройства, включая следующее:

а) укрепление институтов, поощряющих формирование эффективного и справедливого рынка рабочей силы, включая укрепление и финансирование организаций наемных работников и работодателей с целью формирования эффективного социального партнерства и стимулирования их участия в разработке политики занятости;

б) создание действенной политики в отношении рынка рабочей силы с акцентом на подготовку и переподготовку кадров;

в) стимулирование создания и роста возможностей самостоятельной занятости путем разработки программ государственных кредит-

ных гарантий или прямого кредитования (мини- и микрокредитов) и совершенствования юридической и нормативной базы для малых и средних предприятий;

г) разработка мер для устранения любого рода дискриминации на рынке труда на основании пола, расы, физических недостатков, возраста, этнической принадлежности или вероисповедания. Эффективная стратегия включает определение контрольных показателей максимального изменения уровней безработицы, измеренных по данным категориям, а также ежегодную публикацию результатов деятельности.

Доступные для всех высококачественное здравоохранение и образование являются основными инструментами обеспечения равных возможностей и социального благополучия в среднесрочной перспективе в современном демократическом государстве. Проводимые государством реформы образования и здравоохранения должны сохранять гарантии всеобщего доступа к этим жизненно важным услугам, особенно для наиболее незащищенных групп. Особое внимание необходимо уделить благополучию детей, поскольку они особенно беззащитны перед угрозами здоровью. Известно, что проблемы со здоровьем у людей, оставшихся без лечения в детстве, и/или отсутствие качественного образования имеют серьезные последствия как для индивидуального благополучия в будущем, так и развития общества в целом. Поэтому представляется необходимым:

а) увеличить абсолютный уровень расходов на базовые услуги здравоохранения и образования;

б) принять меры для того, чтобы обеспечить высокое качество услуг, включая выделение достаточных ресурсов на текущие расходы, в том числе заработную плату преподавательского и медицинского персонала, стоимость оборудования, расходных материалов и содержания объектов инфраструктуры;

в) уделить первостепенное внимание программе обеспечения должного уровня воспроизводства населения. Слабая функция воспроизводства затрагивает большую часть населения страны, что отражается в возросших показателях материнской и детской смертности. Вызывают беспокойство большое число абортов и относительно высокий уровень подростковой беременности, особенно среди незамужних. Службы здравоохранения, призванные обеспечить просвещение,

контроль и профилактику нарушений питания и здоровья, необходимо адекватно финансировать.

Социальная адаптация, или сокращение социального отчуждения, является не только вопросом сокращения бедности. Требуется расширенный подход к проблемам незащищенных людей для усовершенствования отдельных принимаемых решений, предназначенных для немедленного смягчения экономических и социальных потрясений. Отчуждение может происходить как по горизонтали, так и по вертикали, и, помимо доходов, отчуждение может иметь место в связи с полом, занятостью, этнической принадлежностью, возрастом и иными факторами. Стремительное увеличение различий и обусловило глубокое расслоение общества. Снижение же уровней неравенства и необеспеченности имеет, на взгляд автора, фундаментальное значение. Меры, призванные устранить отчуждение и способствовать социальной адаптации, должны включать следующее:

а) превращение социальной защиты в инструмент прогрессивного распределения доходов; это вполне может потребовать реформы систем социальной защиты для гарантированной поддержки бедных, пожилых людей, инвалидов и других незащищенных групп населения;

б) улучшение информированности населения путем использования общественных кампаний и просвещения для пропаганды справедливости и терпимости;

в) поиск и охват самых бедных, изоляция которых от семейных и дружеских связей оказывается существенным фактором степени их бедности и ограниченной способности улучшить свое состояние.

Крайне необходимы дополнительные ресурсы для успешной разработки и реализации социальной политики. В этом контексте налоговые системы требуют особого внимания, при этом важно осознавать, что эффективный сбор налогов без коррупции обходится дорого и требует хорошо подготовленных и хорошо оплачиваемых государственных служащих, а мобилизация дополнительных ресурсов потребует новаторских мер:

а) особенно важно как реформировать налоговые системы, так и повышать эффективность налогового администрирования с тем, чтобы обеспечить адекватную доходную базу для эффективного оказания социальных услуг и минимизации уклонения от налогов. Следует

установить показатели эффективности налогов, свести к минимуму возможности произвольного толкования налогового законодательства и администрирования, а любые принимаемые дискриминационные решения должны быть «прозрачными» и регулярно доводиться до сведения населения в печатной форме;

б) необходимо всячески поощрять включение теневой экономической деятельности в официальную экономику. В настоящее время значительная часть экономической деятельности на всех уровнях не подвергается налогообложению. Необходимость поощрения малых предприятий должна быть признанна посредством создания систем налогообложения, которые поощряют создание и рост малых предприятий, отражают важность вклада малых предприятий в государственные доходы;

в) можно вводить специальные налоги для поддержки общественных программ, например, налоги на табак и алкоголь, для финансирования здравоохранения;

г) конфискация незаконно полученных средств и блокирование перевода средств за границу по подозрению в их незаконном получении; с этой целью следует разработать законы, которые предъявляют требования по надзору банкам и финансовым учреждениям;

д) следует контролировать, систематизировать и координировать предоставление льгот со стороны предприятий, частных фирм и местных государственных органов посредством четкой системы координат, в которой определены задачи и обязанности;

е) прямые иностранные инвестиции могут оказаться ценным вкладом не только в расширение налоговой базы, но и в увеличение занятости и передачу технологий.

Следует сформулировать политику поощрения прямых иностранных инвестиций в конкретные сферы экономики и определение местных стандартов для содержания и поэтапного переноса технологий.

Более эффективное использование и руководство финансовыми ресурсами, доступными для социальной политики, остается одной из приоритетных проблем. Важными мерами в этой связи являются следующие:

а) создание механизмов непрерывного контроля и определения прогресса и результатов программ социальных реформ для оценки их эффективности. Результаты следует выносить на общественное обсуждение;

б) реализация социального бюджетного планирования может помочь в совершенствовании разработки политики и может быть ценным инструментом при анализе потенциальных последствий альтернативных реформ и вариантов политики. Социальное бюджетное планирование также должно включать планируемые издержки отказа от конкретных программ и услуг или сокращения. Успешная реализация социального бюджетного планирования требует политических и технических усилий;

в) адресная помощь может рассматриваться как инструмент выделения ресурсов тем, кто в них больше всего нуждается, но только в тех случаях, когда ее издержки оказываются минимальными. Адресная помощь вряд ли приведет к уменьшению социальной солидарности, а административные возможности являются достаточными и уже имеются. В противном случае целевая помощь отдельным категориям или универсальные льготы оказываются более результативными и эффективными вариантами политики;

г) неэффективное управление может быть улучшено, а коррупция ограничена в результате обеспечения «прозрачности» реформ и социальной политики для населения и управления достаточно квалифицированными, хорошо информированными и достойно оплачиваемыми государственными руководителями. В международном масштабе необходимо поощрять принятие во всех государствах законов о том, что дача взятки в другой стране является уголовным преступлением в родной стране;

д) реструктуризация распределения ресурсов между разными сферами и в их рамках, например, путем сокращения военных расходов, выделения более значительных ресурсов для оказания базовых социальных услуг в отличие от услуг для избранных.

Наличие точной, сопоставимой и своевременной статистической информации является одним из предварительных условий эффективного социального экономического планирования и формулирования политики. Это тем более важно, что в стране по-прежнему отсутствуют всеобъемлющие статистические системы:

а) существует насущная необходимость совершенствования и переориентации национальной статистической системы с целью улучшения ее способностей эффективно отслеживать социальные тенденции и модели;

б) регулярные специализированные данные о незащищенных категориях населения следует собирать по всей стране, включая данные о здоровье, жилище, питании и доступе к образованию с дифференциацией по возрасту, полу и прочим уместным характеристикам;

в) следует уделить особое внимание разработке и использованию набора инструментов для отбора данных, которые приносят быструю, пусть и не всеобъемлющую или исключительно точную статическую обратную связь;

г) следует рассмотреть пути улучшения сопоставимости информации при внедрении новых статических систем. Это можно лучше всего сделать путем применения международных показателей, которые уже хорошо зарекомендовали себя.

Как известно, в настоящее время правительства, парламенты и общественные круги разных стран выражают свое беспокойство отрицательными последствиями экономической глобализации. В этой связи представляется важным, чтобы международные организации, правительства, парламенты и общественные круги участвовали в глобальном партнерстве для максимального увеличения преимуществ и сведения к минимуму рисков глобализации. Обсуждения в рамках международных финансовых и торговых организаций и переговоры в отношении регулирования и контроля процессов глобализации необходимо расширять с тем, чтобы включить в них развивающиеся и переходные страны как полноправных партнеров.

Необходимо укреплять усилия для включения развивающихся стран и стран с переходной экономикой в информационные магистрали и для изучения положительных и отрицательных следствий экспансии коммуникационных и информационных технологий.

ГЛАВА 3. Особенности трансформации политической системы Республики Казахстан

1. Генезис и становление института президентства

В реформе политической системы общества определяющую роль играет модернизация как механизм совершенствования, обновления и изменения политической системы, форм, методов, средств, приемов и технологий политической деятельности, политических целей, доктрин, концепций, программ и планов. В этом смысле демократическая модернизация выступает как принцип, обогащающий содержание и определяющий направление политической трансформации. В процессе модернизации формируется возможность достижения политической стабильности общества. Именно демократическая модернизация выступает как глубинный источник развития и совершенствования политики, придавая ей гибкость, способность принимать вызовы времени и адекватно отвечать на них, делая политику восприимчивой к изменениям и инновациям.

Трансформация политической системы Казахстана происходит в условиях формирующегося гражданского общества без развитых политических институтов, при отсутствии опыта демократического правления и экономических предпосылок, со слаборазвитой избирательной системой. Все это создаст особые трудности.

Трансформационные процессы осуществляются в направлениях формирования и совершенствования системы власти на правовой основе; обеспечения законодательного, конституционного развития страны; совершенствования системы выборов; создания института парламентаризма; реформирования судебно-правовой системы; формирования института местного самоуправления; создания и развития партийной системы и политического плюрализма; функционирования независимых средств массовой информации; формирования новой политической элиты и т.п.

В период таких системных преобразований, а, значит, и неустойчивости социума, фундаментальным, интегрирующим началом не только органов государственной власти, но и всего общества становится институт президентства при практическом воплощении теоретической концепции разделения государственной власти.

Известно, что концепция разделения государственной власти, осо-

бенно в традициях Джона Локка и Шарля Луи Монтескье /1/, представляет собой важнейшее условие в процессе формирования правового государства. В свою очередь, институт президентства является ее важнейшим составным звеном.

В политологическом плане «институт президентства» - это, прежде всего, система правовых норм, закрепленных в Конституции, институт, имеющий сложную структуру. Он наличествует в различных государствах мирового сообщества.

Так, согласно Конституции США исполнительная власть в Америке осуществляется Президентом /2/. В Италии Президент Республики – глава государства и представляет собой национальное единство (ст. 87 Конституции) /3/. Во Франции, в соответствии со ст. 5 Основного Закона, Президент Республики следит за соблюдением Конституции, обеспечивает своим арбитражем нормальное функционирование государственных органов, а также преемственность государства и является гарантом национальной независимости, территориальной целостности, соблюдения соглашений Сообщества и договоров /4/.

Обязательный критерий выделения той или иной системы норм в определенный институт есть наличие в рамках однородного конституционного регулирования таких общественных отношений, которые обладают спецификой, обуславливающей особенности указанных норм и придающей им внутреннее единство. Президент в одних случаях занимает особое место среди государственных институтов и своим арбитражем как глава государства обеспечивает их взаимодействие – это характерно для парламентских республик. В других случаях – возглавляет исполнительную власть, одновременно являясь главой государства, что присуще республикам с президентской формой правления. Но во всех случаях Президент всегда проходит через выборы. Это позволяет говорить о том, что при определении понятия «институт президентства» можно использовать такие термины, как «выборный глава государства», «глава исполнительной власти», «арбитр», «должностное лицо».

Подчеркнем лишь ту особенность, что если в американской президентской республике, где социальное управление и порядок как определенная система устойчивого взаимодействия преобладает над лидерством, то в большинстве посттоталитарных государств лидерство до-

минирует над управлением. «Лидерское» общество чрезвычайно зависимо от личных особенностей главы государства. В условиях перехода от тоталитаризма к демократии потребность в «сильном» лидере обусловлена иррациональным стремлением этих обществ найти простые решения сложных проблем, обойти неизбежные трудности и незавершенностью процессов формирования экономических и политических элит.

Думается, что наличие сильной президентской власти является предварительным условием для проведения реформ в переходных обществах, и от того, какой характер носит деятельность президента, зависит не только тип формирующейся политической системы, но и жизнь всего общества.

С учетом изложенного можно согласиться с выводом Б.А. Майлыбаева о том, что сущность института президентства проявляется через следующие его черты:

- выборный глава государства, высший представитель государства, государственный координатор и арбитр, призванный олицетворять целостность и единство государства, обеспечивать согласованную работу в системе разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную (в некоторых случаях возглавляющий исполнительную власть);

- независимый, в организационном аспекте, от каких-либо других государственных органов власти, но обязанный действовать в рамках конституционных норм;

- ярко выраженный политический институт, играющий важную роль в формировании и осуществлении политики государства;

- высшее должностное лицо в государстве, наделенное необходимыми полномочиями, особенным из которых является право издания нормативных актов.

Таким образом, делает вывод автор, институт президентства – это не просто система конституционных норм, определяющая правовой статус, полномочия выборного главы государства, регулирующая его положение в системе органов государственной власти, но и система норм, предусматривающая порядок избрания, замещения и отстранения от должности /5/.

В Казахстане учреждение института президентства было обусловлено рядом объективных и субъективных факторов. Многие из них носили общий характер для Союза ССР и Казахстана: резкое ослабление исполнительной власти, которое повлекла за собой отмена статей 6, 7 и других

положений Конституции СССР и союзных республик, касающихся роли коммунистической партии в обществе и политической системе государства; серьезные недостатки и сбои в механизме реализации законов; ослабление внимания к вопросам дисциплины, законности, правопорядка; экономические и социальные проблемы и др.

Десятилетний период независимости Казахстана показывает, что учреждение поста Президента Республики Казахстан отражало общественные настроения, поскольку реализация этой реформы воспринималась как реальная возможность развития национальной государственности, сохранения целостности и обретения некоторой суверенности республики. При низкой политической культуре в республике укоренились правовой нигилизм, недоверие к органам государственной власти и управления, пренебрежение к конституционным правам личности. Эти негативные явления, в ходе демонтажа командно-административной системы, самым пагубным образом сказывались на выполнении программ социально-экономического развития республики, на уровне дисциплины и организованности, на социальном самочувствии населения. Для реализации намеченных мер по проведению экономических и политических реформ, стабилизации и насыщения потребительского рынка, укреплению законности и правопорядка нужен был эффективный механизм управления республикой, необходима была сильная легитимная, независимая и компетентная власть, которая, основываясь на праве и законности, смогла бы искоренить тяжелое наследие прошлого, устранить негативные наслоения предыдущих этапов развития общества, обеспечить реализацию перспективных задач национального согласия.

В настоящее время уже можно отметить, что именно институт президентства оказывает в Казахстане особое влияние на становление государственности.

В отечественной политологической литературе известна периодизация процесса развития института президентства в Республике Казахстан, выделяющая три основных этапа: первый – с апреля 1990 года по январь 1993 года; второй – с января 1993 года по август 1995 года; третий – с 30 августа 1995 года по настоящее время /6/.

В основу этой периодизации положены политико-правовые принципы, отражающие конституционный статус, функции, значение и место института президентства в системе государственных органов,

его влияние на политику казахстанского общества. В каждый из периодов данный институт приобретал характерные черты и признаки, отличавшие его от других этапов. Причем даже в рамках одних и тех же конституционных и законодательных норм происходила эволюция института в сторону усиления его роли и значимости в системе государственной власти.

Можно согласиться и с Е.К. Ертысбаевым, который выделяет четыре этапа в эволюции политической системы страны. Первый – этап парламентской республики (апрель-ноябрь 1991 года), когда исполнительная власть почти полностью оказалась под контролем съездов и Верховных Советов союзных республик. Положение усугублялось тем, что должность Первого секретаря ЦК Компартии Казахстана доминировала над постом Президента Республики Казахстан. Второй этап – этап полупрезидентской республики (ноябрь 1991 года – январь 1993 года). Переход к данной системе правления произошел после избрания Главы государства на основе прямых всеобщих выборов и принятия Конституции 1993 года, которая, в сущности, явилась компромиссом между нарождающимся институтом президентства и прежней советско-коммунистической системой Советов. Следующий этап – этап президентской республики (январь 1993 года – март 1995 года). Он закончился вторым роспуском казахстанского парламента. С начала 1995 года начинается этап суперпрезидентской республики. Он характеризуется ликвидацией господства Советов и разделением власти с учетом необходимого укрепления и стабилизации ее исполнительной ветви /7/.

Следуя указанной периодизации, проанализируем генезис и становление в стране института президентской власти.

Впервые принцип разделения властей в Казахстане был заложен в принятой 25 октября 1990 года Декларации о государственном суверенитете Казахской ССР /8/. В ней было зафиксировано, что законодательная власть осуществляется Верховным Советом, Президент является Главой республики и обладает высшей распорядительной властью, а высшая судебная власть принадлежит Верховному Суду. В Декларации в отличие от советского периода уже не был нормы о полновластии Советов, однако, Верховный Совет наделялся правом выступать от имени всего народа Казахстана; Президент таким правом не обладал.

Конституционный Закон «О государственной независимости Республики Казахстан» от 16 декабря 1991 года подтверждает принцип разделения властей. При этом кроме Верховного Суда появляются Арбитражный и Конституционный Суды, а правом выступать от имени народа наделяются Верховный Совет и Президент страны.

В 1991-1992 годах становится ясным, что нормы Декларации и Закона о государственной независимости, положившие начало формированию института президентства* и рыночным реформам, противоречат действовавшим нормам Конституции Казахской ССР от 20 апреля 1978 года.

Особенно отчетливо выявилось несоответствие конституционного статуса Верховного Совета новым законодательным полномочиям Президента. С одной стороны, в ст. 97 Конституции Казахской ССР утверждалось, что «высшим органом государственной власти Каз.ССР является Верховный Совет Казахской ССР. Верховный Совет Казахской ССР правомочен решать все вопросы, отнесенные Конституцией СССР и настоящей Конституцией Каз.ССР» /9/. С другой, принятым в 1990 году Законом «Об учреждении поста Президента Казахской ССР» (ст. 114) постулировалось, что Главой Казахстана является его Президент, хотя эта же статья среди прочих полномочий Президента обязывала его «способствовать осуществлению Советами народных депутатов полновластия» /10/. Таким образом, сложилась система власти, которая, вместо того, чтобы разрешать противоречия, сама могла в любой момент превратиться в источник конфликтов. Эта проблема, образно говоря, закладывала под казахстанскую политическую систе-

---

* Намерение ввести в конституционную систему Республики Казахстан институт президентства имеет свою предысторию. Учитывая федеративный характер устройства Советского государства и установившиеся отношения центра и республик, впервые об институте президентства в республике заговорили после того, как пост Президента был утвержден в масштабах СССР в марте 1990 года. Вопрос об учреждении президентской власти в Казахстане стал обсуждаться на уровне государственных органов, общественных организаций и трудовых коллективов страны.

12 апреля в республиканских газетах был опубликован проект Закона Казахской ССР «Об учреждении поста Президента Казахской ССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Казахской ССР». Проект закона вызвал широкий общественный резонанс в республиканской печати.

24 апреля 1990 года на I сессии Верховного Совета Казахской ССР XII созыва данный Закон был принят. В тот же день, на сессии, депутаты Верховного Совета избрали первым Президентом Казахской ССР Н.А. Назарбаева.

му мину замедленного действия, делала ее нестабильной и чреватой потенциальными конфликтами.

Как отмечает Е.Ж. Бабакумаров, фактически можно говорить о системе двоевластия в лице Верховного Совета и в лице Президента, юридически заложенной в указанных документах /11/. Конституционный процесс явно отставал от процесса политического.

Исторически главным вопросом формирования института президентства является выбор разновидности его конституционного оформления соответствующей системе правления. Такой выбор определяет основы конституционного статуса Главы государства, его реальное положение в общей структуре органов государственной власти, характер взаимодействия с ними, круг компетенции и перечень конституционных полномочий. Эти проблемы принципиально значимы с точки зрения определения координат, посредством которых происходит оценка конкретного типа института президентства /12/.

Объективно заметим, что ход политических событий в СССР и Казахской ССР способствовал росту авторитета и популярности Президента Казахстана Н.А. Назарбаева, политические акции и указы которого, направленные на укрепление казахстанского суверенитета и экономической независимости, острая критика недостатков и упущений союзного руководства, декларации и заявления по вопросам повышения уровня жизни людей и их социальной защиты находили поддержку и одобрение среди большого числа граждан республики и республик Советского Союза.

1 декабря 1991 года в соответствии с постановлением Верховного Совета Казахской ССР от 16 октября 1991 года в Казахстане состоялись прямые всенародные выборы Президента Казахской ССР, в результате которых Главой государства стал Н.А. Назарбаев, получив 98,78% голосов электората и одновременно мандат доверия от народа /13/. Тем самым, президентская система правления обрела легитимность, был сделан очередной шаг к демократии в процессе преобразования власти в стране. Институт президентства в Казахстане стал приобретать все более ярко выраженный характер, а государственное устройство все более тяготело к форме президентского правления.

Однако, несмотря на явное усиление президентской власти, в политическом процессе казахстанского общества начала 90-х годов тео-

ретически существовал выбор между тремя основными формами правления: республика президентская (с вариациями); республика советов; республика парламентская (с вариациями). Вариативность политико-правового государственного самоопределения республики проистекала, прежде всего, из важнейших документов тех лет, отражавших конституционное состояние системы государственной власти, где многие принципиальные положения противоречили друг другу, о чем говорилось выше.* Основной изъян заключался в том, что юридически постулировалось двоевластие – Президент и Верховный Совет.

Естественно, что правовой статус Президента, встраиваясь в чужеродную для своей природы советскую систему власти и формируясь под влиянием обстоятельств, не мог носить характер цельного, логичного и всесторонне продуманного института. Кроме того, проводимые реформы обостряли противоречия и обнажали неспособность Советов как формы правления ответить вызовам нараставшего социально-экономического кризиса и обеспечить переход к рыночной экономике. Поэтому контуры президентской формы правления получили свое политическое и конституционное развитие уже в практике государственного строительства независимой Республики Казахстан, которая избрала путь построения правового государства.

Главной, ведущей тенденцией конституционного процесса того периода становления института президентства в Казахстане была попытка создания базовой концепции – «сильный Парламент и сильная исполнительная власть во главе с Президентом», попытка адаптировать Советы к изменившимся социально-экономическим и политическим условиям и сохранить их полновластие. Тем самым предполагалось установить определенное равновесие между законодательной и исполнительной ветвями власти, что не удалось провести в полном объеме.

Эта попытка была предпринята в первой Конституции независимого Казахстана, принятой 28 января 1993 года Верховным Советом XII созыва. Можно согласиться с мнением одного из лидеров Республикан-

* См., к примеру: Конституция Казахской ССР от 1978 года; Закон Казахской ССР «Об учреждении поста Президента Казахской ССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Казахской ССР» от 24 апреля 1990 года; Декларация о государственном суверенитете Казахской ССР от 25 октября 1990 года; конституционный Закон Республики Казахстан «О государственной независимости Республики Казахстан» от 16 декабря 1991 года.

ской народной партии Казахстана (см. далее – РНПК) Н.Э. Масанова о том, что Конституция 1993 года «носила политически достаточно компромиссный характер, когда облеченный большой властью Президент «уживался» с более или менее полномочным Парламентом» /14/.

Следует отметить, что Конституция 1993 года содержала в себе демократический потенциал: она положила начало новому этапу в становлении казахстанской государственности, в ней был заложен основной элемент новой государственной правовой системы – концепция разделения государственной власти; президентская власть обрела более четкие контуры, чем в ранее принятых законодательных актах.

В Конституции декларировалось, что «государственная власть в Республике Казахстан основывается на принципе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. В соответствии с ним государственные органы в рамках своих полномочий самостоятельны, взаимодействуют между собой с использованием системы сдержек и противовесов».

Статья 75 главы 13, посвященной институту президентства, гласила: «Президент Республики Казахстан является Главой государства и возглавляет единую систему исполнительной власти республики». Данная норма, с точки зрения конституционной практики зарубежных государств, является классической для президентских систем правления. Далее, в 75 статье указывалось, что Президент выступает гарантом соблюдения прав и свобод граждан, Конституции и законов республики.

Конституция 1993 года утверждала, что Президент:

- принимает необходимые меры по охране государственного суверенитета, конституционного строя, обеспечению безопасности, территориальной целостности республики, прав и свобод граждан;

- с согласия Верховного Совета назначает на должность Премьер-министра, заместителей Премьер-министра Республики Казахстан, министров иностранных дел, обороны, финансов, внутренних дел, председателя Комитета национальной безопасности и глав дипломатических представительств Республики Казахстан;

- осуществляет общее руководство деятельностью Кабинета Министров, образует и упраздняет министерства, государственные комитеты и ведомства;

- отменяет либо приостанавливает полностью или в части действие актов министров, министерств, государственных комитетов и ведомств;

- представляет Республику Казахстан в международных отношениях; ведет переговоры и подписывает договоры Республики Казахстан, обеспечивает соблюдение заключенных республикой договоров и принятых ею обязательств;

- обращается с посланиями к народу Республики Казахстан и ее Верховному Совету, представляет Верховному Совету ежегодные доклады о положении республики и периодически информирует его о наиболее важных вопросах внутриполитической и внешнеполитической деятельности Республики Казахстан;

- представляет Верховному Совету Республики Казахстан кандидатуры Председателя и судей Конституционного Суда, Верховного Суда, Высшего Арбитражного Суда, генерального Прокурора, Председателя национального Банка; входит с представлением в Верховный Совет об освобождении их от занимаемой должности;

- вводит чрезвычайное положение;

- является Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами;

- назначает глав местных администраций;

- на основе и во исполнение Конституции и законов Республики Казахстан издает указы, постановления и распоряжения, имеющие обязательную силу на всей территории республики;

- имеет право вето, которое может быть преодолено решением депутатского большинства в 2/3 голосов от общего числа депутатов.

Согласно Конституции формирование Кабинета Министров и его деятельность осуществлялись под парламентским контролем: Верховный Совет давал согласие на назначение Президентом отдельных членов Кабинета, однако, как гласила статья 85, кабинет Министров ответственен перед Президентом и слагает полномочия перед вновь избранным Президентом. Как отмечают некоторые казахстанские политологи, в этом было одно из уязвимых мест Конституции /15/.

Президент имел право на образование министерств, перемещение их руководителей на другие должности. Возникал вопрос: посредством каких правовых механизмов будет реализовываться это право, если Президент находится в прямой зависимости от волеизъявления депутатов? На это Конституция ответа не давала.

Не получило в ней отражения и такое важнейшее правовое положение, как роспуск Парламента. Демократический институт – импичмент

Президента, – ставший уже классической нормой правовых государств, также не вошел в систему Основного Закона страны.

С учетом анализа событий в Грузии и Таджикистане, других прецедентов серьезных разногласий между президентом и парламентом в некоторых странах СНГ необходимо было воздержаться от введения данных институтов, чтобы избежать политических кризисов. Так считало большинство членов Конституционной комиссии. Уровень политико-правовой культуры общества, по их мнению, также создавал реальную угрозу превращения этих институтов в серьезный дестабилизирующий фактор.

Лишая казахстанскую Конституцию таких классических норм демократического конституционализма, важнейших элементов взаимного противовеса законодательной и исполнительной ветвей власти, как право Президента на роспуск Парламента и право последнего на импичмент Президента, члены Конституционной комиссии невольно создавали благодатную почву для возможных в переходный период политических конфликтов, которые при отсутствии механизмов их разрешения могли ввергнуть страну в пучину неразрешимого политического кризиса.

Учитывая вышесказанное, в Конституции предлагалось предусмотреть право Верховного Совета делегировать главе исполнительной власти полномочия (на определенный период и, разумеется, по строго ограниченному кругу вопросов), издавать Указы по приостановлению, а, возможно, и изменению норм действующего законодательства. «В условиях экономического хаоса без таких мер не обойтись. Если необходима на этот период сильная исполнительная власть, мы должны пойти на это сознательно», – считал Президент. По его мнению, главный недостаток Конституции касался властных полномочий. Президент, беспрекословно подчиняясь Конституции, должен иметь более широкие полномочия, чем три ветви власти. Только тогда в стране будет порядок, будут работать Конституция и другие принятые законы /16/.

Однако, как считает казахстанский исследователь Ж.Х. Джунусова, наделение Президента такими полномочиями вызывало в период подготовки Конституции 1993 года у номенклатурной части парламентской элиты опасения, что Глава государства может обрести статус самостоятельного государственно-правового субъекта, который будет неподконтролен Верховному Совету. Дальнейшее политическое усиле-

ние Президента для многих политиков было нежелательным, поэтому, «принимая и провозглашая принцип разделения государственной власти, на практике номенклатурная часть элиты начинила проект Конституции противоречащими этому положениями» /17/.

Действительно, в Конституции 1993 года утвердились положения, свидетельствующие о сохранении некоторых элементов системы Советов. Верховный Совет получил статус «единственного законодательного и высшего представительного органа Республики Казахстан» (ст. 62), что предполагало наличие вертикальной системы подчинения, расширяло его функции, противоречило его роли как исключительно законодательного органа. Согласно статье 64 Верховный Совет:

- принимает Конституцию Республики Казахстан, вносит в нее изменения и дополнения;
- принимает законы, осуществляет контроль за их исполнением;
- дает официальное толкование законов республики;
- принимает решение об изменении границ Республики Казахстан;
- утверждает республиканский бюджет и контролирует его исполнение;
- принимает решение о проведении референдума;
- дает согласие на назначение Президентом республики Премьер-министра, заместителей Премьер-министра, министров иностранных дел, финансов, обороны, внутренних дел, председателя Комитета национальной безопасности и глав дипломатических представительств;
- избирает Конституционный Суд, Верховный Суд, Высший Арбитражный Суд;
- утверждает Указ Президента о введении чрезвычайного положения, ратифицирует и денонсирует международные договора Республики Казахстан;
- решает вопросы войны и мира;
- назначает генерального Прокурора Республики Казахстан, Председателя Национального банка Республики Казахстан.

Таким образом, за Верховным Советом прочно закреплялись «советские» полномочия (право одновременно издавать законы, давать им толкование, исполнять и нейтрализовывать их исполнение), которые несовместимы с идеей разделения государственной власти – несущей конструкцией правового государства. Исключительное право Верховного Совета по избранию, назначению высших должностных лиц оз-

начало существенное ограничение власти Президента как главы исполнительной власти.

Известно, что в советской политической практике одной из ключевых фигур неизменно был Председатель Президиума Верховного Совета. В Конституции 1993 года сохранялась традиционная преемственность Председателя Верховного Совета. Согласно статье 65 на него был возложен довольно широкий круг обязанностей, превращавших его в потенциально сильную и влиятельную в политическом отношении фигуру: созывать сессии; руководить подготовкой вопросов, подлежащих рассмотрению Верховным Советом; председательствовать на заседаниях Верховного Совета; подписывать от его имени межпарламентские соглашения; представлять Верховному Совету кандидатуры на должности своих заместителей и т.д. Председатель Верховного Совета, как и Президент, имел право остановить постановление Конституционного Суда, если в течение 10 дней после его принятия он направит ему свои возражения (ст. 131). Это право «отлагательного вето» значительно усилило конституционно-правовой статус Председателя Верховного Совета.

Все это свидетельствовало о том, что в Конституции 1993 года не получила реализации конституционная модель, предложенная Президентом Н.А. Назарбаевым в период разработки основного Закона страны: Президент как глава исполнительной власти – сильный Кабинет Министров, формируемый Президентом – Премьер-министр, облеченный необходимыми полномочиями для непосредственного оперативного руководства работой Правительства. Это позволило бы завершить проводящиеся в течение предшествующих двух лет реформы в этой области и дало бы возможность Президенту уделять необходимое внимание исполнению обязанностей Главы государства, а Кабинету Министров – заниматься, «как и положено Правительству в переходный период непосредственно экономической реформой, а отнюдь не политическими импровизациями в экономическом контексте» /18/.

Таким образом, как показал проведенный анализ властных полномочий Президента и Парламента, попытка утвердить в Конституции модель «сильный Парламент и сильная исполнительная власть во главе с Президентом» потерпела неудачу. Весьма широкие полномочия Парламента отражали модель «всевластных Советов» и затрудня-

ли осуществление принципа разделения государственной власти, Конституция не имела механизмов сдержек и противовесов, обеспечивающих реальный баланс ветвей власти /19/. Более того, Конституция не определила четко статус Парламента, не создала законодательных условий для определения регламентных процедур и в целом содержала внутренне противоречивую правовую базу государственной власти. Она не сняла проблему двоевластия, не решила вопрос о форме правления. И в этом было заключено потенциальное ядро политического конфликта. Ситуация двоевластия, как показывает история многих государств, чревата непредсказуемостью, общественно-политическими катаклизмами.

В Казахстане это привело к обострению противоречий не только Верховного Совета с органами исполнительной власти, но и на местном уровне – между Советами народных депутатов, лишенных к тому времени властных полномочий,* и местными представительными органами (главами администраций). Это стало причиной того, что на местах также возникла ситуация двоевластия.

Таким образом, двоевластие как реальность политико-правовой жизни страны установилось по всей вертикали государственной власти: от высших органов (Президент – Парламент) до нижних этажей власти (областная администрация – областной Совет народных депутатов, районная администрация – районный Совет народных депутатов).

В то время имелось два варианта выхода из создавшейся ситуации: самороспуск Верховного Совета и местных органов власти и проведение новых выборов, либо коренная реформа системы представительных органов власти.

Как известно, история пошла по первому пути: в 1993 году произошел самороспуск местных Советов как государственной структуры, унаследованной от прошлой политической системы. Представляется, процесс самороспуска был предопределен: в Конституции 1993 года вместо привычного понятия «местные Советы» было записано «представительные органы»; местное советское самоуправление автоматически лишалось конституционных основ функционирования.

* В Законе «О местном самоуправлении и местных Советах народных депутатов» от 15 февраля 1991 года не был урегулирован вопрос о балансе полномочий местных Советов и глав местных исполнительных органов, их взаимодействии.

Таким образом, Советы не наделялись полноценными правами, функциями и в таком виде долго существовать не могли.

В обращении 23 народных депутатов Республики Казахстан к своим коллегам, опубликованном 2 декабря 1993 года в республиканской газете «Казахстанская правда», речь шла о начале объективного и исторически неизбежного процесса самороспуска местных Советов как отражении глубокого кризиса советской системы представительной власти. В новых социально-экономических и политических условиях необходимо, чтобы Парламент страны работал на постоянной основе и в одном режиме с исполнительной властью, оперативно подкрепляя ее действия необходимыми законодательными актами. «Отдавая должное вкладу нынешнего Парламента в становление государственности Казахстана, вместе с тем в сложившейся обстановке, мы считаем своим гражданским долгом снять с себя депутатские полномочия и призываем каждого из вас последовать нашему примеру», – говорилось в обращении /20/.

Накануне начала работы второго этапа одиннадцатой сессии Верховного Совета досрочно сложили свои полномочия 789 из 3037 Советов народных депутатов всех уровней. Заявления о сложении полномочий подали 190 из 355 депутатов всех уровней.

8 декабря 1993 года на втором заседании одиннадцатой сессии Верховного Совета, в которой принял участие Н.А. Назарбаев, Председатель Верховного Совета С. Абдильдин отметил, что нынешний Верховный Совет логично должен был бы доработать до конца. «Однако Верховный Совет, проводящий свои сессии два раза в год, не может во всей полноте обеспечивать оперативный контроль за исполнением Конституции и законов. Назрела необходимость создания в соответствии с Конституцией нового, постоянно действующего Парламента» /21/. Таким образом, в течение двух последних месяцев 1993 года распалась советская система представительных органов власти в Казахстане.

7 марта 1994 года впервые в Казахстане состоялись выборы в профессиональный Парламент и местные представительные органы – маслихаты. Центризбирком признал выборы состоявшимися во всех 135 избирательных округах и во всех регионах республики. Приняло участие в голосовании 73,53% от общего числа избирателей /22/. Однако через год, 6 марта 1995 года, Конституционный Суд республики принял постановление по иску бывшего кандидата в депутаты Т.Г. Квятковской

о несоответствии Конституции страны ряда решений Центризбиркома по организации прошедших 7 марта 1994 года парламентских выборов и признал действующий состав высшего законодательного органа страны нелегитимным. В итоге Казахстан вновь остался без Парламента.

Согласно Закону «О временном делегировании Президенту Республики Казахстан и главам местных администраций дополнительных полномочий» от 10 декабря 1993 года дальнейшее решение проблем жизнеобеспечения страны было сосредоточено на президентской вертикали. И, тем не менее, Президент решил еще раз заручиться поддержкой народа, в связи с чем 29 апреля 1995 года в республике был проведен референдум, по итогам которого 95,4% избирателей из 91,3% проголосовавших высказались за продление полномочий Президента Н.А. Назарбаева до 1 декабря 2000 года.

После референдума первым стратегическим вопросом, который требовал безотлагательного разрешения, был вопрос о Конституции, которая не предусматривала механизм разрешения ситуаций, сложившихся в республике в периоды ухода парламентов двух последних созывов.

Первоначально предполагалось ограничиться внесением изменений и дополнений в действующую Конституцию. Но затем конституционная комиссия пришла к выводу о необходимости изменения всей структуры Основного Закона. В результате появился проект качественно иной Конституции.

30 августа 1995 года на республиканском референдуме 81,9% граждан страны, принявших участие в голосовании, высказались за новую (действующую в настоящее время) Конституцию Республики Казахстан. Этот документ закрепил президентскую форму правления при последовательном проведении принципа разделения государственной власти. Представляется важным рассмотреть эти тезисы более подробно.

В Конституции 1995 года концепция разделения власти получила отражение в статье 3, где в пункте 1 записано, что «единственным источником государственной власти является народ», а в пункте 4 этой же статьи подчеркнуто, что «государственная власть в республике едина, осуществляется на основе Конституции и законов в соответствии с принципом ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную ветви и взаимодействия между собой с использованием системы сдержек и противовесов» /23/.

Важно отметить, что в Казахстане осуществление этого принципа имеет определенные особенности. Прежде всего, они связаны с избранной моделью президентской формы правления: в соответствии со статьей 40 Основного Закона страны «Президент республики обеспечивает согласованное функционирование всех ветвей государственной власти и ответственность органов власти перед народом» /24/, т.е. стоит над тремя ветвями власти и наделен соответствующими полномочиями. В соответствии со ст.1 Указа Президента Республики Казахстан, имеющего силу конституционного закона, «О Президенте Республики Казахстан», Президент является Главой государства, его высшим должностным лицом.

Здесь представляется уместным привести сделанный казахстанским политологом Б.А. Майлыбаевым анализ объема полномочий казахстанского Президента по действующей Конституции 1995 года в сравнении с полномочиями президентов некоторых европейских государств и США /25/. Исследователь воспользовался одиннадцатью полномочиями, определенными известным французским конституционалистом М. Дюверже в качестве основных: назначение Премьер-министра, отзыв Премьер-министра, роспуск Парламента, законодательная инициатива, законодательное вето, назначение референдума, издание декретов и временных законов, назначение чиновников, контроль за администрацией, дипломатические функции и назначение членов Конституционного Суда (см. таблицу 1).

Как явствует из таблицы, действующая Конституция Республики Казахстан предусматривает сильную президентскую власть, некоторые элементы которой заимствованы из конституционных законодательств зарубежных государств.

Важно проследить и конституционные изменения развития института президентства в Казахстане в период с апреля 1990 года по настоящее время (см. таблицу 2) /26/.

Исходя из такого сравнения вряд ли можно говорить о парламентской или полупрезидентской формах правления в Республике Казахстан. Объективнее будет обозначить ее как президентскую, хотя сам исследователь называет ее на три четверти президентской /27/.

С Майлыбаевым следует согласиться в том, что казахстанская модель института президентства отличается как от латиноамериканско-

Таблица 1

Сравнение полномочий президентов*

Полномочия	Казахстан	Россия	Франция	Финляндия	Австрия	Португалия	США
Назначение Премьер-министра	о (с согл. Парламента)	о (с согл. Госдумы)	х	х	х	х	не существует
Отзыв Премьер-министра	х	х	–	–	х	х	не существует
Роспуск Парламента	х	х	х	х	х	о	–
Законодательная инициатива	–	о	х	о	–	–	х
Законодательное вето	х	о (2/3 голосов палат)	о	х	–	о	х
Назначение референдума	х	х	о	–	–	о	х
Издание декретов и временных законов	х	х	х	–	–	х	х
Назначение чиновников	х/о	х/о	о	х	о	о	х
Контроль за администрацией	–	–	–	х	х	о	х
Дипломатические функции	о	о	о	х	о	о	х
Назначение членов КС	х/о	о	х	–	–	х	х

го, так и от афро-азиатского вариантов. Дело в том, что основополагающий принцип первого – совмещение в лице Президента функций Главы государства и главы исполнительной власти – в Конституции Казахстана отсутствует. Кроме того, в суперпрезидентских республиках Латинской Америки традиционно сильна самостоятельная поли-

* «х» - функция, осуществляемая Президентом единолично; «о» - функция, осуществляемая президентом совместно с другим органом власти или Президент может заблокировать решение органа власти; «–» - отсутствие функции в деятельности Президента.

Таблица 2

Эволюция института президентства в Казахстане*

Полномочия президента	Закон об учреждении поста Президента Каз. ССР	Конституция Республики Казахстан 1993 г.	Конституция Республики Казахстан 1995 г.
Назначение Премьер-министра	– (представляет кандидатуру ВС)	о (с согласия Парламента)	о (с согласия Парламента)
Отзыв Премьер-министра	– (входит с предложением в ВС)	– (инициатива исходит от Правительства)	х
Роспуск Парламента	–	–	х
Законодательная инициатива	–	о	–
Законодательное вето	– (преодолевается 2/3 голосов Парламента)	– (преодолевается 2/3 голосов Парламента)	х
Назначение референдума	–	о	х
Издание декретов и временных законов	–	о	х
Назначение чиновников	о	о	х/о
Контроль за администрацией	–	–	–
Дипломатические функции	о	о	о
Назначение членов КС	–	–	х/о

* «х» - функция, осуществляемая Президентом единолично; «о» - функция, осуществляемая Президентом совместно с другим органом власти или Президент может заблокировать решение органа власти; «–» – отсутствие функции в деятельности Президента.

тическая роль военных, армии, силовых ведомств, чего нельзя однозначно сказать в отношении политической системы Казахстана.

Особенностью же афро-азиатской модели является то, что государственные структуры, в том числе и институт президентства, создавались в условиях социокультурного вакуума, что обусловило установление в постколониальных странах Азии и Африки режима единовластия. У создаваемого государства либо не было собственного опыта государственного строительства, либо государственные традиции претерпели такие изменения, которые исключают саму постановку вопроса об их связи с современностью. В результате в этих странах возникла ситуация ограниченности выбора между анархией и деспотизмом. Многие государства выбрали последний под прикрытием института президентства /28/.

В ходе трансформации политической системы казахстанского общества в стране появилась своя модель президентской системы правления, соответствующая логике модернизации «сверху», реалиям рождающейся рыночной экономики и гражданского общества. Она имеет отличия от ряда развитых демократических государств: в Казахстане Президент не возглавляет одну из ветвей власти, а как бы возвышается над тремя, выполняя роль арбитра.

По мнению Майлыбаева, нынешний казахстанский вариант института президентства отличается от моделей, утвердившихся в других странах, тем, что здесь найдено адекватное решение центральной проблемы президентских систем правления – проблемы взаимоотношений исполнительной и законодательной ветвей власти, удалось нейтрализовать антагонистические тенденции, обостряемые переходным состоянием политической системы в условиях традиционных посттоталитарных обществ.

По Конституции 1995 года Президент Республики Казахстан является Главой государства, его высшим должностным лицом, определяющим основные направления внутренней и внешней политики государства и представляющим Казахстан внутри страны и в международных отношениях. Президент республики – символ и гарант единства народа и государственной власти, незыблемости Конституции, прав и свобод человека и гражданина. Президент республики обеспечивает согласованное функционирование всех ветвей государственной власти и ответственность власти перед народом /29/.

Как считает А.К. Котов, положение Президента по Конституции как бы «над ветвями власти» таково, что позволяет ему выступать арбитром в отношениях между Правительством и Парламентом, упреждать или разрешать государственные коллизии и кризисы /30/. Так, в случае выражения Парламентом вотума недоверия Правительству (п. 7 ст. 53), оно заявляет Президенту республики об отставке, вопрос о принятии или отклонении которой он решает в десятидневный срок (п.п. 3 и 4 ст. 69). При отклонении отставки Правительства, заявленной в связи с выражением ему вотума недоверия Парламентом, Президент вправе распустить Парламент (п. 6 ст. 69).

Кроме того, Президент вправе по своей инициативе принять решение о прекращении полномочий Правительства или освобождении от должности любого его члена. Освобождение от должности Премьер-министра означает прекращение полномочий всего Правительства. В этой норме находит выражение принцип коллегиальной ответственности Правительства, закрепленный в статье 68 (п. 1) Конституции.

С другой стороны, Президент может распустить Парламент в случаях, которые были уточнены в ходе всенародного обсуждения проекта действующей Конституции: а) политического кризиса в результате непреодолимых разногласий между Палатами Парламента или Парламентом и другими ветвями государственной власти; б) двукратного отказа Парламента дать согласие на назначение Премьер-министра; в) выражения Парламентом вотума недоверия Правительству (п. 1 ст. 63). Между тем Конституция однозначно оговаривает условия, когда Парламент не может быть распущен Президентом. Это – в период чрезвычайного или военного положения; в последние шесть месяцев полномочий Президента республики; в течение одного года после предыдущего роспуска.

Не трудно заметить, что Конституция устанавливает весьма тесное взаимодействие ветвей власти. При этом их разделение гарантируется не только четким разграничением правомочий и недопустимостью вмешательства в компетенцию друг друга (см. ст. 53-57, п. 3 ст. 61, ст. 66, ст. 75-78), но также и специальными конституционными гарантиями. К ним можно отнести:

- во-первых, недопустимость «совмещенного мандата»: члены Правительства не вправе быть депутатами представительного органа, занимать иные оплачиваемые должности, осуществлять предпринимательскую

деятельность (п. 2 ст. 68), на них не распространяется правило «должностного иммунитета»; депутаты Парламента также не вправе занимать иные оплачиваемые должности и заниматься предпринимательской деятельностью, что в противном случае влечет прекращение депутатских полномочий (п. 3 ст. 52); для них установлен институт «депутатской неприкосновенности»;

- во-вторых, предоставление права законодательной инициативы только двум субъектам: депутатам Парламента и Правительству (п. 1 ст.61);

- в-третьих, отнесение права давать официальное толкование норм Конституции Республики Казахстан к полномочиям специального органа государства по контролю конституционной законности – Конституционного Совета, а не как было прежде: сам законодатель – Верховный Совет страны – мог официально толковать принимаемые и изменяемые им же законы, включая Основной Закон государства (ср. п. 4 ст. 7 Конституции 1995 года и п. 3 ст. 64 Конституции 1993 года);

- в-четвертых, (что исключительно важно еще и для стабильности действующей Конституции) внесение изменений и дополнений в Конституцию путем республиканского референдума, проводимого по решению Президента, которое он принимает по собственной инициативе или по предложению Парламента либо Правительства либо по инициативе Президента Парламентом (п. 1 ст. 53, п. 10 ст. 65, п. 1 ст. 91);

- в-пятых, упрочение гарантий независимости судебной власти путем: установления особого конституционного порядка избрания высших судей Сенатом и назначения всех других судей Президентом республики (ст. 82); финансирования судов непосредственно за счет государственного бюджета (ст. 80); несовместимости должности судьи с депутатским мандатом, занятием иной оплачиваемой должности или предпринимательской деятельностью (п. 4 ст. 79); закрепления в Конституции «института иммунитета» (п. 2 ст. 79) и др.

Таким образом, «...организационное и функциональное разделение ветвей государственной власти, по действующей Конституции, не допуская слияния, как в советский период, законодательной и исполнительной властей и управляемости судов, в то же время не столь «жесткое», чтобы нарушать единство государственной власти в стране. Гибкость и целостность всей системы нынешнего разделения власти в государстве Казахстан придает статусно возвышающийся над всеми

ее ветвями и равноудаленный от каждой из них Президент республики – глава, личность или «Я» нашего государства, народом избранный и ответственный перед ним и историей Казахстана» /31/.

Характерной своеобразной особенностью эволюции президентской формы правления в Казахстане является последовательное усиление института президентства. Построение нового государства с президентской формой правления осуществляется планомерно, целенаправленно и в кратчайшие исторические сроки. Провозглашены и реализовываются такие демократические ценности, как свобода слова и печати, вероисповедания, обеспечено равноправное развитие для всех народов страны. Наряду с официальными средствами массовой информации издаются частные газеты и журналы, работают различные телерадиокомпании и студии. Функционируют 11 информационных агентств, 86 телерадиокомпаний и студий, издаются 314 газет и 79 журналов на казахском, русском и других языках народов страны. Действует Ассамблея народов Казахстана, объединяющая представителей 127 национально-культурных центров и объединений /32/.

Как справедливо отмечает М.Б. Касымбеков, «кроме политико-правового значения института президентства в Казахстане в ходе реформ в конкретной общественно-политической жизни выявились многочисленные функции и роли данного института.

Во-первых, институт президентства выступает мощным стимулом и ориентиром развития партийно-политической системы страны. Именно в процессе выборов Главы государства в 1999 году произошло углубленное структурирование политических интересов граждан, выраженное в создании новых партий и движений, которые соотносят выработку своих идеологических программ с центристской политикой Президента.

Во-вторых, институт президентства обеспечил в республике важнейший для трансформации перелом в ценностных ориентациях общественного сознания, гарантировав последовательным курсом реформ уверенность в необратимости процессов демократизации.

Далее, обеспечивая согласованное функционирование всех ветвей власти, институт президентства предоставил возможность для реального диалога власти и общества, создав действующие механизмы обратной связи. А это предопределило гибкость и способность к эффективному

реагированию всей политической системы в целом, обусловило гражданский мир и политическую стабильность.

Особое решение через институт президентства получает проблема межнациональных отношений, ставшая камнем преткновения для многих стран, даже с развитой демократией, а в Казахстане нашедшая демократическое разрешение» /33/.

На взгляд автора, президентская республика является более предпочтительной, если не единственно возможной формой государства в переходный период в Казахстане, когда становится необходимым создание базы для формирования цивилизованных отношений между большинством и меньшинством, а также для нахождения адекватной формы подлинного выражения народной воли. Общество нуждается в сильной президентской власти, основанной на правозаконности и легитимности, вотуме доверия, полученном от всего населения. Поэтому сильный крен в сторону президентской власти в стране был неизбежен.

Уместно отметить, что преимущество именно этой формы правления для государств транзитного типа обосновывают многие исследователи /34/. При этом они исходят, во-первых, из того, что она более стабильна, чем парламентская в силу своего способа достижения легитимности вплоть до обращения к плебисциту; во-вторых, из того, что в ряде стран для установления парламентской системы нет исторической почвы, отсутствуют экономические, социальные, политические, культурные и иные предпосылки. В президентской республике Правительство более независимо от раздираемого противоречиями Парламента, а потому способно к радикальному реформированию. Именно хорошо сбалансированная президентская система правления обладает разумным соотношением жесткости и гибкости, достаточным запасом прочности для предотвращения политической нестабильности, о чем убедительно свидетельствует опыт государств постсоветского пространства. Из всех стран, образовавшихся при распаде СССР, только в Латвии и Грузии была избрана парламентская система правления, причем в Грузии в результате гражданской войны произошел отказ от нее в пользу президентской.

В целом же на начало 1993 года из 180 государств-членов ООН свыше 130 имели в своем государственном устройстве пост президента, а к президентским республикам относились 63 страны мира /35/.

Заслуживает внимания в контексте этой проблемы и специфика по-

литической культуры казахстанского общества. Следует признать, что по своему уровню и качеству политическая культура народов Казахстана не готова к практике демократической, парламентской «игры». Специфика политической культуры казахстанского общества выражается в преобладании политико-идеологического единомыслия (всеобщее единомыслие в сфере общественного сознания и политической культуры), а также в наличии устойчивого традиционализма. В сознании общества многое определяют объединяющая идея и служащая этой идее личность, находящаяся у власти. Этим во многом объясняются трудности в Казахстане с восприятием многопартийности, парламентаризма.*

Вместе с тем институт президентства вписался в традиционалистскую политическую культуру общества, с точки зрения которой всенародно избранный Глава государства воспринимается как лидер народа, гарант стабильности всей политической системы, и потому стоящий выше всех политических схваток.

На взгляд автора, особенности в области институционального политического устройства страны в переходный период в Республике Казахстан как раз и обусловлены, прежде всего, уникальностью института президентства в его институциональных и функциональных параметрах.

Десятилетний опыт реформ показал, что президентское правление лучше учитывает конкретные реалии, апеллирует к имеющимся традициям, особенностям менталитета населения Казахстана. В ситуации падения жизненного уровня населения первых лет реформ, перманентного экономического кризиса, размытости социальной структуры только стабильная исполнительная власть, независимая от соотношения сил в Парламенте, была способна провести необходимые преобразования и обеспечить экономический рост.

Представляется, что именно поэтому в стране была реализована

---

* С обретением независимости дали о себе знать и такие непростые с точки зрения политико-правового государственного самоопределения факторы, как неразвитая сеть коммуникаций, огромные размеры территории с относительно малочисленным населением, ощутимое национальное, религиозное, бытовое и хозяйственное различие, низкий уровень правосознания, своеобразная геополитическая среда. Понятно, что каждая из указанных особенностей заслуживает пристального специального изучения. Ряд из них рассматривается и в настоящей работе. Здесь же следует заметить, что само наличие этих особенностей в развитии казахстанского социума позволяет уверенно говорить о предпочтительности президентской формы правления перед полупрезидентской или парламентской.

президентская система государственного устройства. Сильная президентская власть рыночно-демократической ориентации довольно часто оказывается необходимым переходным этапом на пути от посттоталитаризма к демократии. Такой политический режим, являясь своеобразным симбиозом жестко административных и демократических элементов, действительно способен стать эффективным средством проведения необходимых реформ.

В этой связи оценка института президентства в Казахстане должна исходить не столько из формальной стороны его места и роли, сколько из анализа направленности его реформ, их целей и практических результатов.

Реальная политическая практика показала, что опасения по поводу того, что в стране с длительными тоталитарными традициями институт президентства выродится в персонифицированную авторитарную форму правления, оказались напрасными. В этом смысле, прежде всего, сам Глава государства является гарантом недопущения подобного перерождения. Достаточно вспомнить принятый по его инициативе блок законов по демократизации общества, его ежегодные послания народу Казахстана.

Думается, что дальнейшая эволюция президентской формы правления в Казахстане направлена на обеспечение перехода к устойчивому развитию Казахстана на основе выработанных стратегических планов, в частности, Стратегии развития «Казахстан-2030»; приведение системы государственного управления в соответствие с достигнутым уровнем реформирования общества, экономики, в том числе путем рационализации структуры государственных органов за счет ликвидации дублирования функций и переноса столицы в Астану, а также децентрализации, усиления местной власти и передачи ряда государственных функций представителям развивающегося частного сектора.

Таким образом, в целом можно выделить следующие принципы организации государственной власти, на которых базируются доктрина и практика казахстанской модели президентской системы правления:

- политико-правовое признание универсальной нормы разделения власти;
- адаптация конституционного опыта зарубежных стран к условиям казахстанского общества;
- приоритет сохранности политической стабильности путем юридического регулирования взаимоотношений между различными органами единой по сути государственной власти;

- поддержание реального баланса между тремя ветвями власти;
- признание конституционной нормы как установления высшей юридической силы.

Перемены последних лет в системе властных структур показывают, что казахстанское общество находится на стадии формирования феномена системы сбалансированного президентского правления. Представляется, что именно эта система окажется наиболее жизнеспособной.

2. Особенности формирования института парламентаризма

В эпоху перехода от тоталитаризма к демократии реальной опорой демократической законности является устойчивый и эффективно действующий парламент, который, в свою очередь, рассматривается как важнейший институт современного государства.

Можно отметить, что основной общей чертой, характеризующей состояние парламентаризма в постсоветских независимых государствах в настоящее время, является определенная утрата законодательными органами позиций, обретенных на волне демократизации в начале перестроечного периода. Кризисные ситуации в политической и экономической жизни, а то и угроза дестабилизации, утрата многих иллюзий, связанных с приобретением суверенитета, предопределяют переход от парламентской формы правления к президентской с большей или меньшей степенью авторитаризма, о чем подробно говорилось выше. Несмотря на это парламенты в странах СНГ продолжают выполнять предназначенную им роль в системе сдержек и противовесов на пути становления новых независимых государств.

В Республике Казахстан также имеет место преобладание исполнительной власти над представительной, что вообще характерно для политических систем стран с переходной экономикой, гипотетически является закономерностью переходного периода. Тем не менее, думается, что сформированный на прочном конституционном фундаменте Парламент республики, являясь принципиально новым элементом в политической действительности независимого государства, состоялся как представительный орган и соответствует общепринятым в мировой практике принципам парламентаризма, демонстрируя, тем самым, демократическую направленность развития казахстанского социума.

Пройдя сложную эволюцию от Верховного Совета до профессионального двухпалатного Парламента страны, он доказал свою состоятельность как законотворческий орган, создавший правовую основу реформ, содействующий укреплению политической стабильности, гражданского мира и национального согласия в стране.

Формирование института парламентаризма в Казахстане в условиях независимости происходит поэтапно, в согласованном правовом поле и конструктивном взаимодействии с другими ветвями власти. Оно идет в контексте генезиса и становления президентской формы правления и характеризуется следующими направлениями:

- переход Парламента к преимущественно законотворческой деятельности;
- профессионализация депутатской деятельности;
- переход от однопалатной к двухпалатной структуре;
- демонтаж советской модели единой вертикали представительной власти;
- появление депутатских объединений внутри Парламента.

Парламент Республики Казахстан, согласно пункту 1 статьи 49 Конституции Республики Казахстан, является высшим представительным органом страны, осуществляющим законодательные функции. Эти две характеристики – «законодательный» и «представительный» – позволяют раскрыть двуединую природу данного органа как представительного и законодательного.

С этим связана и важность места законодательной ветви в системе организации власти. В свое время Д. Локк отмечал, что законодательная власть по необходимости должна быть верховной, и все остальные власти в лице каких-либо членов или частей общества проистекают из нее и подчинены ей /36/.

Народ на основе выборов передает своим представителям государственную власть и уполномочивает органы государственной власти осуществлять ее. Гоббс и Руссо, создавая теоретическую основу представительной демократии, делали акцент на общественном договоре, согласно которому граждане передают свои права устанавливать законы избранным ими представителям. В этом смысле можно вести речь о первичности представительных органов в механизме государственной власти, их приоритете и верховенстве. Однако это верховенство не означает и не должно означать полновластия законодательных органов. В конечном счете,

только народ обладает всей полнотой государственной власти и является источником последней /37/.

Рассматривая проблемы развития парламентаризма через призму развития демократии в Казахстане, представляется уместным сделать небольшой исторический экскурс, тем более что начало профессионального парламентаризма в Казахстане надо отнести, по сути, к 1990 году, когда была принята Декларация «О государственном суверенитете Казахской ССР».

В связи с этим стала очевидной и необходимость формирования профессионального Парламента – принципиально нового законодательного органа, способного в системе новых общественных отношений создавать правовую базу, обеспечивающую экономические, социальные и политические преобразования в республике.

Важным шагом на этом пути стали проведенные в 1990 году альтернативные выборы депутатов, определенная часть которых стала работать на постоянной основе.

Уместно заметить, что многое в работе Верховного Совета Казахской ССР XII созыва характеризуется словом «впервые». Так, впервые в парламентской истории высший представительный орган был избран на широкой демократической основе: в предвыборной борьбе участвовали более 2 тысяч претендентов на 360 депутатских мандатов. Впервые своих 90 депутатов избрали общественные организации, включая коммунистическую партию и комсомол. Более 85% депутатов также были избраны впервые. Впервые было обеспечено самое широкое представительство научной и творческой интеллигенции. Впервые большая группа (20%) народных депутатов работала в постоянных комиссиях и комитетах на освобожденной основе. Впервые статус депутатов стал народным /38/.

«Коренное отличие XII созыва Верховного Совета от предыдущих заключалось в решительном переходе к новым методам и формированиям деятельности на совершенно иных принципах, позволяющим ему избежать ставшей с годами традиционной роли статиста в решении государственных вопросов и сделаться творцом законов» /39/. При всем несовершенстве его работы нельзя забывать, что именно Верховный Совет XII созыва заложил основу создания правовых условий для начала фундаментальных преобразований в экономической и политической жизни республики, становления государственности.

Дальнейшее формирование высшего законодательного органа стра-

ны проходило в соответствии с конституционным реформированием государственного устройства. Верховным Советом XII созыва 28 января 1993 года была принята первая Конституция независимого Казахстана, в которой провозглашены принципы разделения властей, признания Президента Главой государства и единой системы исполнительной власти, заложены основы судебной системы и другие важные положения. Отвечая требованиям времени, вместе с тем, она носила переходный характер и смогла стать основным правовым регулятором в государстве только на определенном отрезке развития общества.

Следует отметить, что в тот период Верховному Совету как законодательному и контрольному органу было весьма непросто найти свое место в структуре высшей государственной власти, о чем подробно говорилось при рассмотрении феномена «института президентства» в Казахстане. В связи с этим в декабре 1993 года состоялось заседание Верховного Совета XII созыва, на котором было принято решение о его самороспуске. Верховный Совет наделил Президента республики дополнительными полномочиями на период отсутствия законодательного органа – правом издания указов, имеющих силу закона.

В марте 1994 года был избран Верховный Совет XIII созыва, который после года работы по решению Конституционного суда был признан нелегитимным и распущен.

Процессы, происходящие во всех сферах общественной жизни в то время, диктовали необходимость их правового регулирования на совершенно новых приоритетах, принципах и положениях. Назрел вопрос о необходимости принятия нового Основного Закона государства.

Конституция 1995 года, с учетом требований времени, по-новому определила вопросы организации управления государством, собственности, прав и свобод граждан, формирования и деятельности законодательного органа страны. Поэтому действующую Конституцию по праву можно отнести к одному из основных достижений общества, и именно она служит в настоящее время одним из главных стабилизирующих факторов. Она определила правовую основу для создания принципиально нового высшего представительного органа страны – двухпалатного, профессионального Парламента, действующего на постоянной основе.

Этот документ дает четкое определение Парламента Республики Казахстан как высшего представительного органа государства, осу-

ществляющего законодательные функции. Наряду с ним правовую основу организации и деятельности Парламента составляют конституционный Закон «О Парламенте Республики Казахстан и статусе его депутатов», а также другие законодательные акты.

Первые выборы депутатов нового двухпалатного Парламента Республики Казахстан I созыва состоялись в декабре 1995 года. К работе новый Парламент приступил 30 января 1996 года. Эта дата стала точкой отсчета времени деятельности первого двухпалатного, профессионального, демократически избранного Парламента страны.

За период своей работы этот созыв Парламента принял около 500 законов. Одной из главных задач принципиально нового законодательного органа было приведение действующего законодательства в соответствие с Конституцией 1995 года и принятие новых законов по широкому кругу общественных отношений, ранее не урегулированных нормами права или требующих соответствующего правового решения. В частности, в этот период приняты 5 кодифицированных актов концептуального характера: Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный, Гражданский (Особенная часть) и Гражданский процессуальный кодексы /40/.

Фундаментальным началом народовластия в Республике Казахстан является положение о том, что народ осуществляет власть непосредственно через республиканские референдумы и свободные выборы, а также делегирует осуществление своей власти государственным органам. Весьма существенным является принцип единства системы государственной власти. Принципиальны также положения, содержащиеся в статье 3 Конституции Республики Казахстан:

а) единственным источником государственной власти является народ;

б) народ осуществляет власть непосредственно через республиканский референдум и свободные выборы, а также делегирует осуществление своей власти государственным органам;

в) никто не может присваивать власть в Республике Казахстан. Присвоение власти преследуется по закону. Право выступать от имени народа и государства принадлежит Президенту, а также Парламенту республики в пределах его конституционных полномочий. Правительство республики и иные государственные органы выступают от имени государства в пределах делегированных им полномочий;

г) государственная власть в республике едина, осуществляется на основе Конституции и законов в соответствии с принципом ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную ветви и взаимодействия их между собой с использованием системы сдержек и противовесов /41/.

Конституционно-правовой статус Парламента Республики Казахстан может быть выявлен и в достаточной степени проанализирован только в органической связи с вышеприведенными принципиальными положениями и правовыми нормами. Они в совокупности характеризуют роль и подход к определению места и роли представительного и законодательного органа Республики Казахстан. В настоящее время изменилась не только терминология (исчезло, например, деление органов государственной власти на высшие и местные); произошло нечто большее, а, именно: определенное и достаточно цивилизованное ограничение, соответствующее духу и букве доктрины разделения властей, прав и полномочий представительного и законодательного органа Республики Казахстан. В частности, из сферы его ведения исключены в значительной мере исполнительно-распорядительные функции, что было характерно для Верховного Совета Республики Казахстан.

Представляется, что преимущества двухпалатного Парламента несомненны. Он является одной из ветвей государственной власти в рамках концепции разделения властей и позволяет:

- обеспечить продуманную и последовательную законотворческую политику, создать условия для более качественной законодательной работы и применения гораздо более совершенной законодательной техники;

- обеспечить баланс региональных и общегосударственных интересов благодаря тому, что в верхней Палате равным образом представлены все регионы республики, участие которых нейтрализует ранее бытовавшие столкновения групповых интересов, проявления «территориального» или «отраслевого» законотворческого лоббизма;

- избежать ситуаций, когда вероятные парламентские кризисы будут затрагивать стабильность в обществе и основы государственности. Это обеспечивается тем, что Палаты взаимно сдерживают друг друга, возможные деструктивные тенденции в деятельности какой-либо из Палат;

- предотвратить распространенное в однопалатных парламентах стремление депутатов вмешиваться в сферы, не относящиеся к ведению Парламента.

Многие важнейшие вопросы рассматриваются на паритетных началах, хотя в сфере собственной компетенции каждая Палата является высшей инстанцией в решении вопросов, отнесенных Конституцией к ее ведению. Двухпалатная структура Парламента позволяет гармонично рассматривать интересы регионов, представленные, прежде всего, в Сенате, и общереспубликанские интересы, выразителем которых является в основном Мажилис. В то же время следует подчеркнуть, что на практике такое деление условно, так как депутаты обеих Палат представляют интересы народа Казахстана в целом.

Как было подчеркнуто на Форуме сенатов мира, прошедшем в начале 2000 года в Париже, двухпалатная система позволяет избежать излишних дебатов между исполнительной властью и однопалатным Парламентом, а также смешения функций Парламента и Правительства. Она обеспечивает принцип гласности дебатов, что, в свою очередь, позволяет учитывать мнение общественности /42/.

В последнее время все больше государств во всем мире принимают двухпалатную систему Парламента: их число увеличилось с 45 в начале 70-х годов до 67 в настоящее время. Эта тенденция находит свое продолжение, так как около двенадцати государств планируют учредить Сенат или уже близки к принятию соответствующего решения /43/.

Таким образом, двухпалатная система Парламента способствует консолидации общества, развитию демократических институтов, более эффективным взаимоотношениям между ветвями власти, что в полной мере относится к функционированию двухпалатного Парламента Республики Казахстан.

Парламент призван, главным образом, влиять на все ветви власти, поскольку через представленные в нем общественные интересы можно публично преодолевать возникшие противоречия между ними; создать правовой фундамент современного рыночного государства; стать полномочным органом народного представительства, важнейшим институтом гражданского общества.

Новые демократические институты переходного периода должны обладать достаточной гибкостью, позволяющей осуществлять реформы разумно и высокими темпами, одновременно препятствуя возврату к прошлому. Они должны стать конституционной гарантией необходимости рыночных процессов. Поэтому основной обязанностью за-

конодателей является разработка и принятие законов, представляющих правовую базу реформ.

В то же время законодательная функция не является единственной функцией Парламента Республики Казахстан, поскольку в процессе подготовки и принятия законов участвует и исполнительная власть, будут участвовать впредь и политические партии, и иные общественные объединения. Таким образом, Парламент – это сложный многоэлементный организм, имеющий разнообразные связи и взаимоотношения с другими институтами государства и общества.

Правовые основы деятельности депутатов заложены в Конституции Республики Казахстан, где четко определен статус депутата Парламента.

В качестве основных направлений деятельности депутаты осуществляют:

1) работу непосредственно в Парламенте и в образуемых им органах;

2) работу с избирателями;

3) работу в депутатских фракциях и группах, что в совокупности должно служить главному предназначению Парламента – законодательной деятельности.

В этой связи представляется важным рассмотреть влияние особенностей свободного мандата на характер и формы осуществления депутатских полномочий.

Известно, что конституционная норма об ответственности депутатов перед своими избирателями, возможность их отзыва составляла одно из основных отличий организации власти при социализме от традиционной парламентской. В настоящее время усиливается интерес к данной проблеме, особенно в условиях изменения структуры власти, ее социальных сил. В этой связи интересно проанализировать практику отзыва депутатов как непременного атрибута императивного мандата.

Подчеркнем, что, вопреки сложившемуся предубеждению, институт отзыва, а также ответственность депутата перед избирателями – вовсе не чисто советское изобретение. Этот вопрос возник уже более 200 лет назад, практически одновременно со становлением института парламентаризма. Суть проблемы заключается в следующем: должен ли народ определять свои политические пристрастия только на выборах, один раз в несколько лет, и тем самым делегировать свои полномочия депутату на условиях свободного мандата, или он оставляет за собой право

быть постоянно включенным в деятельность представительных органов власти с помощью императивного (обязательного) мандата?

Известно, что за свободный мандат депутата выступают, в частности, западные парламентарии. Например, статья 38 Основного Закона Федеративной Республики Германии устанавливает, что «депутаты Бундестага ФРГ избираются путем всеобщих, прямых, свободных, равных и тайных выборов. Они являются представителями всего народа, не связаны наказами или указаниями и подчиняются лишь своей совести» /44/. Ст. 27 Конституции Франции прямо указывает на то, что «любой императивный мандат является недействительным» /45/. Но на практике депутат парламента, как правило, поддерживает достаточно тесные контакты со своими избирателями, реагируя на колебания общественного мнения, и не только потому, что профессиональному политику еще не раз придется баллотироваться на этот пост: большинство парламентариев многих стран избираются по партийным спискам и крепко связаны партийной дисциплиной, а она, естественно, предполагает ответственность.

Исследователи проблем статуса депутатов Государственной Думы Российской Федерации справедливо полагают, что мандат депутата данной Палаты – это свободный мандат, поскольку избиратели не вправе определять позиции депутата, не дают ему обязательного наказа, он не связан правовыми обязательствами перед своими избирателями. Однако это не означает полной свободы «от народа», поскольку в ходе предвыборной кампании именно избиратели знакомятся с программой депутата, а когда последний становится им, он рассматривается в качестве представителя всего народа, а не какого-то конкретного круга избирателей.

Наиболее весомым аргументом сторонников свободного депутатского мандата стали ссылки на практику большинства развитых стран, где института отзыва нет. Но надо иметь в виду, что западные парламенты, прежде чем стать таковыми, прошли долгую и трудную школу становления, нередко исчисляемую столетиями. И тем не менее, главное состоит в том, что многие страны в той или иной мере использовали институт отзыва: будь то отстранение депутатов от должности или досрочные перевыборы всего депутатского корпуса.

В современном мире немало стран, в которых утвердился прин-

цип как свободного, так и императивного мандата. Например, Закон о статусе депутатов Федерального Собрания России, принятый в 1994 году, не предусматривает право избирателей отзывать депутатов, не закрепляет институт наказов /46/. В то же время это не означает, что в российской представительной системе утвердился в рафинированном виде принцип свободного мандата.

На федеральном уровне депутатский мандат не является императивным, но он и не абсолютно свободный. При отсутствии права отзыва и обязанности наказов избирателей депутат, являясь представителем народа, не может не поддерживать связь с избирателями, не взаимодействовать с ними. Конституция Российской Федерации регламентирует полномочия и основные формы деятельности Федерального Собрания, коллегиально осуществляющего представительные и законодательные функции. Специальных норм о правах и обязанностях депутатов, за небольшим исключением, Конституция не содержит, исходя из того, что весь депутатский корпус коллегиально реализует полномочия российского Парламента. В силу этого депутаты наделяются такими правами и обязанностями, которые дают им возможность наилучшим образом осуществлять полномочия самого Парламента, вести законодательную работу.

Как отмечалось, Конституция Республики Казахстан отказалась от закрепления господствовавшего прежде императивного депутатского мандата. В пункте 1 статьи 52 Конституции прямо отмечается, что депутат Парламента не связан каким-либо императивным мандатом /47/. Избиратели юридически не могут определять позицию депутата, а депутат не связан правовыми обязательствами с ними. Нет юридической ответственности депутата перед избирателями; отсутствуют и такие институты, характерные для императивного мандата, как наказы избирателей, подотчетность депутатов избирателям и отзыв депутатов избирателями. Все это в совокупности можно рассматривать как конституционно-правовое закрепление свободного мандата депутата представительного органа.

На практике же встречаются случаи, когда на смену подотчетности депутата избирателям некоторые парламентарии готовы взять на вооружение новую императивность в виде зависимости депутата от своей партии. Например, как показывает практика, часть депутатов

Государственной Думы в Российской Федерации склонна открыто руководствоваться только указаниями своего партийного руководства.

Коренное изменение характера взаимоотношений между членом Парламента и его избирателями от жесткого императивного мандата к свободному мандату означает переход к обеспечению независимости Парламента при исполнении его функций. Депутат Парламента, согласно пункту 1 статьи 24 Конституционного закона Республики Казахстан «О Парламенте и статусе его депутатов», не связан каким-либо императивным мандатом, в том числе наказом или поручением, и голосует в Парламенте по своему убеждению /48/. Это означает, что депутат не связан наказами избирателей и не может быть ими отозван. Независимость депутатов выражается в отсутствии юридически закрепленной процедуры отзыва, в силу чего их мандат не имеет императивного характера.

Однако отсутствие процедуры отзыва не означает, что между депутатом и его избирателями не существует связи. Практика современного парламентаризма свидетельствует об определенной условности данного принципа. Парламентарии не могут не учитывать воли и интересов как своих непосредственных избирателей, так и достаточно сложных в большинстве современных парламентов межпартийных и межфракционных отношений и приоритетов. Поэтому даже при отсутствии формальных правовых обязанностей перед своими избирателями и партийными фракциями парламентарии в большей либо в меньшей степени представляют и защищают именно их интересы.

В действительности между ними поддерживаются отношения, выражающиеся в периодических встречах, переписке и выступлениях депутата перед избирателями соответствующего округа, от которого он был избран. Следует выделить такие формы реализации обязанностей депутата перед избирателями, как встречи с ними, посещение организаций, информирование о позициях парламентариев через средства массовой информации. Депутат поддерживает также связи с местными органами власти в своем избирательном округе, принимает избирателей своего округа (или их делегации), учитывает пожелания, предложения и мнения своих избирателей (и их организаций) в своей парламентской деятельности. При этом предусматривается право депутата на сохранение тайны в отношении источника полученной им информации.

Тем не менее, представляется, что права и обязанности депутата в избирательном округе могут быть уточнены с учетом того, что депутаты считаются представителями всего народа, а не избирательных округов, от которых они прошли в Парламент.

Здесь уместно рассмотреть одно из определяющих прав депутата – право на депутатский запрос – и умелое его использование, что, безусловно, влияет на эффективность работы Парламента.

Депутатский запрос, согласно статье 27 Конституционного закона «О Парламенте Республики Казахстан и статусе его депутатов», является «официально обращенным на совместном и раздельном заседании Палат Парламента требованием депутата к должностным лицам государственных органов дать на сессии Парламента обоснованное разъяснение или изложить позицию по вопросам, входящим в компетенцию этого органа или должностного лица» /49/.

Смысл запроса состоит в том, что депутат привлекает внимание других к важнейшей проблеме, требующей, как правило, быстрого решения. Поэтому запросы, чаще всего, вносятся в связи с неблагополучным положением в какой-то сфере. Депутат обычно обращается к данному праву, когда, исчерпав другие средства воздействия на соответствующие органы и лиц, не добился желаемого результата. Надежда на действенность запроса для депутата связана с тем, что ответ на него дается Парламенту, может быть обсужден депутатами и, в конце концов, получит их коллективную оценку.

В развитых странах одной из наиболее распространенных форм получения Парламентом информации от исполнительной власти и осуществления контроля ее деятельности являются также вопросы парламентариев, адресуемые Правительству и министрам. Преувеличением было бы признание их в качестве самого надежного и действенного средства контроля. И тем не менее, вопросы парламентариев позволяют ярко высвечивать недостатки в организации и функционировании аппарата государственного управления, придавать гласности те или иные неблаговидные факты его деятельности, обращая на них внимание самой широкой общественности.

Казахстанское законодательство устанавливает определенные гарантии, способствующие нормальному исполнению депутатом своих обязанностей, независимости в осуществлении своей деятельности и

выражающиеся в праве депутата на: законодательную инициативу; безотлагательный прием должностными лицами; получение информации; возмещение расходов, связанных с реализацией его полномочий; оказание юридической помощи; неприкосновенность, а также в его ответственности за нарушение законодательства о статусе депутата (статьи 15, 28, 29, 31, 32 Конституционного закона «О Парламенте Республики Казахстан и статусе его депутатов») /50/.

Одной из юридических гарантий независимости депутата является законодательное регламентирование лоббизма. Однако этот вопрос законодательством республики в настоящее время не урегулирован. Законопроект о лоббировании возвращен Мажилисом в Правительство на доработку.

Наряду с законотворчеством одним из направлений деятельности Парламента является парламентский контроль исполнения действующего законодательства. Согласно Конституции Республики Казахстан Парламент не имеет статуса контрольного органа, вместе с тем он обладает полномочиями, соответствующими государству с президентской формой правления. Примером реализации контрольных полномочий Парламента является рассмотрение и обсуждение представляемых Правительством ежегодных проектов законов о республиканском бюджете и отчете о его исполнении. Важные направления контрольных полномочий Палат Парламента – организация и проведение парламентских слушаний; заслушивание на раздельных заседаниях и на заседаниях комитетов, Палат Парламента руководителей министерств и ведомств. Накопленный опыт работы показал свою эффективность, способствуя содействию демократизации законотворческого процесса.

Как известно, в обществе присутствует большой интерес к деятельности настоящего Парламента, который обязан становиться все более влиятельным институтом. Представляется важным дальнейшее повышение его политического значения. Не случайно многие кандидаты в депутаты в предвыборных баталиях 1999 года делали акцент именно на этом и заявляли, что будут добиваться расширения полномочий Парламента.

Действительно, в условиях осуществления радикальной экономической реформы необходимость совершенствования деятельности Парламента очевидна. Однако в настоящее время любое предложение о

расширении компетенции Парламента, организационных форм ее осуществления и правового положения депутатов связано с внесением изменений и дополнений в Конституцию, перераспределением полномочий между ветвями власти.

Прошедшие выборы показали, что избиратели критиковали прежний Парламент, прежде всего, за то, что, по их мнению, он слабо контролировал исполнительную власть, слабо отстаивал права граждан. Но при этом населению мало известно, что у Парламента в настоящее время нет практически никаких контрольных функций. Имеет место преобладание исполнительной власти над представительной, что характерно, кстати, для политических систем стран с переходной экономикой. Однако на практике даже бюджет страны, принятие которого является прерогативой именно Парламента, согласно имеющемуся законодательству, не может быть утвержден без согласия на то Правительства.

Действующими парламентариями обоснованно поднимаются актуальные вопросы работы. Но, думается, они не будут решены до тех пор, пока Парламент не станет таким политическим инструментом, через который можно и должно решать все насущные проблемы казахстанского общества. Причем решать спокойно, взвешенно и разумно, изучая и постепенно меняя правовое поле.

Таким образом, как показывает сложившаяся политическая практика, Парламент Казахстана в политической системе транзитного социума, в котором в настоящее время находится страна, представляет собой законодательный орган в состоянии развития. Общество относится к его работе с известной долей скептицизма, по сути, не воспринимая Парламент как ведущую или равную политическую силу среди ветвей власти. Многочисленные социологические опросы показывают, что граждане страны слабо верят в его возможности как представительной ветви власти по защите интересов всего народа Казахстана, но в тоже время полагают, что кроме Парламента, непосредственно осуществляющего волю народа, в стране контролировать власть некому. Наиболее часто повторяемая претензия к Парламенту, да и в целом к политической и государственной системе – это неработающие законы, неисполнение действующего законодательства.

С другой стороны, с большой долей объективности можно отметить, что функциональные и структурные характеристики первого

двухпалатного профессионального Парламента Республики Казахстан как представительного и законодательного органа в системе государственной власти соответствуют и отвечают требованиям начальной стадии становления политической системы демократической направленности. Представляется, что в нынешнем национальном представительном органе власти воплотилась наиболее приемлемая и оптимальная на данном этапе развития казахстанского общества модель его деятельности. Возможно, что на фоне нестабильного социально-экономического положения государства такого карт-бланша, как первому, второму Парламенту обществом выдано не будет.

Здесь надо иметь в виду и то обстоятельство, что у разных субъектов политических отношений свое, отличное от других, понимание роли Парламента в системе разделения властей. Информационно-аналитический центр Парламента по ряду признаков выделяет три группы, влияние которых на деятельность Парламента реализуется различными способами /51/.

Первая объединяет граждан, имеющих претензии к Парламенту, его месту и роли, которые можно объединить в целом по следующим направлениям:

- Парламент неэффективно защищает социальные права населения;
- у депутатов Парламента нет возможности изменить ситуацию к лучшему;
- депутаты Парламента не озабочены в достаточной степени интересами народа, а преследуют свои личные цели;
- голосовать за новых кандидатов в депутаты бесполезно.

Как тенденцию можно отметить уменьшение количества населения, считающего, что депутаты свои непомерно высокие доходы не отрабатывают, и растет число людей, понимающих беспомощность Парламента. Это отражает некоторый рост политической культуры общества, которую необходимо учитывать при создании положительного имиджа Парламента.

Другая, более активная, группа, состоящая из политической, деловой элиты, представителей прессы, науки, способная на более высоком уровне формулировать свои оценки и ожидания, придерживается следующих позиций:

- нарушена паритетность в балансе ветвей в пользу исполнительной;

- полномочия Парламента значительно ниже, чем это требуется на данном этапе развития государственности и демократии;

- для выхода из экономического, социального кризиса, соблюдения законности и правопорядка необходимо значительно усилить контрольные функции Парламента;

- Парламент мирится с политикой Правительства, сдерживающей развитие производства, бизнеса;

- стабилизация в стране становится возможной лишь при снятии Парламентом точек напряжения, вносимых в социальную действительность, в основном, политикой Правительства.

Выборы в Парламент 1999 года достаточно четко показали, что электоратом воспринята именно эта пропагандистская риторика, направленная на всемерное повышение роли Парламента в системе власти. Кроме того, вольно или невольно, новые депутаты в своих предвыборных программах взяли на себя обязательства, которые, согласно Конституции, относятся к компетенции Правительства и тем самым вселили в общество избыточные ожидания.

Следующая влиятельная политическая сила, имеющая особое отношение к Парламенту и строящая его, исходя из субъективного восприятия Парламента и его депутатского корпуса как конкурирующей структуры, – исполнительная власть и околоправительственные круги. Несмотря на то, что эта группа малочисленна, ее влияние на функционирование Парламента наиболее мощное. Именно она обладает рычагами воздействия не только на законодательный процесс в целом, но и персонально на депутатов. Кроме того, эта группа имеет возможность и средства для целенаправленного формирования в своих целях определенного имиджа законодательной власти, так как свое отношение к Парламенту и его депутатам формулирует в следующих положениях:

- мнения депутатов о состоянии дел в своих округах, требования выполнять наказы и другие запросы избирателей не следует принимать во внимание, так как депутат по закону не обладает императивным мандатом;

- депутаты не имеют навыков и юридического опыта, чтобы квалифицированно и грамотно создавать законы;

- устремления и выступления депутатов Парламента носят, в основном, популистский характер, не имеют под собой глубокой проработки и знания проблемы;

- в принципе депутаты не могут что-либо противопоставлять Правительству;

- в любом случае постановка вопроса о вотуме доверия для Правительства безопасна.

Парламенту строить отношения с этой влиятельной группой наиболее сложно, так как такое состояние обусловлено, во-первых, базовыми конституционными положениями, определяющими его статус, во-вторых, Правительству в определенной степени выгодны подобные недостатки в работе и статусе Парламента и его депутатов, и оно успешно ими пользуется.

В связи с этим действующему Парламенту, его депутатскому корпусу, в первую очередь, предстоит значительно повысить авторитет Парламента, доверие к нему политически и граждански активного населения, представителей влиятельных финансовых структур и экономических групп. Чтобы справиться с этой задачей, следует наряду со значительным качественным улучшением законотворческой деятельности расширять и совершенствовать представительные функции, функции политического контроля, контроля исполнения законодательства, учредительские, управленческие функции, функции прогнозирования и координации.

Надо иметь в виду и то, что часто повторяемое утверждение о том, что главная функция Парламента – законотворческая, и он не должен от нее отклоняться, в целом общественностью воспринимается негативно. Для широкого электората – это элемент соглашательского поведения, уход от решения насущных проблем страны. Оппозиция считает, что концентрация деятельности Парламента только на законотворческом процессе – это ширма, за которой депутаты прячутся от решения актуальных проблем политики, экономики и социальной сферы, сознательно уходят от эффективных политических методов борьбы за его интересы. Здесь прямо надо отметить, что одобряется такая позиция лишь политическими структурами, заинтересованными в слабости Парламента как представительной ветви власти.

На взгляд автора, исходя из сложившейся политической и правовой ситуации, учитывая появившуюся востребованность в определенных изменениях законодательства, касающегося деятельности Парламента и его Палат, возможны следующие меры, направленные на повышение авторитета Парламента в обществе.

Как известно, право законодательной инициативы принадлежит депутатам Парламента, Правительству. Однако косвенным правом законодательной инициативы конституционно наделен и Глава государства, что также не вписывается в механизм разделения властей /52/.

Создаваемые новые законы в большинстве своем носят декларативный характер, а значит, создается почва для издания Правительством и министерствами множества различных подзаконных актов, что и имеет место на практике. В результате законодательные функции начинают выполнять органы, которые, согласно Конституции, ими не обладают. Следовательно, проекты законов должны быть предельно прозрачными, и в них нежелательно присутствие большого количества отсылочных норм.

Налицо и проблема собственно законодательного процесса. Необходим закон, который будет регулировать порядок прохождения проекта на всех его стадиях. Соответственно назрела необходимость создания структурного подразделения в Парламенте, которое будет готовить экспертное заключение на поступившие законопроекты, а также прогнозировать его правовые, экономические последствия, его актуальность во временных рамках. Это будет способствовать прекращению законопроектного вала со стороны Правительства; инициативные законы депутатов будут иметь соответствующее обеспечение в виде консультаций; откроется возможность образования компетентной комиссии, которая сможет заниматься обоснованием необходимости финансирования Правительством инициативных проектов (также для этой структуры необходимы процедурные полномочия в переговорном процессе по вопросу дополнительного финансирования инициативного проекта); создастся возможность организации обучения депутатов законотворческим навыкам.

С целью поощрения депутатской инициативы представляется целесообразным ввести материальное вознаграждение для депутата или группы депутатов за инициированный и принятый закон.

Парламент – единственный официальный орган народного представительства, но его представительская роль воспринимается и реа-

лизуется неадекватно. Для устранения этого было бы своевременным и правильным вести работу по следующим направлениям.

Во-первых, особое внимание важно обратить на обобщение запросов общества, социальных групп, с одной стороны, и их последующее внедрение в принимаемые законы, с другой. В связи с чем соответствующим аналитическим структурам и аппарату Парламента, а также и самим депутатам необходимо наладить работу в регионах с применением статистических и социологических методов, с изучением складывающихся ситуаций на местах, а также собобщением предложений депутатов, посетивших свои округа. И далее соответствующие обработанные материалы предлагать депутатам как основу для инициирования запросов или законопроектов.

В данном случае наиболее полно могла бы раскрываться представительская функция законодательного органа, поскольку избиратели через своих представителей в Парламенте, общественные объединения и политические партии, через свои депутатские группы и фракции имели бы возможность принимать участие в законотворческом процессе государства.

Целесообразным видится обеспечение дальнейшей поддержки создания и развития внутрипарламентских объединений, но при этом важно не допустить, чтобы баланс соотношения сдвинулся в сторону радикально настроенных деструктивных групп.

В деятельности Парламента, как первого, так и второго созывов уже апробирована такая форма работы, как парламентские слушания. Думается, что количественный рост парламентских слушаний, бесспорно, усилит представительскую функцию, но при этом предлагается соблюсти несколько условий, которые бы, несомненно, способствовали повышению ее эффективности:

- более частое проведение парламентских слушаний с выездом в регионы, что должно усилить в них влияние Парламента;

- придание парламентским слушаниям особого организационно-правового статуса, а принимаемым постановлениям – контрольного характера (отказаться от постановлений Парламента рекомендательного характера можно только в законодательном порядке);

- рассмотрение на парламентских слушаниях вопросов в аспекте контроля исполнения законодательства, чтобы не вторгаться в полномочия других ветвей власти.

Целесообразно было бы депутатам действующего созыва предоставить право участвовать в заседаниях Правительства и министерств, возможно, на первых порах без права совещательного голоса, но с перспективой такое право узаконить.

В деятельности первого Парламента Республики Казахстан была попытка внедрения «связующей» по линии: Парламент – общественность, выразившейся в приглашении представителей общественности на пленарные заседания Палаты. По всей вероятности, эту форму сотрудничества следует совершенствовать, но с некоторыми принципиальными добавлениями:

- это должно быть не приглашением со стороны руководства Парламента, а правом самой общественности, реализующей свою потребность в этом;

- службы Парламента, осуществляющие связь с общественностью, должны через средства массовой информации информировать казахстанцев о предстоящей повестке пленарного заседания Мажилиса;

- целесообразно закрепить за представителями общественности оговоренное в Регламенте право быть выслушанными на заседании Палаты по рассматриваемому вопросу.

Очень важно, чтобы вся информация, касающаяся деятельности Парламента, освещалась в СМИ сразу же после обзора деятельности Президента, то есть в той последовательности, как власти распределены в Конституции страны.

Контрольная функция (функция политического контроля) Парламента в большей степени проявляется в заслушивании отчета Правительства республики об исполнении бюджета, в информации по текущим вопросам на парламентских слушаниях. Однако такой метод контроля, как проверка исполнения закона, принятого Парламентом, практически не применяется. В данном случае это следует проводить через парламентские слушания и отчеты членов Правительства, как все это и предусмотрено Конституцией.

Одновременно представляется правильным в перспективе наделить депутатов Парламента и таким мощным средством контроля, как парламентское расследование по определенным вопросам деятельности исполнительной власти.

Не будет противоречить национальному законодательству Республики Казахстан, если Парламент настоит и на том, чтобы Правитель-

ство представляло на «согласование» свой план законопроектных работ так же, как оно это согласовывает с Администрацией Президента.

С целью контроля расходования бюджетных средств депутатам следует полнее воспользоваться услугами Счетного комитета республики, который в дальнейшем было бы правильным передать в подчинение Парламенту, так как возникает необходимость финансового контроля не только деятельности Правительства, но и местных органов власти.

Целесообразно представительной власти взять на вооружение и такую контрольную функцию, как заслушивание отчетов, докладов акимов областей, городов республиканского значения и столицы Казахстана по исполнению законов.

Представляется вполне возможным, чтобы Канцелярия Правительства информировала Парламент о повестке предстоящего заседания Правительства, а также предусмотреть возможность доступа депутатов к материалам правительственных заседаний (за исключением закрытых).

Важно также ввести в практическую деятельность депутатов возможность их участия в проводимых министерствами семинарах, научно-практических конференциях, а также в заседаниях их коллегий.

Предлагается воспользоваться депутатам и такой мерой воздействия на Правительство, как обращение к Премьер-министру и общественности по результатам несвоевременного реагирования членов Правительства на депутатские запросы. Важным будет и то, чтобы члены Правительства давали устные ответы на запросы депутатов непосредственно в Палате Парламента.

Что касается функции политического контроля, которая имеет место в системе разделения власти между ее институтами, то в одних случаях она проявляется как исключительная (привлечение Президента к ответственности), в других – как особая (выражение недоверия Правительству) и в-третьих – как специальная (лишение депутатов права на неприкосновенность). Первые два момента, несомненно, нуждаются в процедурном совершенствовании, что повлечет изменения в Конституции, а потому на данном этапе вряд ли возможны. Однако третье – лишение неприкосновенности депутата (эта идея особенно была актуальной в предвыборной кампании, и она, возможно, получит свое продолжение на заседаниях в Палате) – недопустимо.

Деятельности Парламента Республики Казахстан, как и всех зако-

нодательных органов демократических государств, присущ механизм противовесов и сдержек. Если исходить из реального существования принципа разделения властей, его механизма противовесов и сдержек, роль которого незаменима в процессе баланса их юридической силы, то несложно увидеть ряд недостатков и упущений.

В частности, анализ законодательно закрепленных противовесов и сдержек в теории разделения властей, и в частности, Президент – Парламент, Парламент – Президент показывает, что сдержки со стороны Парламента по отношению к Президенту минимальны и практически становятся невозможными вследствие конституционных процедур. В то же время сдержки и противовесы со стороны Президента по отношению к Парламенту весьма значительны.

Первое. В праве Президента распустить Парламент указано несколько случаев его применения (п. 1 ст. 63 Конституции РК). В то время как у Парламента практически нет никаких, даже процедурных, механизмов сдерживания этой инициативы Президента.

Второе. Право Президента на отлагательное «вето» (п. 2. ст. 44).

Третье. Право Президента давать поручения Парламенту, определять приоритетность и срочность рассмотрения законов (п. 2. ст. 61).

Четвертое. Право Президента входить с инициативой в Парламент о передачи ему законодательных полномочий на год. Как показала практика, такая инициатива может возникнуть у Президента в любой момент, т.е. нет специального, процедурного механизма, которым мог бы руководствоваться Президент. Такая временная процедура, скорей всего, будет предлагаться Администрацией Президента (п. 4 ст. 53).

Пятое. Право Президента инициировать изменения в Конституцию и принятие им Указа, имеющего силу Конституционного закона (п.1 ст.53, п. 2 ст. 61).

Шестое. Право Президента принимать решение о проведении Республиканского референдума (п. 10 ст. 44).

Седьмое. Все законы, принятые Парламентом, вступают в силу после их подписания Президентом (п. 2 ст. 62).

Если же рассматривать противовесы и сдержки в обратном порядке: Парламент – Президент, то видно, что:

- во-первых, Парламент может привлечь Президента к ответственности – отрешение от должности – только в случае государствен-

ной измены или по болезни (ст. 47). Однако это возможно, когда на совместном заседании Палат Парламента будет набрано не менее трех четвертей голосов от общего числа депутатов каждой из Палат и когда будет соответствующее заключение Конституционного Совета о соблюдении конституционных процедур. А если рассматривается вопрос измены, то необходимо еще и заключение Верховного Суда. В случае если обвинение в адрес Президента не принято, то вступает в силу норма Конституции о досрочном прекращении полномочий депутатов Мажилиса, инициировавших «импичмент»;

- во-вторых, для преодоления отлагательного «вето» Главы государства депутатам требуется две трети голосов от общего числа членов каждой Палаты, чтобы подтвердить ранее принятое решение. Если принять во внимание конституционную норму о назначении Президентом семи депутатов Сената, то можно с полной уверенностью сказать, что «вето» Президента Парламент практически не сможет преодолеть (п. 4 ст. 53).

Уместно рассмотреть и схему Правительство – Парламент.

Первое. Конституция предусматривает право Правительства принимать «правительственные» законы без голосования не более двух раз в год. Такая практика имела место в деятельности Парламента первого созыва, когда были приняты два проекта социально-значимых законов: внесение изменений и дополнений в Закон Каз.ССР «О пенсионном обеспечении в Каз.ССР» и «О бюджете на 2000 год». В обоих случаях Парламент не набрал должного количества голосов для того, чтобы оказать Правительству недоверие, и в обоих случаях были приняты «правительственные» законы (п. 7 ст. 61).

Второе. Проекты законов, предусматривающие сокращение госдоходов или увеличение государственных расходов, могут быть внесены лишь при наличии положительного заключения Правительства. Эта конституционная норма в значительной мере сдерживает движение проектов законов, которые инициировали депутаты обеих Палат (п. 6 ст. 61).

Обратная схема Парламент – Правительство при отказе депутатов от дачи согласия на назначение Премьер-министра работает в следующем порядке: в противовес Парламенту на его двухкратный отказ вступает в силу конституционный «исключительный» механизм – роспуск Парламента. В данной конкретной ситуации «сдержка» вписывается в

схему Парламент – Правительство, а вот «противовес» – роспуск Парламента – это инициатива Президента (п. 4 ст. 53).

Из этой схемы также наглядно видно, что нарушен баланс «вескости» противовесов со стороны исполнительной власти по отношении к законодательной, что тоже влечет за собой «исключительные» меры по отношению к Парламенту. Единственное, что могут делать депутаты в процессе законотворчества, это возвращать в Правительство «текущие», «рядовые» законопроекты.

Надо отметить, что предложенные схемы следует рассматривать в контексте формирования суверенного государства с президентской формой правления. Однако они могут послужить теоретическим обоснованием практики законодательства в казахстанском обществе.

В законотворческом процессе, как показывает практика, немаловажную роль играет установление конструктивного взаимодействия между двумя субъектами законодательной инициативы – депутатами Парламента и Правительством Республики Казахстан.

Анализ планирования и реализации законодательных инициатив показывает, что в сфере взаимодействия законодательной и исполнительной ветвей власти в законотворческом процессе имеются проблемы, которые необходимо решать совместными усилиями. К таковым относятся формирование и согласование проектов планов законопроектных работ и практическая реализация указанных планов.

Уже не первый год Министерство юстиции представляет проекты планов законопроектных работ в Мажилис. Они рассматривались комитетами Палаты, которые вносили свои предложения для их дополнения. Но представленные утвержденные планы показали, что участие депутатов в планировании сведено к нулю. Ни по содержанию, ни по срокам внесения законопроектов в Мажилис предложения депутатов не учитывались.

Представляется, что надо бы иметь как перспективный план нормотворческих работ, так и план законопроектных работ на каждый предстоящий год. Формирование подобных планов должно осуществляться в процессе консультаций, согласования различных точек зрения и мнений депутатов Парламента, Правительства, Верховного Суда и других заинтересованных организаций и лиц.

Важно создать (скорректировать) целостную систему планирования, разработки и принятия законов, как это сделано, к примеру, в Государст-

венной Думе России, где на сессионный период разрабатывается ориентировочная программа законопроектных работ всех субъектов права законодательной инициативы, а также создана специальная Комиссия Правительства Российской Федерации по законопроектной деятельности.

Стремясь к дальнейшему развитию сотрудничества, Мажилис Парламента Республики Казахстан предложил Правительству страны на рабочей встрече Бюро Мажилиса Парламента и Правительства Республики Казахстан в мае 2000 года рассмотреть ряд предложений, направленных на дальнейшее развитие их взаимодействия и совершенствование законотворческой деятельности, в частности:

- провести комплексный анализ всей законодательной базы государства, приступить к подготовке выпуска Свода законов Республики Казахстан;
- разработать общую концепцию формирования и развития системы законодательства, в которой было бы желательно предусмотреть: во-первых, развитие конституционного, гражданского, административного, уголовного законодательства как базового для законодательства в сфере экономики, государственного строя, культуры, социального обеспечения, экологии и др.; во-вторых, направления (концепции) развития различных отраслей законодательства; в-третьих, обеспечение системности в развитии отраслей законодательства.

Реальная практика работы высшего законодательного органа показала, что формирование правового поля в последние годы носит несистемный характер, уровень подготовки законопроектов, как в части содержания, так и в части общей юридической культуры, оставляет желать лучшего. Некоторые законы принимаются, образно говоря, в «пожарном порядке»,* они не всегда отвечают законным интересам граждан, хозяйствующих субъектов, в них откровенно преобладает узковедомственный интерес.* *

---

* Например, с 1 июня по 19 июля 1999 года в Мажилис Правительство направило 47 законопроектов, из которых рассмотрено и направлено в Сенат 34 (53).

** Министерства и ведомства пытаются вывести некоторые вопросы, регулирующие гражданско-правовые отношения, за рамки действия Гражданского кодекса, к примеру, Минфин, Нацбанк, Мингосдоходов. Например, проект закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам государственных юридических лиц», внесенный в Парламент 16 декабря 1998 года, предусматривал снятие расходов с Министерства финансов и как следствие – ответственности за его последующие действия. Это повлекло за собой концептуальное изменение ряда статей Гражданского кодекса. Аналогичная попытка предпринята в отношении страхового законодательства в июле 1999 года, но депутаты не согласились с подобным новшеством.

Обилие отсылочных норм к уполномоченным органам, принятие подзаконных актов в виде постановлений, положений, инструкций зачастую выхолащивает суть законов, не позволяя им прямо и эффективно работать. Это, естественно, снижает качество законов, приводит к их двоякому толкованию. Нередки случаи, когда подзаконный акт становится даже доминирующим по отношению к самому закону. В качестве примера можно привести начало рассмотрения в Мажилисе проекта закона «О земле», когда в нем присутствовало 19 отсылочных норм на различные акты, в том числе и на нормативные документы несуществующего государства (СССР).

Как уже отмечалось, отсутствие комплексного подхода при разработке законодательства, которое страдает абстрактностью, декларативностью и невозможностью прямого действия, негативно сказывается в правоприменительной практике. При этом даже такая несовершенная правовая система не охватывает всего законодательного поля.

Поэтому само развитие законодательства необходимо подчинить достижению следующих целей:

- наиболее полному удовлетворению основных общественных потребностей с помощью законов, подготовленных на основе научного анализа и прогнозов;

- приданию законодательному обеспечению крупных реформ «опережающего характера». Например, сложившаяся пенсионная система, особенно ее солидарная часть, отличается существенным недостатком, который до сих пор не устранен. В результате того, что в последние годы происходило лишь незначительное увеличение размера минимальной пенсии, но не предпринимались действия по пересмотру размеров раннее назначенных пенсий, сложилась ситуация, когда около 65% пенсионеров получают пенсию не выше минимальной. Фактически шел процесс уравниловки, когда на размер ранее назначенной пенсии не влияли ни трудовой стаж, ни размер заработка. Такую ситуацию можно было легко предугадать и принять меры, направленные на ее решение;

- совершенствованию структуры законодательства, способствующей развитию системы отраслей права и основных правовых институтов, в числе которых: укрепление государственных гарантий конституционного статуса человека и гражданина, социально-правовая защита человека, защита неприкосновенности частной собственности, свобода деятельности участников товарно-денежных отношений от произвольно-

го вмешательства, поддержка частного предпринимательства, сбалансированность налогообложения, таможенное регулирование, государственное управление и местное самоуправление и т.д.;

- укреплению системных связей между законами (в том числе договорами и соглашениями) и подзаконными актами путем проведения экспертизы всех предписаний подзаконного акта на предмет соответствия правовым нормам конкретного закона, а также иных законов, регулирующих эту сферу общественных отношений.

В совершенствовании работы субъектов законодательной инициативы, особенно в согласовании совместных действий, позитивную роль могла бы сыграть объединенная комиссия по координации законодательной деятельности. В ее функции можно было бы вменить предварительное обсуждение программ законотворческой деятельности, концепций законов, оценку пакетов альтернативных законопроектов и др. Роль комиссии была бы более высокой, если бы она привлекалась к подготовке проектов государственных программ развития законодательства, обсуждению концепций отдельных отраслей законодательства, правового обеспечения экономики, социальной сферы и государственного строительства.

Принятию закона должна предшествовать система экспертиз, показывающих степень «созревания» всех предпосылок и условий для создания конкретного нормативного акта. Такая экспертиза может дать ответ на вопросы: как соотносится законопроект с другими законодательными актами, какое место он займет в иерархии актов, наличие или отсутствие противоречий, ближайшие и отдаленные последствия введения в действие такого акта (правовые, экономические, социальные) и т.д.

Пункт 27 Регламента Мажилиса Парламента Республики Казахстан определяет, что вместе с проектом закона может быть представлено заключение независимой и научной экспертиз /54/. Такая ни к чему не обязывающая формулировка не способствует определению исчерпывающих мер для разработки юридически грамотного закона, свободного от неувязок и логических противоречий.

Институт экспертизы играет большую роль, и во многих государствах ни один законопроект не принимается без экспертного заключения специализированных государственных структур. В Казахстане же подобный институт экспертизы отсутствует, хотя очевидно, что необходимость в его создании назрела.

В процессе подготовки законопроекта необходимо организовать его всестороннее обсуждение для учета широкого спектра мнений, имеющихся в обществе. Формы здесь могут быть самыми разнообразными: публикация законопроекта в периодической печати, ведомственных печатных изданиях, размещение текста проекта в WEB-сайте, парламентские слушания, семинары, конференции, и т.д. В конечном счете, такая работа поможет избежать существенных ошибок в содержательном плане, значительно смягчит в обществе реакцию «отторжения» тех или иных норм, упростит саму процедуру принятия нормативного акта.

Конечно, имидж Парламента формируется, прежде всего, такими базовыми характеристиками, как качество законотворческой работы, выполнение ожиданий общества в реализации представительских функций, а также местом и ролью в системе разделения властей и личным профессионализмом депутатов. В то же время он создается и целенаправленными, специальными действиями, связанными с совершенствованием инфраструктуры парламентской деятельности.

Ряд направлений такой формирующей деятельности применялся в Парламенте предыдущего созыва, некоторые вообще не использовались или велись неэффективно, другие предстоит осмыслить и активизировать, в частности:

- необходимо значительно улучшить деятельность аппаратов Палат, обслуживающих законодательный процесс, а также работу депутатского корпуса. Это можно сделать путем структурных изменений, максимально соответствующих изменившимся, возросшим требованиям и характеру современного профессионально-законотворческого процесса. Необходимо разработать и поэтапно внедрять систему повышения квалификации работников аппаратов;

- учитывая, что на практике средства массовой информации не всегда заинтересованы не только в создании положительного образа Парламента, но даже в полнообъемном информировании общества о деятельности представительной ветви власти, назрела необходимость создания Парламентом своего печатного органа, а также представительства в электронных СМИ в виде программы, «часа», регулярной передачи. Пресс-служба Мажилиса должна от пассивно регистрирующей и организующей деятельности перейти к активной, внедряющей позиции Парламента в средствах массовой информации, помогающей парламентариям и руководст-

ву Палаты выражать свое мнение через газеты и передачи в электронных СМИ в виде интервью, статей;

- следует образовать из членов Парламента временную комиссию по соблюдению прав граждан Республики Казахстан с дальнейшей ее институционализацией как национальной;

- необходимо ведение депутатами регулярных приемов граждан в округах по личным вопросам с привлечением к этой деятельности и ответственных лиц местной власти, и руководителей органов, организаций и учреждений государственного и негосударственного характера;

- регулярными и публичными должны стать официальные и неформальные встречи с руководителями и активом политических партий и других общественных организаций. Необходимо продолжить поддержку движения столичной молодежи «Молодежный Парламент»;

- нужно установить правило, чтобы ни одна политическая акция республиканского или областного масштаба не проходила без внимания депутатов Парламента. Парламент должен иметь исчерпывающую информацию обо всех акциях социального протеста и публично на них реагировать;

- предстоит принять меры для установления общественного контроля за открытым, честным и цивилизованным лоббированием интересов социальных групп, государственных и негосударственных структур в Парламенте;

- предстоит также значительно усилить связь с научными учреждениями республики и зарубежья с целью организации исследований и участия в проектах, представляющих интерес для Парламента и парламентской деятельности;

- следует активизировать социологические исследования, проводимые силами аппаратов Палат или по их заказу, касающиеся, прежде всего, изучения общественного мнения по разным актуальным проблемам жизни республики, проводить специальные исследования функционирования законодательства, имиджа Парламента, его Палат и депутатов, содействовать созданию интеллектуальной, информационной и методической основы для будущего научно-исследовательского Института парламентаризма;

- настало время пересмотра политики информатизации законотворческого процесса и вывода ее на современный уровень. Необходимы пред-

ложения по информатизации высших органов власти, по созданию эталонных баз данных совместного пользования, техническому оснащению и обучению пользователей.

Важной составной частью законотворческой работы Мажилиса Парламента является ратификация международных договоров республики, присоединение Казахстана к той или иной конвенции или соглашению. Достаточно сказать, что среди рассмотренных Парламентом первого созыва и подписанных Президентом страны правовых актов законы о ратификациях составляют 40 процентов от их общего числа /55/.

Основным нормативным правовым актом, регламентирующим эту работу, является Указ Президента Республики от 12 декабря 1995 года № 2679, имеющий силу закона, «О порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров Республики Казахстан», который, сыграв свою положительную роль, нуждается в кардинальной переработке и трансформации в новый фундаментальный закон страны.

Кроме того, назрела необходимость пересмотра ряда международных договоров и соглашений республики, сроки действия которых, например, истекли, и необходимо внесение проектов соответствующих законов об их денонсации.

Как уже отмечалось выше, в соответствии с пунктом 1 статьи 61 Конституции Республики Казахстан право законодательной инициативы принадлежит депутатам Парламента и Правительству. Однако на практике равное право субъектов законодательной инициативы не обеспечивается одинаковыми возможностями в ее реализации. Депутаты, в сравнении с Правительством, находятся в гораздо худшем положении. Прежде всего, несравнимы имеющиеся возможности: институциональные, финансовые, материально-технические и другие. Практически в государстве нет такого института, куда депутат мог бы обратиться за помощью для реализации своей законодательной инициативы, где мог бы получить правовую, экономическую, научную консультации. Законодателям не выделяются и денежные средства (гранты) на разработку своих инициатив.

Кроме того, нет четко регламентированных сроков, обязующих Правительство дать заключение на подготовленный депутатом проект закона, что влечет за собой увеличение времени рассмотрения, да и порой откровенную блокировку со стороны заинтересованных министерств и ведомств.

Анализ показывает, что из 644 законопроектов, рассмотренных Парламентом первого созыва, абсолютное большинство – 591, или 90% – поступило из Правительства /56/.Такой крен в проявлении законотворческой инициативы в пользу исполнительной власти обусловлен рядом причин.

Во-первых, проблемы, требующие законодательного регулирования, являются предметом практической повседневной деятельности исполнительных органов, и они в них более компетентны.

Во-вторых, разработка законопроектов – достаточно трудоемкий процесс, требующий наряду с прочими условиями финансового и кадрового обеспечения. У исполнительных органов по сравнению с Парламентом в этом отношении возможности несравнимо большие.

В-третьих, у Правительства законодательно закреплены более сильные позиции для законотворческой инициативы, нежели у депутатов. Согласно пункту 6 статьи 61 Конституции «проекты законов, предусматривающие сокращение государственных доходов или увеличение государственных расходов, могут быть внесены лишь при наличии положительного заключения Правительства республики» /57/. Понятно, что введение данного условия диктуется необходимостью упорядочения законодательства. С другой стороны, такая однозначность и категоричность дает Правительству возможность регулировать по своему усмотрению реализацию народными избранниками их конституционного права законодательной инициативы. Думается, в случае несогласия депутатов с отрицательным заключением Правительства на их инициативный проект должно быть предусмотрено создание на паритетных условиях согласительной комиссии Правительства и Парламента для объективного рассмотрения и принятия окончательного решения.

Нельзя умолчать и о языковых проблемах правотворческого процесса, возникающих в связи с представлением Правительством законопроектов, подготовленных на государственном языке. Из-за многочисленных ошибок в документах, как на государственном, так и на русском языках, были возвращены в Правительство, к примеру, только за 4 месяца 2000 года 11 законопроектов 158/.

В мае 2000 года в Парламенте состоялась конференция: «Юридические термины и проблемы перевода официальных документов», ко-

торая обсудила сложившуюся ситуацию по применению государственного языка в правотворческом процессе. Ее рекомендации заслуживают внимания и внедрения.

Необходимо создать на базе группы переводов в Правительстве Отдел или Центр редактирования и перевода при Правительстве. Направляемые в Парламент проекты законов, а также подлежащие утверждению международные соглашения в обязательном порядке должны проходить экспертизу этого органа.

При Правительстве должна быть организована Государственная терминологическая комиссия. В ее составе должны быть люди, ежедневно занимающиеся переводом. Некоторые термины, утвержденные комиссией, у опытных переводчиков вызывают сомнения, а использовать их только потому, что они утверждены комиссией, неправомочно.

Создание Центра будет способствовать проведению лингвистической экспертизы текстов (на казахском и русском языках) международных договоров и соглашений, которые заключает государство.

В целях совершенствования парламентаризма в октябре 1998 года были приняты поправки в конституционное законодательство, изменившие порядок формирования депутатского корпуса и сроки полномочий депутатов, расширившие представительство политических партий в Парламенте.

Углубление процесса демократизации во многом зависит от того, насколько эффективно политические партии смогут направлять деятельность своих фракций в Парламенте. Ведь во всем мире многопартийный состав высшего законодательного органа страны рассматривается как одна из важнейших характеристик его демократизма.

Именно с учетом значимости, которая ныне придается работе депутатских объединений, в последующие парламентские годы планируется «направлять законопроекты не только в профильные комитеты Палаты (Мажилис – С.Д.), но и во фракции, депутатские группы, политические партии, местные исполнительные и представительные органы, неправительственные организации, планируется более тесное сотрудничество с Национальной и Общественной академиями наук, самими учеными и экспертами. Известно, чем больше законопроектов впитывают в себя предложения граждан, избирателей, тем более жизненным будет будущий закон» /59/.

Как известно, по итогам выборов в Парламенте сегодня 38 членов Ре-

спубликанской политической партии «Отан» (Отчизна) (см. далее – РПП «Отан»), 16 депутатов – от Гражданской партии Казахстана (см. далее – ГПК), 4 – от Коммунистической партии Казахстана (см. далее – КПК), 10 членов Аграрной партии Казахстана (см. далее – АПК). Таким образом, около 70% депутатских мест в Парламенте принадлежит кандидатам с преимущественно центристскими и правоцентристскими политическими взглядами.

Однозначным результатом прошедшей кампании и одновременно отличием действующего Парламента от предыдущих составов является его бльшая структурированность и организованность, предопределенная, главным образом, введением десятиместной квоты для партий. Парламент стал более представителен, богаче его политическая и социальная палитра.

Вместе с тем, согласно социологическому опросу, проведенному сразу после выборов группой VIProblem среди экспертов, последние считали, что новый Парламент мало чем будет отличаться от предыдущего /60/. Одна из причин – недостаточная представленность в нем лидеров оппозиции. Прошедшие выборы незначительно расширили этот блок: теперь среди 77 мажилисменов не один, а четыре члена КПК во главе с руководителем партии С.А. Абдильдиным. И хотя, на первый взгляд, консолидироваться им не с кем, так как представители других оппозиционных сил в нижнюю палату Парламента не избраны, коммунисты, свидетельствует практика, все же находят поддержку у части депутатов.

Два года работы Парламента показали, с одной стороны, что наличие в Мажилисе политиков, придерживающихся разных ориентаций придает больше остроты обсуждению законопроектов, повышает уровень аргументаций в поиске оптимальных решений. С другой же, отсутствие конструктивных программ у оппозиционеров, их желание удовлетворить личные амбиции (которое нередко, как показывает отечественный опыт, бывает приоритетным в действиях казахстанской оппозиции) приводит, порой, к неоправданности принимаемых решений.

Впрочем, это вполне преодолимо, и именно по той причине, что голоса избирателей не «размылись» по девяти партиям, что в Парламенте все же преобладают представители политических партий, лояльных действующей власти. Есть организованное большинство и четкое меньшинство. Это позволяет законодательному органу оставаться в рамках, очерченных Конституцией страны.

В целом следует отметить, что благодаря выборам произошла фактическая легитимизация партий, предоставлена им возможность осуществлять свое влияние на процесс принятия государственных решений. Право создавать депутатские фракции реализовали четыре партии: АПК, ГПК, РПП «Отан» и Крестьянская социал-демократическая партия «Ауыл» (см. далее – КСДП «Ауыл»). Кроме того, сегодня в структуре Парламента также 10 депутатских групп. Для сравнения достаточно вспомнить, что в предыдущем созыве фракции были созданы только партией Народного единства Казахстана (см. далее – ПНЕК) и Демократической партией Казахстана (см. далее – ДПК), и то, соответственно, спустя полгода и год после начала работы Парламента. Причем, они фактически ничего не привнесли в работу высшего законодательного собрания страны. Фракция ПНЕК пролоббировала законопроект о малом и среднем бизнесе, но это, пожалуй, все, что сделали партийные фракции в Парламенте прошлого созыва.

На взгляд автора, работа действующего созыва Парламента может стать своеобразной школой парламентской деятельности для политических партий Казахстана. Однако это зависит от целого ряда условий. Прежде всего, от того, каким образом регламентируется деятельность депутатских объединений партий. В казахстанском законодательстве этот вопрос регулируется Конституционным законом Республики Казахстан «О Парламенте Республики Казахстан и статусе его депутатов», а также Регламентом Парламента первого созыва. Однако обзор соответствующих законодательных актов ряда стран, как с устоявшимися демократическими традициями, так и недавно вступивших на путь построения демократии, показывает значительный разброс мнений по самым различным вопросам теоретических и практических аспектов формирования и деятельности депутатских политических объединений в представительном органе власти.

В первую очередь, это касается самого понятия «депутатская фракция». В ряде стран наряду с этим термином употребляются также такие категории, как «парламентская группа» и «депутатская группа». В национальном законодательстве, по мнению автора, следует провести четкий водораздел между этими понятиями.

Здесь возникает также вопрос о рамках действия депутатских образований. В Парламенте Казахстана первого созыва работали депу-

татские фракции, объединявшие депутатов от партии обеих Палат. Однако самостоятельной статьи, оговаривающей право депутатов обеих Палат на совместное членство в одной фракции, в законе нет. С этой целью группа депутатов Парламента предложила соответствующие изменения в вышеупомянутый закон.

Не менее принципиальной является проблема членства депутатов в одном или нескольких парламентских объединениях. Несмотря на четкую правовую норму, прописанную в Регламенте Парламента, о том, что депутат может быть членом только одной фракции и нескольких депутатских групп, в прошлом созыве наблюдались нарушения этой части Регламента. В сегодняшнем Парламенте некоторые депутаты являются одновременно членами партийных фракций и от трех до шести депутатских групп. Как представляется, это отнюдь не способствует развитию партийного парламентаризма.

Данная проблема очень тесно сопряжена еще с одной, касающейся создания депутатских объединений не только на политической, но и на профессиональной основе. В настоящем составе Парламента имеются депутатские группы, занимающиеся узкими проблемами, к примеру, села. Однако если считать эти группы сформированными на профессиональной основе, то это входит в противоречие с конституционной нормой, которая гласит, что депутат Парламента не связан каким-либо императивным мандатом, т.е. не может представлять только свой избирательный округ или те профессиональные группы, к которым он относится.

Нечетко разрешен вопрос и с количеством членов фракции, достаточным для ее создания. По закону республики, чтобы зарегистрировать фракцию, необходимо 10 человек. В настоящее время, когда выборы были проведены по смешанной системе, и в Парламент избраны представители политических партий, прошедшие по партийным спискам, данная норма является серьезным ограничением для создания некоторыми партиями своих депутатских фракций в силу того, что в законодательном органе не оказалось в итоге достаточного количества депутатов от партии. Поэтому логическим продолжением конституционных поправок в Закон «О выборах» в части выборов по партийным спискам было бы предоставление партиям права создавать свои депутатские фракции от реального количества прошедших членов.

Поскольку в настоящем составе Парламента имеет место достаточно разнообразная палитра представительства политических партий, образовано уже немало депутатских объединений, возникает необходимость внутрипарламентского контроля их деятельности. Механизм такого контроля должен быть разработан и неукоснительно исполняться.

Но самой важной остается проблема деятельности объединений депутатов, рамки их прав и обязанностей. Парламентские фракции отдельных стран играют ведущую роль, обладая широкими полномочиями, решая вопросы не только организации работы высшего законодательного органа страны, но и практически любые вопросы внешней и внутренней политики государства.

В контексте этого в действующее законодательство Республики Казахстан видится возможным внесение следующих поправок: а) наделение представителей (лидеров) фракций правом не только высказываться по предлагаемым кандидатурам должностных лиц, которые избираются или назначаются Парламентом или его Палатами, как записано на текущий момент, но и выдвигать своих кандидатов в руководящие органы; б) включение лидеров депутатских объединений в состав Бюро Палаты Парламента, или предоставление им права участвовать в его заседаниях; в) наделение депутатских фракций правом инициирования парламентских слушаний, правительственных часов, отчетов членов Правительства, подготовки политических заявлений, организации запросов членам Правительства, требования о создании временной комиссии и т.д.; г) предоставление депутатским объединениям права на участие в формировании повестки дня пленарного заседания Палаты Парламента, что логически сопряжено с п. 3 ст. 50 Конституции страны.

Особого внимания заслуживает внутренняя структура депутатских объединений, обеспечение их деятельности, дисциплинарные требования к их членам. В мировой практике каждый национальный Парламент решает эти проблемы по-своему. В Казахстане, несмотря на определенные ориентиры, заложенные в законах и Регламенте Парламента, они, видимо, еще не раз могут явить собой определенные противоречия существующим реалиям. Отсюда вполне можно сделать вывод, что сам законодательный процесс в отношении совершенствования законодательной базы по депутатским формированиям должен постоянно развиваться.

Необходимо также активизировать работу по информированию обще-

ственности о характере политических позиций, избранных нефракционными депутатами, фракциями и группами, разъяснению необходимости и мотивов принятия тех или иных решений, возникновению инициатив.

В интересах казахстанского общества через учет конструктивных мнений действующих партийных фракций в Парламенте страны важно переводить энергию социального недовольства оппозиционных депутатов, их групп в конструктивное русло, соответствующее государственной позиции по совершенствованию всей совокупности экономических и социально-политических отношений. Для этого необходима коррекция тактики работы государства с оппозицией по следующим направлениям: во-первых, публично представлять собственные, принципиально отличные и соизмеримые с реальной действительностью, более привлекательные, чем у оппозиции, идеи и во-вторых, беря на вооружение конструктивные идеи оппозиции, с другой стороны, подвергнуть содержательной критике платформу оппозиционных сил, объективно доказать ее несостоятельность и нереальность, тем самым обращая внимание общественности на ее бесперспективность и создавая для ее сторонников предпосылки выхода из оппозиции.

Представляется также целесообразным разработать ряд мер по организации деятельности Парламента как демократического центра публичной политики, исходя из задачи превращения Парламента преимущественно в место для реализации политических интересов и лоббистских потребностей казахстанской оппозиции.

Правительству Республики Казахстан было бы правильным организовывать взаимодействие с депутатскими фракциями и группами по социально-экономическим вопросам, сформировать среди депутатов лагерь сторонников правительственной политики и конструктивно работать с ее противниками.

Подытоживая сказанное, можно отметить, что путь к развитому парламентаризму, демократическому обществу является сложной и не имеющей прецедентов исторической задачей. Это предполагает возможность и необходимость различных взглядов, мнений, суждений.

Становление парламентаризма в посттоталитарном Казахстане идет одновременно с решением сложных задач во всех сферах экономики, общественно-политической, социально-культурной жизни нашего народа. Думается, в целом представительный орган республики

выполняет свою главную функцию по законодательному обеспечению вхождения экономики страны в рыночные отношения, формированию демократического и правового государства.

В рамах рассматриваемой темы исследования следует отметить, что Парламент играет важную роль в концентрации усилий Правительства на включение целей социальной политики в средне- и долгосрочные программы и стратегию развития в целом. Для выполнения этих функций необходимы меры по более эффективной мобилизации Парламента и устранению ряда сдерживающих факторов, которые ограничивают его самостоятельность и способность действовать и взаимодействовать с населением.

Важно обеспечение возможности использования в полной мере всех действующих парламентских методов, таких, как общественные слушания, устные и письменные запросы, дискуссии в комитетах, специальные доклады и проверки, а также проведение консультаций и повышение информированности общественности путем организации специальных мероприятий, семинаров и т.п.

Необходимо улучшение согласованности между социальными и экономическими задачами и направлениями политики посредством соответствующих парламентских структур, при необходимости – путем реорганизации и реструктурализации действующих комитетов. Для того, чтобы заниматься проблемами социального развития и содействовать включению этих вопросов в повестку дня работы Парламента, могут быть сформированы специальные комиссии.

Конституция страны должна предусматривать действенную роль Парламента в формулировании социальной политики и достаточное законодательное влияние на исполнительную ветвь власти.

В целом создана законодательная база государства, соответствующая всенародно принятому Основному Закону страны, но возникают новые проблемы, которые ставят новые задачи, а их решение требует законодательного обеспечения. Это естественный процесс, так как законы, как и жизнь, должны постоянно совершенствоваться.

Для решения этих проблем и в целях дальнейшего поступательного развития парламентаризма в Казахстане, на взгляд автора, необходимо повышать уровень соблюдения законности, обеспечения правопорядка в обществе и выполнения законов государственными органами и всеми гражданами страны.

Следует продолжать реформирование выборного законодательства, что будет способствовать высокой политической активности населения. В этом контексте представляется целесообразным поддержать многочисленные предложения политических партий, общественных объединений, гражданских движений и неправительственных организаций, профессиональных и творческих союзов, независимых средств массовой информации по либерализации политической системы и вовлечению в этот процесс широких слоев населения.

Необходимо предпринять ряд мер, направленных на повышение статуса и роли Парламента в общественно-политической жизни государства, и внести соответствующие изменения и дополнения в Конституцию Республики Казахстан и Конституционные законы. В этом контексте вполне возможным было бы законодательно закрепить за Парламентом и право официального толкования законов и подзаконных актов, т.к., на взгляд автора, эту миссию должна исполнять та ветвь власти, которая их принимает.

Назрел вопрос и о расширении форм парламентского контроля исполнения законов, в том числе и республиканского бюджета, а также о пересмотре правового статуса Счетного комитета по контролю за исполнением республиканского бюджета, расширении его практических контрольных возможностей.

Можно было бы изучить вопрос о введении омбудсмена при Парламенте, учитывая, что большинство нарушений прав человека происходит со стороны исполнительной ветви власти.

Реальная политическая практика требует активизации разностороннего сотрудничества с высшими представительными органами власти стран СНГ по сближению законодательств и обмену опытом законодательной практики.

И, конечно же, необходимо сочетать правовую преемственность с правовыми новациями при введении масштабных политических, экономических и социальных преобразований с учетом стратегического курса «Казахстан-2030».

3. Формирование гражданского общества в Казахстане

Особой задачей для стран постсоветского пространства является нахождение пути к саморазвивающемуся гражданскому обществу, по-

нимая его как «систему самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений, которые обеспечивают условия для реализации частных интересов и потребностей индивидов и коллективов, жизнедеятельности социальной, культурной и духовной сфер, их воспроизводства и передачи из поколения в поколение» /61/. Оно представляет собой совокупность граждан /62/, их объединений, систему их связей через экономические, правовые, духовно-культурные, политические и другие отношения /63/.

Правовыми основами гражданского общества, по мнению Г.В. Гегеля, являются равенство людей как субъектов права, их юридическая свобода, индивидуальная частная собственность, незыблемость договоров, охрана от нарушений, а также упорядоченное законодательство и авторитетный суд /64/.

Конституция Республики Казахстан, как и основные законы большинства государств, не выделяет регулирование такого правового института, как гражданское общество. Однако отсутствие в этом документе такого специального раздела не означает, что в Конституции нет положений о нем, и она не оказывает влияния на развитие гражданского общества.

Воздействие в этом контексте Основного Закона осуществляется путем закрепления в нем основных принципов конституционного строя, обязательных для государства, всех органов власти, их должностных лиц, граждан и объединений; путем установления правовых основ экономических, социальных, духовно-культурных отношений; путем организации и деятельности наиболее характерных структур гражданского общества, в частности, политических партий и других неправительственных объединений граждан; путем закрепления компетенции государственных органов и пределов полномочий органов власти в аспекте взаимоотношений государства и граждан. Конституция предусматривает построение целостной правовой системы, ориентированной на обеспечение прав и свобод человека.

Формирование гражданского общества возможно только в демократическом, правовом, социальном, светском государстве, каким, согласно статье 1 Конституции республики, и является Казахстан, для которого человек, его жизнь, права и свободы являются высшими ценностями и в котором взаимодействие государства и гражданского общества осуществляется на принципах общественного согласия, поли-

тической стабильности, экономического развития на благо всего народа, патриотизма, народовластия и решения наиболее важных вопросов государственной жизни демократическими методами.

Конституционные нормы, признающие народ единственным источником государственной власти и порядок осуществления им власти (статья 3), закрепляющие права, свободы и обязанности граждан, являются фундаментом для формирования гражданского общества.

Становлению этого института также способствуют нормы, которые устанавливают основы экономических отношений, являющихся одним из важных признаков гражданского общества: разнообразие видов собственности, свобода экономической деятельности и ее направленность служению общему благу (статья 6), обеспечение достойной жизни и развития человека, свободы труда, свободного выбора деятельности и профессии (статья 24).

Для гражданского общества характерно его построение на принципах самоуправления и саморегулирования, свободной инициативы граждан и их объединений. Оно не может быть зависимым от государства и его политики, политической системы. Этому способствуют закрепленные в Конституции идеологическое и политическое многообразие, отсутствие одной обязательной идеологии. С целью ограничения влияния государства на гражданское общество и вмешательства в его деятельность Основной Закон запрещает слияние государственных и общественных институтов, создание в государственных органах организаций политических партий, незаконное вмешательство государства в дела общественных объединений и, наоборот, последних – в дела государства (статья 5). Осуществление права на свободу совести не может ограничивать общечеловеческие и гражданские права, обязанности перед государством (статья 22).

Автор сознательно не ставит своей задачей в настоящем исследовании делать детальный анализ становления гражданского общества в стране. Однако, учитывая, что его стержневыми институтами являются всевозможные ассоциации и движения, представляется важным рассмотреть развитие неправительственных организаций Казахстана, которые вслед за частным сектором и государством являются третьим обязательным столпом современной рыночной экономики и гражданского общества /65/, а в отдельной, четвертой главе проанализировать становление партийной системы государства.

3.1. Проблемы развития неправительственных организаций республики

Не будет откровением заявить, что неразвитость общественных структур Казахстана является в настоящее время острой проблемой государства. Во многих странах со средним доходом неправительственные организации (см. далее – НПО) местного и регионального уровней, представляющие интересы различных групп населения, работающие в области благотворительности, социальной помощи и развития, выступают также и как средство участия бедных в жизни общества. В республике же это только начинает просматриваться. Поэтому представляется чрезвычайно важным укреплять институты гражданского общества, усиливать роль НПО с тем, чтобы население само участвовало в принятии касающихся его решений, а также в обеспечении тех или иных социальных услуг.

По причине слабости негосударственных организаций, которые, как предполагается, должны брать на себя заботу о различных направлениях общественной жизни, сохраняется напряженность в отношениях между государством и обществом, расширяющийся же частный сектор не обеспечивает решения связанных с этим проблем.

С другой стороны, процесс демократизации предоставляет гражданам возможность реализовать себя в общественной жизни (прежде всего, в местном самоуправлении или на региональном уровне), т.е. они могут участвовать в принятии решений, как это делается во многих цивилизованных странах, а это представляется очень важным. В данной связи необходимо отметить деятельность различных НПО, что особенно актуально в настоящее время. Практика политической жизни подтверждает, что социальная интеграция все более основывается на определенных неформальных инициативах общественных организаций, в то время как раньше это входило в функции государственной социальной системы.

Участие граждан в решении проблем на местном уровне способствует определенной гарантии присутствия прозрачности отношений и соответствующего использования ресурсов, направленных на социальную помощь.

Прямо заметим, что в бывшем Советском Союзе участие граждан в государственной деятельности, кроме организованной самим государством, мягко говоря, не поощрялось или наказывалось. Общество было разделено на сферу деятельности государства и сферу частной жизни

граждан. Независимая общественная неприбыльная сфера – сфера добровольных ассоциаций, независимых профсоюзов, независимых заинтересованных организаций, характерных традиционным рыночным странам, не существовала.

В результате Казахстан, равно как и другие постсоветские страны, не имеет традиций независимой гражданской деятельности. Вследствие неучастия граждан в жизни общества было бы нереально ожидать быстрых результатов с помощью сектора НПО и попыткой привлечения ресурсов к социальной деятельности на местном уровне. Некоторые социологические анализы выявили парадоксальный факт: монополия власти коммунистической партии и отсутствие свободной гражданской деятельности способствовали развитию модели социального поведения, которая внешне выглядела, как коллективная, но фактически она стремилась больше к получению выгоды и не была коллективной по сравнению с моделями в «капиталистических» странах /66/. На этой исторической основе предполагается, что развитие в Казахстане продуктивных форм участия населения, например, в разработке и контроле программ смягчения бедности, потребует достаточно долгого периода времени по сравнению со странами среднего дохода, которые свободны от наследия бывшего СССР.

Разумеется, это не означает, что поддержка и активизация деятельности НПО в области социальной политики – бесполезная или не столь важная задача для страны. Наоборот, республика остро нуждается в ресурсах, которые можно получить через мобилизацию гражданского общества. Мировой опыт свидетельствует о том, что в большинстве стран, чьи доходы ниже среднего, именно НПО играют важную роль в разработке и осуществлении политики борьбы с бедностью, а также с другими социальными проблемами. И не только с ней. В США, к примеру, по приблизительным подсчетам, насчитывается около 750 тысяч общественных организаций, составляющих сердцевину некоммерческого сектора. Они также занимаются обслуживанием общественных нужд. Бюджет этих организаций составляет приблизительно 433 миллиарда долларов. Если бы эта группа организаций была страной, то ее экономика уступала бы по масштабам только 10 странам и превосходила бы экономику таких стран, как Австралия, Индия, Мексика и Голландия. Здесь же, в США, источниками средств неправительственного сектора явля-

ются госбюджет (на финансирование конкретных социальных проектов), средства донорских организаций, благотворительные пожертвования частного сектора, собственные средства от оказания платных услуг и осуществления хозяйственной деятельности /67/.

Реформы в экономике, политике и социальной сфере, которые начались в конце 80-х годов, повлекли за собой возникновение первых правозащитных организаций (свободных профсоюзов), политических движений, объединений. Это говорит о том, что в недрах общества сохранилась гражданская позиция и гражданская инициатива.

В результате начавшихся реформ в экономике, разрушения экономических связей с союзными республиками, остановки предприятий стало высвобождаться на производстве значительное число людей, которые оставались без средств на жизнь. Возникшие перебои в социальных выплатах, а затем и длительные их задержки создали социальную напряженность в обществе, которая нередко сопровождалась акциями протестов в виде митингов, шествий, пикетов, голодовок. Именно в это время было важным побуждение людей к поиску решения проблем нестереотипным методом – посредством реализации собственных ресурсов и возможностей, объединения с себе подобными.

Огромной проблемой стало изменение патерналистской психологии людей, их убеждения в том, что прежние государственные гарантии в вопросах социальной защиты уже не смогут быть исполненными в силу коренного изменения курса на рыночные принципы в экономике. Не секрет, что до сих пор у значительной части населения сохраняется ностальгия по гарантированной работе с зарплатой независимо от ее результатов, а также по другим гарантиям государства. В то же время понятно, что преобразования в этой сфере не могут проходить под всеобщее одобрение. Ведь все новое обычно встречается «в штыки» в силу инертности общественного сознания, в силу привычки, а также присущей обществу шкалы ценностей, сформировавшегося менталитета.

К сожалению, надо отметить, что у населения был дефицит информации (к слову заметить, как и в настоящее время). Все процессы преобразований очень слабо освещались в средствах массовой информации, в то время как они должны были сопровождаться проведением широкой разъяснительной работы среди граждан. Люди должны знать суть, цели и задачи предлагаемых и происходящих перемен. Недопу-

стимо, когда они пользуются слухами и на их основе строят свое недовольство, свои возмущения, что достаточно умело используют и чем манипулируют в своих целях отдельные политики. Все инновации власти должны быть понятны людям, иначе эффективность социальных преобразований крайне низка. А понимание в обществе может быть найдено только тогда, когда люди получат объективную, реальную, полную и обстоятельную информацию. Таким образом, социальный мир и согласие должны поддерживаться обоюдно.

Здесь уместно заметить, что привычная апелляция в вопросах социальной защиты к опыту Запада достаточно полезна для того, чтобы понять, насколько расходы государств на социальную защиту уязвимых групп населения являются темой номер один. И это пнятно, поскольку нарушение баланса производства и потребления за счет увеличения социальных выплат делает бесперспективным развитие производственной сферы, и экономика на это чувствительно отвечает снижением темпов развития. Выход из ситуации состоит в том, чтобы власть была нацелена на взаимодействие, партнерство с населением в решении важнейших социальных проблем. А взаимодействие возможно только с организованными структурами, которыми и являются различные общественные объединения, фонды, некоммерческие учреждения, начавшие формироваться в стране в начале 90-х годов.

Активное создание общественных институтов по классическим западным формулам стало происходить, когда в Казахстане начали работать различные донорские организации и фонды, которые активно проводили обучающие семинары, тренинги по основам гражданского общества, планированию работы, созданию конкретных целевых проектов, основам менеджмента, умению поиска средств на финансирование проектов и так далее.

В настоящее время уже можно вести речь о том, что в Казахстане сформировался неправительственный сектор, который по направлениям деятельности очень многообразен. В поле его деятельности – вопросы от оказания услуг одиноким престарелым гражданам и инвалидам до достаточно масштабных экономических, социальных и экологических проектов. Организованный неправительственный сектор представляет возможность бедным слоям населения усиливать их коллективный голос, открывать путь к улучшению жизни. Думается, что

сформированные группы граждан для решения различных проблем – это результат растущей гражданской активности и показатель уровня развития гражданского общества.

Важно, что неправительственный сектор привлекает внимание общественности к тем или иным проблемам, поддерживает импульс правительственных реформ, наблюдает за работой органов государственной власти, оценивая ее результаты. Он охватывает около 30 направлений деятельности, и в нем работает на постоянной основе до 35 тысяч человек, на временной – в качестве консультантов и экспертов – до 50 тысяч человек и в качестве добровольцев – более 100 тысяч /68/. Несомненно, что резерв здесь огромен, поскольку существует масса проблем, которые требуют решения именно посредством создания общественных формирований, которых насчитывается уже более 3,5 тысяч.

Ниже, в таблицах 3, 4, приведены сведения, дающие представление о неправительственном секторе в Казахстане /69/.

Таблица 3

НПО по видам деятельности

в процентах

Неправительственные организации	Виды деятельности
Женские организации	13,3
Медицинские организации	13,1
Организации культуры, искусства, науки и образования	12,5
Детские организации инвалидов	3,0
Общества инвалидов	4,4
Национально-культурные центры	2,7
Детские и молодежные организации	13,6
Организации по социальной поддержке	6,8
Организации по поддержке общественных инициатив	6,0
Правозащитные организации	7,6
Экологические организации	15,0
Многопрофильные	2,0
Всего	100,0

Значительным полем деятельности, как для НПО, так и для власти, является именно проблема смягчения бедности и в перспективе – ее искоренения. Если проанализировать направления деятельности неправительственных организаций в этом контексте, то очевиден тот факт,

Таблица 4

Численность НПО по регионам Казахстана в сравнении за два года (1998 и 2000 годы)*

в процентах

Наименование региона	Количество НПО	
	1998 год	2000 год
г. Астана	5	6
г. Алматы	54	12
Акмолинская область	2	4
Актюбинская область	2	3
Алматинская область	5	10
Атырауская область	1	2
Восточно-Казахстанская область	3	4
Западно-Казахстанская область	2	6
Жамбылская область	3	6
Карагандинская область	5	13
Костанайская область	2	5
Кызылординская область	2	4
Мангистауская область	2	4
Павлодарская область	4	11
Северо-Казахстанская область	3	4
Южно-Казахстанская область	5	6
Всего	100	100

что наиболее активными воспринимаются те, которые занимаются социальными проблемами уязвимых групп населения. Важно, что они создались под реальную, а не надуманную или навязанную кем-либо проблему, и теми людьми, кого она коснулась. К таким проблемам, в первую очередь, относятся: бедность, безработица во всем многообразии проявлений, положение инвалидов в стране, которых насчитывается более 400 тысяч человек, социальная защита одиноких престарелых граждан, многодетных семей, не имеющих устойчивых источников дохода, система социальной защиты, реабилитационных мероприятий для больных, страдающих неизлечимыми заболеваниями и т.д. Позитивно, что появились общественные объединения, которые содействуют преодолению бедности посредством развития предпринимательской ини-

* Изменения и скачки связаны с источниками средств (к примеру, доноры стали работать активно в регионах), а также с постепенным усилением просвещенности населения, обучения их навыкам создания общественных организаций, менеджмента и т.п.

циативы как в городе, так и на селе, предупреждению и разрешению конфликтов в обществе и т.д.

Естественно, что в каждой стране формы деятельности НПО предполагают отражение политической культуры и традиций, и поэтому НПО не всегда могут служить интересам бедного населения с большой эффективностью. Есть и, образно говоря, «карманные» НПО, служащие интересам местной элиты. Существуют также ассоциации, первой задачей которых является привлечение денег зарубежных донорских организаций. В настоящий момент большая часть этих НПО работает в г.г. Алматы или Астана, и лишь немногие из них занимаются конкретной ежедневной социальной деятельностью. Этот факт подтверждает, что в Казахстане не существовало ранее такой традиции, и отсутствовала деятельность НПО на местном уровне.

Но ясно и то, что если гражданские организации не будут достаточно сильными, чтобы вмешиваться в процессы использования ресурсов, направленные на смягчение бедности, осуществляемые местными и региональными властями, тогда Правительству понадобятся дополнительные усилия для развития навыков управления и предоставления недостающих элементов поддержки и контроля. Развитие административных навыков людей на местном уровне очень важно. Без них вероятным результатом может стать, как показывает международный опыт, захват ресурсов местной коррумпированной элитой и ухудшение уровня адресной поддержки бедных групп населения.

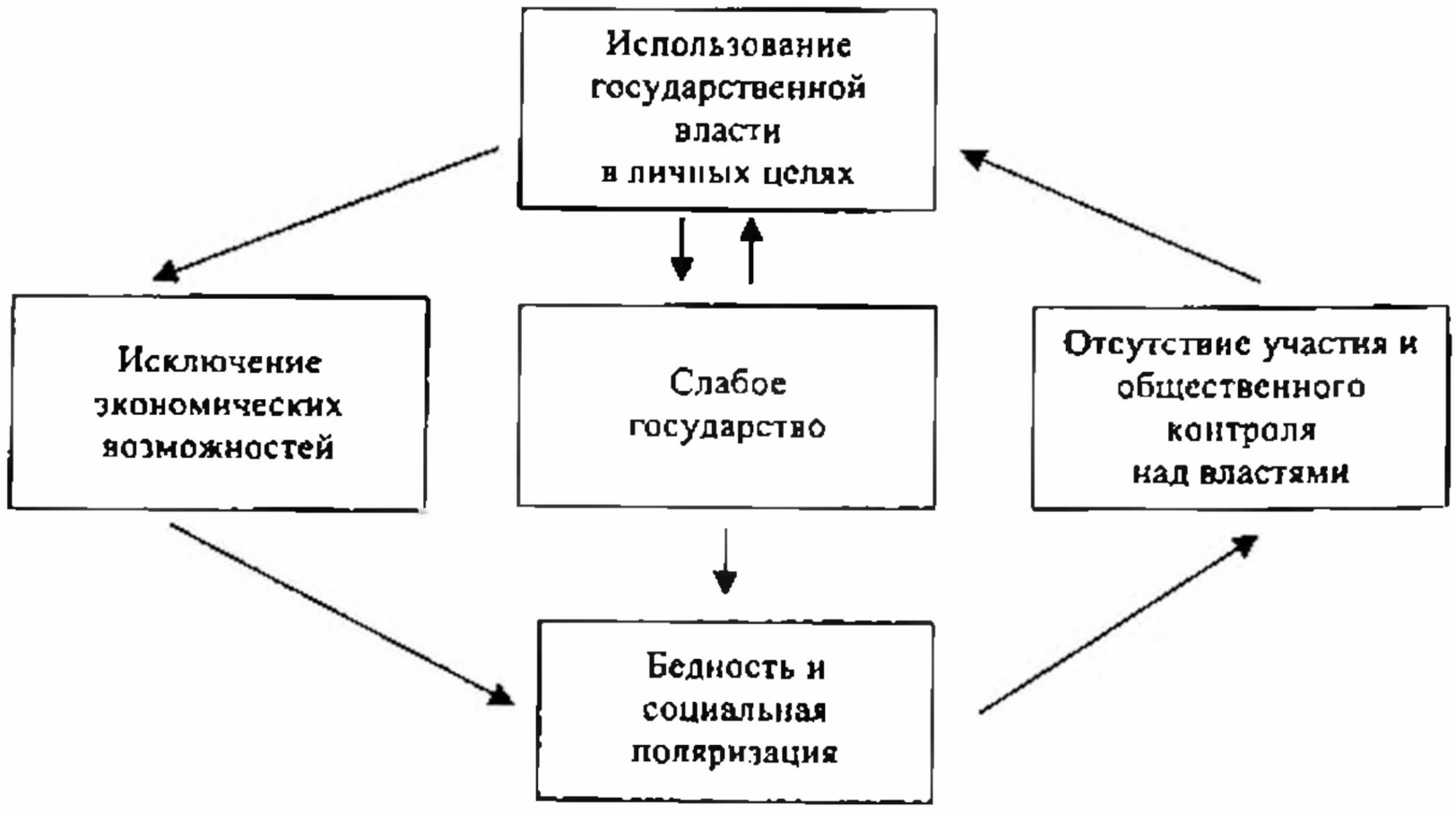


Рисунок 1. Коррупция и бедность: порочный круг

Ключевым аспектом в способствовании политике смягчения бедности и социального развития в Казахстане является правильное и прозрачное управление. В качестве иллюстрации этого представлен рисунок 1 /70/.

Ситуация, когда коррупция и бедность дополняют друг друга, особенно типична для беднейших развивающихся стран. Опасность втянуться в этот круг существует и у стран бывшего Советского Союза, когда в переходный период контроль Правительства над региональным и местным уровнем ослаб и, одновременно, слаб или вообще не существует контроль их деятельности со стороны гражданского общества.

Использование государственной власти в личных целях, другими словами, коррупция, способствует росту бедности двумя путями. Во-первых, это подрывает сами основы государства, и у него остается меньше сил предоставить поддержку бедным гражданам, например, услуги здравоохранения, образования, юридические и прочие. Коррупция ведет, по своему определению, к ослаблению государства: если государственная власть служит, в первую очередь, личным целям, тогда меньше ресурсов доступно для финансирования функций государства. В свою очередь, ослабленная власть в государстве обостряет коррупцию, т.к. слабое государство имеет меньше средств для контроля личных интересов, чем сильное.

Во-вторых, коррупция порождает бедность и поляризацию общества; большей группе людей, обычно бедной ее части, становятся недоступны экономические возможности, т.к. возможность работы и бизнеса в этом случае имеют лишь те, кто способен заплатить взятку. Бедные и пассивные люди менее способны установить контроль над государственной властью. Поэтому легче ограничить их участие в управлении обществом, чем зажиточных и экономически активных граждан. И, наконец, дефицит контроля общества и участия укрепляет власть частных интересов над государственными.

Не секрет, что в странах бывшего Советского Союза на деятельность сектора НПО в продолжение советской традиции все еще смотрят с подозрением, а интересы государства и различных заинтересованных групп до сих пор воспринимаются как диаметрально противоположные. Однако, как показано на рисунке 1, деятельность НПО и участие граждан могут укрепить власть государства. Авторитарное государство не является эквивалентом сильному государству. Наоборот, как показывает международное сравнение, которое объединяет

все страны, соотношение очень четко: чем авторитарнее страна, тем слабее государство и, соответственно, тем более бедны ее граждане. В группе стран с высоким уровнем дохода (ВВП на душу населения более 9.266 долларов) мало стран с авторитарным режимом, тогда как в большинстве стран с низким доходом (ВВП на душу населения менее 755 долларов) имеет место авторитарный режим /71/. Вопрос в том, как найти, что называется, золотую середину.

Представляется, что в странах постсоветского пространства негативное развитие, изображенное на рисунке 1, началось с ослабления власти государства, когда монополия власти закончилась, а механизм участия, который мог бы предотвратить проникновение частных интересов в государственные органы на местном и региональном уровнях, еще не был разработан.

Однако нельзя исключать, что развитие может принять и положительное направление. Рисунок 2 ниже иллюстрирует такую возможность.

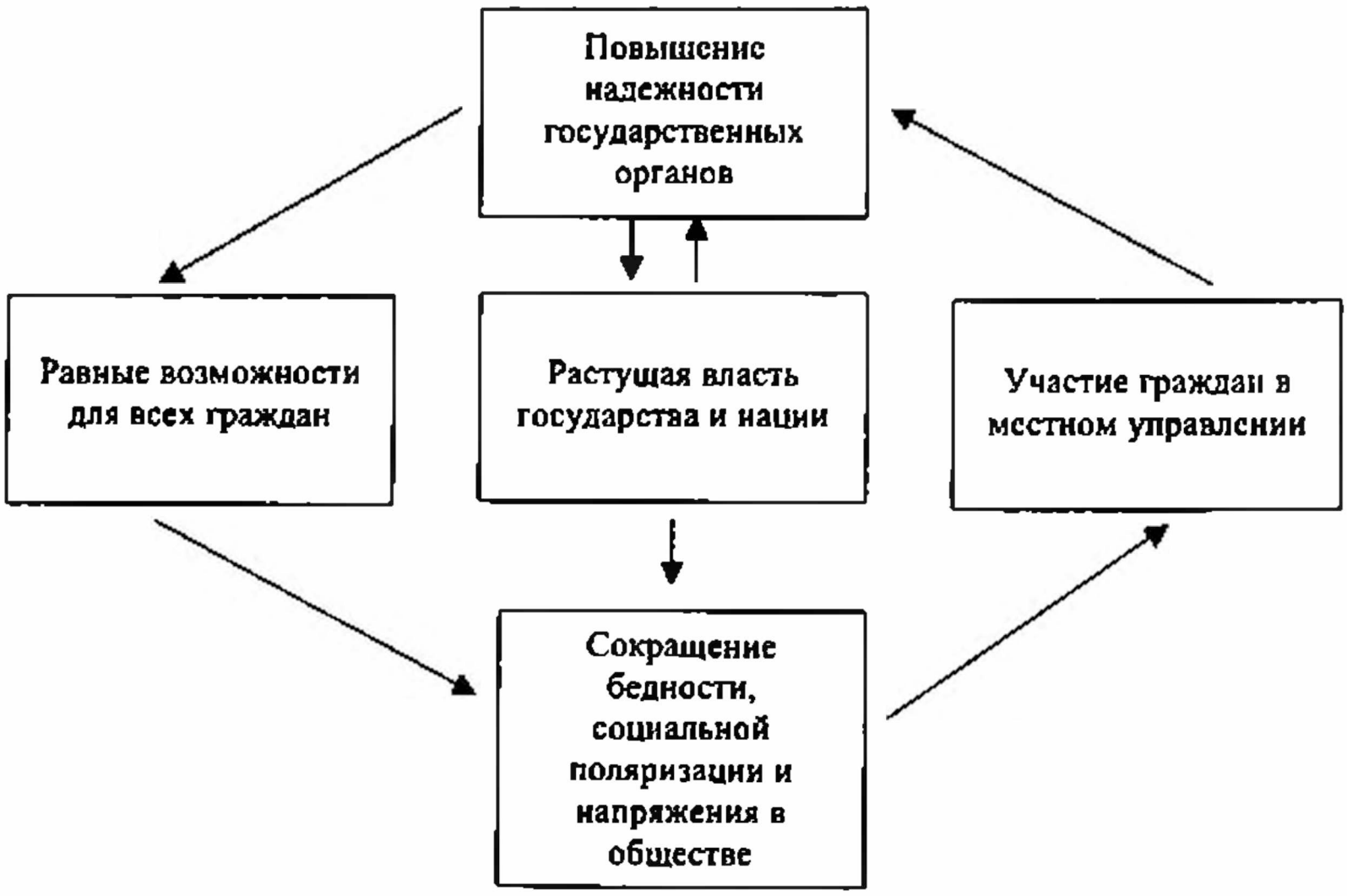


Рисунок 2. Участие, вероятнее всего, приведет к сильному государству и позитивному социальному развитию

Ключевым фактором в начале позитивного развития, изображенного на рисунке 2, является улучшение надежности государственных органов, т.е. уменьшение уровня коррупции /72/. Как показывает рисунок, необходим одновременный импульс из двух направлений: первое – систематические попытки Правительства в повышении надежности региональных и местных властей, и второе – повышение участия граждан в управлении и улучшение контроля деятельности властей местного уровня, в том числе их участие в борьбе с коррупцией.

Известно, что коррупция существует везде: и в частном, и в государственном секторах экономики, и в бедных, и в развитых странах. Скандалы, связанные с ней, потрясли правительства как основных индустриальных держав, так и развивающихся стран.

Но казахстанские политологи в основном говорят об экономических аспектах коррупции, причем, нередко банально сводя ее лишь к взяткам, оставляя в стороне политические /73/. В то время как на Западе к ней относят, к примеру, и покупку голосов избирателей во время выборов, т.е. сферу, которой пока серьезно не коснулась отечественная коррупция.

Безусловно, в странах переходной экономики продвижение от командно-административной системы к экономике свободного рынка создает огромные возможности для присвоения незаконных доходов. Следовательно, коррупция в развивающихся и переходных странах имеет место не потому, что народы там отличаются от других народов, а потому, что созрели условия для ее появления.

Эти условия связанны, во-первых, с реформой политической системы, которая проводится при отсутствии длительных демократических традиций, во-вторых, с так называемой инверсией, характерной для посттоталитарного общества. Суть последней в следующем: если на Западе новые институты власти возникали по мере развития гражданского общества, то в посттоталитарном обществе вначале создаются новые институты власти, а затем формируются основы рыночной экономики, экономическая и социальная инфраструктуры гражданского общества. Поэтому демократия здесь является весьма хрупкой и таит опасность отката или перехода к авторитаризму, а общество не имеет возможностей, неспособно реформироваться снизу, стихийно, и ключевую роль в реформировании неизбежно приобретает государство /74/.

В-третьих, можно согласиться с зарубежными исследователями в

том, что в постоталитарной политической системе первоисточником и конечной причиной коррупции является сверхконцентрация власти, порождающая бесконтрольный монополизм чиновничества, свободного от общественного, в том числе парламентского и судебного контроля со стороны неразвитого гражданского общества.

К этому следует добавить и частые реорганизации, оптимизации и перестановки кадров, отсутствие преемственности в работе госаппарата, командный (патронально-клиентальный) принцип набора и формирования руководящего состава ведомств и акиматов, невысокая зарплата госслужащих и отсутствие гарантий вознаграждения за честный добросовестный труд. Неустойчивость и неопределенность, кадровая чехарда и набор по принципу личной преданности, неизбираемость акимов областей и районов порождают психологию временщичества, желание извлечь максимум из доставшегося на определенный период руководящего кресла.

Несомненно, что когда возрастет роль местного самоуправления, и люди, образно говоря, «делающие политику», приблизятся к нуждам и интересам граждан на местном и региональном уровнях, влияние коррумпированных элементов сократится. В частности, об этом говорит опыт, к примеру, Италии начала 70-х годов нынешнего столетия. Лишь демонополизация власти, ее рассеяние (разделение) и взаимоограничение между независимыми ветвями могут уничтожить бесконтрольность и произвол госслужащих, принудить их играть по общим прозрачным правилам в рамках конституционного правового государства и тем самым вырвать корни коррупции вместе с ее спутниками – протекционизмом, клановостью, землячеством и кумовством.

Представляется, что значительный рост коррупции стал возможен в связи с уменьшением роли идеологии, известным вакуумом идеологической ниши. Негативную роль сыграла и получившая распространение психологическая ориентация граждан, прежде всего, молодежи на обогащение любой ценой.

Таким образом, обобщая, можно сказать, что коррупция имеет фундаментальные экономические, политические и институциональные причины. Возникает вопрос: что же все-таки не срабатывает в созданной государством (а она, казалось бы, создана) антикоррупционной системе, задачи которой ясны, нормативная база имеется, исполнители известны?

Думается, что любые предлагаемые государством, обществом ре-

шения будут обречены на провал, если само государство, сама власть не изменят своего концептуального подхода к оценке сущности коррупционных преступлений. Это важно, т.к. специфика Казахстана заключается в том, что основным источником и инициатором преобразований является государственная власть.

Надо признать и то, что в республике борьба с коррупцией сводится пока только к борьбе с ее проявлениями. А ведь основной упор должен быть сделан на их предупреждении. В противном случае усилия по внедрению антикоррупционных законов с помощью полиции, общественности или специальных наблюдательных органов не принесут ожидаемых результатов.

Еще один аспект проблемы -- степень эффективности этой борьбы. Не следует занимать позиции фаталистов, указывающих на безуспешность антикоррупционных мер и подвижек, которые заняли у такой цивилизованной страны, как Англия более века для того, чтобы взять под контроль это беззаконие. Однако Гонконг и Сингапур сумели сравнительно быстро продвинуться к достаточно удовлетворительному состоянию в этом вопросе. В этом же ряду следует назвать Чили, Польшу, Уганду.

Существует масса мероприятий по борьбе с коррупцией, в том числе правовое закрепление этой борьбы. Думается, что государство несколько запоздало с принятием Закона «О борьбе с коррупцией». Более того, в стране сложилась такая ситуация, когда большинство принимаемых законов, направленных на борьбу с теми или иными негативными явлениями, неэффективны, так как отстают от реалий складывающейся социально-экономической и политической обстановки. Если нет уважения к закону не только со стороны рядовых граждан, но и самих носителей власти, существует правовой нигилизм, отсутствует механизм реализации принятого закона и нет системы социального контроля за его исполнением, он будет бессилен /75/. Да и вряд ли только законотворческую деятельность государства можно рассматривать как главное оружие против коррупции.

Все необходимые условия для преодоления как коррупции, так и других негативных явлений, могут сложиться лишь по мере демократизации, становления гражданского общества, правового государства, когда отношения «общество-государство» становятся прозрачными, а общество осуществляет контроль за деятельностью всех государственных структур.

Это очень важно, т.к. в настоящее время в республике помимо сла-

бого исполнения законов и иных норм, помимо отсутствия культуры и традиций использования прав гражданами, налицо, в частности, пониженный правовой иммунитет и отсутствие должных гражданских традиций, что приводит к практическому отсутствию массового сопротивления так называемой «низовой» коррупции.

И, конечно, чрезвычайно важны развитие социальной и политической активности масс, институционализация политической конкуренции и развитие субъектов гражданского общества в лице неправительственных организаций.

Наличие конструктивной оппозиции является серьезным основанием того, что коррупция, по крайней мере, не превратится в фактор, дестабилизирующий политическую систему, снизится до уровня, безопасного для политической стабильности государства. Надо иметь в виду то, что конструктивная оппозиция являет собой не только конкурента правящей элиты, но и своеобразный клапан, через который выходит энергия социального напряжения /76/.

Таким образом, очень важно вести борьбу с коррупцией в широком союзе с различными неправительственными организациями. Было бы целесообразно организовать вневедомственные информационно-аналитические, просветительские центры, которые помогали бы находить причины коррупции и других негативных явлений в среде госслужащих и предпринимателей и на основе мониторинга и широких консультаций с общественностью и госслужащими предлагали бы эффективные пути их изживания.

Успешной борьбы с коррупцией не будет до тех пор, пока не изменится моральный климат в обществе. Уповая на строгие законы и суровое наказание, не следует забывать о том, что сначала необходимо совершенствовать самого человека, воспитывать его в духе соблюдения морально-этических норм. К сожалению, этот участок работы в Казахстане во многом забыт.

В дополнение к отсутствию традиции участия граждан ситуация усложняется и в связи с особенностями географического положения республики. В территориально большой стране Правительству сложнее, чем в небольших странах, контролировать отдаленные регионы, где традиции, родственные связи и власть местной элиты зачастую значат немало. Тем не менее, задача создания механизмов децентрализации и надежности предоставления адресной социальной помощи

не является невозможной. Это ключевой пункт в позитивном развитии, поэтому должно быть уделено большое внимание разработке адекватных механизмов. Думается, что важной задачей международных организаций развития является предоставление помощи в выработке возможных решений важных вопросов разработки конкретных и надежных практических методов децентрализации социальной помощи, позволяющих адресным группам участвовать в ее осуществлении.

Резюмируя вышеизложенное, следует подчеркнуть, что потенциал неправительственного сектора очевиден. Однако власть пока не использует его в достаточной мере как для достижения успехов в проводимой работы, так и для получения доверия населения к своей деятельности, для реализации своего политического мандата. Необходимо всяческое содействие развитию сети НПО по стране. Ибо чем больше общественных организаций, создающихся под вышеназванные проблемы, тем слабее давление на власть в этих вопросах, тем прочнее социальный мир в каждом регионе и в целом в республике.

Положительное социальное развитие может быть достигнуто, только если государство и гражданское общество объединят силы в борьбе за решение социальных проблем, типичных для переходного к рыночной экономике периода.

Важно осознать, что государство и гражданское общество не антагонисты, а, наоборот, они укрепляют друг друга и разрабатывают образцы сотрудничества, ведущие к позитивному социальному развитию. Не случайно западноевропейским странам присущи как сильное государство, так и активный неправительственный сектор.

Понятно, что зарубежные модели социальной политики и социального развития нельзя прямиком импортировать в Казахстан. Решение, которое можно применить, например, в Западной Европе, вряд ли приживется без проблем в Казахстане, и поэтому необходимы поправки с учетом местных традиций и менталитета населения.

Страны Содружества также различаются между собой и развиваются по-разному. Поэтому выбрать какой-то общий рецепт, который мог бы быть применен всеми странами без исключения, невозможно. В связи с этим представляется важным уделить также внимание альтернативным направлениям политики, которые могут способствовать устойчивому развитию стран, находящихся в переходном периоде, и в частнос-

ти, социально-экономическим аспектам, привлечь особое внимание к проблемам, с которыми сталкиваются эти страны на пути перехода к рыночной экономике и демократическому обществу. Здесь важно сотрудничество на международном уровне, объединение совместных усилий. Важно также выработать интегрированный подход, чтобы облегчить процесс трансформации и устойчивое развитие таких государств.

Понятно, что рамки политических и социальных институтов в Казахстане, в которых оперирует неправительственный сектор, отличаются от европейских. Тем не менее, основные взаимосвязи между государством и гражданским обществом, скорее всего, останутся везде теми же: активное гражданское общество укрепляет власть государства, а сильное государство поддерживает развитие гражданского общества.

Отрадно, что такой продуктивный вид взаимосвязи между государством и неправительственным сектором уже начал развиваться и в Казахстане. Автору представляется, что движение к широкому участию граждан в местном управлении, которое происходит в настоящее время, особенно важно с точки зрения социального развития.

Несомненно, что стимулирование мощных добровольных коллективов институтов, таких, как ассоциации граждан, профессиональные союзы и гражданские общественные организации, способных оказывать давление на Правительство и политическую элиту, чтобы гарантировать более справедливое распределение издержек и выгод переходного периода, будет в интересах общества и государства.

3.2. Общественные объединения молодежи в Казахстане как институт социализации личности

Со времени обретения Республикой Казахстан независимости произошли глубинные, системные изменения и преобразования, как позитивного, так и негативного плана, в структуре, ценностных ориентациях и самосознании молодежи. Однако этой социальной группе пока не удалось интегрироваться в нынешнюю систему общественно-экономических связей и отношений с отлаженным гибким статусом и большим количеством степеней свободы, нежели обязанностей, патронируемой государством и обществом.

В условиях переходного периода наиболее болезненным и длительным для молодежи является процесс нравственно-мировоззрен-

Таблица 5

Ценностные ориентации молодежи

в процентах

потребности	очень важно	не очень важно	не важно
Базовые потребности			
Иметь благоустроенное жилье	80,0	10,5	3,0
Хорошо одеваться	61,0	27,3	4,0
Хорошо питаться	81,1	9,6	2,2
Хорошо выглядеть	66,5	19,9	4,3
Быть физически крепким	73,6	13,3	4,2
Поддерживать здоровье	82,2	8,6	1,6
Найти любимого человека	69,0	12,7	7,2
Иметь семью	74,4	10,7	4,6
Быть уверенным в себе	84,4	4,3	2,0
Растить детей	76,3	9,4	3,9
Быть материально обеспеченным	84,8	5,9	1,5
Быть удовлетворенным личной жизнью	80,1	7,9	2,4
Иметь домашний уют	81,2	8,1	2,4
Быть опорой родителям	82,0	7,0	2,5
Социальные потребности			
Иметь большие деньги	63,2	23,9	3,6
Иметь образование	76,0	12,2	3,3
Иметь хороших друзей	78,5	9,6	3,0
Иметь творческую работу	56,0	22,6	9,3
Общаться с интересными людьми	56,1	25,7	6,6
Поступить в ВУЗ	45,9	26,5	13,3
Иметь свой бизнес	42,8	29,8	14,5
Устроиться в столице	23,8	30,2	31,7
Чувствовать независимость	65,9	16,7	5,3
Ощущать уважение в своем кругу	75,9	11,5	2,4
Ощущать уверенность в будущем	80,2	7,3	2,6
Сделать что-то важное для народа	51,1	24,9	9,1
Престижные потребности			
Обладать престижной профессией	55,5	23,8	8,3
Иметь престижное положение в обществе	52,2	27,5	8,8
Жить с комфортом	56,3	25,3	8,1
Иметь возможность путешествовать	42,8	31,3	13,8
Иметь возможности для развлечений	37,9	33,8	16,3
Заниматься спортом	49,3	29,0	11,5
Получать эстетические удовольствия	41,8	29,6	14,9
Испытывать острые ощущения	29,3	32,0	23,3

ческого созревания личности. Переходный период характерен резким обострением и ростом дифференциации не только в социальном отношении, но также и в трансформации жизненных ориентаций по многочисленным параметрам. Проведение факторного анализа выявляет три наиболее крупные ориентации на базе основного спектра потребностей, свойственных современной молодежи. Это – духовно-нравственные, сугубо прагматичные и материальные цели.

Эмпирической базой анализа явились данные социологического исследования, многочисленных опросов, проведенных Министерством информации и общественного согласия Республики Казахстан, Информационно-аналитическим центром Парламента Республики Казахстан. Одно из таких исследований касалось анализа значимости базовых ценностей молодежи. Оно показало, что значительное превосходство ориентаций по базовым ценностям, показатели по социальным и престижным потребностям составили соответственно 76,9 %, 59,6 % и 45,6 % (см. таблицу 5) /77/.

Приведенные данные подтверждают мнение, что в общественном сознании молодежи в значительной степени доминируют общечеловеческие ценности: здоровье, материальная обеспеченность, поколенческая зависимость (в позитивном восприятии) и уверенность в себе.

Следует отметить, что для молодежи перестроечного периода приоритетными ценностями в социальных потребностях являлись друзья и добрые отношения в кругу друзей, творческая работа. Отличительной же особенностью здесь является выбор ценностей, определяющих перспективность, выраженную в стремлении к образованию и уверенности в будущем. Оценки молодежи характеризуются высокой прагматичностью и индивидуализмом.

В настоящее время современная молодежная среда характеризуется как поколение с индивидуалистическим утилитарным сознанием, произошел слом коллективистского и патерналистского типа сознания.

Процесс самоидентификации молодежи, как показывают исследования различных социологических служб, носит противоречивый характер. В ценностных ориентациях молодежи возросла значимость индивидуальности и самобытности личности.

Проблема соотношения биологического и социального в детерминации поведения человека по-прежнему остается одной из самых спор-

ных и неоднозначных. По мнению зарубежных ученых В. Бакирова и Д.И. Беляева, «нет специальных генов, например, гуманизма и альтруизма, или генов антисоциального поведения, но есть генетически детерминированные свойства психики, сочетания которых, преломлялись через определенные социальные условия, способствующие формированию либо человека с высоким чувством совести, испытывающего отвращение не только к преступной деятельности, но и к карьеризму и стяжательству, либо же человека, который плохо понимает, что такое совесть со всеми вытекающими отсюда последствиями» /78/.

На взгляд автора, пружина механизма социализации – не в поиске биологических, психологических или социальных оснований; она – в приемах гармоничного самосогласования активности действующих индивидов. Отсюда внутренним механизмом процесса социализации следует считать прогрессивную взаимную аккомодацию между активным растущим человеческим существом и изменяющимися условиями его бытия /79/.

Основываясь на данной точке зрения, целесообразно выделить несколько механизмов социализации, которые необходимо учитывать и частично использовать в процессе социального воспитания молодежи. Условно их можно назвать и охарактеризовать следующим образом:

- традиционный – через семью и микросоциальное окружение;
- институциональный – через институты общества;
- стилизированный – через субкультуры;
- межличностный – через значимых лиц;
- рефлексивный – через индивидуальное переживание и осознание.

Влияние всех названных механизмов иногда в большей мере, а иногда и минимально, опосредуется мегасоциальными факторами. Главный из которых – это становление постиндустриальной цивилизации, означающее «переход ведущей роли от материально-вещественных факторов производства к духовно-социальным, от овеществленного труда к живому» /80/.

Проблеме социализации личности в отечественной науке уделяется особое внимание. Меняются и государственные подходы к развитию и защите гражданских прав молодежи. Теоретической основой для определения основных этапов социализации молодежи, характера жизненных ориентаций, причин и потребностей в объединении, анализа значимости базовых ценностей молодежи послужили труды отечественных ученых Д. Казымбетовой, И.Н. Тасмагамбетова, А.Н. Тесленко и др.

Как неоднократно отмечалось учеными, определение возрастных рамок молодежи затруднено терминологической путаницей, связанной с тем, что некоторые из понятий, используемые для обозначения различных возрастных стадий, определены юридически, а другие нет. В соответствии с этим весьма трудно определить интересы и потребности возрастных групп в стремлении к объединению.

Исходя из широкого понимания молодежного возраста, рассматриваются следующие периоды: от 15-17 до 27-30 лет. При этом необходимо учитывать многослойность физиологических и психических, а главное, социально-психологических изменений. Молодежный возраст принято разделять на несколько стадий социализации. В соответствии с этим, сделана попытка проанализировать потребности молодежи в объединении в молодежные коллективы, группы, фракции и организации. Кроме того, через призму молодежного возраста, его духовного, социального и психологического потенциала предпринята также попытка научного обоснования стремления к объединению в молодежной среде.

Общепринято говорить о трех этапах социализации молодежи, которые соотносятся с возрастной периодизацией жизни человека:

- ранняя юность (15-17 лет);
- юность (18-23 года);
- молодость (23-33 года).

Придерживаясь классификации стадий и фаз молодежного возраста, выдвинутой профессором А.Н. Тесленко, автор считает, что она напрямую связана с формированием интересов у молодежи, потребностей к объединению в общественные структуры. Выделяется, как минимум, три фазы молодежного возраста, которые напрямую связаны с формированием интересов и потребностей к объединению.

Первая из них – это фаза реорганизации. В ранней юности формируются познавательные и профессиональные интересы, потребность в самореализации, способность строить жизненные планы, социальная активность. Тем не менее, статус взрослого еще не достигнут, возникают проблемы идентификации, возможно первое столкновение с традиционными общественными структурами.

Вторая стадия молодежного возраста – это стадия адаптации. В юности окончательно преодолевается свойственная предыдущим этапам онтогенеза зависимость от взрослых и утверждается самостоя-

тельность личности. Молодой человек становится полноценным членом общества, будучи и объектом, и субъектом социализации, усваивающим социальные нормы и культурные ценности в единстве с реализацией своей активности, саморазвитием и самореализацией.

Третья стадия – это фаза самоактуализаци. Она характеризуется желанием стать всем, чем возможно, потребностью в реализации своего потенциала, стремлением к достижению наивысшего развития духовных, интеллектуальных и физических способностей личности /81/.

Учитывая основные этапы молодежного возраста, его основные характеристики, можно проанализировать наклонности молодых людей, их потребность в творческом, духовном и социальном объединении, а для этого, на первом этапе, подвергнуть анализу понятие «молодежный досуг», основные его формы.

При этом досуг, на взгляд автора, должен рассматриваться как специфическая форма социального накопления – инвестиции в гуманистический капитал будущего. В социокультурных ориентациях и образе жизни молодежи выявляется преобладание пассивных форм досуга: просмотр телевизионных передач, общение с родственниками. Уличное общение, посещение ресторанов, баров, дискотек, застолья с друзьями практически вытеснили те формы досуга, которые в значительной степени формируют духовные ценностные ориентации. Молодежь стала меньше посещать библиотеки, кино, театры.

Доминантой остается потребительско-развлекательная ориентация молодежного досуга. В значительной степени это обуславливается коммерциализацией культуры. Телевидение, телереклама популяризуют формы культуры, ценности, нравственные образцы, стиль жизни потребительского общества. Вестернизация в значительной мере оказывает влияние на становление ценностных ориентаций молодежи.

Изучение отдельных форм массового молодежного досуга позволяет отметить неготовность нынешнего общества к нему. Возникает острое противоречие между ростом свободного времени и возможностями его качественного социокультурного насыщения. На взгляд автора, проблемы досуга в большей мере коснулись причин и характера формирования потребностей в объединении.

В этой связи возникает вопрос: «Нужны ли молодежные объединения, организации?» Как показал социологический опрос, в их необходимости убеждены две трети опрошенных. Только 7% отрицают не-

обходимость молодежных объединений. Наиболее часто отмечалась потребность в молодежных профсоюзах – 32%. Однако реальная организованность молодежи низка. Абсолютное большинство опрошенных, отвечая на вопрос: «В каких молодежных организациях, вы состоите?», подчеркнули «ни в каких». Из этого следует, что молодежь недостаточно организована, особенно на селе /82/.

Для более полного изучения роли общественных объединений молодежи в социализации личности, развитии демократических институтов в молодежной среде, их влияния на общественно-политическую ситуацию в государстве важно прогнозировать истинное социально-экономическое положение молодежи, проанализировать ее материальные и духовные потребности.

Транзитный период развития обозначен существенными изменениями социальной структуры молодежи как внутри самого социума, так и в социальной палитре общества.

Вполне справедливо отмечено аналитиками и учеными в области социологии и политологии, что современную казахстанскую молодежь следует рассматривать как социальную группу, не полностью интегрированную в систему сложившихся общественных и экономических связей и отношений с отлаженным гибким статусом и большим количеством степеней свободы /83/. Затянувшаяся нынешняя переходная ситуация показала неудовлетворенность подходов к изучению и анализу современных проблем социализации молодежи.

При глубоком изучении этих проблем выясняется, что для современных молодых людей произошел «крах идеалов», «катастрофа воспитания», «крах ценностей человека и человеческого», «крах гуманизма». Корректно относясь к таким оценкам, необходимо понимать, что для самой теории о природе социального процесса, его закономерностях, формах, типах – это есть, прежде всего, ответ на вопрос о принципиальном воспроизводстве социальной системой самой себя в своих существенных характеристиках, что является имманентным критерием «истинности» соответствующих представлений об устройстве социальной действительности. Каждая социализационная теория содержит в скрытом или явном виде не только общесоциологическую, но и социально-философскую концепцию исторического процесса, отвечая на вопрос о сущности социального в целом и сущности человека в том числе.

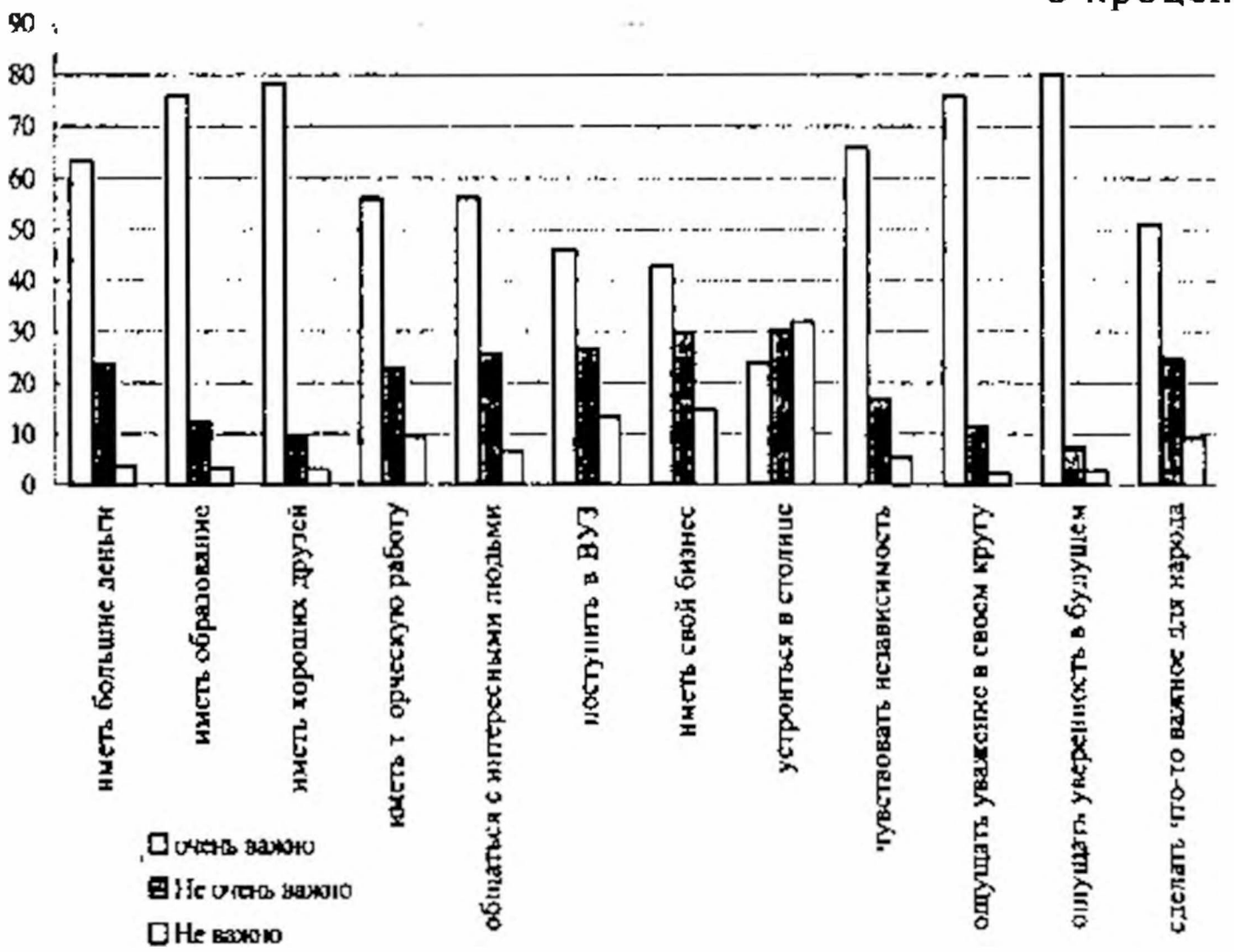
Известно, что молодежный возраст наиболее восприимчив к заимствованию новаций в сфере потребительских стандартов, передовой техники. Наш социум успевает «вестернизироваться» по вкусам, притязаниям молодежи, но при этом остается значительно более отдаленным от «цивилизованных» стандартов в области техники, управления и, особенно, организации. Однако субъективные трудности и противоречия социализации «смутного времени» не отменяют объективной значимости молодежного возраста: без него процесс самоопределения нового поколения не мог бы состояться. Определенная дистанция, занятая по отношению к формальным агентам (институтам) социализации – родителям, взрослым, – необходима для ускоренной адаптации подрастающего поколения к новейшей социальной и культурной среде.

Данные социологических исследований, проведенные группой сотрудников Информационно-аналитического центра Парламента Республики Казахстан, подтверждают выводы о том, что переходный период в развитии казахстанского общества характерен резким обострением и ростом дифференциации не только в социальном отношении, но также и в трансформации жизненных ориентаций /84/ (см. диаграмму 1).

Диаграмма 1

Ценностные ориентации молодежи

в процентах



Для молодых людей в целом характерны идентичные потребности. Так, при удовлетворении культурных потребностей основная причина общения со сверстниками – быть рядом с ними потому, что они могут дать совет и поддержать в трудную минуту, т.к. сверстник – второй человек после матери, к кому обращается молодой человек. Речь идет как раз об отношении к основным персонам и структурам социализации, и о влиянии их на молодого человека. Более того, это влияние сказывается на выборе интересов и объединений молодых людей.

И хотя молодежь призвана использовать представленные ей возможности для самостоятельного самоопределения и выбора своего пути, на практике, в условиях не совершенной действительности, возникают большие проблемы. Как показывают многочисленные исследования, каждое поколение по основным показателям социального положения и развития заметно уступает предыдущему.

Общая характеристика молодежи конца 80-х годов уже разительно отличается от широко известных оценок подрастающего поколения в начале и даже в середине этого десятилетия. Среди оценок, которыми характеризовалась молодежь того времени, преобладали такие, как «идеологически выдержанная», «политически сознательная», «морально устойчивая», обладающая «активной жизненной позицией». Ей были присущи понимание общественного долга, ответственность, коллективизм, трудолюбие, стремление к знаниям, уважение к старшим, к революционным и боевым традициям, оптимизм. Конечно, наряду с этими позитивными качествами, страдающими формализмом и оторванностью от реальных проблем и сложностей, у молодежи советского времени отмечались и негативные. Но они имели, по сравнению с положительными характеристиками, второстепенное значение.

С начала 90-х годов, то есть по мере углубления кризиса, резко усилилась социальная дифференциация общества, значительно возросли различия между поколениями. Они все чаще проявляются в форме противоречий, что во многом объясняется появлением качественно новых, особенно негативных по содержанию, показателей социального развития. Продолжающееся усиление этих различий является следствием углубления контакта молодежи с новыми социальными посредниками – такими образованиями, которых не было при прошлых поколениях: большой и малый бизнес, коммерция, новые

формы труда и его оплаты, изменившиеся отношения собственности, расширяющееся информационное пространство, самодеятельные молодежные объединения, криминализация молодежной среды.

Перемены, происшедшие под воздействием этих явлений в молодом поколении, затронули самые глубинные основы его социальной жизни. В настоящее время большая часть молодежи уже не приемлет устоев и ценностей прежней социалистической общественной системы и ориентирована на ее кардинальное реформирование. Примером тому служат прошедшие выборы Президента Республики Казахстан, депутатов Парламента, местных представительных органов, в ходе которых основная часть молодежи в целом поддержала происходящие в стране перемены. Таким образом, можно констатировать, что в лице современной молодежи на историческую арену выходит новый социальный тип личности.

Жизнь в современном обществе, процессы и явления во всех его сферах становятся все более сложными, противоречивыми, быстро меняющимися. Соответственно повышается роль и ответственность каждого человека, социальной группы как субъектов этих процессов. В этих условиях роль воспитания не только не снижается, но еще более возрастает. Более того, воспитание, в известной степени, становится приоритетной областью деятельности, от правильного понимания и соблюдения законов которой в значительной степени зависят эффективность и качество решения задач во всех остальных сферах нашей жизни: социальной, экономической, политической, военной и других.

Научное обоснование роли воспитания и значению общественных структур в развитии детей и молодых людей дано классиком социологии Э. Дюркгеймом. Воспитание, по его мнению, представляет главное средство общества, «благодаря которому оно подготавливает у своих детей самые важные условия для существования» /85/. Только благодаря этому средству, считает ученый, можно постичь то, что к сущности человека, по рождению эгоистической и несоциальной, добавляется одна новая, социальная сущность, благодаря которой человек приобретает способности вести нравственную и социальную жизнь. По сути, Дюркгейм стал одним из первых крупных ученых, кто не просто подчеркнул значение общественного воздействия на процесс развития личности, но и впервые увязал в своих размышлениях понятия «воспитание» и «социализирование» в одну систематическую связь.

В науках проблемы социализации молодежи скорее намечены, чем глубоко проанализированы. И если раньше это связано было, прежде всего, с эмпирической неизученностью этой проблемы, то сегодня это обусловлено, в первую очередь, недостаточностью концептуальных наработок.

Велика роль семьи в социализации личности. Наибольшее влияние на становление структуры ценностных ориентаций, особенно в подростковом возрасте, оказывает именно конкретная семья как уникальная микросоциальная среда, создающая индивидуальную неповторимость процесса социализации личности. Структура ценностных ориентаций подростков одного и того же возраста может иметь общую тенденцию, связанную с влиянием общественной (макросоциальной) среды, а вариативность индивидуальных структур ценностных ориентаций, определяющих собственно иерархию ценностных ориентаций взрослого человека, формирует семья, хотя потенциал семьи как института политической социализации в последнее время резко снизился.

Система образования как элемент политической социализации молодежи также претерпевает исторические и социальные изменения. В запале борьбы обществоведческие дисциплины почти начисто лишились теоретического содержания, оставив лишь голый набор фактов, появилась концепция изгнания из образования всякой идеологии. Вместе с тем именно школе должна принадлежать роль противостояния негативным тенденциям в сознании и поведении. Во-первых, это последовательная реализация экономических, правовых, духовно-нравственных и иных элементов гражданской культуры во всех аспектах жизнедеятельности школьного коллектива, в управлении и самоуправлении, в организации учебного процесса, в отношениях учителей, учащихся и родителей. Во-вторых, это та область содержания образования, которая даст учащимся необходимую для полноценной гражданской жизни систему знаний, способов деятельности ценностных ориентаций, образцов поведения. Здесь речь идет о социально-гуманитарном образовании молодежи. Оно должно включать в себя курс истории, отражающий социальный опыт многих поколений, накопленный в прошлом, и курс литературы, представляющий в художественных образах отношения между людьми, формирующий эстетический компонент гражданской культуры. Но ядром содержания гражданского образования и воспитания должен стать учебный предмет под названием обществознание.

Особая роль в политической социализации молодежи отводится и средствам массовой информации.

Предметом отдельного изучения должны стать политическая ориентация сельской молодежи в меняющихся экономических условиях, ее уровень жизни, предпосылки для реальных возможностей молодежи села в участии в организациях, органах местного самоуправления.

Своеобразие современного этапа развития нашего общества, противоречивость социальных отношений, недостаточное внимание государства к социальному развитию молодежи, – все это требует глубокого переосмысления функций имеющихся социальных институтов, работающих с детьми и молодежью, и создания условий для их нормального социального развития. При проведении экономических реформ, сопровождающихся снижением уровня жизни населения, не были приняты во внимание последствия их влияния на нравственное, физическое, психическое здоровье подростков, не осуществлены в необходимом объеме компенсационные и защитные меры. Распад существовавших долгие годы пионерской организации, комсомола, способствовавших формированию социального опыта подростков, повлек за собой лишение возможности создавать новые молодежные и подростковые организации из-за отсутствия и материальных условий и методических рекомендаций по их созданию. Считается и признано, что пионерская организация, комсомол были весьма эффективными институтами политической социализации. Сегодня молодежные общественные объединения лишь только начинают вытаскивать молодежь из политического небытия.

Известно, что в их функционировании возник ряд правовых, организационных, социально-психологических противоречий, требующих эффективного и скорейшего разрешения. На взгляд автора, их следует разделить на внешние и внутренние.

Под внешними следует подразумевать противоречия:

- между создаваемыми ранее и созданными за последнее десятилетие государственными структурами по работе с молодежью (Комитеты по делам молодежи и молодежной политике, структурные подразделения МКОИС), претендующими на свою специфическую социальную нишу, и другими государственными структурами и органами, в течение многих лет эту нишу занимавшими;

- между декларированными в международном и государственном масштабе правами подростка и практикой секвестирования этих прав в зависимости от успехов (чаще неудач) социальной политики государства;

- между наличием значительного опыта социализации подростка в общественных организациях и объединениях и отсутствием теоретического осмысления данной проблемы;

- между требованиями, которые предъявляет современная социальная ситуация к молодому человеку, и неспособностью социальных институтов общества (в т.ч. и общественных организаций) формировать новый тип личности, способной эффективно реализовывать свои социальные функции;

- между потребностью молодежи в объединении, обусловленной возрастными особенностями, и отсутствием способов удовлетворения этой потребности в системе социальных отношений, социальных связей;

- между широкими возможностями воспитательного, развивающего потенциала общественных объединений и отсутствием современных научных основ их деятельности;

- между доминирующим еще социоцентрическим подходом и пока только декларируемым современной теорией воспитания подходом, предлагающим рассматривать подростка как самоценность;

- между сложившимися за десятилетия методологией, понятийным аппаратом, тезаурусом, принципами, методами научной и практической работы и острейшей потребностью современного многообразного молодежного движения и течениями в практико-ориентировочных научных разработках и научном аппарате.

К внутренним относятся противоречия:

- между приверженцами и продолжателями дела комсомола и пионерской организации и лидерами, идеологами, членами возникших молодежных общественных организаций в оценке подходов, принципов, содержания деятельности, традиций и т.д.;

- между потребностями молодежи, членов общественных объединений в познании смысла существования, самопознания и крайне ограниченными их возможностями;

- между целями деятельности общественных организаций и объединений и средствами их достижения (в последнее время повсеместно происходит подмена цели средством);

- между острой, насущной потребностью в лидере, вожаке, кураторе, координаторе, организаторе молодежного движения и объединения и отсутствием системы «выращивания» таковых в собственных организациях.

Для определения роли общественных объединений в социализации молодых людей, путей и форм участия в них, следует обратиться к данным социологических исследований, согласно которым установлены параметры общественно-политической активности казахстанской молодежи. Эти параметры обусловлены общей информированностью молодых людей о политических событиях, происходящих в стране. Только около третьей части молодежи (28,7%) постоянно интересуется политикой в полном смысле этого слова. Доминирующие позиции занимает молодежь, интересующаяся политической жизнью общества от случая к случаю (44,4%). Не интересуется политикой пятая часть молодого поколения /86/.

Политически аномичное состояние молодежи в некоторой степени обусловлено концентрацией на личных проблемах, индивидуализацией сознания и образа жизни, когда личное участие переосмысливается с учетом собственных интересов и новых потребностей личности.

Достаточно ясны несколько направлений в политических предпочтениях молодежи. Это не выражается в твердой ориентации на какие-либо конкретные политические партии, а прослеживается в характере отношения данных политических субъектов к экономическим реформам, оценке места государства в осуществлении преобразований.

Наиболее выражены среди молодежи демократические ориентации. Более пятой ее части (21,8%) поддерживает идеи следования по пути капиталистических стран, добившихся высокой социальной защищенности граждан, широкой свободы предпринимательства и частной собственности. Приблизительно в этих же границах (20,5%) – доля молодежи, предпочитающая гармоничное сочетание государственного регулирования и рынка. Ориентированы на особенный национальный путь развития 5,1% юношей и девушек. Для 3% молодежи более приемлемым является путь на основе моральных и религиозных принципов /87/.

Учитывая приведенные данные, можно сделать вывод: под влиянием рыночных преобразований сформирован особый, автономный и мощный пласт политической культуры молодежи, стержневым течением которого является либерально-демократическая ориентация.

Позиция молодежи, ее политическая ориентация, правовые и социальные возможности позволяют выявить основные тенденции к организации в общественные молодежные структуры, в которых молодой человек может реализовать свои потребности, сформировать новый тип отношений между членами объединения и организациями, сочетая инициирование и управление.

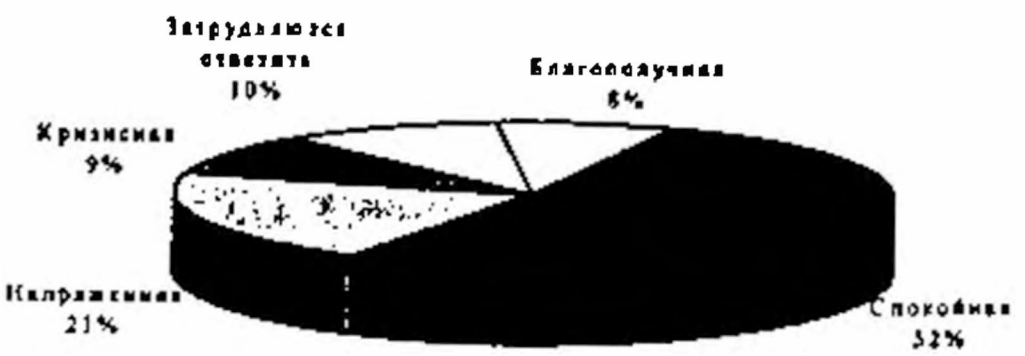
Роль общественных формирований существенна не только в социализации молодого человека, она, несомненно, велика в гарантированности и обеспечении государством целого комплекса правовых, политических и экономических подходов для развития новой молодежной формации.

В целом можно сказать, что представители казахстанской молодежи, так же как и общество в целом, достаточно неоднородны и по своим политическим взглядам, и по поведению, однако основания такой фрагментации в молодежной среде значительно отличаются от тех противоречий, которые все еще разрывают старшее поколение. Отдельные группы молодежи отличаются друг от друга интересом к политике, уровнем включенности в политическую жизнь, ориентациями на различные идейно-политические течения. Но все эти различия пока не имеют характера острого антагонизма и не приводят к сверхполитизированности.

В оценке развития политической ситуации в стране еще не так давно преобладавшее пессимистическое настроение большей части молодежи постепенно сменяется более нейтральными и прагматичными мнениями. Это подтверждают результаты последних исследований настроения в молодежной среде /88/ (см. диаграмму 2).

Диаграмма 2

Оценка молодежью политической ситуации в Казахстане
(в процентах к общему числу опрошенных)



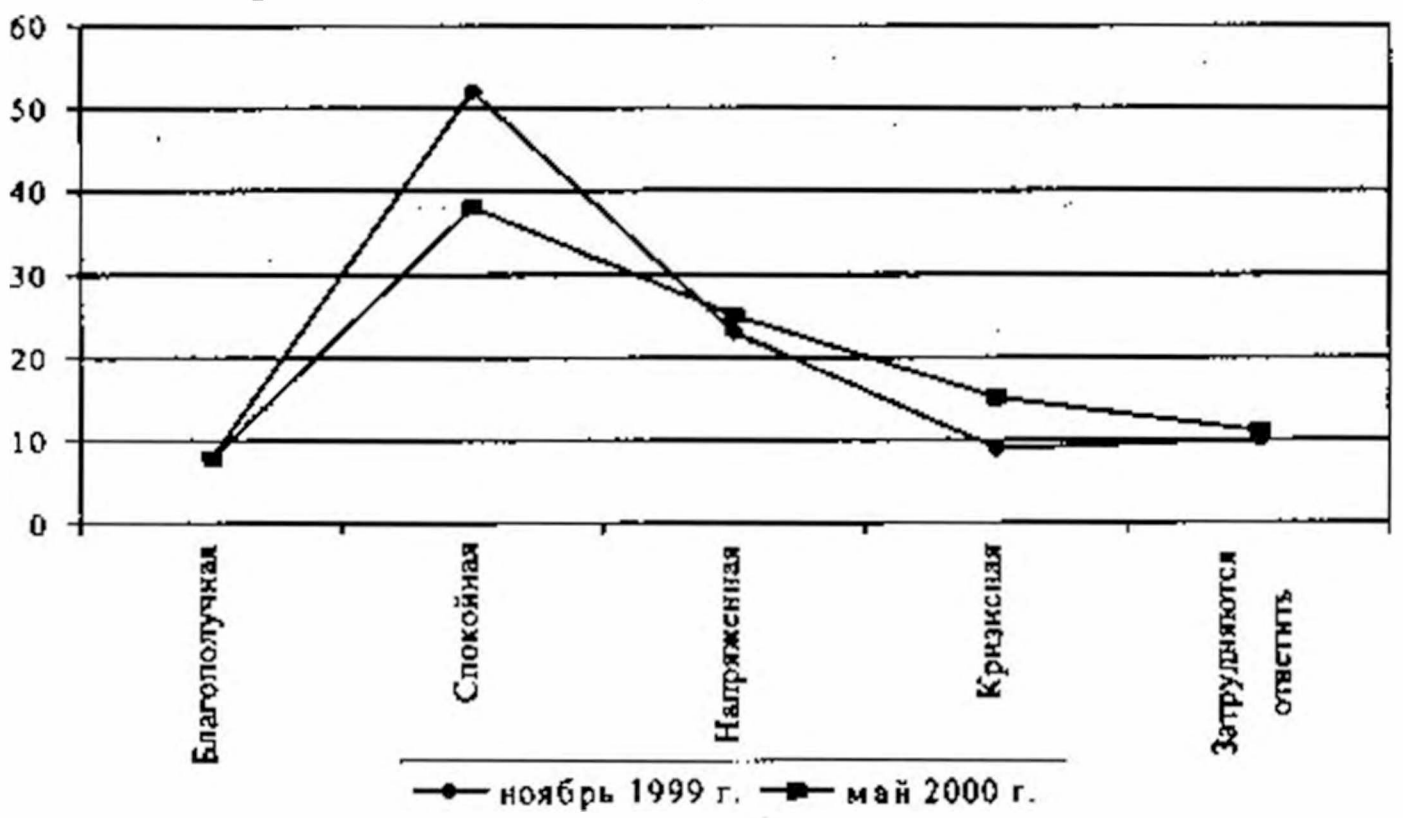
По сумме положительных оценок 60% молодежи политическую ситуацию, присущую для современной действительности Казахстана, характеризуют как благополучную и спокойную.

Политические оценки молодежи отличаются достаточной стабильностью и даже ростом позитивного восприятия. Отмечается динамика изменения данного процесса по сравнению с социометрическими показателями замера общественного мнения в ноябре 1999 года. Более чем за полгода в молодежном сознании получила развитие установка на улучшение общественно-политической ситуации в Казахстане (разница оценивается в 12%).

Противоположного мнения придерживается 30,1% опрошенной молодежи, оценив сложившуюся ситуацию как напряженную и кризисную /89/ (см. диаграмму 3).

Диаграмма 3

Динамика изменения оценок молодежью политической ситуации в Казахстане
(в процентах к общему числу опрошенных)



Преобладание позитивных оценок молодежью политических изменений в Казахстане, на взгляд автора, в определенной степени связано с достаточным доступом молодежи к разнообразной информации, свободой выражения (в том числе и в публичной форме) совести и убеждений, что признается частью молодежи как реальность современного Казахстана.

Говоря о создании условий для профессионального, духовного и физического развития молодежи, следует особо акцентировать внимание на том, что ожидания молодежи от государства конкретных шагов по стабилизации экономической ситуации и обеспечению прав молодых людей в различных сферах общественной жизни крайне низки.

Представляется, что эти трудности напрямую связаны и с процессом формирования молодежных объединений. Более того, они негативно сказались на сокращении уже существующих.

Кроме того, условия для деятельности общественных организаций сегодня значительно усложнились. Материальная проблема не позволяет им в полном объеме реализовать принятые программы. Неуклонно сокращается численность их членов. Реализация в целом молодежной политики ограничевается постоянной нехваткой бюджетного финансирования. Абсолютно очевидно, что ассигнования в размере 48,8 миллионов тенге в республиканском бюджете 2001 года не решают вопросы, связанные с осуществлением молодежной политики. Но и эта сумма на 16 миллионов тенге меньше, чем предусмотренная в 1998 году.

Известно, что, включаясь в деятельность общественных объединений, молодежь приобретает навыки самоорганизации, опыт участия в общественно значимой деятельности, осваивает демократические ценности и воспитывается в духе гражданственности и социальной активности.

Политическая многополюсность нашего общества воспроизводится и на уровне молодежного сознания. Здесь меняются количественные пропорции, но сами полюса сохраняются.

У третьей части молодежи возникает желание принять участие в общественно-политической деятельности молодежных общественных объединений, правозащитных организаций и объединений по профессиям и интересам.

Противоположная реакция распространяется на деятельность политических партий (58,5%), религиозных объединений (61,4%), профсоюзов (52,9%). Об этом свидетельствуют результаты опроса (ноябрь 1999 года), когда молодежь мало поддерживала политические организации и общественные движения, представленные в то время в спектре общественно-политических сил Казахстана /90/. Из основных общественных сил наибольшую поддержку в среде молодежи имеет Республиканское молодежное движение «За будущее Казахстана» (23%), что

обусловлено, в первую очередь, адресной направленностью целей и задач данного общественного движения /91/.

В настоящее время в Республике Казахстан зарегистрировано 150 детских и молодежных объединений, в которых молодежь может реализовать свой политический и социальный потенциал. Однако следует признать, что сегодня их крайне мало. Республиканский статус имеют лишь 6 общественных молодежных формирований: Ассоциация поддержки молодежи Казахстана, Ассоциация детских неврологов, Лига детско-юношеского футбола Республики Казахстан, Молодежный Альянс «Азан», Форум молодежи Казахстана, Республиканское детско-молодежное объединение «Атамекен».

По типу деятельности молодежные объединения подразделяются на экологические, правозащитные, пропагандирующие здоровый образ жизни, культурно-просветительные, структурирующие профессиональные интересы, политические взгляды, специализирующиеся на организации досуга молодежи, а также организации, несущие в себе консолидирующие идеи.

Имеющиеся общественные детские и молодежные организации сегодня не могут в полной мере представлять интересы всей молодежи по причине не только значительной дифференциации социальных статусных позиций, но и трансформации ценностных ориентаций и целого комплекса причин, сопутствующих данному процессу.

Результаты исследования показывают, что сегодня 5,5% молодежи активно включены в деятельность молодежных объединений. Около 30% юношей и девушек выразили свою информированность относительно деятельности молодежных организаций и объединений. Основными источниками информации явились пресса, телевидение, а также знакомые, которые входят в такие объединения /92/.

Если говорить о стремлении молодежи к различным формам самоорганизации, то спектр наиболее актуальных проблем позволяет прогнозировать следующие ориентационные и целевые направления молодежных организаций, которые, возможно, будут создаваться в ближайшем будущем: экологические, правовые, спортивные, организации экономического характера, различные фонды поддержки. В числе мотивов создания и вступления в организацию будут преобладать интересы к выбранному направлению деятельности, возможность реализовать себя, выразить свои взгляды и убеждения.

Как было отмечено на парламентских слушаниях по вопросу «Государственная молодежная политика в Республике Казахстан» весной 2001 года, в последнее время наметился конструктивный диалог между молодежными организациями и исполнительной властью. Думается, что если бы в структуре исполнительной власти функционировали бы самостоятельные подразделения по вопросам молодежной политики, то такое взаимодействие послужило бы реальным ощущением молодыми людьми своего высокого статуса, т.е. места в социальной и политической иерархии казахстанского общества. Сегодня общественные молодежные объединения только начинают участвовать в реализации проектов, получать государственные заказы для решения конкретных детских и молодежных проблем, хотя правовые возможности таких структур, как было уже отмечено, очень ограничены /93/.

Примером конструктивного сотрудничества между государственными органами и неправительственными молодежными организациями может являться деятельность республиканского молодежного движения «За будущее Казахстана» – ассоциации юридических лиц, котоая включает в свой состав и обеспечивает совместные действия более 40 молодежных объединений. Интересны новые подходы к молодежной проблематике в деятельности Молодежного Парламента города Астаны. Молодежь Астаны апробировала на себе процедуры выборов в Молодежный Парламент, т.е. путем острой предвыборной борьбы учащиеся школ и учебных заведений города приобщились к общественно-политическим процессам. Думается, что если опыт работы молодежных формирований получит должнос развитие в молодежной среде большинства регионов Казахстана, то это послужит серьезной заявкой для скорейшего принятия Закона Республики Казахстан «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений», потребность в котором остро назрела.

Основная цель государственной политики взаимодействия правительственных структур и общественных молодежных формирований – это создание условий, при которых процессы социализации молодежи будут благоприятны как для молодого поколения, так и для государства и общества. Для этого, на взгляд автора, необходимо скорейшее решение двух основных задач:

- развитие системы образования и воспитания жизнеспособности

личности, которая включала бы в себя непосредственно процессы образования и воспитания, а также решала бы вопросы поиска и поддержки лидеров и талантов, реабилитации молодых людей, попавших в сложную жизненную ситуацию;

- создание социально-экономических, правовых, организационных условий и гарантий, позволяющих молодому человеку облегчить путь вхождения в общество.

Тем не менее, молодежные организации пока еще не оказывают заметного влияния на воспитание молодежи, они малочисленны, их деятельность слабо координируется.

Создание института политических партий привело к усилению борьбы за влияние на молодежь, пониманию, что от нее зависит в конечном итоге будущее самих политических партий.

Известно, что только те политические партии имеют перспективу развития, которые стремятся создать свои молодежные организации и намерены представлять им условия вести поиск самостановления и самоутверждения своих членов, которые в состоянии обеспечить для себя резерв свободно мыслящих, самостоятельно и ответственно подходящих к решению насущных задач движения, способных к конструктивным действиям молодых людей. С другой стороны, такой характер взаимоотношений позволяет молодежным организациям занять достойное место в обществе и играть самостоятельную роль в общественных процессах. Примером такого подхода к проблемам молодежи являются РПП «Отан», ГПК, Партия патриотов Казахстана (см. далее – ППК). В них функционируют молодежные секции, которые выступают за необходимость повышения эффективности государственной молодежной политики в целом, проведение реформ в Казахстане.

Новая система общественно-политических и экономических отношений переходного периода направлена на обеспечение экономических, политических, правовых и других условий для создания равных возможностей всем граждан страны в целом, и молодежи в частности. Возможность раскрытия индивидуального потенциала, создание условий для развития личности и обеспечение права выражать свое мнение – основные демократические подходы в реализации государственной молодежной политики.

Такие подходы объективно повышают роль самой молодежи, которая, если выступает за необходимость повышения эффективности госу-

дарственной молодежной политики, сама должна, прежде всего, более активно участвовать в ней. Представляется, что и со стороны государства, и со стороны молодежи должны осуществляться параллельные меры, взаимно дополняющие друг друга.

В условиях системных экономических, социально-политических и общекультурных преобразований требуется большая ответственность всех граждан, поэтому молодежи необходимо более четко определить свое место в политической системе общества, отношениях с государственной властью и политическими партиями.

В целях создания соответствующих правовых предпосылок, духовных, нравственных и материальных стимулов для активного участия молодежи в укреплении национальной государственности необходим качественно новый подход в разработке законодательства о молодежи.

Коренное переустройство экономических и политических основ государства привело к тому, что многие статьи практически недействующего Закона Республики Казахстан «О государственной молодежной политике в Казахской ССР» вошли в противоречие с действующей Конституцией страны и современным законодательством /94/. Принятие качественно нового Закона Республики Казахстан «О государственной молодежной политике» послужило бы реализацией и компенсацией недостатков социального статуса молодого человека, способствующего созданию правовых механизмов реализации конституционных прав.

Новый закон не должен быть декларативным, основной задачей его должно стать практическое решение вопросов государственной молодежной политики. Как представляется, на законодательном уровне должны решаться, в первую очередь, вопросы доступности высшего и среднего специального образования, профессиональной подготовки, отвечающей способностям и желаниям молодых людей, создания сети служб социальной адаптации, способствующих эффективной профессиональной ориентации, гарантированного трудоустройства и занятости молодежи. При этом государственная помощь должна быть направлена на содействие собственной деловой активности молодежи, на поддержку малого и среднего предпринимательства. Кроме того, законодательно должны быть закреплены система льгот в налогообложении, кредитование возвратных ссуд и другие экономические стимулы, обеспечивающие стартовые условия молодым людям. Вопросы

предоставления долгосрочных кредитов на строительство и приобретения жилья, беспроцентных долгосрочных ссуд при рождении ребенка, льгот для молодых семей, особенно для проживающих в сельской местности, поддержки молодежных инициатив, молодых дарований, принятия комплекса мер по наркологической профилактике, преступности среди молодежи, безнадзорности среди несовершеннолетних должны подкрепляться соответствующим финансированием, что уже сегодня создаст уверенность у целого поколения людей в собственном будущем и в перспективах страны.

Законодательно-правовое обеспечение государственной политики должно привести к заметному повышению роли молодежи в улучшении социально-экономического роста страны, реализации цели долгосрочного развития государства, контуры которого определены Посланием Президента страны «Казахстан-2030. Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всего Казахстана» /95/.

Недостаточная экономическая зрелость суверенного Казахстана не может не приводить к соответствующим противоречиям в сфере социальной и духовной, а все они вместе взятые неизбежно сказываются на поведении молодых людей, их ориентациях и потребностях к объединению.

Таким образом, основываясь на материалах проведенных социологических исследований, парламентских слушаний, где были представлены современные и активно функционирующие общественные молодежные формирования, попытка анализа роли общественных объединений в социализации личности привела к необходимости исследования данного явления в следующих направлениях:

1. Социальный, правовой и духовный аспекты значения молодежных формирований в социализации молодежи.

2. Роль семьи, школы, политических институтов, СМИ в изучении потребностей, ориентаций молодых людей, в формировании социальной идентификации молодежи при осуществлении ею выбора того или иного общественного объединения, политических предпочтений.

3. Повышение эффективности государственной молодежной политики. Новые подходы в разработке законодательства о молодежи. Значение участия самой молодежи в укреплении национальной государственности.

В настоящей главе автором рассмотрены основные тенденции развития политического процесса в Республике Казахстан. В этом контексте большой теоретико-методологический и научно-практический интерес представляет определение вектора происходящей политической трансформации: в сторону развития или упадка.

В науке к общесистемным свойствам политического развития относят три основные категории: рационализацию, национальную интеграцию и социальную мобилизацию. Первая рассматривается как функциональная дифференциация политических институтов, оценка деятельности которых основывается на критериях результативности. Национальная интеграция подразумевает процесс «национального строительства», консолидации этнической основы политического сообщества. Социальная мобилизация отождествляется с быстрыми количественными и качественными изменениями социального положения больших масс населения и связанным с этим вовлечением людей в политический процесс /96/.

На взгляд автора, в Казахстане все три свойства представлены достаточно для того, чтобы речь вести о векторе развития, а не упадка: трансформация государственных и политических институтов идет в направлении дифференциации и специализации, углубляется процесс национального самосознания, выражающийся в строительстве независимой государственности, усиливается социальная мобилизация.

Завершая главу в целом, следует отметить, что для формирования гражданского общества необходима основанная на демократизме, верховенстве права сильная государственная власть. Этим требованиям и отвечают конституционные положения о единой государственной власти с президентской формой правления, которая осуществляется функционально за принципом разделения ее на законодательную, исполнительную и судебные ветви. Система сдержек и противовесов обеспечивает их взаимодействие и взаимосвязь, а также исключает возможность узурпации власти одной ветвью.

В Казахстане произошла трансформация концептуальных основ государственной власти. Советская квазипарламентская модель партии-государства преобразовалась в современную демократическую модель государства с четким разделением власти на законодательную, исполнительную и судебную ветви и ярко выраженным арбитражным статусом Президента. Опыт посткоммунистического пространства позволяет отметить, что

институт президентства, перенесенный на советскую почву, оказался генетически несовместимым с тоталитарной моделью квазигосударственности, прикрывающей под популистским лозунгом всевластия Советов монополию одной партии.

Обобщая изложенный материал о практике реализации концепции разделения власти в Казахстане, можно сделать следующие выводы:

1. Разделение власти отрицает единовластие, но утверждает единство власти, т.е. предполагает и разделение, и координацию ветвей власти.

2. Функция координации всех ветвей власти является прерогативой института президентства, который призван олицетворять и обеспечивать единство власти, согласованное функционирование ее ветвей и ответственность органов власти перед народом.

3. Вместе с тем каждая ветвь власти обладает правом приоритета в своей сфере деятельности: Парламент – в законодательстве, Правительство – в управлении, Суды – в правосудии.

Исходя из конституционного опыта адаптации концепции разделения власти к специфическим условиям Казахстана, обобщая смысл вышеприведенных признаков разделения власти в Казахстане, в отечественной литературе предложен термин – «принцип сбалансированного приоритета», который и положен в основу разделения власти в Казахстане. Этот принцип предполагает создание в сфере взаимодействия ветвей власти несколько зон. Первая – зона приоритета законодательной ветви власти, включающая совокупность законодательных властных полномочий, решающая роль (права и обязанности) в осуществлении которых принадлежит данной власти. Вторая – зона приоритета исполнительной ветви власти. Третья – судебной. Центральная - зона приоритета президентской власти, зона паритета трех ветвей власти, где все они равноправны, где решения принимаются на основе всеобщего согласия сторон, консенсуса, который достигается посредством активного участия Президента.

Принцип сбалансированного приоритета отражает факт усложнения государственной деятельности, ее дифференциации на отдельные функции, сферы, формы и процедуры. Но при этом присутствуют элементы соединения ветвей власти, когда каждая представляет собой относительную целостность, одновременно существуя в другой как момент. Сбалансированный приоритет отражает необходимость наличия центра власти как фактического символа единства государства,

Таким образом, принцип сбалансированного приоритета способствует становлению такой системы власти, которая позволяет ветвям власти эффективно сотрудничать и эволюционировать, сохраняя гармоничность всех взаимоотношений.

Парламент играет важную роль в концентрации усилий Правительства на включение целей социальной политики в средне- и долгосрочные программы и стратегию развития. Выполнение этих функций диктует более эффективную мобилизацию Парламента и устранение ряда сдерживающих факторов, которые ограничивают его самостоятельность и способность действовать и взаимодействовать с населением.

Важно обеспечение возможности использования в полной мере всех действующих парламентских методов, таких, как общественные слушания, устные и письменные запросы, дискуссии в комитетах, специальные доклады и проверки, а также проведение консультаций и повышение информированности общественности путем организации специальных мероприятий, семинаров и т.п.

Необходимо улучшение согласованности между социальными и экономическими задачами и направлениями политики посредством соответствующих парламентских структур, при необходимости – путем реорганизации и реструктурализации действующих комитетов. Для того, чтобы заниматься проблемами социального развития и содействовать включению этих вопросов в повестку дня национальных парламентов, могут быть сформированы специальные комиссии.

Важно усиление парламентского контроля и административной ответственности.

Конституция страны должна предусматривать действенную роль Парламента в формулировании социальной политики и достаточное законодательное влияние на исполнительную ветвь.

Следует усилить концентрацию совместных усилий и обмен опытом между парламентами посредством взаимодействия межрегиональных парламентских комитетов и путем более обширного взаимодействия с академическими кругами, национальными правительственными организациями, органами социального обеспечения, региональными и национальными органами управления и международным сообществом.

Развитие гражданского общества в Казахстане, как и в других странах СНГ, происходит в переходный период, следовательно, его становле-

ние имеет определенные трудности, обусловленные состоянием общей и правовой культуры, которая сформировалась у большинства населения в период тоталитаризма.

В связи с этим важно настойчиво создавать предпосылки для формирования гражданского общества, прежде всего, массового формирования определенного типа самодостаточных и самоценных личностей, способных конструктивно взаимодействовать с другими гражданами во имя общих целей, интересов, ценностей, а также способных подчинять свои частные интересы и способы их достижения общему благу, выраженному в правовых нормах.

Для формирования такого типа социальных субъектов необходимы определенные институциональные предпосылки, прежде всего, минимум демократических прав и свобод, делающих возможными и законными как автономию личности, так и самоорганизацию граждан для отстаивания общих интересов и целей. Однако одних лишь институциональных предпосылок недостаточно. Не меньшую роль играют предпосылки культурные и социально-психологические. Субъектами гражданского общества могут быть, во-первых, только люди, знающие, что собственные действия – наилучший способ защиты своих интересов, решения волнующих их экономических, социальных, политических проблем. Во-вторых, реальный или потенциальный субъект гражданского общества – это человек, уверенный в том, что добиться реальных результатов можно, лишь объединив свои действия с действиями других людей.

Существенное, если не определяющее значение для существования гражданского общества имеют условия, создаваемые для формирования многочисленного среднего класса. И главное среди этих условий – массовое наличие персонифицированных собственников.

Принципиально важным является демистификация любых отправлений власти, превращение ее из священнодействия в обычную квалифицированную работу. Для этого необходимо добиваться гласности осуществления власти на всех уровнях, юридической регламентации всех властных функций. Власть должна перестать быть источником привилегий как материальных, так и духовных. Возможность гражданина критиковать представителя власти препятствует благоговению перед ней. Необходимо организационно обеспечивать возможности карьеры, не связанные с выполнением властных функций. Верхние ступени социальной лестницы должны перестать ассоциироваться с властью.

Исключительно важным является выведение из-под контроля государственной власти всего того, что не связано с обеспечением безопасности. Создание новых горизонтальных структур и систем общения между людьми – клубов, гильдий, ассоциаций, вообще любых демократически управляемых и не связанных с государством организаций способствует сдвигам в политическом сознании больше, чем заклинания о «необходимости ускорения демократических преобразований».

Преобладание высокоцентрализованных государственных институтов устраняет развитие сильных и автономных групп по интересам, объединений и политических партий. Напротив, автономные движения и организации служат сдерживанию тенденции со стороны государства централизовывать и расширять свою власть, способствуют введению гражданской подотчетности и контроля. Они расширяют массовое участие в политическом процессе, дополняя формальную арену определенными неофициальными каналами, а также посредством своих действий могут усилить какие-то формальные институты демократии, такие, например, как суды.

Дальнейшее развитие гражданского общества в Казахстане зависит от реализации Конституции, обеспечения конституционной законности, развития и совершенствования текущего законодательства, прав и свобод человека и гражданина, неукоснительного соблюдения правила: гражданам разрешено все, что не запрещено законом, органам власти и должностным лицам – только то, что разрешено законом.

ГЛАВА 4. Развитие партийного плюрализма в Казахстане и его воздействие на массовое сознание

Период суверенного развития Казахстана, заявившего своей целью построение демократии, вполне можно охарактеризовать как диалектическое единство и борьбу политических интересов различных социальных групп и слоев социума. В этом универсальном процессе вокруг осуществления власти возникало и возникает множество политических позиций, ролей, акторов, приводящих, в частности, к возникновениям, расколам, реорганизациям и исчезновениям разнообразных объединений с политической окраской, претендующих как на власть, так и на участие в ее осуществлении. Это порождает различные тенденции, развитие которых не исключает возникновения и конфликтных ситуаций, ведущих к дестабилизации общества. А если учесть, что в казахстанском обществе, в массовом сознании все еще доминирует ностальгия по стереотипам тоталитарного политического поведения, признающим в определенной мере насилие в качестве основного способа разрешения конфликтов, то формирование дееспособной партийной системы в качестве альтернативы возможным разрушительным выбросам социальной энергии выходит по большому счету на уровень проблемы национального самосохранения /1/.

Развитие партийной деятельности в республике соответствует общемировым закономерностям формирования и институционализации партийной системы демократизирующихся обществ. Поэтому для более глубокого понимания специфики становления института партий в новейший период истории Казахстана следует, на взгляд автора, сделать ряд теоретических обобщений, касающихся логики и механизма генезиса и институционализации партий в переходных социумах.

1. Закономерности формирования и институционализации партийной системы в условиях трансформации социума

Несмотря на существующее в мировой политической науке различие теоретических подходов для глубокого научного понимания значения института политических партий в трансформирующемся обществе, на взгляд автора, наиболее продуктивным является рассмотрение

его как посредника между общественностью и органами государственной власти, в качестве одного из механизмов реализации представительства, аккумулирующего и выражающего в идейно-политических установках интересы определенных социальных групп и переносящего в сферу политики обсуждение и решение вопросов, вытекающих из этих политически оформленных интересов /2/. Такая функционально определяющая характеристика адекватна классическим теориям об институте политических партий, в разработку которых значительный вклад внесли Г.А. Алмонд, Р. Арон, А. Боднар, М. Вебер, М. Вейнер, Е. Вятр, К.С. Гаджиев, К. Джанда, М. Дюверже, В.И. Ленин, К. Маркс, Р. Михельс, М. Острогорский, Дж. Лапаломбаро, М. Прело, Дж. Сартори, Ф.Дж. Сороф, П. Шаран, Ж. Шарло, Р-Ж. Шварценберг, Дж.Й. Шумпетер, С. Хантингтон и другие исследователи, представляющие разные подходы в понимании сути партий /3/.

Общеизвестен постулат партиологии о том, что институционализация политических партий и формирование многопартийности, становление политических партий как «представителей специализированных групп интересов» являются следствием общественной потребности. Мировой опыт свидетельствует, что в периоды социально-экономического и политического кризиса, нарастания социальных конфликтов, проведения социальных, политических преобразований во всех сферах общественной жизни люди заметно активизируются в борьбе за власть либо за влияние на нее. В такие переломные периоды выявляются различные социально-политические ориентации, порождается множество интересов социальных групп. Именно эти интересы являются побудительными мотивами деятельности людей.

Многообразные интересы социальных групп, слоев, классов организационно оформляются в итоге в виде структур – политических институтов, – в рамках которых воспроизводятся определенные типы политических отношений. Это означает, что партийные институты аккумулируют и направляют спонтанный процесс образования и реализации общественных стремлений, выражающих неудовлетворенные интересы социальных групп, солидаризирующихся в виде специфической привязанности к конкретной политической партии.

Если попытаться изложить процесс становления партий в виде условной теоретической модели, то она будет предполагать, что их возник-

новение и формирование является исторической необходимостью, закономерным следствием усложнения политической системы модернизирующегося общества, развития представительной системы, связанной с качественным изменением содержания процесса политического участия /4/. Таким образом, отказ от авторитарного (тоталитарного) режима правления, признание законности разнообразных интересов в обществе обуславливают признание законности политических инструментов в лице политических партий, призванных представлять эти интересы.

Разноплановые политические организации функционируют в едином политическом пространстве и непрерывно осуществляют поиск своей «ниши» в партийно-политическом спектре переходного общества. В этой связи только институциональные процессы отражают те качественные изменения, которые происходят в развитии политических партий.

Понятие «институционализация» принадлежит к тем конструкциям политической науки, которые относительно недавно, однако, прочно вошли в современный научный лексикон и получили повсеместное распространение. Оно имеет две стороны: правовую и политологическую.

Правовой аспект означает последовательный процесс правового и нормативного оформления партий, становления их роли в государственной машине. При таком подходе основной акцент делается на вопросы нормативного регулирования деятельности партий, а сам процесс институционализации рассматривается как цепь последовательных изменений в механизме правового регулирования партийного института.

С политологической точки зрения объектом исследования выступает не нормативно-правовое оформление партийной деятельности, а сама партия как институт политической системы и субъект политического процесса. Политологический аспект означает изменение статуса политической партии, ее внутренней структуры, функционализации, идеологической кристаллизации.

Процесс институционализации довольно длителен и выражается, по мнению Д.А. Левчика и С.Е. Заславского, в:

- легитимизации партии, т.е. в правовом признании;

- формализации внутрипартийной организации, т.е. в изменении внутренней структуры, зарождении иерархии, трансформации горизонтальных связей, появлении отношений вертикальной зависимости и прослойки партийных функционеров;

- функционализации партии, т.е. в кристаллизации главных направлений деятельности;

- политической идентификации, т.е. в определении позиций в политическом спектре /5/.

Качественные изменения политической партии позволяет отследить динамика организационных, идеологических, функциональных и прочих критериев, составляющих алгоритм существования партии, поскольку они (критерии) «непременно присутствуют у партий вне зависимости от исторического периода их развития и конкретных особенностей, своеобразных форм и черт, появление которых может быть связано, например, со спецификой национальных, экономических и политических условий их существования» /6/.

Рассмотрение проблемы институционализации многопартийности через призму классической партиологии, и прежде всего, теоретических воззрений П. Шарана и Р.-Ж. Шварценберга, позволяет отметить, что на этот процесс в современных переходных – модернизирующихся и демократизирующихся – социумах оказывает влияние целый ряд факторов:

- во-первых, «гибридный» характер переходных обществ, основанный на смешении капиталистических и социалистических факторов, заключающих в себе противоречия обеих общественных систем; наличие в государстве как либерально-демократических, так и административно-авторитарных тенденций /7/. Это приводит к появлению и распространению в обществе различных феноменов посттоталитарного проявления, таких, как, к примеру, популизм, названный М. Дюверже «партийной демагогией» /8/ и используемый в качестве реформистского мобилизационного ресурса, феномен Э. Фромма – «бегство от свободы» /9/, проявляющийся в ностальгии по «железному» порядку и «сильной руке», феномен «патологии поддержки власти» и «патологии оппозиционности», когда в первом случае для его носителей совершенно неважно, что конкретно делает власть, а во втором его сторонники исходят в тактике из некоей абстракции «народных интересов», которые существующей властью игнорируются /10/. Все это осложняет процесс утверждения политического плюрализма;

- во-вторых, разрушение идеологической и политической доктрины авторитарного государства, основывающегося на централизации власти, безапелляционном командном методе руководства, безуслов-

ном повиновении, а также подавлении всех слоев общества, не исключая определенного ограничения и господствующих социальных слоев; разрушение объективных (связанных с активной преобразовательной деятельностью государства, текущей ситуацией) оснований для авторитаризма; развитие политического плюрализма, различных организационных форм гражданской инициативы;

- в-третьих, разрешение социально-экономических проблем и проведение в целях обеспечения поддержки народа социальной политики государства в интересах большинства общества;

- в-четвертых, повышение роли представительских институтов, оппозиции, автономии общественно-политических объединений, выхолащивание реального организационного и регулятивного смысла политических процедур и институтов, связывающих государство и общество;

- в-пятых, ограничение и преодоление политического отчуждения путем превращения политического действия в одну из технологий решения социальных проблем общества; рост политического участия населения, интенсивности, масштабов, способов, уровней, форм вовлеченности различных категорий групп и слоев населения в политику /11/;

- в-шестых, лидирующая роль политических факторов /12/, когда не столько определенный тип собственности стимулирует появление соответствующей ему политической надстройки, сколько сама власть, обретя гипертрофированные черты автономии по отношению к базису, начинает интенсивно формировать адекватный ей тип собственности, новую социально-экономическую структуру переходного общества /13/. Этот процесс может затянуться на длительное время. В социальной структуре происходит распад на множество «серийных групп», которые представляют собой крайне подвижные формирования с размытыми границами и изменяющейся траекторией движения, что затрудняет их систематизацию по собственности и власти. Социальная структура общества приобретает вид ассиметрии: тонкий слой высокообеспеченных граждан и значительный по объему нижний слой низкодоходных групп. От стремительного оформления «верхов» и «низов» резко отстает «средний элемент» /14/. Незавершенность социальной стратификации в новых условиях общественно-исторического развития, размытость, гетерогенность и маргинальность социальной структуры приводят к смещению вектора общественной лиф-

ференциации граждан и их последующей консолидации в сторону неполитических – отраслевых, групповых, региональных, корпоративных и иных – интересов /15/;

- в-седьмых, повышенная конфликтность, политическая нестабильность и неустойчивость общества, связанные с наличием в политической системе антагонистических противоречий, порождаемых переходным типом социума: старые отношения еще до конца не разрушены, а новые пока еще не приобрели необратимый характер. В трансформирующихся обществах конфликты становятся не столько движущей силой развития социума, сколько признаком их разлада /16/.

Неустойчивости ситуации способствуют две ярко выраженные тенденции. Первая вытекает из противостояния общественных сил, институционализирующихся на крайних флангах политического спектра. В условиях весьма ограниченного доступа к власти различных социальных групп, доминирования в этом плане властных структур, с учетом низкого уровня толерантности политической культуры общественных организаций эти политические формирования ориентированы не на консенсус, а на конфликт. Другая тенденция заключается в существовании мононациональных партий и движений. Она потенциально взрывоопасна особенно на первых этапах развития партийного плюрализма /17/.

Обобщая имеющиеся в политологической литературе данные, эксплицируем особенности развития института партий, характерные для транзитных демократизирующихся обществ, которые в качестве гипотезы можно определить как закономерные, объективные, устойчивые и повторяющиеся тенденции.

Первая. Процесс партиеобразования интенсивен и сжат по времени. Его катализаторами выступают социальные и политические определяющие политической системы. «Алгоритм существования партий» в переходных обществах находится в прямой зависимости от «сегментарных противоречий» социального, идеологического, религиозного, исторического, этнического, культурного, институционального, регионального и иного характера, присущих национальному государству, которые порождают дополнительные межпартийные и внутрипартийные противоречия /18/.

Вторая. Процесс институционализации партий не носит прямолинейного характера, проходит чрезвычайно сложно и противоречи-

во. Наряду с поэтапным восхождением к более развитым политико-организационным формам могут иметь место периоды стагнации, упадка и даже полной деградации деятельности политических партий. На взгляд автора, во многом это связано с тем, что в современных переходных обществах формируется партийная система наподобие западных, хотя сам политический процесс является «незападным».

Третья. В транзитных обществах «партии рождаются одновременно с государством в своего рода институциональном вакууме» /19/. Эта тенденция выявлена на основе анализа политического процесса Перу, Боливии, Эквадора /20/.

Четвертая. Подавляющее большинство политических партий имеет коалиционный характер. В сочетании с особой ролью государства в многоукладном обществе и специфическими интересами бюрократии это увеличивает диапазон потенциальных колебаний политического курса, предрасполагает к непрерывным внутренним трениям и разрывам, ведет к политической нестабильности и неустойчивости, к высокому потенциалу конфликтности, которые, как уже отмечалось, вообще характерны для транзитных обществ /21/.

Пятая. В политической сфере наблюдается своеобразная инверсия процесса трансформации политической системы в целом, и партийной в частности, когда партии создаются прежде, чем созрели все необходимые для этого социально-экономические и социально-культурные предпосылки и сложились на этой основе социальные группы, артикулировать и агрегировать интересы которых и должны были бы созданные партии, что является следствием процесса незавершенности стратификации общества. По этой причине политические партии транзитных обществ представляют собой социально-многослойные политические партии-конгломераты, объединяющие в своих рядах представителей различных социальных слоев, и им весьма непросто определить свою социальную базу, те социальные группы, чьи интересы они должны отстаивать и на которые могут реально опираться. Это вынуждает партии обращаться, как правило, ко всем членам социально неоднородного общества, имеющим несовпадающие интересы, что делает позиции партий крайне абстрактными, лишенными собственного лица. В результате становится очевидным расхождение между действительными интересами социальных групп и сло-

ев и их прожективными формами в политической деятельности партий, протекающей в отрыве от реальных запросов /22/.

Шестая. Институт многопартийности характеризуется слабостью, детерминируемой такими достаточно устойчиво прослеживающимися на основе данных социологических исследований составляющими транзитного социума, как отсутствие демократических традиций, гражданского общества, должной политической культуры и самих политических объединений, и в целом общества, сохранение тоталитарных привычек политического и партийного мышления, наличие неприязни и недоверия к институту политических партий, неотделенность политической сферы от социальных и личных отношений, преобладание группового сознания, незначительная роль консенсуса относительно признаваемых легитимными средств и целей политических действий /23/.

Седьмая. Политические партии вследствие высокой социальной цены проводимых либеральных преобразований в экономике нередко имеют левоцентристские или левые идеологические ориентации. Поэтому для транзитных обществ актуальна задача поддержания «достаточного» консенсуса между различными социальными слоями трансформирующегося общества на основе «срединных» позиций во имя достижения поставленных идеальных целей построения демократического и процветающего государства.

Восьмая. На процесс институционализации политических партий исключительное влияние оказывает государство. Это влияние двояко: с одной стороны, государство выступает как гарант дальнейшего укрепления и развития института многопартийности, с другой стороны, его регламентирующая роль несет в себе рецидивы авторитарных технологий государственного управления. В совокупности это ведет к проявлению уникальной ситуации развития партийно-политической системы между демократическими и авторитарными тенденциями транзитного общества.

Девятая. На процесс институционализации политических партий опосредованное влияние оказывает стратегический курс модернизации страны, когда эволюция многопартийности идет в направлении от «атомизированного» типа к «континентально-европейской» модели с национальной (в случае Казахстана – восточной) спецификой /24/.

Десятая. Имеет место объективная тенденция персонализации власти (в виде соединения личного и легитимного авторитета в деятельно-

сти того или иного лидера), которая в плюралистических обществах с политическими партиями уравновешивается дисперсией власти, а в тоталитарных режимах приобретает форму тирании /25/. Преобладание в большинстве партий харизматического типа лидерства осложняет процесс становления партий. Уход такого руководителя–«вождя» нередко предопределяет крах подобных партий. Этот феномен также зачастую ведет к парадоксальным ситуациям, когда развитие такой функции политических партий, как формирование кадров политиков, замедляется.

Одиннадцатая. Для большинства поставторитарных обществ характерна универсальная закономерность, определенная Э. Шилзом и воспроизводящая схему отношений «центра-периферии», или «столицы-провинции» /26/. Она означает, что интенсивность политического процесса резко отличается по своим качественным параметрам в столице от глубинки и зачастую объясняется большой спецификой государства, дифференциацией политических интересов в регионах страны, имеющим место популизмом отдельных политических акторов.

Двенадцатая. Процесс становления многопартийности опережает по времени процесс правовой институционализации партий.

Экстраполируя теоретические постулаты процесса формирования политических партий в переходных обществах на Казахстан, мы с неизбежностью философской логики общего и особенного обнаруживаем здесь соответствие генезиса и становления отечественных партий общемировым закономерностям с присутствием характерных для казахстанского варианта специфических черт.

2. Специфика и проблемы формирования партийной системы республики

Для адекватного и аргументированного анализа особенностей и тенденций формирования партийной системы Казахстана автору представляется важным и уместным проследить динамику становления и развития отечественной многопартийности в ретроспективном формате, рассмотреть процесс взаимовлияния, взаимозависимости политического плюрализма и демократизации, а также дать оценку генезиса, уровня развития и деятельности современных политических партий республики. Исторический подход более других позволяет подчеркнуть разнокачественность этапов трансформации политической системы республики и сложившей-

ся здесь современности. Поскольку разнокачественность может быть обнаружена по разным основаниям, не существует единственной трактовки ни начала, ни конца этого периода, ни его составных частей /27/.

Отечественные политологи этапизируют развитие многопартийности в Казахстане, как правило, только в рамках новейшей истории государства, считая, что у казахстанского общества отсутствует опыт многопартийности /28/. По мнению автора, это несколько сужает взгляд на развитие плюралистических идей в истории казахстанской государственности, поскольку не принимается во внимание процесс партийного строительства в республике на рубеже XIX-XX веков.

История казахского народа свидетельствует о том, что государственность Казахстана – итог многовекового этнополитогенеза в Центрально-Азиатском регионе, который испытывал культурно-цивилизованное воздействие как Запада, так и Востока. Это предопределило специфичность политического процесса казахстанского общества, выражающуюся в синтезе европейской и азиатской политических культур, переплетении культур кочевой цивилизации и оседлого земледелия, торговой и городской культур в рамках Великого шелкового пути. На фоне особенностей территориального расселения казахов, геополитического положения, природно-климатических условий, экономического типа хозяйствования, организации общественной жизни, необходимости управления обширными территориями это привело к формированию в далеком прошлом особенного типа государственной власти – степной демократии, основанной на традициях, обычаях и авторитете правящей элиты и отсутствии классических форм правления (монархии, парламентаризма, политических партий и пр.).

Однако ситуация значительно изменилась в конце XIX – начале XX веков, и это следует учитывать при анализе развития политической системы государства, формирования плюралистического (партийного) мышления в республике. Поэтому, на взгляд автора, в контексте становления государственности Казахстана более или менее концептуально можно выделить следующие этапы формирования многопартийности:

1) 1896 год – март 1920 года – появление первых в истории Казахстана политических организаций, распространение демократических, социал-демократических и марксистских идей. Деятельность первой политической партии «Алаш».

2) Март 1920 года – апрель 1985 года – «советский» период истории Казахстана в условиях тоталитаризма, доминирование КПСС. Нелегитимное (нелегальное) развитие плюралистических воззрений.

3) Апрель 1985 года – август 1990 года – зарождение многочисленных, независимых от государства общественных объединений граждан, эволюционировавших от неформальных организаций к де-юре действующим. Время предверия реформ, крушения государственной идеологии, легитимации многопартийности и эйфории от предстоящих перемен. Доминирование национальной идеи. Наибольшая поддержка населением общественных объединений и политических деятелей, боровшихся за национальное возрождение и государственный суверенитет.

4) Сентябрь 1990 года – март 1995 года – развитие политического плюрализма: создание партий, движений и организаций, роспуск КПСС, распад СССР, образование независимой Республики Казахстан, принятие первой Конституции независимого Казахстана, развитие политической активности граждан, рост политических партий в количественном и качественном отношении, их политическая дифференциация и регистрация, приобретение ими опыта участия в выборах 1994 и 1995 годов, создание и деятельность первых партийных фракций в Парламенте.

5) Апрель 1995 года – сентябрь 1998 года – развитие партий в условиях авторитарной демократии, формирование правовой базы многопартийности: конституционное закрепление идеологического и политического многообразия в стране, принятие Закона Республики Казахстан «О политических партиях».

6) С сентября 1998 года – провозглашение государственного курса страны на демократизацию и политическую либерализацию, предполагающую усиление роли партий в политической системе. Участие политических партий в президентских выборах и парламентских выборах по партийным спискам.

Предлагаемая периодизация может заслужить упрек в излишней детализации этапов. Однако автор не претендует на ее исключительность, «ибо никакая типология не может быть единственной, и, тем более, единственно верной: типология зависит от оснований, от контекста» /29/. И тем не менее, данная классификация представляется наиболее точной, ибо строится на критериях артикуляции стремлений организационного строительства, правовой регламентации деятельно-

сти общественно-политических организаций, обеспечивающих комплексный подход.

Первые плюралистические воззрения проникли на территорию Казахстана в конце XIX века из центральных регионов Российской империи, в которой в это время развивалась политическая борьба за власть. Поэтому первые политические движения получили направленность культурно-политического просветительства казахского народа со стороны представителей интеллигенции, воспитанной на русской культуре, идеях декабристов, прогрессивно настроенной интеллигенции, революционеров-демократов.

Они способствовали распространению в Казахстане демократических, социал-демократических и марксистских идей, созданию политических объединений – кружков, групп, фракций, профсоюзов, деятельности общественно-политических газет левой и леворадикальной направленности, впоследствии и возникновению первых политических партий в Казахстане, наиболее заметной среди которых была партия «Алаш» (1917-1920 годы), появление которой впервые на политической арене государства ознаменовало собой особый этап становления многопартийности в стране. Программные установки партии следует считать, скорее, патриотическими, нежели националистическими, ибо они были нацелены на демократическую модернизацию традиционного, переходного от феодальных к капиталистическим производственным отношениям казахского общества и его адаптацию к условиям современности /30/. Главной целью партии «Алаш» было создание казахской автономии в составе Российской федеративной демократической республики.

Второй этап в политической истории казахстанской государственности был связан с образованием в октябре 1920 года Казахской Автономной Советской Социалистической Республики. В Казахстане на долгие годы утвердилась однопартийная политическая система, установился жесткий идеологический контроль, подавляющий оппозиционную идеологию, инакомыслие, плюрализм мнений. Общественная жизнь была подвергнута унификации, а общественные объединения огосударствлены. К началу восьмидесятых годов политическая система Казахстана, как и СССР в целом, характеризовалась значительным усилением бюрократизации государственной машины, закоснелостью

партийно-государственных структур, ужесточение репрессий против инакомыслящих, усилением противоречий в социально-классовой структуре, кризисом межнациональных отношений, усилением идеологического диктата, нарастанием массового скептицизма и политической апатии населения. Плюралистическое мышление в этот, самый продолжительный период развивалось в формате диссидентского мышления и кулуарного обмена мнениями.

На этом фоне декабрьские (1986 года) события в Казахстане вошли в историю как первые массовые национально-освободительные выступления в советской империи за последние полвека ее существования.

Дальнейший (современный) процесс институционализации многопартийности в Казахстане, как и в других странах СНГ, во многом схож с периодом возникновения партий в Европе и России конца XIX – начала XX веков, когда формирование партийного института было связано с кризисом экономической и политической систем, ослаблением государственного диктата, становлением демократического устройства общества, идеологическими спорами о выборе путей развития национальных государств /317.

Начавшаяся в 1985 году демократизация советского общества повсеместно демонстрировала серьезное столкновение мнений, борьбу по поводу отмены статьи 6 Конституции СССР, законодательно закреплявшей руководящую роль КПСС в государстве. В движение пришли многие социальные слои, социально-политические интересы которых стали постепенно структурироваться. Уже не отдельные личности, а целые политические группы заявляли о себе как о движениях, параллельно действующих с КПСС.

В 1988-1990 годах в Казахстане также создаются предпосылки для демонтажа существовавшей советской партийно-государственной системы, становления новой государственности и адекватной ей политической системы, в которой гражданские и партийные (протопартийные) институты опосредуют, хотя и относительно слабо, отношения между гражданами и государством, начинают влиять на формирование нового государственного устройства. Появление различных по своей направленности социальных инициатив, вызванных включением значительного числа граждан в политическую жизнь, а также многообразие их интересов, предопределило возникновение историко-просвети-

тельных, национально-культурных, миротворческих, антивоенных, экологических и других движений, клубов и течений, которые создавались в молодежной среде, нередко под эгидой комсомола. В дискуссиях, политбоях, на заседаниях «круглых столов» соблюдали внешнюю лояльность существующей власти, однако одновременно появились первые, пусть и немногочисленные, группы молодежи, умеющие отстаивать собственную точку зрения.

К 1 марта 1990 года в республике насчитывалось более 100 как официально зарегистрированных, так и незарегистрированных общественных организаций. Среди них: политические клубы «Кенес», «Инициатива» (август, 1987 г.), «Перестройка» (июль, 1988 г.), экологическая ассоциация «Зеленый фронт» (июнь, 1988 г.), общественное объединение «Алма-Атинский народный фронт» (октябрь, 1988 г.), историко-просветительские общества «Акикат» и «Мемориал» (декабрь, 1988 г.), Международное антиядерное движение «Невада-Семипалатинск» (февраль, 1989 г.), национал-демократическое движение – общественный комитет «Желтоксан» (июль, 1989 г.), Гражданское движение «Содружество», общество «Форум», историко-этнографическое любительское объединение «Жеруйык», Общественный комитет по правам человека, социально-политическое объединение «Инициатива», общество «Қазақ тілі», клуб «Русская энциклопедия», Ассамблея Казахской национальной культуры, Ассоциация национальных культурных центров, общество «Казахский апрель», Ассоциация содействию ООН, Независимый профсоюз «Бірлесу» и многие другие.

Следует подчеркнуть, что для большинства общественных структур этого периода была характерна ярко выраженная оппозиционная направленность правящему режиму, хотя наряду с этим возникали и объединения граждан, консолидировавшие свои усилия на поддержке начавшихся в обществе преобразований. Однако независимо от направления и характера своей деятельности, общественные объединения в различных регионах республики на данном этапе действовали разобщенно. Многие из них не имели программы действий. К ним с недоверием относилось и население.

Таким образом, на третьем этапе имеет место своеобразный всплеск общественной активности, ее высокая динамичность, становление новых организаций, распады, расколы, всевозможные реорганизации в об-

щественных объединениях. Этот период обусловлен недовольством оппозиционных сил положением дел в республике, возросшей активностью масс в связи с выборами в республиканские и местные Советы народных депутатов и желанием общественных движений и партий выдвинуть «своих» кандидатов, противостоянием различных движений в связи с обсуждением законопроекта «О языках», стремлением этнических общностей Казахстана возродить народные обычаи, традиции, духовную культуру и развивающимся в связи с этим движением национально-патриотических сил, выступающих за независимость и суверенитет Республики Казахстан. Как отмечает Е. Ертысбаев, «впервые, в результате политики перестройки и гласности, было создано пространство для личности», что «ярко проявилось на выборах Верховного Совета Казахской ССР XII созыва. Политика рассматривалась как процесс, в ходе которого на самом деле решались жизненно важные вопросы, и такая атмосфера спровоцировала общественные страсти и привлекла яркие характеры» /32/.

Процесс возникновения многочисленных добровольных объединений граждан, в свою очередь, стимулировал создание соответствующей законодательной базы. Законом СССР от 14 марта 1990 г. «Об утверждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР» /33/ была утверждена новая редакция статьи 6 Конституции СССР, допускавшая существование наряду с КПСС других политических партий и юридически вводившая, тем самым, на территории нынешнего СНГ институт многопартийности. Такой шаг устранил имевшие место препятствия на пути институционализации политических структур и провозгласил разрешительную политику государства по отношению к многопартийной системе и плюралистическому обществу.

Право на существование альтернативных политических партий было подтверждено 1 января 1991 года, когда вступил в силу Закон СССР «Об общественных объединениях» /34/. Однако возникшая многопартийность была на самом деле фальшивой, поскольку в силу объективных причин ни одна из созданных политических партий не могла составить реальной конкуренции КПСС, а, следовательно, реально участвовать в политической жизни страны /35/. Как отмечал Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев, «коренным поворотным событием, открывшим дорогу для становления многопартийности, стал распад СССР и его цементирующего элемента в лице КПСС» /36/.

В Декларации о государственном суверенитете Казахской ССР, принятой Верховным Советом Казахской ССР 25 октября 1990 года, провозглашалось идеологическое и политическое многообразие в республике, которое создало правовые предпосылки институционализации многопартийности. Принятый в 1991 году Закон «Об общественных объединениях в Казахской ССР» признал таковыми «добровольные формирования граждан, объединяющихся на основе общности интересов» /37/.

Таким образом, на четвертом этапе к началу 1991 года отмечается появление в Республике Казахстан спектра общественно-политических объединений, для которых главной становится борьба за мобилизацию собственных ресурсов, массовую поддержку населением своих идей и действий.

В дальнейшем развитие получают партии и движения, выдвинувшие на первый план этнические ценности, тем самым способствуя этнополитической дифференциации части казахстанского населения. Этому способствовало провозглашение независимости республики. Значительное влияние в этот период национально-демократических организаций привело к появлению в начале 1991 года идеи национальной государственности, борьбе за придание государственного статуса казахскому языку. «Граница между правящей элитой и контрэлитой пролегала по национальному вопросу, оппозиция преимущественно была по этнической принадлежности русской...» /38/.

В этом контексте представляется объективным отдать должное партии Народный Конгресс Казахстана (см. далее – ПНКК), Гражданскому движению Казахстана «Азат» (см. далее – ГДК «Азат»), Международному антиядерному движению «Невада-Семипалатинск» и целому ряду других организаций, которые, благодаря своим простым и понятным лозунгам и призывам, отвечающим интересам подавляющего большинства населения, способствовали обретению Казахстаном государственного суверенитета. Ставя своими главными программными целями и задачами возрождение казахского народа, полноценное развитие всех национально-этнических групп Казахстана, объединение национально-патриотических сил для создания правового и многопартийного общества, независимого государства на основе общедемократических ценностей, существующие в рассматриваемый период общественно-политические организации выступали с альтернативными официальными законопроектами по гражданству.

миграции, Конституции, участвовали в антиядерном движении, организовывали противодействие уральскому казачеству и т.д.

Вместе с тем в этот период сами партии практически были «выключены» из процесса передачи политического опыта и обучения навыкам политических действий для большинства населения страны. Это привело к тому, что в 1990-1991 годы решающую роль в политической социализации населения играли конкретные конфликтные социальные акции, сказывающиеся на общественном сознании наций, классов, слоев.

Такая «агрессивная» активность общественных объединений была связана с углублением социально-экономического кризиса, ростом политико-правовых противоречий, нерешительными и непоследовательными, половинчатыми действиями союзного руководства. Тем более, что рост антикоммунистических настроений вел к утверждению в общественно-политических организациях радикально-либеральных, или национально-государственных доктрин.

Лоббируемые мощным в 1990-1991 годах ГДК «Азат» идеи необходимости возрождения казахской самобытной культуры, языка были отражены и в Законе «О государственной независимости Республики Казахстан», принятом в 1991 году. Однако учет деятельности Интерфронта «Единство» и ряда других организаций, замыкающихся в узких этнических рамках, объективно привел к пониманию необходимости отказа от создания возможной правовой основы для политизации деликатных проблем сферы межнациональных отношений. Поэтому в рассматриваемом Законе были заложены подходы, базирующиеся на идеологии общенациональной государственности. Развитие этих подходов впоследствии создало предпосылки к освобождению от проявлений этноцентризма.

Вместе с тем данный Закон нес в себе одновременно сильный отпечаток компромисса между основными общественно-политическими силами. Так, в частности, приоритет стал отдаваться индивидуальным правам личности, в отличие от прав нации. В то же время в Законе «единый народ Казахстана» рассматривается как состоящий из граждан всех национальностей, объединенных общностью исторической судьбы с казахской нацией /39/.

В 1993-1996 годах в республике политическая палитра значительно разнообразилась, а традиционная схема – «либералы-реформато-

ры», «национал-патриоты», «ортодоксы-реакционеры» – в новых политических условиях стала неадекватной времени. Наблюдается осознание вторичности этнической проблематики, отход от популистской демократии. Появляются новые партии, возникают новые общественно-политические движения. Причем, если на первых этапах создания общественных объединений последние возникали вследствие гражданской инициативы при лояльном отношении властей, то при создании политических партий были задействованы механизмы их образования как «снизу» (КПК, Национальная партия Казахстана «Алаш» (см. далее – НПК «Алаш», Республиканская народная партия Казахстана (см. далее – РНПК)), так и «сверху» (Социалистическая партия Казахстана (см. далее – СПК), ПНКК, ПНЕК, ДПК) /40/.

Углубление либерально-демократических реформ перевело взаимоотношения партийно-политических и государственных институтов в плоскость совместной работы по утверждению в мировом сообществе независимого государства Казахстан, что позволило принять в 1993 году первую Конституцию Республики Казахстан. Консенсусный потенциал этого Основного Закона страны по вопросам статуса русского языка, гражданства, присутствия понятия «казахская государственность», механизма сдержек и противовесов среди ветвей государственной власти оказался недостаточным, и уже в 1994 году отдельные положения Конституции были подвергнуты национально-сепаратистскими силами критике, что осложнило внутриполитическую ситуацию в стране. Это послужило катализатором возникновения новых политических партий и объединений.

Основной причиной их создания в этот и предыдущий периоды выступают личностные соображения, когда в глазах населения политическое объединение определяется личностью ее лидера, в отличие от многих других государств, где чаще всего личность политика определяется его партийной принадлежностью. В этом одна из специфических особенностей партогенеза в Казахстане.

Автор согласен с мнением некоторых политологов о том, что развитие партий на шестом этапе идет в условиях авторитарной демократии /41/, поэтому процесс формирования многопартийности в то время переживал кризис, а в развитии существующих партий наблюдалась стагнация /42/.

Принятые летом 1996 года Законы Республики Казахстан «Об общественных объединениях» и «О политических партиях» внесли за-

метный вклад в правообеспечение деятельности общественных и, в частности, политических организаций республики. Введение их в действие было связано с необходимостью как регулирования деятельности партий в рамках конституционной законности, обеспечения формирования партий парламентского типа, так и предотвращения политизации тех общественных объединений, которые в качестве своих программных целей преследуют культурологические, этнографические или другие неполитические цели.

Политическая эволюция Казахстана свидетельствует о том, что отмечалось продолжение активного партстроительства, усиление взаимовлияния политических партий и государственно-политического становления страны. В этот период наиболее заметно влияние политических партий центристского толка, уменьшение радикализма. Идет процесс политического оформления интересов разных социальных групп населения – женщин, жителей села, молодежи и т.д. Вектор взаимоотношения между политическими партиями и государством переориентируется в сторону более реальной оценки властными структурами роли политических партий. Намечается тенденция сотрудничества, согласительного процесса, формирования механизма общественных консультаций и диалога между субъектами политической системы и органами государственной власти, дистанцированной до этого времени от политических объединений. Однако взаимоотношения между ними не выходят за рамки «круглых столов» и оформления договоров согласия, а возможности и влияние политических партий остаются незначительными. Вновь возникающие партийные движения все также нередко «подгоняются» под определенную личность, что было характерно и для предыдущих периодов. Как показала практика, такие партии находятся в прямой зависимости от своего лидера: от субъективных колебаний последнего меняются, как правило, и партийные линии. У них значительно сокращается социальная база поддержки.

С сентября 1998 года в стране начался новый этап развития отечественной многопартийности. В это время стимулом к активизации деятельности политических партий послужили два фактора: Послание Президента от 30 сентября 1998 года, президентская выборная кампания, завершившаяся 10 января 1999 года, и последовавшие в этом же году выборы в Парламент и маслихаты страны.

Совершенствование избирательной системы, когда в законодательство страны было внесено положение о расширении состава нижней палаты Парламента на 10 депутатских мандатов и внедрение в нашу действительность выборов по смешанному типу, дало партиям возможность соперничать на выборах депутатов в представительные органы в 1999 году не только косвенно, борясь за своих кандидатов по избирательным округам, но и непосредственным образом, выдвигая партийные списки по единому общенациональному округу, а впоследствии – сформировать свои депутатские фракции в Парламенте.

Предпринятый ретроспективный взгляд на поэтапное развитие отечественной многопартийности позволяет сделать заключение о наличии многопартийности в Республике Казахстан. В настоящее время политические партии, получив реальную возможность действовать в рамках государственно-правовой системы, используя при этом ее институты, высказывая свои предложения и добиваясь их реализации, превратились в неотъемлемый атрибут общественной жизни республики, являются одним из важных факторов модернизации ее политической системы и соблюдения гражданских свобод. Реальностью стала политическая борьба партий за расширение своей социальной базы путем завоевания приверженцев и сторонников среди электората и заполнения социально-политической ниши в психологии и сознании людей. Это проявляется и в лоббировании политическими партиями предложений, программных установок, которые все чаще учитываются при выработке правительственных программ государственного развития по реализации конституционной воли народа в утверждении Казахстана как правового, демократического и социального государства. Своей повседневной деятельностью партии предоставляют казахстанскому обществу информацию о важнейших субъектах политических процессов. Их роль также важна и в поддержании гражданского мира и согласия, что, на наш взгляд, является актуальной задачей.

В настоящее время в Казахстане действуют 15 политических партий, зарегистрированных Министерством юстиции республики: СПК, ПНКК, НПК «Алаш», КПК, Народно-кооперативная партия Казахстана (см. далее – НКПК), Партия Возрождения Казахстана (см. далее – ПВК), Республиканская политическая партия труда (см. далее – РППТ), ГПК, РПП «Отан», АПК, РНПК, Демократическая партия Казахстана

«Азамат» (см. далее – ДПК «Азамат»), Демократическая партия женщин Казахстана (см. далее – ДПЖК), КСДП «Ауыл» и ППК.*

В стране имеется и ряд других партий, не получивших в силу разных причин официального юридического статуса: Социал-демократическая партия, партия национальной свободы «Алаш», партия «Желтоксан» и другие.

Таблица 1 показывает динамику развития политических партий республики с 1991 года по настоящее время.**

Таблица 1

	Годы										
	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Количество	2	3	3	4	8	9	9	10	14	16	15

В отечественной научной литературе и публицистике имеется немало содержательных материалов, посвященных проблемам статуса политических партий, их программным доктринам, особенностям тактики политического поведения, анализу расстановки сил в различных сегментах политического спектра. Поэтому все вышеназванные политические партии к настоящему времени довольно объемно охарактеризованы /43/. Исходя из этого, автор не видит острой необходимости прибегать к подробному описанию партий в настоящем исследовании, тем более что это сделано им в соавторстве при подготовке справочника «Политические партии Казахстана», впервые изданного в 1998 году и переизданного с учетом измененных реалий в 2000 /44/.

Субъектный анализ складывающейся партийно-политической системы показывает, что в идеологическом плане политические партии классически дифференцированы, придерживаясь традиционных левых (неокоммунистических), правых (либеральных и демократических), центристских, либо национальных доктрин /45/ (см. рисунок 1). Причем особенностью политических партий Казахстана является ситуация, когда в одной и той же организации имеются различные идейные позиции в разрезе экономических, политических или социальных воззрений.

---

* Перечень партий приводится в соответствии с хронологией их возникновения.

** Таблица составлена автором по данным Отдела внутренней политики Администрации Президента Республики Казахстан.

КПК • СПК • ДПК «Азамат» • НПК «Алаш» • ПНКК

левые

ДПЖК • ПВК • АПК • НКПК • РПЛТ

центр

КСДП «Ауыл» • ГПК • РПП «Отан» • ППК • РНПК

правые

Рисунок 1. Условная шкала идеологических ориентаций политических партий Казахстана

Данная типология, однако, базируется не на идейно-теоретических положениях партийных программ, ибо последние во многом схожи и в этом плане являются одним из самых дезориентирующих источников для изучения места партии в политическом спектре, а на анализе конкретной деятельности той или иной политической организации, ее генезиса, структуры, финансовой базы и патронажа. Широко бытующее же сегодня определение «центристские» партии существенно размыто. «Центризм» в Казахстане понимается не как формирование политического центра, хотя данные установки присутствуют в программах партий, делающих ставку на эту идеологию, а, скорей всего, как стремление избежать раскола казахстанского общества на фрондирующие группировки /46/. По мнению М. Машана, «центризм» в казахстанской политической практике «имеет этнический, но не социальный оттенок» /47/.

Отличительной чертой текущего момента является отсутствие многочисленной и дееспособной политической силы, которая могла бы составить реальную конструктивную оппозицию государственному внутриполитическому и внешнеполитическому курсу проводимых реформ, мобилизовать общественное мнение в поддержку иного политического курса и добиться при этом ощутимых положительных результатов. Существующие в республике оппозиционные политические организации не имеют широкой общественной поддержки и вследствие этого постоянно перегруппировывают свои силы, вступая в кратковременные союзы и блоки с тем, чтобы более точно выразить специфические интересы электората. Когда это не удается, предпринимаются попытки создания новой политической организации.

Заслуживает внимания точка зрения о том, что оппозиция, действующая в республике в рассматриваемый период, не располагает еще достаточной мощью для проведения эффективного воздействия на формирование и осуществление политического курса в силу имеющих место различий в политических и этнических приоритетах и ценностях. Одни слои как политической элиты, так и населения в целом ориентированы на западные ценности, другие – на национальные. Одни стремятся к рынку и уже живут в нем, другие видят панацею от всех бед в возврате к государственному регулированию экономики.

Отечественные исследователи задаются вопросом: можно ли казахстанские партии считать таковыми? /48/.

Чтобы на него ответить, следует обратиться к дефиниции понятия «партия», которая вытекает из сопоставления понимания феномена политической партии К. Марксом, В.И. Лениным, М. Вебером, Дж. Лапаломбаро, М. Вейнером, Р. Михельсом, рядом современных исследователей. Так, в книге «Политические партии и политическое развитие» Джозеф Лапаломбаро и Майрон Вейнер дают определение современной политической партии, в основе которого четыре связанных между собой критерия: а) долговременность организации, то есть организация уповает на такой срок политической жизни, который превышает срок деятельности нынешних руководителей; б) существование устойчивых местных организаций, поддерживающих регулярные и разнообразные связи с национальным руководством; в) решительное желание руководителей национальных и местных организаций получить и осуществить власть в одиночку или вместе с другими, а не только оказывать на нее влияние; г) поиск поддержки со стороны народа с помощью выборов или другим способом /49/.

М. Машан предлагает считать партиями организации, имеющие в своем названии намек на партийный статус, и выделяет на основе этого три условные группы:

1) официально зарегистрированные;

2) официально незарегистрированные;

3) находящиеся на стадии организационного становления и стремящиеся обрести легальный статус для участия в выборах /50/.

Данная типологизация спорна в том смысле, что к третьей группе, на взгляд автора, вполне могут быть отнесены политические партии, уже по-

лучившие официальную регистрацию, но еще находящиеся на первоначальной стадии организационного становления, что не позволяет проанализировать их деятельность на предмет соответствия партийному статусу.

Тем не менее, согласно этой типологии, в первую группу следует включить 15 политических партий, официально действующих в республике на 1 января 2001 года.

Во вторую группу объединяется ряд организаций, по каким-либо причинам не имеющих официальной регистрации, но время от времени обозначающихся в государстве в связи с различными общественно-политическими событиями: Партия социальной справедливости и экологического возрождения «Табигат», Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков), Национал-демократическая партия Казахстана «Желтоксан», Партия национальной свободы «Алаш».

Организации, которые должны быть отнесены к третьей группе, в настоящее время в политической системе Казахстана отсутствуют.

Неофициально действующие в стране организации не подпадают под дефиницию партии, предложенную Дж. Лапаломбаро и М. Вейнером, поскольку в соответствии с законодательством страны не могут активно и непосредственно участвовать в выборах, что противоречит последнему из четырех диалектически единых признаков, отличающих партии от других субъектов политики. Это тем более относится к организациям третьей группы (по вышеприведенной типологии М. Машана).

В этой связи дискуссию о том, отвечают ли казахстанские партии этому статусу в его классическом понимании, можно и нужно вести лишь в отношении субъектов первой группы.

В контексте тезисов о длительности существования, а также о стремлении к власти в рамках партийной дефиниции по состоянию на сегодняшний день партией не может быть названа СПК, т.к. она не смогла пережить смены политических поколений. Партия существует де-юре, де-факто не участвуя в политической жизни последние восемь лет, а ее руководители ведут активную политическую деятельность уже в рамках других организаций.

По причине фактического отсутствия практической деятельности М. Машан относит к «непартиям» и РПК /51/. Однако накануне выборов депутатов в Парламент и маслихаты Республики Казахстан 1999 года партия была «реанимирована» ее руководителями: она из-

менила свое название (НПК «Алаш»), прошла перерегистрацию в Министерстве юстиции и приняла участие в выборах. Поэтому, на взгляд автора, НПК «Алаш» не совсем отвечает классическому понимаю партии, но не по первому, а по второму родовому признаку, т.к. ее региональные организации фактически бездействуют. Следует подчеркнуть определение «фактически», поскольку в соответствии с Законом «Об общественных объединениях» все зарегистрированные политические партии республиканского уровня подтверждают наличие своих структурных подразделений (филиалов и представительств) /52/.

Подобная оценка, помимо НПК «Алаш», вполне допустима и в отношении таких партий, как ПНКК, ПВК, РППТ, НКПК, ДПК «Азамат», ДПЖК. Все они имеют локальные центры, сосредоточенные, в основном, в г. Алматы, однако их региональные отделения, если и созданы, то бездействуют, центр не имеет с ними прочных и систематических связей. Они лишь создают видимость партийного строительства. Данные партии относятся к типу «диванных». ПНКК, ПВК могут также быть названы партиями «мнимых политических величин», «партийного мелкотемья», «одного голоса», когда политическая организация лишена какой-либо социальной базы, но, благодаря своему лидеру, относительно влиятельна во властных структурах.

Анализируя современные политические партии страны с точки зрения третьего классического признака – ясно выраженное, решительное и сознательное стремление руководства организации к осуществлению власти, – следует отметить следующую особенность институционализации партийно-политического спектра Казахстана: вплоть до 1999 года ни одна из существующих политических партий того времени не заявляла открыто о своих притязаниях на власть, несмотря на то, что данный постулат в той или иной трактовке находил отражение в основополагающих документах каждой из них. Таким образом, здесь имеет место противоречие в действиях партий между заявляемым ими и фактически осуществляемым. Это противоречие отмечается политологами /53/.

Такая ситуация не могла быть следствием отсутствия соответствующей законодательной базы, ибо уже тогда существовал, пусть и в довольно ограниченном виде, законодательный механизм участия партий в государственном управлении путем предоставления им возможности выдвижения своих представителей в представительные органы страны

по одномандатным избирательным округам и формирования впоследствии из одержавших победу свои партийные депутатские фракции. И, следует отметить, практически все партии принимали участие по этой схеме в выборах депутатов высшего законодательного органа страны 1994 и 1995 годов, а ряд из них имел и депутатские формирования.

На взгляд автора, причины «безразличия» политических партий к завоеванию власти дифференцируются в зависимости от отношения политических образований к действующим властным структурам. У созданных «сверху» и придерживающихся в своих позициях государственного курса развития (СПК, ПНКК, ПНЕК, НКПК, ПВК, ДПК, РППТ) мнимая боязнь власти объясняется желанием руководителей данных структур адекватно соответствовать наличествовавшему в то время пониманию властной элитой места и роли политических партий в обществе. К примеру, лидеры существовавших в тот период партии ПНЕК и ДПК, единственных из всех, кто имел институционально оформленные и зарегистрированные фракции в Парламенте, неоднократно заявляли, что их партии не являются правящими и не ставят себе целью завоевание власти /54/.

В случае оппозиционных организаций (например, КПК) «вялые» притязания на власть объясняются их слабостью, боязнью откровенной поддержки данных партий со стороны граждан, что, в свою очередь, зависит от соответствующего уровня политической культуры общества.

Надо отметить, что ситуация, однако, принципиально изменилась в канун выборов депутатов в представительные органы власти в 1999 году. Именно тогда свои притязания на власть откровенно заявили вновь созданные ГПК, РПП «Отан», РНПК, ДПК «Азамат», АПК, а также КПК. Эти партии приняли активное участие в выборном марафоне, некоторые из них получили места в депутатском корпусе, создали депутатские фракции. В своих последующих публичных выступлениях они продолжают заявлять, что не отказываются от основной цели – завоевания власти, что, собственно, и соответствует классическому пониманию партий как таковых и отличает их от групп давления.

Кроме того, как показывают социологические опросы, эти политические партии имеют самый высокий уровень поддержки народа. Так, например, по данным мониторинга, проведенного институтом сравнительных социальных исследований «ЦЕССИ-Казахстан» 19-25 июня 2000

года, иерархия четырех ведущих партий представлена следующим рейтингом: деятельность РПП «Отан» поддерживает 20,9% опрошенных, КПК – 20,4%, АПК – 18,8% и ГПК – 14,4% /55/. Эти данные подтверждаются также опросом экспертов г.г. Алматы и Астана, поведенным группой VIProblem* совместно с пресс-службой Агентства по стратегическому планированию 12-13 декабря 2000 года (см. таблицу 2) /56/.

Таблица 2

Рейтинги ведущих политических партий

в процентах

Политическая партия	г. Алматы	г. Астана
КПК	91,7	60,0
ГПК	79,2	50,0
РНПК	66,7	15,0
РПП «Отан»	58,3	55,0
ДПК «Азамат»	37,5	30,0
АПК	29,8	70,0

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что развитие партийной системы государства идет в направлении, когда политические партии, действительно, будут соответствовать аналогичным структурам в государствах с развитым демократическим устройством.

Вместе с тем и ГПК, и РПП «Отан», и РНПК, и АПК можно назвать партиями с той долей условности, что, полностью отвечая на сегодняшний момент требованиям трех родовых партийных признаков, они, тем не менее, имеют пока недолговременный срок деятельности, а, следовательно, объективно говоря, просто не успели пережить смену политических поколений, что соответствует первому критерию.

Это в полной мере касается и таких политических партий, как ДПЖК, КСДП «Ауыл» и ППК. Но они еще дальше от именования их партиями, т.к. не принимали (ДПЖК) или не успели в силу более позднего срока создания (КСДП «Ауыл», ППК) принять участие в выборном процессе.

Подводя итог, можно констатировать, что кроме КПК ни одна из 15 политических партий страны не отвечает тем или иным классическим критериям, а потому не может быть названа в полном смысле слова партией. Достаточно высокий потенциал в этом плане про-

* В составе группы – сотрудники газеты «PANORAMA», Республиканского центра изучения общественного мнения (РЦИОМ), Казахстанского института социально-экономической информации и прогнозирования (КИСЭИП).

сматривается только у ГПК, РПП «Отан» и, возможно, у ДПК «Азамат». Все остальные де-юре существующие политические партии Казахстана, а тем более официально незарегистрированные не отвечают классическому определению и являются либо клиентелами, либо группами давления, либо политическими клубами /57/.

Рассматривая институциональный характер современных политических партий республики, следует отметить, что многие из них находятся в стадии становления и не имеют прочных корней в обществе. Партии немногочисленны, не имеют широкой социальной базы, обладают весьма скромными возможностями по мобилизации электората. Большинству из них присущи низкий уровень социальной поддержки, организационно-структурная и финансовая слабость, аморфность, раздробленность, чрезмерная идеологизация, неразвитость вертикальных связей, нестабильность мнений, отсутствие четко оформленного спектра собственных (партийных) посферных политических воззрений, предрасположенность к правореформаторскому блоку, тяготение в организационном оформлении к партии советского периода (мощная социальная база, монополия на истину и т.д.), сфокусированность политических событий в основном в г.г. Астане и Алматы.

Партии переживают относительную политическую безвестность, разногласия в руководстве, размежевание, расколы, объединения в новые структуры, амбиции больших и маленьких лидеров и пр. Подлинно партийная работа на местах, в отличие от центра, ведется крайне вяло. Да и сам партийный центр действует, как правило, в режиме «пожарной команды», откликаясь лишь на широкомасштабные политические акции в государстве.

Партии Казахстана «апеллируют скорее к абстрактным идейным ценностям, чем к реальным интересам тех или иных социальных слоев или групп. Часть из них не имеет ни ясных программ, ни четкой организации, ни материально-финансового обеспечения. Этот процесс продолжается до настоящего времени. Он сопровождается одновременным расколом и преобразованием старых партий и возникновением новых» /58/.

Практически все политические партии, демонстрируя приверженность конституционным нормам и демократическим ценностям, при развитых критических положениях в отношении властных структур и проводимой ими политике не имеют конкретных предложений по улучшению положения дел. Несмотря на декларированность у большин-

ства из них функции борьбы за политическую власть, в настоящей реальности по большому счету на участие в ней, как уже отмечалось, ориентирована деятельность только некоторых. К этому следует добавить наметившуюся тенденцию в расхождении политической деятельности партий с реальными запросами граждан.

В связи с вышеизложенным представляется правомерным мнение исследователей, что и в настоящее время, по прошествии десяти лет своего развития, казахстанские партии представляют собой пока лишь протопартийные субъекты политической жизни, переживающие общие для всего постсоветского пространства болезни роста. Их можно рассматривать лишь как потенциальные центры кристаллизации локальных общественных инициатив, направленных, главным образом, на решение ситуативных проблем выживания и поиска финансовых средств /59/.

Как уже отмечалось, институционализация казахстанской многопартийности отвечает общемировым закономерностям, выделенным автором в подразделе 4.1, на которые, однако, накладываются свои особенности. Остановимся на этом подробнее.

Первое, на что следует обратить внимание, это интенсивность образования политических структур. Если в «старой» Европе партогенез развивался веками, то в поставторитарных обществах последнего времени – фактически за годы. Вместе с тем в Казахстане этот процесс протекает несколько медленнее, чем, скажем, в России, и тем более – в восточноевропейских государствах. Закон, регламентирующий деятельность партий, появился в Казахстане в середине 1996 года, по прошествии трех лет после регистрации первой политической партии. Первые выборы по партийным спискам в Казахстане состоялись в 1999 году, на пять лет позже, чем в России. Российские партийные фракции депутатов в Государственной Думе действуют с 1994 года, причем на солидном уровне. В Казахстане депутатские формирования приобретают опыт парламентской деятельности, по сути, с конца 1999 года.

Причин такого развития событий много, однако «самая фундаментальная заключается в том, что на организационном, идеологическом и законодательном уровнях власть не поддерживала становление и развитие многопартийности в Казахстане» на первых этапах /60/. И даже пропрезидентские политические образования не имели достаточных возможностей заниматься полномасштабной политической деятельностью.

Следует предположить, что вслед за генезисом и институционализация образовавшихся партий также будет сжата по времени в сравнении с историческим опытом становления существующих политических партий развитых стран, хотя в целом, как уже отмечалось, эта закономерность перехода есть долговременный, противоречивый и неравномерный процесс, что характерно и для казахстанского политического спектра. В настоящее время в нем присутствуют партии и достигшие, в определенной степени, некоторых успехов, и те, которые продолжают оставаться в стадии становления, и те, которые заняли выжидательную позицию или быстро маргинализуются. Есть и такие, которые вообще ушли с политической арены.

Судьба многих отечественных партий имеет схожие черты с эволюцией подобных организаций государств СНГ: на определенном этапе развития общества политические формирования выполняют свои функции и в дальнейшем теряют общественную поддержку, которая переходит либо к новым политическим партиям и движениям, способным более четко отразить и реализовать специфические интересы части электората, либо к государственным структурам, если им удается перетянуть общественное мнение на свою сторону /61/.

Следующая универсальная черта партстроительства в условиях транзитного общества, заключающаяся в том, что становление партий происходит одновременно с формированием государства, культивируется целым рядом связанных с этим обстоятельством факторов, каждый из которых, в свою очередь, может рассматриваться в качестве автономно присутствующего в группе закономерностей и тенденций, характеризующих институционализацию партийной системы трансформирующегося социума.

По мнению автора, все эти факторы можно объединить в три группы: объективные, субъективные и искусственные. Применительно к Казахстану они наполняются особой, отличной от других государств, спецификой.

К первой группе следует отнести те составляющие, которые определены исключительно процессом общественно-исторического развития казахстанского общества как в прошлом, так и в современный период.

Прежде всего, это касается его этнонациональной специфики. В казахстанском социокультурном пространстве соприкасаются две ментальности: западная (точнее – славяно-православная) и восточная (точнее –

исламская), образуя своеобразный ментальный гибрид. Поскольку «Запад» и «Восток» – собирательные понятия, постольку и ментальность многочисленных этносов внутри континентальных геополитических общностей варьируется, обнаруживая более узкие национально-особенные, культурологические и психологические особенности, вплоть до альтернативных /62/. Поэтому, в отличие от представительских политических систем западного типа, признающих легитимность индивидуальных интересов и допускающих их конфликтность, Казахстан характеризуется смешанным типом политической системы: помимо названных в его социуме присутствуют также, и даже преобладают, устойчивые ориентации на консенсус и гармонию, достижение коллективных целей за счет интересов отдельной личности, патернализм, подданическое отношение и перманентная лояльность к любому центру реальной власти (государству в целом, сильному лидеру, полиции, средствам массовой информации), четко прослеживаются такие особенности демократических институтов многих современных стран Востока, как патрионально-клиентальный тип организации власти, приверженность харизматическим лидерам, иерархичность, личностные ориентации, что является серьезным препятствием для формирования партий по западному образцу /63/. В совокупности это приводит к тому, что, несмотря на декларируемые цели построения демократического общества по опыту развитых (западных) стран, коренные преобразования, идущие в республике, имеют свой вектор направленности, отличный в настоящее время как от западного, так и от восточного образцов.

Другим важным объективным фактором является отсутствие в отечественной политической практике демократических традиций /64/. Несмотря на первый опыт партийного строительства, полученный Казахстаном в конце XIX – начале XX веков, он все же не может быть достаточным для создания в короткие сроки в республике цивилизованного дееспособного института политических партий. Как справедливо отмечает С.Т. Сейдуманов, «за современными объединениями, объявляющими себя партиями, не было, как на Западе, ни массовой поддержки, ни исторических предпосылок...» /65/. «Краткий опыт существования множества политических группировок в 1917-1920 годах не закрепился в политической культуре и исторической памяти народа» /66/. Эта одна из причин, по которой Казахстан отстает в фор-

мировании партийной системы от России: в республике создается новый режим с присущими ему атрибутами, которых не было в системе прежнего государственного устройства страны.

Еще одна характерная особенность этого ряда – обстоятельства, возникающие как наследие тоталитарного прошлого. Их влияние в сочетании с этнонациональной определяющей значительно тормозит политическую социализацию людей, развитие их гражданской инициативы, стремление реализовать свои интересы через политические структуры общества, что отнюдь не способствует активизации процесса партстроительства в государстве. Эта составляющая группы объективных факторов проявляется в нескольких аспектах:

а) наличие в социуме феномена «массового человека». Это явление в политологии, социальной философии и социологии, впервые описанное британским философом Майклом Оукешоттом /67/, характеризуется преобладанием в обществе типа людей, существенной чертой которого становится то, что он позволяет другим быть лишь повторениями самого себя, накладывает на всех униформизм верования и поведения. «Возникает модель одномерного мышления и поведения, в которой идеи, побуждения и цели, трансцедирующие по своему содержанию утвердившийся универсум дискурса и поступка, либо отторгаются, либо приводятся в соответствие с терминами этого универсума, предопределяемые рациональностью данной системы и ее количественной мерой (its quantitative extension)» /68/. По мнению известного российского ученого-политолога К.С. Гаджиева, «вырабатывается одномерный подход к объяснению окружающего мира по формуле «абсолютно верное против абсолютно ложного», «добро против зла», «свет против тьмы»... Середина отсутствует. ...масса как скопление людей приобретает качественные параметры социально-типического» /69/.

«Массовый советский человек» был вылеплен по канонам коллективизма, тотального (однако не реального) равенства и патерналистской веры в государство. Ему присущи гражданско-политический инфантилизм, иждивенчество, конформизм, социальная инертность, иррациональность, правовой нигилизм и общекультурная неразвитость /70/. Это – безынициативный субъект, лишенный навыков к политической самоорганизации и самодеятельности /71/;

б) действие в политической системе страны антагонистических про-

тиворечий между еще не до конца разрушенными старыми отношениями и новыми, которые пока еще не приобрели необратимый характер. Они порождают повышенную конфликтность общества, снижают возможности конструктивного сотрудничества, в том числе и политических партий, нередко подталкивая их на прямые конфронтационные действия, особенно на первых этапах развития политической системы. «При сохранении претензий государства на всеобъемлющий социальный контроль, при создании искусственных препятствий для доступа к власти новых социальных групп, а также при низком уровне толерантности политической культуры на крайних флангах политического сектора институционализируются общественные силы, изначально ориентированные не на включение в систему, а на ее подрыв» /72/;

в) проявление у казахстанских граждан на первых этапах формирования плюралистической тенденции синдрома «усталости народа от политики» за годы господства КПСС, когда введение института многопартийности в массовом сознании воспринимается как восстановление партийной диктатуры, дискредитировавшей за время тоталитаризма в глазах граждан институт политических партий. Политологи отмечают в это время даже своеобразную аллергию на слово «партия».

Этот синдром породил подкрепляемые впоследствии реалиями общественно-политической ситуации неприязнь и недоверие к институту политических партий, неверие граждан в возможности партий влиять на изменение ситуации к лучшему, которые достаточно устойчиво прослеживаются на основе данных социологических исследований. К примеру, на вопрос «Нужны ли в нашем государстве политические партии или не нужны» 90% респондентов – руководителей и активистов неправительственных организаций – ответили, что не нужны вообще /73/. На вопрос же «Каким политическим силам или лидерам Вы доверяете в большей мере?», заданный Ассоциацией социологов и политологов г. Алматы,* 52,6% респондентов ответили: «никому не доверяю». А ведь эту группу людей следует отнести к разряду достаточно активных. Надо ожидать, что среди основной массы населения этот показатель будет значительно выше.

* Социологический опрос проводился в рамках проекта «Социальное партнерство ради устойчивого развития: состояние, тенденции, перспективы» в декабре 1995 г. в среде руководителей и активистов неправительственных организаций г. Алматы.

Как отмечает отечественный ученый А.С. Балгимбаев, нужна кропотливая работа, а главное, практика функционирования партий в системе власти, дабы убедить граждан, что существование правящих партий не приводит к партийной диктатуре при наличии оппозиции и диверсификации политических ролей, составляющих нормы демократического общества /74/. Представляется, что во временном отношении это может быть измерено жизнью целого поколения;

г) политическая культура и политические институты страны несут на себе груз традиций. Это проявляется в той степени, в какой само общество продолжает оставаться объектом традиционного управления его властных структур. Инерция авторитарной культуры руководства приводит к исключительному влиянию государства на процесс образования и развития партий в республике. Так, например, ретроспективный взгляд на генезис существующих де-юре в политической структуре казахстанского общества партий позволяет констатировать, что зарождение, по меньшей мере, 10 из 17 существовавших и сохранившихся в политической системе Казахстана партий шло путем организации «сверху», институтом власти. Что касается укрепления и развития института многопартийности, то этот процесс вообще всецело зависит от государства: он интенсивен, если имеет место глубокое понимание властной элитой неизбежной необходимости партийной конструкции в государстве, и значительно отстает в развитии, если такое понимание лишь декларируется.

Становление партийного института также в значительной степени детерминируется таким объективным рядом, как вектор социально-экономического развития страны, прослеживающимся по следующим параметрам:

а) казахстанское общество характеризуется тяжелой социально-экономической ситуацией, выражающейся в падении производства, росте цен, инфляции, безработице, обнищании населения, сужении границ системы соцобеспечения, возрастании криминогенной обстановки и пр. Жизнь в таких условиях привела людей к апатии, чувству потери перспективы исторического развития, неуверенности в завтрашнем дне и выдвинула на передний план проблему выживания. В первое десятилетие независимости республики становление демократии во многом отождествлялось казахстанцами со всеми отрицательными моментами кризиса общества, и прежде всего экономического. Эта естественная для переходного социума ситуация переносит ак-

цент с политики на экономику и социальные проблемы, снижает заинтересованность граждан в политических процессах, отвлекает их от активного участия в деятельности политических партий;

б) в условиях сложившегося экономического положения наблюдается социальная напряженность, которая имеет тенденцию к возрастанию. В массовом сознании казахстанского общества все еще продолжают доминировать тоталитарные стереотипы и модели политического поведения, соответствующей политической культуры, признающие насилие основным способом разрешения конфликтов. Поэтому имеющее место равнодушие значительного числа населения к партийным формам участия является тревожным индикатором латентного накопления в обществе неуправляемой социальной энергии /75/. В этой связи отечественные ученые поддержку многопартийности возводят в разряд основных способов, нейтрализующих негативные аспекты и поддерживающие социальное равновесие в социуме /76/;

в) идет интенсивная дифференциация общества. Во вновь создающемся казахстанском государстве размытость социальных интересов, их неустойчивость, обусловленные разрушением привычных форм идентификации личности и медленным становлением новых социальных связей, вызывают подвижность и условность границ между социальными группами и классами, значителен удельный вес маргинальных слоев. Частный социальный интерес широких групп населения находится только в стадии формирования, к тому же он ими по-настоящему еще не осознан.

Для отечественного истеблишмента продвижение групповых интересов в рамках существующих партий не является существенно важным. Казахстанская экономическая и политическая элита эффективно конвертирует властные ресурсы в ресурсы экономические и информационные, используя возможности теневого лоббирования интересов, а нонконформистский вариант политического поведения неэлитных слоев характеризуется преобладанием пассивных видов политического поведения (критик, наблюдатель, протестное голосование, политический абсентеизм) на различных стадиях электорального процесса.

Это вынуждает партии искать свою социальную базу не внутри страт, а на стыках социальной структуры. Незавершенность процесса стратификации казахстанского общества до такой степени, чтобы появились крупные общественные силы, заинтересованные в создании

крепких партийных структур, ведет к созданию социально-многослойных политических партий-конгломератов, имеющих сходные политические программы, обусловливает искусственный, «интеллигентский», а по существу – внесоциальный характер казахстанской многопартийности на первых этапах ее развития. Возникнув как реакция на процесс либерализации тоталитарного политического режима и будучи, по своей природе, поначалу продуктом распада официальной идеологии, партии не могли быть чем-то большим, чем «группами сознания», сплотившимися вокруг идеологических фантомов – лозунгов, символики, а также популярных политических лидеров /77/;

г) интенсивность дифференциации социальной структуры общества, в свою очередь, имеет под собой экономическую основу. Республика Казахстан не имеет рыночных традиций в экономике, поэтому здесь нет пока той степени свободы предпринимательства и хозяйственной деятельности, которая характерна для рынка, недостаточно развиты различные формы собственности, идет становление социальных групп, глубоко заинтересованных в дальнейших реформах. Основные капиталы слишком связаны с государством, а значит, подконтрольны центральной власти. Отсюда нет и должной заинтересованности хозяйствующих субъектов в деятельности политических партий /78/;

д) поляризация между народом и властью в обществе произошла по линии власть-народ, однако в обратном направлении – народ-власть – она малозаметна. В обществе, как уже отмечалось, еще довольно сильны патерналистские взгляды на государство. Привыкшее в советский период напрямую иметь дело с органами государственной власти и не активное в политическом плане население Казахстана в настоящее время слабо нуждается в политических партиях как потенциальных посредниках между ними и государством, считая оправданными свои ориентации на государство и свои ожидания от него улучшения жизни;

е) формирующееся в казахстанском социуме переходного периода гражданское общество еще очень слабо развито, не адекватно действующему в стране с развитой демократией, становление которого увязывается с изменениями социальной структуры, экономических отношений, политической системы, с переменами в политической культуре и психологии как фундаменте, обеспечивающем устойчивость нового общества и государства.

В целом, на взгляд автора, в настоящее время можно говорить о зачатках гражданского общества в Казахстане, если рассматривать его в современном понимании этого термина, которое получает все более широкое распространение среди исследователей преобразований в экссоциалистических странах: как совокупность независимых от государства социальных акторов и каналов коммуникации /79/. Составной частью гражданского общества в рамках данного перехода является «политическое общество», также являющееся казахстанской реальностью, понимаемое одновременно «и как медиатор, чьей важнейшей функцией является согласование целей, приоритетных с позиций общегосударственных интересов, и целей, которые ставят перед собой различные группы населения на основе собственных независимых интересов. Эта функция воздействия на процесс принятия решений на различных уровнях государственной власти осуществляется через институты представительной демократии (парламент, маслихаты и др.), независимые средства массовой информации и другие каналы политической коммуникации» /80/. Гражданское общество, конечно, еще очень слабое, формирующееся, но оно существует, и его акторы в той или иной степени оказывают влияние на политику. Политическое же общество, на взгляд автора, еще не работает так автономно, как в развитых демократиях Запада, оно, как уже отмечалось, есть часть гражданского.

И, наконец, на формирование многопартийности в Казахстане специфическое воздействие оказывают такие объективные факторы, как крайне неравномерная и низкая плотность населения страны, неразвитость транспортной инфраструктуры, огромные расстояния между городами, отсутствие информации в ряде сельских регионов и пр. /81/.

Вторая группа факторов, влияющая на институционализацию партийной системы – субъективные, – связана с повседневной деятельностью самих политических партий и проводимой ими политикой.

Партийное бытие Республики Казахстан свидетельствует о низком уровне проводимой партиями организационной и идеологической работы. Этому обстоятельству можно дать, по крайней мере, несколько объяснений.

Во-первых, многие политические партии были созданы в интересах политической конъюнктуры, когда возникла необходимость принять участие в определенных политических мероприятиях и акциях, (демонтаж тоталитарной системы, выборы Главы государства или в Пар-

ламент, поддержка правящей элиты по проведению референдумов по продлению полномочий Президента страны Н.А. Назарбаева до 2000 года, по принятию Конституции республики). Сформированные для выполнения таких определенных задач политические партии, с момента их решения не видят своей дальнейшей перспективы и фактически не заинтересованы в активизации своей деятельности. Время показало, что подавляющее большинство таких партий – ПНКК, НКПК, ПВК, ДПК, РППТ – переходило в стадию стагнации, активизируясь, в лучшем случае, на выборах, не оказывая сколько-нибудь значимого постоянного влияния на общественно-политическую жизнь республики.

Во-вторых, как отмечалось выше, в отечественном партстроительстве имеет место устойчивая тенденция создания партий по инициативе «сверху», когда инициатором акта выступают представители центральных органов государственной власти или депутаты Парламента. Эта тенденция тесно увязывается с формированием партий по конъюнктурным соображениям правящей элиты, которая на первом этапе создания такой партии оказывает ей всевозможную поддержку. Однако после выполнения партией задачи, возложенной на нее властью, последняя теряла к ней интерес, оставляя, по сути, на произвол судьбы.

В-третьих, большинство казахстанских партий персонализированы, т.к. создавались под конкретного лидера, и гораздо более зависимы от его положения и политической репутации (которая зачастую определяет ее политический имидж, политический стиль, выработку политического курса), чем политический лидер – от партии. Поэтому в зависимости от идейных ориентаций лидера, его субъективных колебаний меняются, как правило, и партийные ориентиры, а падение рейтинга или «включенность» лидера в государственные структуры, значительно снижающая его активность, а тем более уход руководителя партии с политической арены, снижают активность и самой партии, нередко приводя к приостановке или к полной стагнации ее деятельности. Яркой иллюстрацией этому является деятельность СПК и ПНКК.

В-четвертых, в казахстанском политическом обществе отсутствует острая конкуренция, являющаяся, как известно, двигателем прогресса, которая заставила бы партии постоянно анализировать, формулировать и отстаивать различные социальные интересы. Это прослежи-

вается уже в схожести программ всех действующих в республике политических партий, независимо от их идеологических ориентаций.

В-пятых, одной из существенных причин партийной пассивности выступает дефицит у партий необходимых финансовых и материальных средств для обеспечения своей текущей деятельности, что вряд ли требует пояснения.

К группе искусственных факторов, оказывающих влияние на развитие многопартийности в Республике Казахстан, нужно отнести обстоятельства, являющиеся следствием проводимой государством политики по отношению к партийному строительству. Как правило, эти факторы носят организационно-правовой характер и связаны с теми или иными вопросами законодательного регулирования деятельности политических институтов.

Доминирующим здесь является отсутствие механизмов реального участия политических партий в осуществлении государственной власти и управления. Об этом красноречиво свидетельствует законодательство республики, регулирующее их деятельность, которое имеет недостатки и противоречия правового и политического характера.

Законодательная основа деятельности политических партий в республике впервые была закреплена Конституцией Республики Казахстан 1993 года, а качественно новым ее этапом следует назвать принятие летом 1996 года Законов Республики Казахстан «Об общественных объединениях» и «О политических партиях», которые внесли заметный вклад в правообеспечение деятельности общественных и, в частности, политических организаций республики. Введение их в действие было «связано с необходимостью как регулирования деятельности партий в рамках конституционной законности, обеспечения формирования партий парламентского типа, так и предотвращения политизации тех общественных объединений, которые в качестве своих программных целей преследуют культурологические, этнографические или другие неполитические цели» /82/.

Однако в целом законодательная база по политическим партиям, как уже отмечалось, весьма сужена в сравнении с таковой в странах с развитой демократией и во многом имеет ограничительный характер по отношению к ним /83/.

Прежде всего, это касается Закона Республики Казахстан «О полити-

ческих партиях» /84/. Фактически он является своего рода приложением к Закону «Об общественных объединениях», что несколько принижает положение партий как особых объектов правового регулирования.

На взгляд автора, уже при определении статуса политических партий (ст. 1) данный закон недостаточно отражает их значимость в обществе и государстве, не предоставляет политическим партиям особых прав (ст. 14), присущих только им, что приводит к фактическому размыванию партий среди других общественных объединений. Цель создания партии сужена до рамок реализации политической воли ее членов только путем участия в осуществлении государственной власти через своих представителей в составе представительных органов Республики Казахстан, хотя сама принадлежность к какой-либо партии уже сама по себе может рассматриваться как реализация политической воли граждан.

Серьезным обстоятельством, препятствующим развитию процесса партийного строительства, является установление законом жестких условий создания и государственной регистрации партии, в частности, наличия в ней 3000 членов для этой цели, предоставление в органы юстиции списка с указанием адреса каждого члена партии, причем заверенного по месту его работы или учебы, создание не менее чем в 12 областях страны отделений партии (п. 4 ст. 10). Учитывая массовую аполитичность населения, это довольно высокие требования. Кстати, в Швейцарии, к примеру, требуемое количество членов для регистрации политической партии – 3 человека, в Болгарии – 50 человек, в Румынии – 251, в Анголе – 500 человек.

Интересно предписание настоящим законом гражданам состоять только в одной партии. Это, видимо, прерогатива самой партии. Диктат же в данном случае со стороны государства вполне может быть расценен как его вмешательство одновременно и во внутренние дела партий, и в личную жизнь граждан, что явно противоречит конституционным нормам страны.

На взгляд автора, можно было бы допустить создание первичных партийных организаций в негосударственных структурах по профессиональному принципу.

Довольно спорным выглядит и факт запрета финансирования политических партий со стороны государства, когда мировая тенденция развития партийных институтов свидетельствует о прямо противопо-

ложном (Франция, Австрия, Швеция, Испания, Италия, Болгария, Латвия, Ангола, Бенин и др.).

В специальной литературе выделяют прямое и косвенное государственное финансирование партий /85/. Под прямым государственным финансированием понимается выделение прямых бюджетных субсидий. В 60-70-е годы XX столетия многие государства перешли к этому виду финансирования партий. В зарубежных странах существуют две его формы: общее и специальное. Общее – предоставление государственных субсидий на текущую деятельность, оно имеет место в некоторых государствах. Специальное – более распространенное – связано, как правило, с участием политических партий в избирательном процессе и деятельностью парламентских фракций.

Еще большее распространение за рубежом получило косвенное государственное финансирование партий, поскольку оно не требует прямых финансовых затрат со стороны государства и осуществляется в форме предоставления партиям налоговых льгот, передачи определенной недвижимости на безвозмездной основе, бесплатный доступ к СМИ и возмещение затрат на решение технико-организационных вопросов в период выборов и т.п.

Поскольку в Казахстане имеет место практика косвенного государственного финансирования политических партий (к примеру, предоставление им как некоммерческим организациям налоговых льгот, оплата размещения агитационных материалов кандидатов от партии в государственных СМИ, оплату их транспортных расходов в рамках выборов), законодательное запрещение государственного финансирования партий нарушается самим же государством.

Автор согласен с мнением, что запрет на государственное финансирование политических партий в Казахстане является явным исключением в общей мировой тенденции прямого государственного финансирования /86/, приобретшего практически универсальный характер /87/.

И уж совсем неоправданным представляется отсутствие прямого государственного финансирования избирательных расходов политических партий. Несложно подсчитать, что для полноценного участия в парламентских выборах политическая партия в соответствии с действующим сегодня законодательством должна иметь около 100.091.000 тенге: до 5.101.000 тенге – общий взнос за выдвижение кандидатов в

депутаты во всех 67 мажоритарных округах и 10 кандидатов по партийному списку, до 81.740.000 тенге – максимальное количество средств для внесения в избирательные фонды этих кандидатов, до 13.250.000 тенге – максимальное количество средств для внесения в собственно партийный фонд. Это значительные финансовые средства, которые ни одна отечественная партия не способна обеспечить себе самостоятельно. В связи с этим введение прямого государственного финансирования избирательных кампаний политических партий полностью, или хотя бы частично, представляется неизбежным.

К недостаткам действующего Закона о партиях вполне оправданно следует отнести и отсутствие какой бы то ни было связи его с Конституционным законом Республики Казахстан «О выборах в Республике Казахстан» /88/, а также с Законом «О Парламенте Республики Казахстан и статусе его депутатов».

Автор разделяет мнение, утвердившееся в отечественной партиологии, о том, что Закон о выборах, несмотря на декларируемый им смешанный – мажоритарно-пропорциональный – тип избирательной системы, все же не позволяет политическим партиям оказывать заметное влияние на государственное управление, т.к. их участие в парламентских и президентских выборах даже в этом случае носит ограниченный характер. Более подробно этот вопрос будет рассмотрен в подразделе 4.3 настоящей работы.

На основании вышеизложенного видно, что статус партий остается размытым, и они, по большому счету, по-прежнему лишены самого важного в контексте цивилизованного подхода к их роли в государстве. Главная цель выборов в демократической стране – отбор правительства из партии большинства или из коалиции политических партий – остается для республики задачей обозримой перспективы. И предоставление партиям дополнительных мест в Парламенте эту ситуацию не меняет. (Более того, отсутствие законодательного механизма формирования высших органов государственной власти политическими партиями, прошедшими в Парламент, по сути, выхолащивает значение этого нововведения). Следовательно, у партий сегодня нет и прецедента, который заставил бы их решать вопросы своего представительства на государственном уровне: подбирать, привлекать, растить управленческие кадры, разрабатывать программы развития государства на перспективу, в том числе и экономические.

Следует подчеркнуть, что реальное участие казахстанских пар-

тий в управлении государством станет возможным тогда, когда конституциолизируется правовая норма, позволяющая им по итогам выборов в Парламент выдвигать своих представителей на государственные посты, формируя исполнительную ветвь власти. Кстати, это может иметь место, как представляется, уже в ближайшей перспективе. Такое заключение автор делает по факту выступления Главы государства Н.А. Назарбаева на третьем съезде РПП «Отан» 20 апреля 2001 года, в котором он впервые за десятилетнюю историю развития отечественных политических институтов заявил о том, что партия, получившая большинство голосов избирателей, должна иметь «легитимное право на проведение своей ответственной политики. И именно она будет формировать Правительство» /89/.

Иными словами, власти Казахстана публично признали, что апартийный характер формирования исполнительных органов принижает значение казахстанских партий, не способствует активной деятельности их представителей в Парламенте.

На уровень этой активности также значительное влияние оказывают Закон Республики Казахстан «О Парламенте Республики Казахстан и статусе его депутатов» и разработанный на его основе регламент работы Парламента, в которых отсутствует механизм воздействия политических партий на своих депутатов, что делает последних независимыми от выдвинувших их партий и позволяет им проводить в Парламенте собственную политическую линию, идущую, порой, в разрез с партийными интересами. Кроме того, право партий на создание фракций в Парламенте республики, делегируемое им законом о Парламенте, входит в противоречие с законом о партиях, который запрещает создание организаций политических партий в государственных органах. Об этом более подробно изложено в других разделах настоящей работы.

Таким образом, действующее в Казахстане законодательство по политическим партиям весьма сужено в сравнении со странами с развитой демократией. Для него характерны, на взгляд автора, излишние государственное регулирование и контроль участия субъектов политической системы в общественной жизни, выражающиеся как в прямом, так и в косвенном вмешательстве государства во внутренние дела партий, отсутствие норм и правовых механизмов интегрирования партий в структуру власти, что, безусловно, не способствует укреплению

и эффективному, динамичному развитию многопартийности. Законы Республики Казахстан, регламентирующие деятельность политических партий, несовершенны, имеют немало упущений, противоречий отдельных их норм нормам Конституции страны, взаимным нормам, а также нередко своим собственным. Игнорирование в них конструктивных моментов зарубежной практики привело к серьезным препятствиям создания и деятельности партий.

Представляется, что отсутствие дееспособных партийных институтов, с которыми бы идентифицировались оппоненты и с которыми легче было бы вести диалог и искать согласие, обеспечивающее поддержку различных слоев населения проводимой реформаторской политике даже в современных сложных условиях, ведет к тому, что власть вполне может оказаться один на один с массой людей, доведенных до тяжелого состояния в связи с несбывшимися ожиданиями темпов и результатов идущих реформ. Искусственное сдерживание законодательного развития многопартийности может привести, в лучшем случае к выигрышу в тактике, но в стратегическим плане проигрывает все общество /90/.

По мнению автора, законодательное закрепление в Казахстане широко известных в мировой практике норм, усовершенствование законодательства, регламентирующего деятельность политических партий в сторону демократизации, определение юридических границ государственной политики в этом вопросе, наконец, строгое соблюдение действующего законодательства могли бы открыть для партий совершенно новые возможности в работе, а у населения, что особо важно, возрос бы интерес к политическим организациям.

Проведенный анализ специфики и проблем формирования многопартийности в Казахстане сквозь призму поэтапного выявления роли политических партий в становлении казахстанской государственности позволяет констатировать, что в республике идет радикальная трансформация политической системы. Этот процесс включен в общую волну расширения границ политического плюрализма на территории стран Восточной Европы и бывшего СССР. Наиболее значительные изменения в политической сфере Казахстана в период его транзита произошли в части избирательной системы страны, которая, как известно, является одним из самых мощных факторов демократического развития того или иного государства /91/. В результате политические партии

становятся реальным субъектом политики в государстве. Они признаны необходимым институтом общества. По данным экспертного опроса, проведенного группой VIProblem* в начале 1997 года, рейтинг доверия к политическим партиям у населения республики уже в то время соизмерялся с таковым к Правительству и Парламенту (32-34%) /92/. В 1999 году на вопрос: какие партии в Казахстане Вы знаете, сумели дать ответ 46,7% опрошенных** /93/. Для сравнения: сопоставление результатов социологических опросов, проведенных в период с 1991 по 1997 годы, показывает, что институт политических партий в ранжированном перечне субъектов политической системы казахстанского общества занимает 4-5 места, уступая по степени осведомленности таким субъектам, как Президент страны, Правительство, Парламент республики, местные органы власти /94/.

Абсолютная необходимость существования многопартийности для становления реального демократического процесса показана в сентябрьском (1998 года) Послании Президента страны народу Казахстана. Здесь была подчеркнута роль политических партий в важнейшем для демократии деле: выявлении различных интересов социальных сил, составляющих гражданское общество, сопоставлении этих интересов и их согласовании на основе принципов демократии; а также – в формировании политической власти (призванной проводить в жизнь согласованные и поддержанные большинством программы, отвечающие этим интересам) в процессах контроля гражданского общества за деятельностью политического руководства, в процессе постоянной взаимосвязи общества и политической власти /95/.

Однако анализ также выявляет «болевые» точки процесса становления и развития многопартийности. Роль и влияние партий на характер внутриполитического процесса, на механизм выработки и принятия государственных решений возрастает довольно медленно, что является следствием действия многочисленных объективных, субъективных и искусственных факторов, не позволяющих партиям реализоваться адекватно классическим представлениям о данном политическом институте. Качественные измене-

* В составе группы – сотрудники Республиканского центра изучения общественного мнения (РЦИОМ), КИСИ при Президенте Республики Казахстан, республиканской газеты PANORAMA

** Опрос проводился в г. Астане институтом сравнительных социальных исследований «ЦЕССИ-Казахстан»

ния деятельности партийных организаций не соответствуют их количественному росту. Казахстанские партии все еще не выполняют те функции, которые присущи партиям в государствах с развитой демократией. Они пока не стали агентами многих крупных сегментов общества, в должной мере не осуществляют связь граждан с государственными институтами.

Альянс партий с новыми группами интересов только начинается и очевидно будет трудно осуществляться в силу неразвитости демократических традиций и слабого гражданского общества. Традиции корпоративизма, привычное слияние партийных кадров с бюрократическим аппаратом, коррупция мешают интеграции запросов основных групп общества в систему власти.

3. Политические партии Казахстана в контексте выборных кампаний

Своеобразие партий как общественных институтов определяет их основное предназначение – реализация предлагаемых ими программ в конкурентной и прямой (открытой) борьбе за государственную власть путем участия в выборах.

«Демократия неосуществима вне политического избирательного процесса, дающего гражданам возможность выбора различных политических деятелей среди претендующих на определенный законом срок не только представлять их интересы, но и проводить собственную политику развития, санкционированную избирателями. В современных условиях избирательная реформа должна рассматриваться в качестве одного из политико-правовых средств стабилизации политического процесса, содействия развитию демократических основ и институтов гражданского общества, структуры избирательного процесса, его институтов и процедур, соблюдения гарантий прав и свобод граждан и общественно-политических объединений, по реальному участию в выборах и в осуществлении контроля за деятельностью выборных представительных и исполнительных органов государственной власти» /96/.

Сегодня в подавляющем большинстве развитых стран выборы – это выборы политические, поскольку их исход, так или иначе, зависит от активности политических партий. Уровень же этой активности определяется в государстве типом избирательной системы.

Казахстанское выборное законодательство за годы независимости стра-

ны изменилось более других. Такая тенденция верно подмечена известным американским политологом С. Липсетом: «Политические институты, в том числе избирательные системы,... меняются с большей легкостью» /97/. В Казахстане за период с 1990 по 1995 годы произошла двукратная смена избирательных систем, впоследствии в выборное законодательство неоднократно вносились изменения, направленные, в том числе, на изменение роли политических партий как субъекта выборного процесса. За это время республика пережила пять выборных кампаний, в четырех из которых приняли участие политические партии, причем каждая из них являлась очередным стимулом для их дальнейшей институционализации.

Как правило, все страны мира делятся на три основные категории:

- страны с конкурентными выборами;
- страны с полуконкурентными выборами;
- страны с неконкурентными выборами.

Казахстан, по мнению отечественных политологов, в настоящее время занимает место между первой и второй группами стран /98/. Выборы в республике за 10 лет преобразований приблизились к стандартам западных избирательных кампаний, стали мощным системообразующим фактором обновления всей политической системы государства, возрастания участия в политике различных групп населения и формирования новых политических институтов.

Как известно, избирательные кампании советского периода являли собой демонстрацию единства монопольно правящей компартии и советского народа, а также своеобразное подтверждение доверия и лояльности избирателей по отношению к власти. В переходный период осуществился переход от такой политической практики: выборы стали проводиться как открытая конкуренция кандидатов.

Состав Верховного Совета страны XII созыва в 1990 году избирался на конкурентной основе в большинстве избирательных округов, а также путем предоставления квоты общественным объединениям, что оказало значительное влияние на разрушение однопартийной системы.

Принятый в 1993 году Кодекс о выборах определял избрание депутатов Верховного Совета XIII созыва в 1994 году уже по мажоритарной системе относительного большинства. Порядок выдвижения кандидатов в депутаты при этом предусматривал непосредственное участие в нем политических партий. Вместе с тем Кодекс ограничи-

вал электоральную функцию партий, поскольку предоставлял право выдвижения наряду с партиями и другим общественным организациям, а также самим гражданам путем самовыдвижения.

Это ограничение осталось в силе и при пересмотре законодательства о выборах, осуществленном в сентябре 1995 года. Принятие Указа Президента Республики Казахстан, имеющего силу Конституционного закона, «О выборах в Республике Казахстан» диктовалось необходимостью закрепить концептуально новый порядок формирования высшего представительного органа, осуществляющего законодательные функции. В соответствии с этим правовым документом выборы первого казахстанского двухпалатного Парламента в октябре-декабре 1995 года прошли уже по мажоритарной системе абсолютного большинства.

Анализ предвыборной тактики политических партий, а также компаративный анализ результатов социологических опросов, проведенных Информационным центром Верховного Совета в г. Алматы в марте 1994 года и феврале 1995 года /99/, позволяют выделить основные тенденции, характерные не только для процесса развития политических партий, но и для электорального поведения респондентов. Следует отметить, что в силу непродолжительного отрезка времени, разделяющего эти две кампании, специфика и тенденции их прохождения, отмеченные в ходе первой из них, практически повторились и во второй.

Прежде всего, ни серьезной заинтересованности в деятельности политических партий, ни доверия к ним со стороны граждан не было проявлено. Особенно это было характерно для кампании 1994 года. Так, на условный вопрос – за какую партию Вы будете голосовать? – не ответило в то время респондентов в пределах 40-55% от числа опрошенных /100/.

Дефицит доверия к партиям со стороны населения, порождаемый, прежде всего, их слабыми законодательными возможностями, сказывается на масштабах политического участия электората в выборах. В этом – корни неверия в возможность реальной поддержки со стороны партийных организаций во время выборов. Поэтому граждане, принявшие решение баллотироваться, предпочитали самовыдвижение.

Слабость партийно-политических ориентаций населения поставила итоги выборов в зависимость от изменения индивидуального голоса в связи с различными обстоятельствами: например, личностей кандидатов, политической демагогии, политиканства и пр.

Это породило, в свою очередь, другую специфику описываемых избирательных кампаний, которая проявилась в том, что электорат высказал свои предпочтения по линии от личности баллотирующегося политика к партии, которую он представляет (если она имеется), а уже затем к программным установкам этой партии. Известно, что в западных странах этот процесс протекает в обратном направлении: от осознания своих политических потребностей к конкретной политической партии, способной их реализовать, а через это – и к ее кандидатам.

Такая тенденция связана, как уже отмечалось, с одной стороны, с этнонациональной спецификой казахстанского социума, когда в условиях восточной общественно-политической традиции исторически сформировалась у граждан такая черта менталитета, как авторитарное подданническое сознание, ориентация на лидера, с другой – с феноменом «беспартийного голосования» в условиях советской избирательной системы, закрепившейся в политической системе государства и общественном сознании на долгие годы.

Особенность электоральных предпочтений, основанная на приоритетности личностных анкетных и социально-демографических характеристик кандидатов, хорошо раскрыта в отечественной партиологии /101/. При выборах в границах одномандатных округов казахстанский избиратель чаще знает имя парламентария, но не партию, к которой он принадлежит. Для него важны не броские партийные лозунги, а яркий лидер. Таким образом, в реальной политической жизни Казахстана имеет место не межпартийная борьба, а борьба, точнее, соревнование достоинств отдельных личностей. При этом отечественный избиратель часто склонен прощать политикам то, что для европейца было бы показателем беспринципности (смену партийной принадлежности, переход из одной партии в другую, отказ депутата от вступления во фракцию партии, по линии которой тот был выдвинут в Парламент и пр.), то есть поступки, труднообъяснимые с неличностных позиций.

Еще одна характерная черта описываемых кампаний – значительное вмешательство в избирательный механизм и влияние на исход выборов структур исполнительной власти, что серьезно ограничивает вероятность избрания в высший законодательный орган кандидатов от оппозиционных формирований /102/.

В целом выборы в Верховный Совет XIII-го созыва и местные пред-

ставительные органы в 1994 году и выборы в Парламент Республики Казахстан 1995 года показали, что предвыборные кампании тех лет не оказали существенного влияния на широкие социальные слои. Хотя и отмечалась некоторая конкуренция между партиями, они, в отличие от той же России, например, не использовали предоставленный им шанс на выборах, чтобы отстоять свои политические программы.

Это свидетельствовало и о слабости программных ориентиров партий, которые не смогли вызвать к себе интереса избирателей. Результаты социологического опроса, проведенного весной 1994 года в г. Алматы, показали, что за три дня до выборов в Верховный Совет XIII созыва и местные представительные органы с предвыборными программами общественно-политических организаций не были знакомы 39% респондентов (за месяц до выборов – 45,1%), недостаточно были знакомы – 22,8% опрошенных (за месяц – 25,9%), примерно были знакомы – 22,6% (за месяц – 21%) и только 13% горожан были знакомы с предвыборными программами (за месяц – 6,7%) /103/. Только у двух (из 7) партий того времени – ПНЕК и КПК сложился определенный, устойчивый электорат, на поддержку которого они уже могли рассчитывать (см. таблицу 3) /104/.

Наряду с повторяющимися тенденциями в ходе выборных кампаний 1994 и 1995 годов, они, безусловно, имели и некоторые различия, продиктованные изменением выборного законодательства.

В отличие от кампании 1995 года, к участию в которой политические партии относительно были готовы, выборы 1994 года застали их, по сути, врасплох, поскольку времени для подготовки, как отмечали партийные лидеры, было явно недостаточно. Такое заявление есть прямое свидетельство слабости политических организаций, отсутствия у них опыта перманентно отслеживать общественно-политическую ситуацию максимально использовать ее в своих интересах.

Далее. Если в выборах 1994 года приняли участие все официально зарегистрированные политические партии того времени, то в последующей выборной кампании СПК отказалась от выдвижения кандидатов в депутаты, считая, что выборы не по партийным спискам неэффективны. К тому же партия из-за полярных позиций своего руководства в канун выборов находилась в состоянии дезорганизации и идеологической дезориентации. Было принято решение о том, что

Таблица 3

Итоги участия политических партий Казахстана в кампаниях по выборам депутатов высшего законодательного органа*

Название политической партии	Количество мест					
	в Верховном Совете 1994 г.		в Мажилисе Парламента 1995 г.		в Мажилисе Парламента 1999 г.	
	абсолютное	в %	абсолютное	в %	абсолютное	в %
СПК	8	4,5	в выборах не участвовала			
ПНКК	9	5,1	1	1,5	–	–
НПК «Алаш» (РПК)	–	–	–	–	–	–
ПНЕК (СНЕК)	33	18,6	24	35,8	реорганизована	
КПК	не существовала		2	3,0	2	2,6
НКПК	не существовала		1	1,5	1	1,3
ПВК	не существовала		1	1,5	1	1,3
ДПК	не существовала		12	17,9	реорганизована	
РППТ	не существовала		–	–	–	–
ГПК	не существовала				16	20,8
РПП «Отан»	не существовала				38	49,3
АПК	не существовала				6	7,8
РНПК	не существовала				1	1,3
ДПК «Азамат»	не существовала				–	–
ДПЖК	не существовала				в выборах не участвовала	
КСДП «Ауыл»	не существовала				в выборах не участвовала	
ППК	не существовала				в выборах не участвовала	

члены партии могут баллотироваться путем самовыдвижения и потом уже в Парламенте образовать фракцию социалистов. Однако эти перспективы не оправдались, и руководители СПК впоследствии признали, что отказ от участия в парламентской борьбе оказался не столь целесообразным, как представлялся, так как, по их мнению, при всей бессмысленности таких выборов у партии имелась возможность лишний раз привлечь к себе внимание электората.

По сравнению с 1994 годом в 1995 произошло двукратное уменьшение количества избирательных округов и, соответственно, общее снижение абсолютного числа зарегистрированных кандидатов, одна-

* Официальные данные

ко при этом произошло снижение удельного веса кандидатов-самовыдвиженцев, что является показателем повышения популярности партийного выдвижения, а, следовательно косвенно свидетельствует и о некотором повышении доверия к политическим партиям.

В кампании 1995 года проявилась свойственная мажоритарной системе абсолютного большинства тенденция образования союзов различных близких по идеологическим устремлениям политических формирований, совместно выдвигавших кандидатов в Мажилис Парламента. К примеру, ПНЕК на своем предвыборном съезде приняла обращение ко всем патриотическим и демократическим силам с призывом создать предвыборный блок, объединяющий последователей курса на строительство в Казахстане демократического общества, которое было поддержано ПНКК и Союзом молодежи Казахстана /105/. Вступая в борьбу за места в Парламенте, ПВК также заявила, что будет выступать в едином блоке с Федерацией профсоюзов Республики Казахстан и готова идти на компромисс с любой партией и движением для выдвижения совместных кандидатов, если их цели и задачи соответствуют или близки программным установкам ПВК /106/.

Отличительной чертой кампании 1995 года стало также новое законодательное требование внесения высокого избирательного взноса, составляющего 100 минимальных зарплат и невозвращаемого в любом случае, независимо от победы или проигрыша кандидата, что сузило возможность выдвижения представителей от партий, не имеющих достаточных финансовых ресурсов.

В принятый в 1993 году Кодекс о выборах была включена норма, закрепленная и в статье 55 последующего Указа о выборах, допускающая участие политических партий в выборах Президента страны путем выдвижения от них как от общественных объединений партийной кандидатуры /107/. Это право было использовано отечественными партиями в рамках кампании по выборам Главы государства осенью 1998 – зимой 1999 года.

Характерно, что из 6 партий, принявших участие в выборах, только коммунисты предложили от КПК «строго партийную» кандидатуру С.А. Абдильдина, первого секретаря партии, за которого по итогам кампании проголосовало 12,08% избирателей, принимавших участие в выборах. Данный результат далеко не малый, если иметь в виду, что он принадлежит лидеру политической организации. Абдильдин, как пока-

зала предвыборная кампания, оспаривал притязания на власть решительно и настойчиво, доказав, что имеет свои электоральные полюсы притяжения. Есть определенные сомнения, что выдвиженец какой-либо другой партии смог бы получить хотя бы приблизительный результат. Тем более что вопреки существующему мнению некоторых отечественных политологов о том, что С.А. Абдильдин, учитывая его работу в должности спикера Парламента I созыва, многими выборщиками рассматривался всего лишь как политический аутсайдер, стремящийся вернуться во власть, процент поданных за Абдильдина голосов мог бы быть значительно большим за счет граждан, которые являются сторонниками КПК, но проголосовали за действующего Президента, потому что в их понимании он представлял собой не просто претендента на главный пост страны, а, прежде всего, символ государства.

Вместе с тем его поражение было предопределено по многим объективным причинам, главная из которых заключается в том, что народ не принял программу «идеализации прошлого», «программные установки предельных обещаний всего всем» /108/. Итоги президентских выборов, подтвердившие влияние КПК, одновременно показали и его ограниченность.

Что касается остальных 5 политических партий (ПНЕК, НКПК, ПВК, РППТ и ДПК), принявших участие в выборах, то их участие, по сути, было весьма условным, поскольку ограничилось выдвижением ими на пост Главы государства от своих объединений как стоявших на пропрезиденстких позициях, кандидатуры Н.А. Назарбаева, действующего Президента Республики Казахстан, и эпизодической пропаганды за него. Конкуренция между партиями на этих выборах отсутствовала, поскольку Н.А. Назарбаев не представлял интересы ни одной из них, не отдав никому предпочтение в вопросе членства и приняв предложение баллотироваться не от какой-либо выдвинувшей его партии, а от Республиканского совета ветеранов.

Следует, однако, отметить, что в рамках этой избирательной кампании возросли гражданская активность и политический энтузиазм, заметно выросло и стало весомым общественное мнение, резко повысилась амбициозность различных политических деятелей, что довольно умело было использовано некоторыми политическими партиями на парламентских выборах.

Практика применения Указа «О выборах» показала, что данный нормативный правовой акт в целом соответствует требованиям, предъявляемым к такого рода документам. Однако даже самая демократичная избирательная система, чтобы не отставать от политических процессов, идущих в обществе, а тем более в обществе переходного периода, нуждается в постоянной доработке. Поэтому представляется оправданной практика последующего неоднократного внесения изменений и дополнений в отдельные нормы данного документа. В целом со времени его принятия изменения и дополнения в указ вносились пять раз. Они были направлены на устранение правовых коллизий, уточнение критериев, предъявляемых к кандидатам, изъявившим желание баллотироваться на выборах, приведение ряда статей в соответствие с изменениями, внесенными в Конституцию страны 7 октября 1998 года, а также в ответ на настойчивые требования к властям республики со стороны ОБСЕ реагировать на ее рекомендации /109/.

Практики работы политических партий непосредственным образом касались изменения, внесенные в указ в свете предложений, высказанных Главой государства Н.А. Назарбаевым в Послании народу Казахстана от 30 сентября 1998 года «О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики: демократизация общества, экономическая и политическая реформа в новом столетии» /110/. В развитие инициатив Президента Парламент республики 6 мая 1999 года принял решение о внесении изменений в действующую Конституцию стран, касающиеся расширения состава нижней палаты на 10 депутатских мандатов и внедрения в казахстанскую действительность выборов от политических партий по системе пропорционального представительства и по территории единого общенационального округа, что предоставляет партиям возможность соперничать на выборах не косвенно, а непосредственным образом /111/.

Это нововведение, впервые узаконенное на территории Центрально-азиатского региона, а также накал политических страстей, достигнутый в период президентской выборной кампании, который перекинулся на подготовку к предстоящим парламентским выборам, в принципе изменили ситуацию на казахстанских выборах 1999 года. Они прошли в условиях конкуренции политических элит, состязательности политических партий, борющихся за места в Парламенте, что и

отличает в корне эту выборную кампанию от всех предыдущих. Характерно, что именно эти выборы заложили в Казахстане серьезные основы для многополярной политической демократии, имеющей несколько центров электорального притяжения.

Характер создающейся новой избирательной системы, допускающей участие партий в качестве коллективных субъектов электорального процесса, намного оживил и разнообразил предпарламентскую картину, породил новые выборные тенденции.

Прежде всего, этот факт повлек за собой наметившуюся на выборах Главы государства четкую кристаллизацию идеологических платформ и устремлений политических партий, всплеск политической активности, стал катализатором роста новых политических структур и активизации деятельности уже существующих, способствовал появлению на политической арене республики новых лидеров. Только за два месяца 1999 года в стране появились пять новых политических партий, желающих получить в «десятке» свои мандаты: РПП «Отан», РНПК, АПК, ДПЖК, ДПК «Азамат».

Безусловно, эти перемены на политической арене естественны, так как пропорциональная система способствует более быстрой и четкой артикуляции и агрегированию социально-групповых интересов, структурированию гражданского общества, что является одной из предпосылок перехода к плюрализму, и конституционализация смешанной системы выборов в Казахстане явилась катализатором этот процесса.

Вместе с тем количественный рост политических партий значительно снижал вероятность каждой из них получить места в Парламенте. Во-первых, возрастала конкуренция среди кандидатов от партий, баллотирующихся по одномандатным избирательным округам. Этому также способствовали изменения, внесенные 28 июня 1999 года в закон «О выборах», предусматривающие снижение в два раза избирательного взноса для кандидатов в депутаты Парламента, процедуру возвращения этого взноса в определенных законом случаях, а также исключение из Кодекса об административных правонарушениях нормы, устанавливающей ответственность граждан за участие в деятельности незарегистрированных общественных объединений.

Во-вторых, барьер в 7%, который следовало преодолеть, весьма высок (в странах с более устойчивыми демократическими традициями он значи-

тельно ниже: в Германии и России эта планка составляет 5%, в Болгарии, Венгрии, Италии – 4%. В Испании – 3%, в Израиле – 1%) /112/, а поле сражения размером с территорию всей республики – чрезвычайно широко. Понятно, что такие препятствия по силам лишь партиям, имеющим достаточный финансовый, организационный и информационный потенциал, а таковых в Казахстане, даже с оговорками, единицы. Поэтому с увеличением количества политических партий увеличивалась вероятность «размывания» голосов избирателей по итогам голосования, а, следовательно, уменьшалась вероятность представленности в высшем законодательном органе страны многих партий, не набравших предусмотренные законом 7% голосов избирателей, либо проигравших в избирательных округах.

Такие политические реалии привели нескольких правоцентристских партий пропрезидентского направления к решению об объединении в единую политическую организацию. Как показала практика, консолидация сил, слияние интеллектуальных, организационных и кадровых ресурсов повысило политический потенциал новой структуры – РПП «Отан», позволило сторонникам государственного курса выступить «фаворитами на парламентских выборах 1999 года» /113/ и завоевать большинство мест в Парламенте как по партийным спискам, так и по одномандатным избирательным округам (см. таблицу 3).

Изменения в блоке лояльных – центристских и правоцентристских – организаций условной линии «оппозиционность-поддержка» к действующей власти сопровождались одновременным усилением оппозиционных – крайних левого и правого флангов партийной системы Казахстана.

Крайний левый фланг был представлен КПК, которая, лоббируя кандидатуру своего претендента на пост Главы государства в рамках выборов Президента страны (январь, 1999 год), приобрела тем самым неоценимый опыт в сравнении с другими партиями государства. Сделав правильные выводы, коммунисты более реально продумали стратегию и тактику участия компартии в парламентских выборах.

Крайняя правая оппозиция заявила о себе в образе РНПК, являвшейся в тот период одним из центров консолидации оппозиционных сил, имевших самые серьезные заявки на участие в кампании.

Скорректировали свои дальнейшие планы и взаимоотношения с властью и члены ОД «Азамат», объявившие о необходимости конструктивного диалога во имя демократических целей и реорганизовав движение в

одноименную политическую партию, что свидетельствовало об их явном намерении бороться за места в Парламенте по партийным спискам.

Всплеск политической активности, продиктованный введением в казахстанскую политическую практику партийных списков, коснулся не только политических партий, но и отношения граждан к ним. Предвыборная гонка заставила политиков и просто активных граждан объединяться под знамена конкретных политических лозунгов, опровергая, хотя бы временно, тезис об аполитичности казахстанцев, и выявила реальную картину политических предпочтений населения страны.

Другой отличительной чертой кампании по выборам депутатов Парламента 1999 года является острая конкурентная борьба, во-первых, между кандидатами, баллотировавшимися по избирательным округам (в среднем на один депутатский мандат претендовало 8,5 кандидатов), во-вторых, между политическими партиями, участвовавшими в выборах. Причем, партии получили, наконец, возможность, заявить себя перед гражданами республики, имея самую широкую аудиторию. И больше шансов было у тех из них, которым удалось убедить население в своей способности сочетать эффективность и социальный характер приспособления страны к новым реалиям, надежность в обеспечении общественной стабильности с толерантностью по отношению к другим политическим силам, предложить гражданам страны привлекательное решение насущных проблем бытия. Следует отметить, что в отличие от предыдущих выборных кампаний, некоторой части кандидатов и ряду партий удалось создать яркие, цельные, запоминающиеся имиджи и политические портреты, ознакомить граждан с сутью своих предвыборных программ.

Разнообразным был употребленный политическими партиями в этих целях арсенал предвыборной агитации: активное использование возможностей СМИ, проведение публичных предвыборных мероприятий и акций с выходом на избирателей и с непосредственным контактом с ними, выпуск и распространение многочисленных печатных, аудиовизуальных агитационных материалов. При этом как партиями, так и другими участниками выборного процесса активно использовались новые для казахстанского электората избирательные технологии, такие, как, к примеру, теледебаты между политическими партиями, организованные телеканалами «Хабар» и НТК, публичные дебаты кандидатов в депутаты Парламента, политический диспут партий на страницах печати по инициативе

Центральной избирательной комиссии /114/. И это тоже одна из отличительных характеристик выборов 1999 года.

Обращает на себя внимание и тот факт, что первые выборы по партспискам приковали внимание к выборной кампании буквально всех участников избирательного процесса, вызвали небывалый информационный резонанс как в стране, так и за рубежом. В ходе выборов всем кандидатам предоставлялась бесплатная возможность проведения агитации через государственные СМИ. Правда, здесь явно просматривается одна особенность: в достаточно разреженном информационном поле, когда освещение деятельности политических партий не требует значительных усилий, материалы СМИ о них носили скупой, обрывочный характер, ограничивались информированием о многочисленных акциях и пресс-конференциях. О месте партий в реальной политике исчерпывающей информации не было. Кроме того, партии и кандидаты, лояльные к действующей власти, как правило, пользовались благосклонностью СМИ, оппозиционные же партии и кандидаты нередко сталкивались с обструкцией и сопротивлением их попыткам довести свои платформы до избирателей /115/.

И, наконец, включение среди прочих поправок в законодательство о выборах положения о предоставлении права наблюдателям и представителям средств массовой информации присутствовать при вскрытии избирательных урн и подсчете голосов (ст. 43) явилось важным позитивным шагом, способствующим более прозрачному и подконтрольному механизму проведения выборов /116/. В день голосования на избирательных участках впервые за всю историю независимого Казахстана работала полномасштабная миссия наблюдателей ОБСЕ, 2500 аккредитованных иностранных наблюдателей, а также около 23 тысяч отечественных наблюдателей, представляющих интересы кандидатов в депутаты и политических партий.

Как известно, о своем участии в выборной кампании заявили 10 политических партий, отражающих интересы самых различных слоев казахстанского общества. Наиболее острая борьба по партийным спискам, по мнению обозревателей, должна была развернуться между РПП «Отан», ГПК, с одной стороны и ДПК «Азамат», РНПК, КПК, – с другой /117/.

Предвыборный период в основном оправдал эти прогнозы. Не-

смотря на то, что ожидаемого альянса РПП «Отан» и ГПК не произошло, на левом фланге действовал оппозиционный предвыборный блок «Республика», правда, мало эффективно, что, впрочем, традиционно для отечественных оппозиционеров. Ощутимых результатов его деятельность не дала, и уже в сентябре 1999 года внутри него наметилась тенденция раскола оппозиции как по линии межорганизационых взаимоотношений, так и по внутрипартийным делам /118/.

По данным многочисленных социологических опросов, проводимых в рамках выборных кампаний, устойчивый электорат имели РПП «Отан», КПК, ГПК, АПК и ДПК «Азамат» (см. таблицу 4) /119/.

Таблица 4

Электоральные настроения на выборах в Парламент в 1999 году*

в процентах

Политическая партия	Предполагали голосовать «за», когда до выборов оставалось			
	30 дней	25 дней	20 дней	5 дней
РПП «Отан»	17,2	25,7	(23)	25,9 (24)
КПК	9,4	9,2	(19)	8,3 (20)
ГПК	1,5	9,2	(14)	7,8 (28)
АПК	4,8	2,5	(4)	5,1 (4)
ДПК «Азамат»	2,3	2,5	(19)	1,8 (11)
ПВК	1,3	0,8	(4)	1,2 (3)
НПК «Алаш»	-	1,1	(3)	1,0 (1)
РНПК	1,7	1,2	(6)	0,9 (-)
ПНКК	0,7	1,1	(2)	0,9 (4)
РППТ	1,0	0,3	(3)	0,4 (6)

Однако итоги выборов оказались не столь близки к их прогнозам, хотя, на первый взгляд, в результате голосования симпатии избирателей распределились предполагаемым образом: 4 места получила пропрезидентская партия (РПП «Отан»), 2 – оппозиция в лице коммунистов, а по 2 депутатских кресла досталось партиям центристского толка (ГПК и АПК).

* Без скобок – результаты опроса, проведенного Институтом сравнительных социальных исследований «ЦЕССИ-Казахстан» 16-20 сентября и 3-5 октября 1999 года; в скобках - результаты опроса, проведенного Республиканским центром изучения общественного мнения (РЦИОМ) 20-21 сентября и 4-5 октября 1999 года.

Кого же избрали казахстанцы?

РПП «Отан», победа которой мало у кого вызывала сомнение, несмотря на то, что опередила своих соперников с довольно большим отрывом, получила не 5-6, как предполагала, а лишь 4 места. В то же время с учетом основательной победы своих представителей в одномандатных округах эта партия имеет лучший результат. Являясь по целям, кадровому подбору, средствам и методам действия партией исполнительной власти, РПП «Отан» сумела достаточно хорошо воспользоваться своим потенциалом, а также опытом ведения предвыборной борьбы, приобретенном на выборах Главы государства в 1999 году в статусе общественного штаба по поддержке кандидата Назарбаева. В то же время ею было упущено время на старте выборной кампании, что, несомненно, в итоге, сказалось на партийных результатах.

ГПК также переоценила свои силы, делая заявку на 5-6 мест, но завоевав только 2, хотя довольно успешно и, главное, уверенно проводила свою агитационную кампанию. Большая и самозабвенная работа лидера партии А.Т. Перуашева и его соратников по формированию и развитию ГПК, привлечение специалистов по вопросам партийного строительства, рекрутирование в лагерь своих сторонников лиц, сумевших оказать партии существенную материальную поддержку, способствовало успеху данной партии на выборах.

Рейтинг коммунистов резко повысился накануне выборов и позволил им получить два места по партспискам. КПК одержала победу в Костанайской и Павлодарской областях, фактически разделила лидерство с РПП «Отан» в Атырауской области и вышла на второе место после аграриев в Северо-Казахстанской. Думается, что после поддержки лидера партии С.А. Абдильдина на выборах Главы государства это вполне логичный исход. Главные преимущества партии, обеспечившие ей победу на выборах, – это наличие широкой массы коммунистического и прокоммунистического электората, опыт партийной деятельности большинства членов и активистов КПК, опыт партии, приобретенный ею на выборах Президента, разветвленная структура в масштабах всей страны, использование ситуации, переживаемой в экономике и социальной сфере и возникающих в этой связи ностальгических чувств граждан.

Определенным сюрпризом выборов по партийным спискам мож-

но считать успех АПК, созданной практически в канун выборов, но сумевшей, против всяких ожиданий, «раскрутиться» за короткий срок и ставшей одной из очень немногих политических сил, структурированных под реальные интересы.

Что касается ДПК «Азамат», также имевшей высокий выборный рейтинг, то она не смогла даже приблизиться к семипроцентной планке, набрав только 4,57% голосов. А РНПК, по оценкам экспертов, представлявшая один из центров электорального притяжения, на самом деле по результатам зондирования общественного мнения не имела достаточных шансов выйти в лидеры (см. таблицу 4), а по окончании срока регистрации вообще отозвала свой партийный список.

Небольшая прослойка в Парламенте по итогам выборной кампании представителей оппозиции несколько изменила мнение экспертов о том, что одним из политических последствий выборов должна стать фактическая легитимизация партий. Если такого мнения на старте избирательной кампании придерживалось 64,3% опрошенных, то по ее окончании уже только 50% /120/.

Анализ выборов 1999 года наряду с новыми выявляет также тенденции, которые были характерны и для предыдущих кампаний.

Речь идет, прежде всего, о феномене «беспартийного голосования». Характерно, что, несмотря на отмеченные изменения в этом вопросе, он имел место не только при голосовании за кандидатов, баллотирующихся по одномандатным округам. Оказалось, что и распределение мест в «шестерке» в значительной степени зависело от персон, харизмы лидеров той или иной организации, а не от предлагаемых партиями программ /121/. Не случайно, видимо, предугадав эту ситуацию, РПИ «Отан» включила в свой партийный список такие «знаковые» в республике фигуры, как М.Т. Оспанов, бывший спикер нижней палаты Парламента I созыва, М.Р. Сагдиев, председатель Республиканского совета ветеранов и пенсионеров, Р. Рымбаева, народная артистка Республики Казахстан, Б.М. Абилов, известный предприниматель и др. /122/. Однако социологические опросы выявили также еще один вектор «беспартийного голосования», когда избиратели, не вникая в программные тонкости, ориентируются на название партий /123/. В любом случае избиратели, проголосовав за ту или иную партию, руководствовались в подавляющем большинстве случаев не корпоративными соображениями. Как показывали

социологические замеры накануне дня голосования, только 31% решивших участвовать в выборах, предполагали прийти к избирательным урнам из стремления поддержать конкретного депутата или конкретную партию, однако, большинство из них при этом, как правило, оставались в неведении относительно их предвыборных программ /124/.

Вообще отсутствие желания голосовать за партии, либо нерешительность, неопределенность в этом вопросе накануне выборов показали 46% опрошенных, а полную категоричность – 24,6% /125/. Этот показатель практически не изменился со времени прошлых парламентских выборных кампаний.

Другая тенденция – зависимость избирательного процесса от исполнительных органов, – также имела место в данной выборной кампании, хотя Центральной избирательной комиссий было предпринято нововведение, касающееся включения в составы избирательных комиссий нижнего уровня представителей от политических партий, определяемых путем жеребьевки. Вмешательство власти в ход выборной кампании приводило к нарушениям демократических процедур в ее проведении, на что обращали внимание по итогам выборов кандидаты от оппозиционных партий и члены полномасштабной миссии наблюдателей парламентской ассамблеи ОБСЕ /126/. Этим во многом объясняется и тот факт, что на выборах в Парламент 1999 года, как и в 1994 и 1995 годах, лидировали лояльные властным структурам партии.

Как и у предыдущих выборов, имидж у описываемой кампании нельзя назвать безупречным. Граждане в подавляющем большинстве не верили в то, что результаты выборов способны отразиться на благосостоянии жителей Казахстана (64,6%); в победу достойных кандидатов (63,3%), в то, что избранные депутаты будут способны выполнить свои предвыборные программы (70,4%). Под сомнение ставились и результаты выборов, честность и прозрачность проведения выборной кампании (70,5%), эффективность работы будущего Парламента /127/.

И, наконец, следует отметить казахстанскую закономерность, наметившуюся еще в предыдущие выборные кампании. Наиболее критически настроены граждане г. Алматы, самого благополучного в социальном плане региона, а наиболее бедные области, напротив, поддерживают власть. Наряду с тем, что разница, очевидно, обусловли-

вается большей степенью общественного контроля за голосованием, важную роль, по всей видимости, играют патерналистские мотивы, которые сильней дают о себе знать на юге страны.

В целом следует отметить, что выборы Главы государства и депутатов Парламента в 1999 году показали, что избирательная стратегия, основанная на проведении интенсивной агитационной и рекламной кампании в СМИ за два-три месяца до дня выборов, не отвечает требованиям дня. Политики, рассчитывающие на серьезные результаты, должны делать ставку на заблаговременную и комплексную подготовку к волеизъявлению избирателей. Кроме того, в этих кампаниях проявились, с одной стороны, право электората ожидать от кандидата выполнения заявленной им роли, с другой – обязанность политика вести себя соответственно ожиданиям людей. Это, видимо, предстоит серьезно учесть политическим партиям и их выдвиженцам, готовящимся к участию в последующих выборах.

Несомненно, что реформа политической системы и заявленные цели обеспечения всестороннего участия партий Казахстана в политической жизни страны, введение в законодательную практику механизма пропорционального представительства по партийным спискам выводит на более высокий уровень развития всю политическую систему государства. Полем соперничества для партий, за возможность реализации ими своих программ становится Парламент государства. В то же время, на взгляд автора, как нельзя игнорировать этот фактор, так и нельзя придавать ему большее значение, чем он заслуживает.

Эта конституционная норма при всей ее актуальности и важности лишь, как показывает мировой опыт, продолжение, но, отнюдь, не завершение правовой институционализации многопартийности, шаг по пути либерализации, а не демократизации. Не случайно и сам Глава государства охарактеризовал предложенные им политические реформы в сентябрьском (1998 года) Послании народу Казахстана как политическую либерализацию. Последняя, по преимуществу, только модифицирует взаимосвязи государства и гражданского общества. Демократизация же, вбирающая в себя либерализацию, является более широким и специфическим политическим понятием, поскольку предусматривает открытую конкуренцию за право контроля над правительством, а это, в свою очередь, предполагает свободные выборы и

определение по их итогам состава кабинета парламентским большинством, представляющим те или иные партийные фракции /128/.

Такая практика с той или иной степенью глубины уже давно активно используется в развитых странах. К примеру, в Японии президент правящей партии, победившей на выборах, автоматически становится премьер-министром. Члены комитетов и подкомитетов партии одновременно предлагаются к избранию депутатами палат Парламента, входят в его комитеты. Важно отметить, что депутаты избираются неоднократно, накапливают опыт и знания и работают в партийных и парламентских комитетах уже как специалисты-профессионалы, становятся очень влиятельными людьми. Кроме того, одни и те же политики, возглавляющие или составляющие актив партии, работают в руководстве как Парламента, так и Правительства, переходя из одного органа в другой. При этом в политическом обществе не утихает жесткая, напряженная борьба за возможность править страной, предлагать свою политику и реализовывать ее под постоянной критикой оппонентов.

К сожалению, подобного проникновения демократических процедур в политическую сферу страны нет пока в сегодняшнем Казахстане, хотя он уже далек от советского периода. Политические партии Казахстана не имеют еще законодательного механизма формирования Правительства большинством. Создание Правительства в республике производится Президентом страны на персональной основе или по предложению Премьер-министра.

Отсутствие в республиканском законодательстве тезиса о формировании партиями состава Правительства никак не может способствовать стимулированию развития партийной системы. Ведь именно постоянная ротация партий в рамках представительной власти, наличие у парламентариев реальной возможности отстаивать партийные установки по вопросам внутренней и внешней политики государства и создают у населения мнение о том, что политические партии необходимы как элемент, позволяющий вести речь о народовластии. Это подтверждает, например, экспертный опрос, проведенный в феврале 1999 года группой VIProblem. На вопрос: «Какой смысл лично Вы вкладываете в понятие «Правительство народного доверия», 34% экспертов ответили, что такое Правительство должно состоять из представителей ведущих политических партий. Целесообразность же со-

здания такого Правительства уже после парламентских выборов видели 48% опрошенных /129/.

Возвращаясь к закону о выборах Республики Казахстан, важно подчеркнуть, что все изменения, внесенные в него за последние двенадцать лет, несомненно, способствовали институционализации политических партий страны. Однако только 17,5% экспертов признают его удовлетворительным /130/. Формирование избирательного законодательства и избирательной системы в Казахстане «в настоящее время еще не завершено. Еще предстоит устранить некоторые противоречия..., проявившиеся в реальной практике, повысить статус избирательной системы и ввести некоторые нормы и гарантии избирательных прав граждан в поле конституционно-правового регулирования» /131/.

Следует отметить в этой связи попытку консенсусного подхода в разрешении этой проблемы. Впервые пакет предложений по внесению очередных изменений в законодательство о выборах с сентября 2000 года по сентябрь 2001 года разрабатывается специальной рабочей группой, в состав которой входят представители властных структур и всех изъявивших желание политических партий, независимо от идеологической ориентации /132/. Если такая совместная деятельность, несмотря на довольно конфронтационный характер работы группы, кристаллизуется в предложения, более или менее устраивающие весь партийно-политический спектр Казахстана, можно будет, видимо, говорить о новых тенденциях во взаимоотношениях между партиями и властью.

Что касается сути поправок, необходимых для совершенствования закона, то, по мнению автора, они должны сводиться к следующему.

1. Предоставить гражданам республики право выдвижения кандидатами в депутаты Президента, Парламента и маслихатов Республики Казахстан только от политических партий, а не от любых зарегистрированных общественных объединений. Ведь в отличие от всех других субъектов политики партии – это политические организации, стремящиеся к победам на выборах.

Или ввести для кандидатов-самовыдвиженцев и кандидатов от общественных организаций, кроме тех, кто избирается от политических партий, институт сбора подписей.

2. Разрешить выдвижение конкретного кандидата только одной кон-

кретной общественной организацией, а не одновременно несколькими, как это предоставлено по действующему закону.

3. В целях расширения возможностей участия партий в выборах разрешить проводить выдвижение кандидатов в депутаты маслихатов от политических партий высшим органом не самой партии, а ее филиала.

4. Право выдвижения от политической партии (как по партийному списку, так и по одномандатным округам) предоставить не любым гражданам, независимо от их политических устремлений, а только членам данной партии. Это закладывало бы изначально основу механизма влияния политической организации на депутатов, прошедших от нее в Парламент.

5. Внести норму, согласно которой в составы избирательных комиссий всех уровней включаются избранные путем жеребьевки представители от официально действующих политических партий с учетом численности последних в соответствующем регионе.

6. Избирательные комиссии образовывать по представлению соответствующих маслихатов, а не акимов.

7. Увеличить количество мест в Мажилисе Парламента, на которые будут избираться депутаты по партийным спискам, до 50% от общего количества парламентариев нижней палаты путем сбалансирования мажоритарной и пропорциональной систем выборов.

8. Выделить 10-20% мест для выборов депутатов маслихатов по партийным спискам.

9. Предоставить политическим партиям право выдвижения своих представителей кандидатами в депутаты Сената.

10. Снизить избирательный барьер для политических партий с 7% до 5%.

11. Внести норму об обязательном ознакомлении доверенных лиц кандидатов в депутаты, представителей СМИ и наблюдателей с протоколом о результатах голосования.

12. Предоставить политической партии право:

- осуществлять ротацию депутатов от партии, избранных по партийному списку, при этом передавать депутатский мандат по своему усмотрению любому из кандидатов из этого списка. Закрепить механизм ротации в Законе «О Парламенте Республики Казахстан и статусе его депутатов»;

- менять и дополнять партийный список после проведения выборов;

- отзывать своих депутатов, прежде всего, избранных по партий-

ному списку, если их деятельность в Парламенте не согласуется с политической линией партии.

13. Предусмотреть государственное субсидирование политических партий на равной основе, либо государственное финансирование партийных избирательных кампаний.

Предлагаемые изменения правового обеспечения деятельности партийных институтов, как представляется, способствовали бы направлению политической активности партий в русло парламентаризма, что существенно сузило бы сферу деятельности непарламентской, зачастую радикальной оппозиции, и позволили бы со временем отказаться от декларируемого в настоящем фактора слабости казахстанских партий. Сам же процесс развития многопартийности, неадекватный сегодня заявленным целям демократизации страны, набрал бы, наконец, нужные обороты.

4. Перспективы дальнейшей институционализации партийной системы казахстанского государства

Основные партии в их взаимодействии, взаимоотношении, взаимных конфликтах и взаимной ротации у власти рассматриваются как единая партийная система, во многом определяющая жизнеспособность и функционирование всей политической системы в целом /133/.

В политической науке общепризнанна роль партийной системы как универсального механизма связи социума с его государственными структурами, и главное, контроля общества над государством. Функционирование партийной системы представляет собой неотъемлемый компонент демократии, включающий в себя систему политического рынка с конкуренцией за симпатии электората и предпочтения им программ, идей, лидеров, претендентов, кандидатов /134/.

Мировая практика свидетельствует, что структурирование партийной системы определяется избирательным уложением, является «генетической» функцией избирательной системы. Избирательный закон призван координировать специфические, зависящие от социума, его политической культуры, особенностей политического поведения, общественные потребности /135/.

Партийно-политическая система Республики Казахстан, как уже отмечалось, находится в стадии становления. В обществе эта ситуация оце-

нивается по-разному. Многие считают, что системы как таковой вообще нет, существуют псевдопартии, пытающиеся подражать западной демократии. Другие исходят из того, что, учитывая незначительный срок развития государства в условиях независимости, на иное нельзя было и рассчитывать, так как страна более семидесяти лет пребывала в тоталитарном режиме, где одну единственную партию как таковую можно было считать лишь условно, поскольку партийная жизнь с демократическим выбором руководителей в ней отсутствовала.

Безусловно, обе точки зрения отражают переходный характер общества, когда страна только заявляет себя на демократическом пути развития. Однако усложняющемуся казахстанскому обществу так или иначе никуда не уйти от необходимости цивилизованным способом отражать интересы старых и новых социальных групп. Ведь как бы ни называли себя политические организации – союзами, движениями, партиями, их главное предназначение – увязывать интересы людей с определенными ценностными установками, что отвечает потребностям любого общества, живущего по правилам представительной демократии.

Спустя несколько лет со времени возникновения первых политических партий в Казахстане отечественные политологи стали задаваться вопросом «Что собой представляет партийная система Казахстана?». И хотя, по мнению подавляющего большинства из них, к середине 90-х годов прошлого столетия еще рано было утверждать о формировании сколько-нибудь устойчивой партийно-политической структуры, о четком размежевании политических сил, поскольку процесс становления многопартийности в Казахстане только начинался /136/, уже тогда были попытки соотнесения уровня развития партсистемы казахстанского общества с известной в политологии классификацией французского политолога М. Дюверже – однопартийные, двухпартийные и многопартийные системы. При этом основной политический дискурс возникал по поводу приоритетности вектора развития в сторону либо многопартийности, либо двухпартийности.

Как уже отмечалось, история суверенного развития Казахстана имеет опыт выборных кампаний, проводимых в формате различных избирательных систем. В соответствии с универсальной зависимостью институционализации партийной системы от характера выборов, также идентифицированной М. Дюверже /137/, следует предположить, что разви-

тие казахстанской партсистемы до 1995 года шло в направлении двухпартийности, т.к. выборное законодательство того времени опиралось на мажоритарную систему относительного большинства, в период с 1995 по 1999 годы должны были закладываться основы многопартийности, сопровождаемой союзами партий по выдвижению совместных кандидатов, поскольку действовала мажоритарная система абсолютного большинства в два тура, а ведение в 1999 году смешанной системы выборов должно в настоящее время формировать многопартийную систему с наличием независимых, жестких партий, умеющих, тем не менее, в тактических целях идти на определенные компромиссы.

Анализ казахстанской политической практики в целом подтверждает такой расклад, хотя, по мнению автора, имеют место и некоторые расхождения. Дело в том, что в строгом смысле двухпартийные системы представляют собой системы с двумя примерно равными в ресурсном отношении партиями, каждая из которых имеет более или менее равные шансы получить электоральную поддержку для завоевания монополии на власть /138/. В Казахстане одновременно формируется гораздо больше партий, поэтому он, видимо, никогда уже не сможет прийти к строгой двухпартийной системе. Тем более что в обществах с множеством экономических укладов, разнообразием культур и языков, многочисленными каналами и институтами артикуляции социальных, национальных, религиозных и прочих интересов, как правило, больше предпосылок для создания многопартийной системы /139/.

С другой стороны, развитие партийного поля республики вполне вписывается в формат лидирующей в настоящее время теории Дж. Сартори, который выделяет семь типов демократических партийных систем: а) однопартийную, исключающую существование других политических партий, кроме правящей; б) партии-гегемона, в которой другие партии, как и остальные общественно-политические организации, признают ее руководящую роль; в) доминирующей партии, когда одна партия самостоятельно осуществляет власть на протяжении длительного периода; г) двухпартийную, где хотя и существуют более мелкие партии, но подлинное соперничество за власть происходит между двумя самыми крупными; д) умеренно многопартийную, главный признак которой – отсутствие антисистемных партий и двусторонней оппозиции, ориентированность всех существующих в обществе партий на участие

в правительстве при незначительных идеологических различиях между ними; е) крайне многопартийную, которая характеризуется наличием антисистемных партий, двусторонней оппозиции при сильных идеологических различиях между партиями; ж) атомизированную, в которой нет больше необходимости в точном подсчете числа партий /140/.

Скажем, на первых этапах развития государственности (до середины 90-х годов прошлого века) действия властных структур были направлены на формирование не двухпартийности, а партийной системы с доминантной партией (СПК, ПНКК, СНЕК, позднее – ПНЕК). Им удавалось более или менее удачно контролировать процесс участия партий в политической жизни, стимулировать образование и деятельность лояльных официальному курсу объединений, перехватывать популярные лозунги оппозиции, различными способами препятствовать регистрации нежелательных с их точки зрения объединений, нейтрализовывать влияние последних, сдерживать рост числа их сторонников, перетягивать на свою сторону лидеров и активистов путем «раздачи» государственных должностей /141/. И хотя в целом правильный расчет властных структур на первых этапах демократизации общества натолкнулся на развитие разнонаправленных политически оформленных этнических и клановых интересов, такая политика не была бесплодной: на политической арене длительное время не было силы, способной мобилизовать общественное мнение в поддержку курса, отличного от официального, и добиться при этом ощутимых положительных результатов.

Небезынтересным в этой связи является вывод российского политолога А.А. Куртова, сделанный им в 1995 году, о том, что «патриархальность политической культуры общества в странах Азии является одной из причин, объясняющей любопытный феномен распространенности в этом регионе не двухпартийных или многопартийных систем, характерных для Европы, а в лучшем случае – доминантно-партийных систем, почти неизвестных западной демократии» /142/.

В дальнейшем в ходе парламентской предвыборной кампании октября-декабря 1995 года, как уже отмечалось, действительно проявилась свойственная мажоритарной системе абсолютного большинства тенденция образования союзов различных близких политических формирований. Однако возможность разновекторного развития партийной системы по-прежнему присутствовала в оценках аналитиков и политологов.

Ряд политологов считал, что становление политической системы пойдет по классическим законам, когда развитие нескольких сильных устойчивых партий должно будет привести Казахстан к оформлению многопартийной системы. И в этой связи прогноз относительно двухпартийного варианта после 1995 года бесперспективен. К примеру, в опубликованном в феврале 1996 года докладе Института развития Казахстана отмечалось, что «в ближайшее время, учитывая особенности казахстанского политического процесса, именно эти две партии (ПНЕК и ДПК – С.Д.) проявят лучшие результаты в завоевании позиций на властном Олимпе и именно разделение на демократов и «народоединцев» может стать определяющим во внутриэлитной конкуренции». При этом в оппозицию к ним ставились СПК и КПК /143/.

В то же время именно с 1995 года политологами чаще всего высказывались мнения о реальности прихода в перспективе в политической жизни Казахстана к двухблоковой партийной системе, когда вокруг двух наиболее сильных партий будут группироваться остальные /144/.

Такие прогнозы имеют место и после 1999 года, несмотря на применение пропорциональной системы в рамках кампании по выборам в Парламент 1999 года, которая способствовала приобретению многими партиями опыта самостоятельного ведения предвыборной борьбы и явной дифференциации партий по силе и жесткости осуществления партийной деятельности. Скажем, очередной попыткой рождения двухблоковой системы аналитики считали противопоставление друг другу двух организаций – Народного фронта Казахстана и «круглого стола» политических партий и общественно-политических объединений «Народный союз в поддержку реформ» в 1998-1999 годах /145/. Вторая из них оказалась более стабильной. НФК же, как и более ранние организации оппозиции («круглый стол» «Республика», ОД «Азамат»), объединивший в руководстве довольно амбициозных лидеров, которые не смогли прийти к единому мнению по ряду вопросов, и не имеющий широкой общественной поддержки, распался, подтвердив тенденцию существующих в республике оппозиционных политических организаций к постоянной перегруппировке своих сил путем вступления в кратковременные союзы и блоки в поисках наиболее оптимального выражения своих позиций.

Появление на политической арене новых партий в канун выборной кампании в Парламент в 1999 году, и прежде всего РПП «Отан»,

породило новый всплеск прогнозов. Причем опять предлагалось несколько вариантов развития событий: система доминирующей партии, каковой вполне могла бы оказаться РПП «Отан», став авангардом продвижения интересов правящей элиты; система многопартийного соглашения, которая возможна в случае, если РПП «Отан» «не справится» с ролью доминирующей и будет вынуждена, хотя бы на предвыборный период, пойти на создание блока; двухпартийная система, на полюсах которой смогли бы выступить РПП «Отан» и ДПК «Азамат»; двухблоковая система, в одном из которых доминирующей будет РПП «Отан», собрав под своим флагом все партии пропрезидентской направленности, а в другом – РНПК, возглавившая оппозиционную коалицию, которые могут дать начало становлению партийной системы с наличием «двух с половиной» партий, что впоследствии должно привести к двухпартийной системе в республике; а после объединения РПП «Отан» с наиболее известными в тот период ПНЕК, ДПК и ЛДК, некоторыми аналитиками был сделан вывод о попытке властных структур создать однопартийную систему по типу КПСС /146/.

В схему Дюверже, по мнению автора, не укладывается также взаимосвязь пропорциональной системы выборов и формирование многопартийной системы, поскольку в Казахстане имела место своеобразная инверсия процесса образования партийной системы, когда именно наличие в государстве множества партий привело властные структуры к необходимости узаконивания пропорциональной системы выборов, которая содействовала не столько развитию, сколько уже закреплению и усилению многопартийности в государстве.

Таким образом, надо отметить, что в Казахстане на всех этапах развития избирательной системы прослеживалось, на первый взгляд, некоторое несоответствие развития партийной системы универсальной закономерности Дюверже. Вместе с тем, все становится на свои места, если закономерность Дюверже рассматривать через классификацию Сартори.

В настоящей работе представляется значимым ответить на вопрос: адекватно ли применение термина «партийная система» к современному политическому пространству Казахстана?

Как считает Е.К. Ертысбаев, в Казахстане налицо псевдопартийная система, в которой партиям отводится маргинальная роль в управлении. Неструктурированная и фрагментарная партийная система ориентиро-

на не столько на выполнение типичных функций посредника между государством и гражданским обществом, сколько на поддержание межэлитных связей. Поэтому она не играет практически никакой роли в выработке политического курса или в определении состава исполнительных органов /147/. С функциональной точки зрения замечание верное.

Однако со структурных позиций, по мнению автора, сегодня уже можно говорить о наличии в республике партийной системы, соответствующей шестому типу теории Сартори – крайне многопартийная система. В качестве аргументов можно привести следующее. Первое. Отечественные партии различаются местоположением в структуре власти и ценностными ориентациями. Наряду с блоком политических партий, поддерживающих государственный курс преобразований (РПП «Отан», ГПК, АПК, РПЛТ, ПВК, НКПК, КСДП «Ауыл», ДПЖК), имеет место также блок антисистемных партий, выступающих с критикой властных элит. Второе. В партийном спектре республики наблюдается идеологическое размежевание. Причем, с 1999 года оппозиция в Казахстане при всей ее слабости приобрела черты явной двусторонности. Крайне правую оппозицию представляет РНПК, крайне левую – КПК. Третье. Экстраполяция системного подхода на казахстанскую действительность позволяет констатировать, что отечественная многопартийность демонстрирует признаки системы, представляя собой единый целостный комплекс взаимосвязанных элементов, взаимодействующий с окружающей средой, являясь элементом системного комплекса более высшего порядка, в то время как его составные элементы, в свою очередь, выступают в качестве самостоятельных системных комплексов более низшего порядка, получая на «входе» требования и поддержку граждан, конвертируемые в системе и трансформирующиеся на «выходе» в политические решения. Наиболее явно это проявилось на выборах в Парламент 1999 года.

Прогнозируя развитие партийной системы на перспективу, следует отметить, что, судя по заявлению Президента страны Н.А. Назарбаева на третьем съезде РПП «Отан» о необходимости рождения правящей партии, которая придет, получив большинство избирателей и будет формировать Правительство, можно сделать однозначный вывод о том, что власть ориентирована на двухпартийность /148/ (по Сартори: вариант двухпартийной системы с более мелкими партия-

ми), несмотря на то, что по классическим канонам в случае предоставления партиям в законодательном порядке права формирования исполнительных структур власти пропорциональная система должна привести в итоге к созданию коалиционного Правительства.

Понимая и принимая во внимание неотвратимость возникновения в республике реальной оппозиционной силы, желая, видимо, вместе с тем и далее держать ситуацию под своим контролем, властные структуры, скорее всего, постараются взять инициативу в свои руки и направить усилия на создание многопартийности с доминирующей ролью двух партий, либо на образование двухблоковой партийной системы. Таким образом, не исключен вариант, при котором при активном участии элиты в формировании партийной системы бипартизм в стране может быть создан искусственно, «сверху» и даже иметь декоративный характер.

В то же время не исключено и то, что партстроительство продолжится не искусственным, а естественным путем. Прогнозируя этот процесс, можно предположить, что начавшийся под влиянием выборов 1999 года самоотбор и укрупнение партий, продолжатся в условиях последующих выборных кампаний, что приведет в обозримой перспективе к многопартийности с доминирующей ролью двух-трех партий. Вполне возможно, что со временем станет все же реальностью и политическая практика формирования партиями Правительства при весомой роли Главы государства. Оппозиционные силы окончательно сформируются и будут представлять конструктивный здоровый механизм. Деятельность партий приведет истеблишмент к постепенному обновлению. Несомненно, что честолюбие, профессионализм, приобретенные в нелегкое время перехода к новым рыночным и политическим реалиям, властные амбиции, солидное экономическое и финансовое положение, хватка и менталитет формирующегося нового поколения элиты получат организационно-политическое подкрепление в лице политических, лоббистских, корпоративных структур, их поддерживающих.

В свою очередь, альянсы партийных группировок и их лидеров – влиятельных политиков – будут притягивать крупные деловые круги, все более стремящиеся к собственному политическому участию, в том числе и путем оказания партиям существенной материальной и финансовой помощи.

И, наконец, не исключен вариант появления общественных организаций нового типа, отличных от партий, с новыми принципами вну-

триорганизационной деятельности и с иными механизмами обратной связи с населением, а политические партии, в том виде, в котором они существуют сегодня, навсегда уйдут в прошлое. Но это, если и произойдет, то в далекой перспективе.

В любом случае есть основания полагать, что политическая система Казахстана, несмотря на остающийся консерватизм отдельных ее элементов, демонстрирует сегодня тенденцию расширения – участия гражданского общества в управлении различными сферами общественной жизни и воздействия на государственную политику.

Заключая в целом, в концептуальном плане можно отметить следующее:

а) Проведенный анализ специфики и проблем формирования многопартийности в Казахстане сквозь призму поэтапного выявления роли политических партий в становлении казахстанской государственности позволяет констатировать, что в республике идет радикальная трансформация политической системы. Этот процесс включен в общую волну расширения границ политического плюрализма на территории стран Восточной Европы и бывшего СССР. Наиболее значительные изменения в политической сфере Казахстана в период его транзита произошли в части избирательной системы страны.

б) Методика экстраполяции теоретических постулатов формирования политических партий в переходных обществах на Казахстан позволяет обнаружить, с одной стороны, соответствие развития отечественной многопартийности классическим универсальным общемировым закономерностям переходных демократизирующихся обществ, с другой, – присутствие характерных для казахстанского варианта специфических черт генезиса и становления отечественных партий.

Соответствие проявляется, прежде всего, в том, что возникновение и формирование казахстанских политических партий явилось для республики исторической необходимостью, закономерным следствием усложнения ее политической системы на этапе модернизации, развития представительной системы, связанной с качественным изменением содержания процесса политического участия граждан. Отказ от тоталитарного (авторитарного) режима правления, признание законности разнообразных интересов в обществе обуславливают признание законности политических инструментов в лице политических партий, призванных представлять эти интересы.

Процесс партиеобразования интенсивен и сжат по времени. Его катализаторами выступают социальные и политические определяющие политической системы. Процесс институционализации партий не носит прямолинейного характера, проходит чрезвычайно сложно и противоречиво, сопровождаясь периодами восхождений и стагнаций политических партий. Коалиционный характер партийных образований ведет к политической нестабильности и неустойчивости, к высокому потенциалу конфликтности в государстве. Партии создаются прежде, чем созрели все необходимые для этого социально-экономические и социально-культурные предпосылки и сложились на этой основе социальные группы, интересы которых они должны артикулировать и агрегировать. Институт партий организационно и идеологически слаб. Процесс его становления опережает по времени процесс правовой институционализации партий.

Своеобразие геополитического положения, исторического прошлого, менталитета народа, характер социально-экономического развития, соотношение социальных сил, этнонациональные и конфессиональные характеристики государства обуславливают современную инфраструктуру партийной системы Казахстана, динамику ее развития, определяют специфику этого процесса.

в) Рассматривая политические партии Казахстана в диалектическом единстве их институционального и деятельностного начал, следует констатировать, что они, являясь признанными субъектами политической системы республики, претендуя на роль действенных участников политики, не выполняют в полном объеме функций, присущих этому политическому институту в государствах с развитой демократией.

Роль и влияние партий на характер внутриполитического процесса, на механизм выработки и принятия государственных решений, на общественное мнение возрастают довольно медленно, что является следствием действия многочисленных объективных, субъективных и искусственных факторов, не позволяющих партиям реализоваться адекватно классическим представлениям о данном политическом институте.

В результате партии не стали пока в должной мере представителями интересов широких слоев общества, служат преимущественно запросам элит и части средних слоев, обеспечивая остальным лишь стабильность новой демократизирующейся системы, начертание будущих

общенациональных и общемировых перспектив и демократические идейно-целостные посылы.

С точки зрения классического понимания статуса партии к таковым сегодня может быть отнесена лишь КПК, с определенной долей условности – ГПК, РПП «Отан» и ДПК «Азамат». Все остальные являются либо клиентелами, либо группами давления.

г) Анализ прошедших в Казахстане с 1989 по 1999 годы выборных кампаний показал, что электоральные процессы в стране имеют свои особенности и тенденции, объяснимые влиянием законодательства о выборах и сложившимися нормами политического поведения, в частности культурой политического участия и культурой электорального процесса. Формирование избирательной системы, отвечающей критериям демократии и адаптированной к казахстанским реалиям, не завершено. Главная цель выборов в демократической стране – отбор правительства из партии большинства или из коалиции политических партий – остается для республики задачей обозримой перспективы.

Приняв участие во всех пяти выборных кампаниях, имевших место в анализируемый период, отечественные партии наиболее полно проявили себя на выборах в Парламент 1999 года.

д) Правовая институционализация партий требует дальнейшего развития, поскольку действующее в Казахстане законодательство по политическим партиям весьма сужено, характеризуется излишним государственным регулированием и контролем, отсутствием норм и правовых механизмов интегрирования партий в структуру власти, противоречиями отдельных их норм нормам Конституции страны, взаимным нормам, а также своим собственным. Можно предложить целый пакет изменений, которые способствовали бы направлению политической активности партий в русло парламентаризма, что существенно сузило бы сферу деятельности непарламентской, зачастую радикальной оппозиции, и позволили бы со временем отказаться от декларируемого в настоящем фактора слабости казахстанских партий, а процесс развития многопартийности, неадекватный сегодня заявленным целям демократизации страны, набрал бы, наконец, нужные обороты.

е) Партийная система республики находится в стадии формирования. Однако сегодня уже можно констатировать, что в соответствии с теорией Дж. Сартори в республике в настоящее время имеет место

крайне многопартийная система, характеризующаяся, как известно, прежде всего, демонстрацией признаков системы, а также наличием антисистемных партий, выступающих с критикой властных элит, резким идеологическим размежеванием в партийном спектре и двусторонностью оппозиции по условной шкале левые – центр – правые.

Прогнозные оценки дальнейшего развития партийно-политической системы Казахстана позволяют выделить два основных его вектора: создание многопартийности с доминирующей ролью двух партий, либо образование двухблоковой партийной системы. Не исключено активное участие в этом процессе властных элит, которые, как и прежде, постараются держать ситуацию под контролем и диктовать свои условия. В этом случае бипартизм в стране может быть создан искусственно и даже иметь декоративный характер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исторические перемены, прошедшие в странах Центральной и Восточной Европы с конца 80-х – начала 90-х годов, а затем и в бывших республиках Советского Союза положили начало переходу к качественно новому состоянию общественной организации.

Этот процесс системно охватывает весь спектр общественной жизни: политику, экономическую и социальную структуры, духовную сферу. Изменяются политическая и государственная системы, идет демократизация общественных отношений, развивается партийный плюрализм, происходит смена парадигмы политической культуры и перемена духовно-культурных ориентиров общественного развития.

Кардинально обновляются экономические основы общественной системы, в которой осуществлен отход от так называемой централизованно планируемой экономики с ее распределительными функциями в сторону рыночной экономики путем разгосударствления собственности и широкой программы приватизации. Создается новый правовой механизм экономических и финансовых отношений, допускающий многоукладность форм экономической жизни и формирующий инфраструктуру для развития частной собственности. Введены «свободные цены», ликвидирована действовавшая повсеместно система государственного патернализма, провозглашены стандартные либерально-демократические свободы.

Одним из главных факторов трансформации является, пожалуй, рыночный характер возникающей новой системы, конкурентность всех возможностей общества. Своеобразием изменений также следует назвать политическую борьбу за определение вектора идущих процессов. Реальной альтернативой прежним формам политического руководства во всех реформирующихся странах выступил вначале разногласий так называемый «либерально-демократический блок», который в последующем дал ростки новым политическим доктринам, отразившим, скорее, установки политической борьбы, нежели конкретные

материальные и правовые интересы нарождающегося класса мелких собственников, частных предпринимателей и банкиров, с одной стороны, и наемных работников, с другой.

«Системность трансформации следует рассматривать, прежде всего, как степень ее полноты во всех общественных механизмах, которая бы вполне коррелировала с особенностями положения того или иного общества, той или иной страны, с их историческими реалиями, национальными интересами и т.п. Именно тогда достигается тот синергетический эффект, который снимает ситуацию кризисности и обеспечивает на какой-то период относительно плавное эволюционное развитие.

В одну неразрывную систему должны быть увязаны природно-географические факторы, политические структуры, экономические и правовые институты, технический и технологический потенциал, кадры, социокультурная, в частности, духовная, среда с ее естественной опорой на прошлое, настоящее и будущее» /1/.

Интересно, что трансформацию переживает и сама концепция развития. На передний план выходят качественные показатели, связанные подчас с количественными очень сложной функциональной связью. Новые подходы оперируют понятиями устойчивого развития, гармонизации, при которых уже несколько иную роль играют как производительность труда, так и его разделение. Сложность и противоречия трансформации конкретного государства, являющиеся своеобразным зеркалом развития человечества в целом, приводят мировое сообщество к необходимости сотрудничества с целью позитивного разрешения таких глобальных проблем, как экологический дисбаланс, хаотичный демографический рост, диспропорции в распределении труда и продукта, материальных ресурсов, процветания и безопасности.

С другой стороны, решение таких проблем, как возрождение национального самосознания, государственный суверенитет, вхождение государства в мировое сообщество остается пока слабо разработанной задачей.

Причина лежит на поверхности: геополитические силовые поля слишком прихотливы и разнородны, чтобы можно было сегодня всерьез говорить о всепланитарном единении человечества, поскольку в противовес замыслам силовой интернационализации существует и усиливается естественная общемировая потребность в большей упорядоченности жизни наций.

Несомненно, переходный период и процессы модернизации имеют общие черты для всех стран и подчиняются универсальным законам становления демократии. Вместе с тем характер и темпы изменений социума зависят и от структурно-экономических, и от политических, и от этнокультурных, и от иных конкретно-исторических особенностей каждой отдельно взятой страны. В результате реальная политическая практика показывает, что единой технологии трансформационных перемен нет, и оптимальную политику преобразований каждой страны приходится вырабатывать самостоятельно путем проб и ошибок. В связи с этим, безусловно, остается настоятельной необходимостью изучать как общее и индивидуальное в этом сложнейшем процессе, так и необходимое и обязательное.

Это со всей очевидностью подтверждает и Казахстан на примере последних десяти лет своего развития. Для республики процесс трансформации есть, прежде всего, уяснение и творческое использование опыта европейских стран. Вместе с тем нельзя забывать, что на протяжении многих веков европейские страны сохраняли свою государственность, прежде всего, потому, что в кризисных обстоятельствах сумели сохранить свою самобытность.

После обретения независимости Казахстан сделал твердый выбор в пользу свободы и демократии, однако, этот путь оказался не столь прост, как казалось вначале, в пору «демократического романтизма». Для успешного проведения преобразований потребовалось, прежде всего, подвергнуть всестороннему теоретическому анализу сам объект преобразований – казахстанское общество. Эта важная работа была

поделана в трудах Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева «На пороге XXI века», «В потоке истории», а также в стратегии развития Казахстана до 2030 года.

В настоящее время уже можно говорить о специфике казахстанского пути к демократии, вытекающем из своеобразия страны, ее недавнего прошлого, евразийского характера государственности, сознания и мышления людей, всего цивилизационного культурного фона. Этот вывод подтверждается некоторыми результатами системной трансформации в стране, имеющими место в последние годы. Они заключаются в том, что изменились политическая и государственная системы. Однопартийный режим заменен плюралистической политической системой, действующей на основе новых конституционных принципов.

Изменились экономические основы казахстанского общества, хотя, объективности ради, заметим, что государственный сектор продолжает играть важную, а иногда и определяющую роль. Создана правовая база для развития «рыночного хозяйства», хотя, опять же, становление рыночной экономики еще далеко до завершения, т.к. ликвидация прежней системы разделения труда создала проблемы, которые для своего разрешения требуют огромных капиталовложений и многих лет созидательной работы.

В республике складывается новая система социальной стратификации, определяемая характером, глубиной и масштабом экономических преобразований, принятыми принципами построения социальной защиты граждан.

Произошли перемены в сфере духовных ценностей и приоритетов. Переходное состояние породило проблемы адаптации к новым условиям существования миллионов людей. При этом неизбежным компонентом трансформации структуры общественного сознания выступает ценностный конфликт, связанный с изменением менталитета. Поскольку изменения в общественном сознании и социализация в новых условиях значительно отстают от процесса экономической и политической транс-

формации общества, люди становятся невольными заложниками событий, которыми они не умеют управлять. Поэтому сокращение государственной поддержки жилищных программ, науки, образования, медицины, культуры и искусства привело к пауперизации основной массы тружеников, падению престижа их социального статуса и, в итоге, маргинализации части населения, препятствующей становлению гражданского общества. У части населения, как правило, старшего и среднего возраста, развились пессимизм и отчаяние, ощущение напрасно прожитой жизни, чувство неопределенности в отношении будущего.

Американский политолог З. Бжезинский высказал твердое убеждение, что потребуется не меньше 50-70 лет, прежде чем население стран, переживающих полосу трансформации, сможет воспринимать новую социально-культурную среду как объективно оптимизированную.

Главные причины кризисных ситуаций, имеющих место на протяжении перехода, заключаются не столько в реформировании как таковом, сколько, прежде всего, в неадекватных методах проведения реформ. Эти методы часто порождают не созидательные, а разрушительные процессы. Снятие кризиса возможно только путем таких всеобъемлющих перемен, при которых возникающие грубые противоречия снимаются одно за другим в пользу более сложных и тонких, которые, в свою очередь, преодолеваются в ходе целенаправленного труда нации.

В транзитологии, которая ныне превратилась в важную отрасль политической науки, образовавшую свои научные школы и направления, сформулированы новые транзитологические теории и модели переходного периода как особого этапа развития, обоснованно считается, что формы и характер трансформации существенно отличаются в разные исторические периоды и зависят от исторического опыта и типа существующего режима. Переходные периоды от авторитаризма и тоталитаризма к демократии могут длиться десятилетиями, но с непременным условием эволюции авторитарных структур власти в демократические.

Все это дало основание некоторым исследователям говорить о допустимости и даже неизбежности этапа авторитарного правления в переходном периоде. Сторонники этой позиции считают, что авторитарную власть нельзя оценивать только как негативную, ибо она имеет и свои достоинства: высокую способность обеспечивать политическую стабильность и общественный порядок, мобилизовывать ресурсы государства на решение проблемных задач, что и делает авторитаризм на конкретном историческом этапе довольно эффективным средством достижения в конечном итоге демократии.

Однако здесь не учитывается, что в теоретическом плане возникает дилемма: авторитаризм или демократия?

На взгляд автора, для переходных обществ правильнее говорить о необходимости сильной власти. При этом понимая ее не как монопольно централизованную власть, которая существовала в недавнем тоталитарном прошлом. Современное рыночное общество предполагает конфликтность и конкурентность. И в этих условиях именно сильная власть способна эффективно проводить государственную политику, максимально быстро и с наименьшими потерями разрешать возникающие конфликты, исходя из интересов народа и государства.

Основой сильной власти является четкая система разделения государственной власти, построенная на механизме сдержек и противовесов. Ее органическими компонентами выступают сильное дееспособное правительство, профессиональный парламент, независимый суд, эффективная и ответственная местная власть. Дополняя друг друга, все эти составляющие в совокупности представляют собой единую систему государственной власти, венчаемую главой государства как высшим должностным лицом, определяющим внешнюю и внутреннюю политику страны. Представляется, что именно эта логика предопределила формирование в Казахстане института президентства как стержня политической системы. При таком устройстве президент обес-

печивает согласованное функционирование всех ветвей власти и ответственность органов власти перед народом.

В этом контексте необходимо учитывать, что в переходном периоде сохраняются условия для централизации власти. И связано это с тем, что власть вышла из тоталитарного прошлого, в структурном отношении сохраняет в себе директивные, административные компоненты, которые будут постепенно, с углублением новых отношений, изживаться. А для этого нужно время. Ведь в переходном обществе сильны рудименты традиционного сознания, предполагающие патерналистское отношение к власти. Думается, что с учетом наметившегося выхода Казахстана из социально-экономического кризиса точка зрения автора имеет право на жизнь.

Разумеется, были издержки и просчеты, но они, по сравнению с возможным хаосом и беспорядком, раздробленностью и неорганизованностью при иной форме правления, являются меньшим злом для общества. Слабая власть всегда порождает смуту и народные бедствия. Это хорошо известно из мировой практики.

Прошедший исторический период в условиях независимости обогатил Казахстан опытом политического и социально-экономического управления. Как представляется, он сыграл свою роль в становлении Казахстана, вхождении его в мировое сообщество.

ЛИТЕРАТУРА

Глава 1.

1. «Soviet Economy», 1988. – p. 215, 217; Harrison Ph. The Current State of Soviet Economic Reforms. – Brutelles, 1989. p. 2.

2. См.: Очерки по истории теоретической социологии XIX – начала XX веков (отв. ред. Ю.Н. Давыдов.) – М.: Наука, 1994. 217 с. (58); Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. - М.: «Мартис», 1995. – 203 с. (65).

3. Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О демократии: Сборник. – М.: Политиздат, 1988. – 511, [1] с.; См. также: Мощелков Е.Н. Переходные общественные процессы: вопросы для современного исследователя // Вестник Московского университета. Серия 12, политические науки. – 1995. – № 5. С. 37-42. (37)

4. Майлыбаев Б.А. Современный политический процесс в Казахстане и России: сравнительный анализ. – М.: Диалог-МГУ,1998. – 179 с. (27).

5. См.: Бижанов А.Х. Демократические основы модернизации казахстанского общества (политологический анализ): Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. – Алматы, 1998. – 395 с. (23).

6. См., к примеру: Валлерстайн И. Непреодолимые противоречия либерализма: права человека и права народов в геокультуре современной мир-системы // Рубежи. – 1995. – № 2. – С. 124-130.

7. Бижанов А.Х. Демократические основы модернизации казахстанского общества (политологический анализ): Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. – Алматы, 1998. – 395 с. (24).

8. См. подробнее: Давыдов Ю.Н. Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. М.: Наука, 1977. – 317 с.; Социальная философия Франкфуртской школы. – М., 1978. – 357 с.

9. Громов И., Мацкевич А., Семенов В. Западная политическая социология. - СПб.: Ольга, 1996. 220 с.

10. См., к примеру: Lijphart A. Democracies: Patterns of Majoritarian and Consensus Government in Twenty-one Countries. – New Haven: Yale University Press, 1984. - 290 p.; Лейпхарт А. Многосоставные общества и демократические режимы // Полис. – 1992. – № 1-2. – С. 220-221; Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / Пер. с англ. Б.И. Макаренко. Под ред. А.М. Салмина, Г.В. Каменской. - М.: Аспект Пресс, 1997. - 287 с.; Хайек Ф. Дорога к рабству. М., 1992. 176 с. др.

11. Гуревич П.С. Культурология. – М.: Знание, 1996. - 298 с. (79-115); Данилевский Н.А. Россия и Европа. – М., 1991. - 153 с; Ковалев А.М. Еще раз о формационном и цивилизационном подходах // Общественные науки и современность. - 1996. №1. - С. 97-104.; Радугин А.А., Радугин К.А. Социология. – М., 1997. – 157 с. (76); Панфилова Т.В. «Формационный» и «цивилизационный» подходы: возможности и ограниченность // Общественные науки и современность. 1993. - № 6. С. 95-99. (97); Сорокин П. Социологические тео-

рии современности. – М.,1994. – 312 с; Тойнби А. Постижение истории. – М.,1991. – 443 с.; Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы: Науч. ред. С.Э. Борич. М.: Попурри, 1999. – 720 с.; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. – 1994. – № 1. – С. 21-27; «Цивилизационная модель» международных отношений и ее импликации // Полис. – 1995. – № 1 – С. 121-165.

12. Калмыков В. Бсларуская думка. – 1994. – № 7. – С. 34-39. (37).

13. См.: Никитченко Н. Транснационализация демократии (третья волна демократизации в свете теории международных отношений) // Полис. – 1996. – № 6. – С. 53-55; Шмиттер Ф. Процесс демократического транзита и консолидации демократии // Демократические переходы: варианты путей и неопределенность результатов: Круглый стол // Политические исследования. – 1999. – № 3. – С. 30-33. (30, 31); Bova Russell. Political Dynamics of the Post Communist nransitions // World Politics. – 1991. – October; Di Palma Guiseppe. To Craft Democracies. Reflections on Democratic Transitions and Beyond. – Berkeley: University of California Press, 1990; Huntington Samuel. How Countries Democratize // Political Science Quarterly. – 1991-1992. – № 4 – Vol. 106; Linz Juan J. and Stepan Alfred. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. – Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1996; O' Donnel Guillermo. Delegative Democracy // Journal of Democracy. – 1994. – № 1. – Vol. 5; Przeworski Adam. Democracy and the Market. Politikal and Economic in Eastern Europe and Latin America. Cambridge: Cambridge University Press, 1991; Reisinger William. Establishing and Strengthening Democracy // Grey Robert D. (ed.). Democratic Theory and Post-Communist Chang. – Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1997.

14. См., например: Kegley Ch., ed. Controversies in International Relations Theory: Realism and the Neoliberal Challenge. – № 4. – 1995; Krasner S., ed. International Regimes. – Ithaca, 1983; Levy M., Young O. and Zurn M. The Study jf international Regimes // The European Journal of International Relations. – № 1(3). – September 1995. – P. 268-330; Markoff J. Waves of Democracy: Sozial Mouements and Politikal Change. L., 1966. – 112 p. (20); Markoff J. The Great Waue of Democracy in Historikal Perspective. – Ithaca, 1944. – № 4. – 372 p. (18).

15. Кузнецов И.И. Парадигма транзитологии (Плюсы и минусы объяснительной концепции переходного периода) // Общественные науки и современность. – 2000. – № 3. С. 46-51. (46).

16. См.: George C. Lodge. Managing Globalization in the Age of Interdependence. Oxford, 1996. 128 p.; Радугин А.А., Радугин К.А. Социология. – М.: Центр, 1997. – 157 с. (80-85).

17. Бижанов А.Х. Демократические основы модернизации казахстанского общества (политологический анализ): Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук – Алматы, 1998. 395 с. (41).

18. Чешков М.А. Выбор темы и некоторые вопросы методологии // Мировая экономика и международные отношения. – 1995. – № 12. – С. 5-34. (8).

19. Данилов А.Н. Переходное общество: Проблемы системной трансформации – Мн.: ООО «Харвест», 1998. 432 с. (43).

20. См.: Бахтияров В.К. Парадоксальные ситуации и проблема переходных состояний // Философские науки. - 1981. – № 3. – С. 12-20; Берелович А. Об идее перехода к демократии через авторитаризм // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. – М., 1984. – 317 с. -- С. 53-78; Ракицкий Б. Основы теории переходного периода // Через тернии. М., 1990. – 430 с. – С. 213-258; Бузгалин А.В. Переходная экономика. Лекции по политической экономии. – М., 1994. - 171 с.; Переходы и катастрофы: опыт социально-экономического развития / Под ред. Ю.М. Осипова и И.Н. Шургалина. – М., 1994. – 417 с.; Мощелков Е.Н. Переходные общественные процессы: вопросы для современного исследователя // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 1995. – № 5. – С. 37-42; Хасанов М.Ш., Бурова Е.Е. Методологические аспекты теоретической модели общества переходного периода // Восток-Запад: диалог культур: Материалы II Международного симпозиума, г. Алматы, 24-26 октября 1995 г. Часть I. – Алматы, 1996. – 299 с. С. 47-59; Экономика переходного периода / Под ред. В.В. Радаева, А.В. Бузгалина. -- М., 1995. 466 с.; Гельман В.Я. «Transition» по-русски: концепции переходного периода и политическая трансформация в России (1989-1996) // Общественные науки и современность. 1997. – № 4. – С. 64-81; Анохин М.Г. Динамика политической системы в условиях переходного периода: Диссертация в форме научного доклада на соискание ученой степени доктора политических наук. – М., 1996. – 62 с.; Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. 1998. – № 2. – С. 6-36; Чжан Вон Чан. Трансформация политической системы обществ переходного типа: мировой опыт и Казахстан: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. - Алматы, 1998. – 24 с.; Гельман В.Я. региональные режимы: завершение трансформации // Свободная мысль. – 1999. – № 9. – С. 13-22; Кузнецов И.И. Парадигма транзитологии (Плюсы и минусы объяснительной концепции переходного периода) // Общественные науки и современность. - 2000. – № 3. - С. 46-51. и др.

21. См.: Гордон Л.А., Клопов Э.В. Современные общественно-политические преобразования в масштабе социального времени // Социс. – 1998. – № 1 - С. 6-20 (6); Майлыбаев Б.А. Современный политический процесс в Казахстане и России: сравнительный анализ. М.: Диалог-МГУ. 1998. - 179 с. (26).

22. Годелье М. Переходные эпохи в сравнительной ретроспективе // Переходные процессы. Проблема СНГ (Альманах «Форум»). Т.Т. Тимофеев и др. – М.: Наука, 1994. – 329 с. – С. 12-48. (37).

23. Цит. по: Тасмагамбетов И.Н. Социальная политика и политическая трансформация. - Алматы: Гылым, 1997. 250 с. (44).

24. Там же. (45).

25. Анохин М.Г. Динамика политической системы в условиях переходного периода: Диссертация в форме научного доклада на соискание ученой степени доктора политических наук. – М., 1996. -- 62 с (12).

26. Кузнецов И.И. Парадигма транзитологии (Плюсы и минусы объяснительной концепции переходного периода) // Общественные науки и современность. – 2000. – № 3. – С. 46-51.

27. Пригожин А.И. перестройка: переходные процессы и механизмы. – М., 1990. – 374 с. (54).

28. Тасмагамбетов И.Н. Социальная политика и политическая трансформация. – Алматы: Ғылым, 1997. – 250 с. (44).

29. Социология. Учебное пособие под ред. Тадевосяна Э.В. – М., 1995. – 297 с. (227-228).

30. Бижанов А.Х. Демократические основы модернизации казахстанского общества (политологический анализ): Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. – Алматы, 1998. – 395 с. (47).

31. Шульце В.П. Массовое сознание и политические институты в переходный период // Трансформационные процессы в России и Восточной Европе и их отражение в массовом сознании: Материалы международного симпозиума, Москва, 24-25 мая 1996 г. – М.: РНИСиНП, 1996. – 232 с. – С. 8-12. (11-12).

32.Там же.

33. Чешков М.А. Выбор темы и некоторые вопросы методологии // Мировая экономика и международные отношения. – 1995. – № 12. – С. 5-34. (8).

34. Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. II. Зарубежная политическая мысль XX в. / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. Науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семгин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семгин и др. – М.: Мысль, 1997. – 830, [1] с. – С. 657-634 (630).

35. Беляев А.А. Основы политологии. – М.,1966. – 336 с.

36. См., к примеру: Машан М.С. Политическая система Казахстана: трансформация, адаптация, целедостижение. – Алматы: Центр политических исследований Қазақстан даму институты, 2000. – 208 с. (4).

37. См.: Almond Gabriel A. and Verba Sidney. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. – Princeton: Princeton University Press, 1963; Almond Gabriel A. and Verba Sidney. The Civic Culture Revisited: An Analytical Study. – Boston: Little. Brown, 1980; Inglehart Ronald. The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics. – Princeton: Princeton University Press, 1977; Inglehart Ronald. The Renaissance of Political Culture // American Political Science Review. – 1988. – № 4. – December. – Vol. 82; Lipset Seymour M. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // American Political Science Review. – 1959. – № 53; Lipset Seymour M. The Social Requisites of Democracy Revisited. – Inkeles Alex and Sasaki Masamichi (eds.). Comparing Nations and Cultures. Readings in a Cross-National Disciplinary Perspectives. – Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1996; Pye Lucian W. Political Science and the Crisis of Authoritarianism // American Political Science Review. – 1990. – № 1. – Vol. 84; Rustow Dankwan. Transitions to Democracy // Comparative Politics. – 1970. – № 2.

38. Di Palma Guiseppe. To Craft Democracies. Reflections on Democratic Transitions and Beyond. – Berkeley: University of California Press, 1990; Linz Juan J. Transitions to Democracy // The Washington Quarterly – 1990. – № 3. – Vol. 13; O'Donnel Guillermo and Schmitter Philippe. Transitions from Authoritarian Rule. Tentative Conclusions About Uncertain Democracies. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1986; Przeworski Adam. Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991; Schmitter Philippe C. with Karl Terry L. The Conceptual Travels of Transitiologists and Consolidologists: How Far to the East Should They Attempt to Go? // Slavic Review. – 1994. – № 1. – Vol. 53; Karl Terry L. and Schmitter Philippe C. Democratization Around the Globe: Opportunities and Risks. – Klare Michael T. and Thomas Daniel C. (eds.) World Security. Challenges for a New Century. – N.Y.: St. Martin's Press, 1994.

39. Лебедева Т.М. Транзитология и конфлитиология: сходство и различие подходов / Демократические переходы: варианты путей и неопределенность результатов: Круглый стол // Политические исследования. – 1999. – № 3. – С. 36-37. (36).

40. Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. – 1998. – № 2. – С. 6-36; Mahoney James and Snyder Richard. Rethinking Agency and Structure in the Study of Regime Change. – UC Berkeley (Unpublished manuscript).

41. Campbell Angus Phillip E., Converse Warren E. Miller and Donald E. Stokes. The American Voter. – N.Y.: John Wilet and Sons, 1960.

42. Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. – 1998. – № 2. – С. 6-36. (34).

43.Там же.

44. Мощелков Е.Н. Переходные общественные процессы: вопросы для современного исследователя // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. – 1995. – № 5. – С. 37-42. (38).

45. Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком: развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. – М.: РОССПЭН, 1988. – 276 с. (170).

46. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 312 с. (171).

47. Steffani W. Gesellschaftlicher Wandel als Herausforderung von Demokratie und Parteien. – Steffani W. Gewaltenteilung und Parteien im Wandel. – Wiesbaden, 1997. – S. 203-226.

48. См., к примеру: Huntington Samuel. How Countries Democratize // Political Science Quarterly. – 1991-1992. – № 4. – Vol. 106; Karl Terry L. and Schmitter Philippe C. Democratization Around the Globe: Opportunities and Risks. – Klare Michael T. and Thomas Daniel C. (eds). World Security. Challenges for a New Century. – N.Y.: St. Martin's Press, 1994; Markoff John. The Great Wave of Democracy in Historical Perspective. – Ithaca: Cornell University, 1994.

49. Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком: развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. – М.: РОССПЭН, 1988. – 276 с. (13); Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 312 с. (171).

50. Huntington Samuel. How Countries Democratize // Political Science Quarterly. – 1991-1992. – № 4. – Vol. 106.

51. Ашимбаев М.С. К вопросу об основных моделях политического транзита // Казахстан-Спектр. – 2001. – № 1. – С. 6-12. (7).

52. Растоу Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. – 1996. – № 5. – С. 5-15. (8).

53. Яжборовская И.С. Специфика трансформаций в Центрально-Восточной Европе / Демократические переходы: варианты путей и неопределенность результатов: Круглый стол // Политические исследования. – 1999. – № 3. – С. 45-47. (46).

54. Дарендорф. Р. Дорога к свободе: демократизация и ее проблемы в Восточной Европе // Вопросы философии. – 1990. – № 9. – С. 3-10. (7).

55. Цит. по Тасмагамбетов И.Н. Социальная политика и политическая трансформация. – Алматы, Гылым, 1997. – 250 с. (37-38).

56. Гельман В.Я. Постсоветские политические трансформации: наброски к теории // Общественные науки и современность. – 2001. – № 1. – С. 55-69. (56).

57. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и экономика. – М., 1995. – 460 с. (355).

58. Dahl R. Polyarchy: Participation and Opposition. – New Haven, 1971. – 123 p. (2-6).

59. Шерьязданова Г.Р. Теория демократии и проблемы политической модернизации в Казахстане // Саясат-Политика. – 1997. – № 9. – С. 70-76. (72).

60. Пронин С.В. О практическом применении в России методик транзитологии / Демократические переходы: варианты путей и неопределенность результатов: Круглый стол // Политические исследования. – 1999. – № 3. – С. 47-48. (47).

61. Митева Л.Д. Особенности консолидации демократии в странах Центральной и Восточной Европы / Демократические переходы: варианты путей и неопределенность результатов: Круглый стол // Политические исследования. – 1999. – № 3. – С. 48-49. (48).

62. Растоу Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. – 1996. – № 5. – С. 5-15. (7).

63. Пантин В.Н. Причины успешных и неудачных вариантов «пактирования» / Демократические переходы: варианты путей и неопределенность результатов: круглый стол // Политические исследования. – 1999. – № 3. – С. 34-36. (35).

64. Przeworski Adam. Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

65. Linz Juan J. and Stepan Alfred. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. –

Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1996.

66. Шмиттер Ф. Процесс демократического транзита и консолидации демократии / Демократические переходы: варианты путей и неопределенность результатов: Круглый стол // Политические исследования. – 1999. – № 3. – С. 30-33. (32).

67. Там же. (33).

68. Там же.

69. См.: Яхимович З.П. Факторы влияния на демократизацию коммунистических режимов / Демократические переходы: варианты путей и неопределенность результатов: Круглый стол // Политические исследования. – 1999. – № 3. – С. 44-45. (44).

70. Шмиттер Ф. Процесс демократического транзита и консолидации демократии / Демократические переходы: варианты путей и неопределенность результатов: Круглый стол // Политические исследования. – 1999. – № 3. – С. 30-33. (30, 31).

71. Пантин В.Н. Причины успешных и неудачных вариантов «пактирования» / Демократические переходы: варианты путей и неопределенность результатов: круглый стол // Политические исследования. – 1999. – № 3. – С. 34-36. (36).

72. Шмиттер Ф. Процесс демократического транзита и консолидации демократии / Демократические переходы: варианты путей и неопределенность результатов: Круглый стол // Политические исследования. – 1999. – № 3. – С. 30-33. (33).

73. Там же.

74. Митева Л.Д. Особенности консолидации демократии в странах Центральной и Восточной Европы / Демократические переходы: варианты путей и неопределенность результатов: Круглый стол // Политические исследования. – 1999. – № 3. – С. 48-49. (49).

75. Там же.

76. Мельвиль А.Ю. Третья волна демократизации, посткоммунизм и демократические транзиты // Полис. – 1997. – № 2. – С. 4-11. (7).

77. Ашимбаев М.С. К вопросу об основных моделях политического транзита // Казахстан-Спектр. – 2001. – № 1. – С. 6-12. (7).

78. Там же. (10).

79. См., например: Шерьязданова Г.Р. Теория демократии и проблемы политической модернизации в Казахстане // Саясат - Политика. – 1997. – № 9. – С. 70-76. (71).

80. Назарбаев Н.А. На пороге XXI века. – Алматы: Өнер, 1996. – 288 с. (126).

81. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. Пер. с англ. Б.И. Макаренко. – М.: Аспект пресс, 1997. – 287 с. (17-19).

82. Там же.

83. Pye L.W. The Non-Western Political Process // Journal of Politics 20. – № 3 (August 1958). – P. 529. (469).

84. Geertz C. The Integrative Revolution: Primordial Sentiments and Civil Politics in the New States // Geertz C. (ed.). Old Societies and New States: The Quest for Modernity in Asia and Africa. – New Jork: Free Press, 1963. – P. 109-113.

85. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. Пер. с англ. Б.И. Макаренко. – Москва: Аспект Пресс, 1997. – 287 с. (38, 39).

86. Furnivall J. S. Colonial Policy and Practice: A Comparative Study of Burma and Netherlands India. – Cambridge University Press, 1948. – 340 p. (304).

87. См.: Van den Muijzenberg O.D. De plural societu: Een onderzoek naar gebruik en bruikbaarheid als sociologisch begrip. – Amsterdam: Sociologich-Historisch Seminarium voor Zuidoost Asie, 1965. – P. 114-116; Katznelson I. Comparative Studies of Race and Ethnicity: Plural Analysis and Beyound // Comparative Politics 5. – № 1 (Oktober 1972). – P. 135-154; Другая точка зрения выражена в: Lofchie M. F. Political theory and African Politics // Journal of Modern African Studies 6. – № 1 (May 1968). – P. 10-15.

88. Mill J. S. Considerations on Representative Government. – New York: Liberal Arts Press, 1958. – 437 p. (230).

89. Так изложил сущность теории Смитта Лео Купер в статье «Plural Societies: Perspectives and Problems», включенной в кн.: Kuper L., Smith M.G (ed). Pluralism in Africa. – Berkeleu: University of California Press, 1969. – 262 p. – P. 180-195. (14).

90. Гаджиев К.С. Сравнительная политология // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 1996. – № 2. – С. 3-34. (17).

91. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного / Отв ред. Рейснер Л.И., Симония Н.А. – М., 1984. – 720 с. (273-274).

92. Политические отношения на Востоке: общее и особенное / Отв. ред. Вл. Ф. Ли, В.И. Максименко. – М., 1990. – 257 с. (38-39).

93. См.: Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного / Отв ред. Рейснер Л.И., Симония Н.А. – М., 1984. – 720 с. (227-228).

94. Сыроежкин К.Л. Роль политических партий и учений в транзитных обществах // Государство и политические партии: история и современность: Материалы республиканской научно-практической конференции. Алматы, 27 апреля 1998 г. – Алматы: ПНЕК, КИСИ, 1998. – 309 с. – С. 39-47. (47).

95. Цит. по: Тасмагамбетов И.Н. Социальная политика и политическая трансформация. – Алматы: Гылым, 1997. – 250 с. (46).

96. Мельвиль. А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. – 1998. – № 2. – С. 6-38. (7).

97. Bova Russell. Political Dynamics of the Post Communist transitions // World Politics. – 1991. – October; Di Palma Guiseppe. To Craft Democracies. Reflections on Democratic Transitions and Beyond. – Berkeley: University of California Press, 1990; Huntington Samuel. How Countries Democratize // Political Science Quarterly. – 1991-1992. – № 4. – Vol. 106; Linz Juan J. and Stepan Alfred. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America and Post-

Communist Europe. – Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1996; O'Donnel Guillermo. Delegative Democracy // Journal of Democracy. – 1994. – № 1. – Vol. 5; Przeworski Adam. Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991; Reisinger William. Establishing and Strengthening Democracy // Grey Robert D. (ed.). Democratic Theory and Post-Communist Chang. – Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1997.

98. Terry Sarah M. Thinking About Post-Communist Transitions: How Different Are They? // Slavic Review. – 1993. – № 2. – Vol. 52.

99. McFaul Michael. Why Russia's Politics Matter // Foreign Affairs. – 1995. – January-February. – № 1. – Vol. 74.

100. См.: Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. – 1998. – № 2. – С. 6-38; Он же. Третья волна демократизации, посткоммунизм и демократические транзиты // Полис. – 1997. – № 2. – С. 4-11.

101. Мельвиль. А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. – 1998. – № 2. – С. 6-38. (12).

102. Там же.

103. См., к примеру: Ашимбаев М.С. К вопросу об основных моделях политического транзита // Казахстан-спектр. – 2001. – № 1 (15). – С. 6-12 (11); Курдов В.М. Центральная и Восточная Европа: десять лет перемен // Общественные науки и современность. – 2001. – № 1. – С. 41-54; Мачкув Е. Преобразование коммунистического тоталитаризма и посткоммунистическая системная трансформация: проблемы, концепции, периодизация // Полис. – 2000. – № 4. – С. 38-59.

104. Linz J.J., Stepan A., Gunther R. Democratic Transition and Consolidation in Southern Europe, with Reflections on Latin America and Eastern Europe. – Gunther R., Diamandouros P.N., Puhle H.-J. (eds). The Politics of Democratic Consolidation. Southern Europe in Comparative Perspective. – Baltimore, 1995. – P. 77-123.

105. Ланцов С.А. Россия и Восточная Европа: общее и особенное в процессах политической модернизации // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. – 1997. – № 5. – С. 69-77. (76).

106. Мачкув Е. Преобразование коммунистического тоталитаризма и посткоммунистическая системная трансформация: проблемы, концепции, периодизация // Полис. – 2000. – № 4. – С. 38-59. (42).

107. Там же. (44-45).

108. Цит. по: Мачкув Е. Преобразование коммунистического тоталитаризма и посткоммунистическая системная трансформация: проблемы, концепции, периодизация // Полис. – 2000. – № 4. – С. 38-59. (45).

109. Linz J.J., Stepan A., Gunther R. Democratic Transition and Consolidation in Southern Europe, with Reflections on Latin America and Eastern Europe. – Gunther R., Diamandouros P.N., Puhle H.-J. (eds). The Politics of Democratic Consolidation.

Southern Europe in Comparative Perspective. – Baltimore, 1995. – P. 77-123. (85).

110. Мачкув Е. Преобразование коммунистического тоталитаризма и посткоммунистическая системная трансформация: проблемы, концепции, периодизация // Полис. – 2000. – № 4. – С. 38-59. (56).

111. Przeworski Adam. Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

112. Offe C. Varieties of Transition. The East European and East German Experience. – Cambridge, 1996. – 172 p. (3).

113. Fish M.S. Russia's Fourth Transition // The Global Resurgence of Democracy. – Baltimore-London, 1996.

114. См.: Bunce V. Paper Curtains and Paper Tigers // Slavic Review. – 1995. – № 54 (4); Bunce V. Differences in Democratization; The East Versus the South // Post-Soviet Affairs. – 1998. – № 14 (3); Schmitter Philippe C., Karl Terry L. From an Iron Curtain to a Paper Curtain: Grounding Transitologists or Students of Postcommunism? // Slavic Review. – 1995. – № 54. (4).

115. См.: Ахиезер А. Россия: критика исторического опыта. – Новосибирск, 1977. – 328 с.

116. Huntington S. The Clash of Civilizations and Remarking the World Order // New York, 1996.

117. Гельман В.Я. Постсоветские политические трансформации: наброски к теории // Общественные науки и современность. – 2001. – № 1. – С. 55-69; Голосов Г. Партийные системы России и стран Восточной Европы. – М., 1999. – 280 с.

118. Linz Juan J. and Stepan Alfred. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. – Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1996.

119. См., например: Волков В. Монополия на насилие и скрытая фрагментация российского государства (исследовательская гипотеза) // Полис. – 1988. – № 5. – С. 34-40 ; McFaul Michael. Russia's 1996 «Privatized» State as and Impendiment to Democratic Consolidation // Security Dialogue. – 1998. – №№ 29(2) – 29(3); Solnick S. Russia's «Transition»: Is Democracy Delayed Democracy Denied? // Social Research. – 1999. – № 66(3); Stoner-Weiss K. Central Weakness and Provincial Autonomy: Observations of the Devolution Process in Russia // Post-Soviet Affairs. – 1999. – № 15. (1).

120. Гельман В.Я. Постсоветские политические трансформации: наброски к теории // Общественные науки и современность. – 2001. – № 1. – С. 55-69. (58).

121. North D. Institutional Changes and Economic Perfomance. – Cambridge, 1990.

122. Гельман В.Я. Постсоветские политические трансформации: наброски к теории // Общественные науки и современность. – 2001. – № 1. – С. 55-69. (59).

123. См., к примеру, Мачкув Е. Преобразование коммунистического тоталитаризма и посткоммунистическая системная трансформация: проблемы, кон-

цепции, периодизация // Полис. – 2000. – № 4. – С. 38-59.

124. Offe C. Varieties of Transition. The East European and East German Experience. – Cambridge, 1996. – 172 p.

125. Мачкув Е. Преобразование коммунистического тоталитаризма и посткоммунистическая системная трансформация: проблемы, концепции, периодизация // Полис. – 2000. – № 4.– С. 38-59. (47).

126. Цит. по: Тасмагамбетов И.Н. Социальная политика и политическая трансформация. – Алматы: Ғылым, 1997. – 250 с. (47).

127. Мельвиль А.Ю. Посткоммунистические политии и переходы «третьей волны» / Демократические переходы: варианты путей и неопределенность результатов: Круглый стол // Политические исследования. – 1999. – № 3. – С. 33-34. (33, 34).

128. Там же. (34).

129. Ланцов С.А. Россия и Восточная Европа: общее и особенное в процессах политической модернизации // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. – 1997. – № 5. – С. 69-77. (76).

130. Чжан Вон Чан. Трансформация политической системы обществ переходного типа: мировой опыт и Казахстан: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Алматы, 1998. – 24 с. (17).

131. Гельман В.Я. «Transition» по-русски: концепции переходного периода и политическая трансформация в России (1989-1996) // Общественные науки и современность. – 1997. – № 4. – С. 64-81. (76).

Глава 2.

1. Лузин Г.П., Павлов К.В. // Общество и экономика. – 1995. – № 7-8. – С. 3-22. (6).

2. Данилов А.Н. Переходное общество: Проблемы системной трансформации. – Мн.: ООО «Харвест», 1988. – 432 с. (91).

3. Лузин Г.П., Павлов К.В. // Общество и экономика. – 1995. – № 7-8. – С. 3-22. (12-13).

4. Данилов А.Н. Переходное общество: Проблемы системной трансформации. – Мн.: ООО «Харвест», 1988. – 432 с. (93).

5. Там же. (94).

6. Лузин Г.П., Павлов К.В. // Российский экономический журнал. – 1995. – № 8. – С. 3-16. (9).

7. Данилов А.Н. Переходное общество: Проблемы системной трансформации. – Мн.: ООО «Харвест», 1988. – 432 с. (95).

8. Там же.

9. Эрхард Л. Полвека размышлений. Речи и статьи. – Дюссельдорф, 1988 г. – М.: Руссико, 1993. – 608 с. (598-599).

10. Форд Генри. Моя жизнь, мои достижения. – М., 1989. – 341 с. (190).

11. Там же. (145).

12. Кузьмин С. // Экономист. – 1993. – № 9. – С. 29-36. (32).

13. Там же. (34).

14. Данилов А.Н. Переходное общество: Проблемы системной трансформации. – Мн.: ООО «Харвест», 1988. – 432 с. (79).

15. Гордон Л.А. Бедность, благополучие, противоречивость: материальная дифференциация в 1990-е годы // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 5-21. (5).

16. Там же. (6).

17. Там же.

18. Тасмагамбетов И.Н. Социальная политика и политическая трансформация. – Алматы: Гылым, 1997. – 250 с. (6).

19. Там же. (5).

20. Мачкув Е. Преобразование коммунистического тоталитаризма и посткоммунистическая системная трансформация: проблемы, концепции, периодизация // Полис. – № 4. – 2000. – С. 38-59. (48).

21. Эрхард Л. Полвека размышлений. Речи и статьи. Дюссельдорф, 1988 г. – М.: Руссико, 1993. – 608 с. (59).

22. Цит. по: Сыроежкин К.Л., Акимбеков С.М. Республика Казахстан: поиск путей устойчивого развития // Центральная Азия и Кавказ. – № 2(3). – 1999. – С. 107-123. (107).

23. Хикс Дж. Р. стоимость и капитал. – М., 1988. – 506 с.

24. Сыроежкин К.Л., Акимбеков С.М. Республика Казахстан: поиск путей устойчивого развития // Центральная Азия и Кавказ. – № 2(3). – 1999. – С. 107-123. (108).

25. Эрхард Л. Полвека размышлений. Речи и статьи. Дюссельдорф, 1988 г. – М.: Руссико, 1993. – 608 с. (45).

26. Султанбекова Г. Кризис роста и структурные изменения в экономике Казахстана 1991-1998 гг. // Экономика и статистика. – 1999. – № 3-4. – С. 12-25. (21).

27. Парамонов В.В. Экономика Казахстана (1990-1998). – Алматы: Гылым, 2000. – 196 с. (181).

28. Заявление Правительства Республики Казахстан «О дальнейшем реформировании экономики в целях обеспечения устойчивого экономического роста» // Вестник по налогам и инвестициям (информационно-аналитический журнал Агентства Республики Казахстан по инвестициям). – 2000. – № 5-6. – С. 4-6.

29. Там же.

30. Назарбаев Н.А. Многонациональность – не недостаток, а преимущество общества: Выступление на 8 сессии Ассамблеи народов Казахстана // Казахстанская правда. – 25 октября 2001.

31. Отчет о деятельности Комиссии по ценным бумагам за 2000 год. – Алматы, 2001. – 84 с. (46).

32. Социально-экономическое развитие Республики Казахстан. Январь 2001 год. Агентство по статистике Республики Казахстан. – Алматы, 2001. – 277 с. (98).

33. НБК. Статистический бюллетень, 2001 год. № 1 – Алматы, 2001. – 141 с. (25).

34. Кривко Н. Оценка уровня бедности в Республике Казахстан // Экономи-

ка и статистика. – 2000. – № 2. – С. 9-16. (13).

35. Сыроежкин К.Л., Акимбеков С.М. Республика Казахстан: поиск путей устойчивого развития // Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – № 2(3). – С. 107-123. (110).

36. Там же. (111).

37. Данилов А.Н. Переходное общество: Проблемы системной трансформации. – Мн.: ООО «Харвест», 1988. – 432 с. (170).

38. Сыроежкин К.Л., Акимбеков С.М. Республика Казахстан: поиск путей устойчивого развития // Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – № 2(3). – С. 107-123. (108).

39. Гайдар Е. Государство и эволюция – М.: «Евразия», 1997. – 553 с. (41).

40. Пороховский А.А. Роль государственной собственности в экономическом развитии США // США-Канада, экономика-политика-культура. – 2000. – № 3. – С. 3-11. (4).

41. Сыроежкин К.Л., Акимбеков С.М. Республика Казахстан: поиск путей устойчивого развития // Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – № 2(3). – С. 107-123. (109).

42. Херрман-Пилат К., Шлехт О., Вюнше Х.Ф. Цель – рыночное хозяйство: хозяйство и общество в процессе перехода от плана к рынку. – М.: «Владар», 1995. – 260 с. (20).

43. Сыроежкин К.Л., Акимбеков С.М. Республика Казахстан: поиск путей устойчивого развития // Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – № 2(3). – С. 107-123. (109).

44. Там же.

45. Там же. (110).

46. Там же.

47. Бем Ф. Свобода конкуренции и свобода картелей // Концепция хозяйственного порядка. Учение ордолиберализма. – М., 1997. – 387 с. (219).

48. Шамхалов Ф. Государство и экономика: власть и бизнес. – М., 1999. – 414 с. (248).

49. Доклад о развитии человеческого потенциала в странах Европы и СНГ. – М., 1999. – 257 с. (70).

50. Петров Ю. «Тринадцатая пятилетка» российской экономики (о ее итогах и о необходимости смены экономической политики) // Российский экономический журнал. – 1995. – № 8. – С. 3-19. (7).

51. А. Донских. Что позволено инвестору? // Казахстанская правда. – 5 января 2000.

52. Макалкин В.П. Какими будут пенсии у «черных», «серых» и «белых» пенсионеров? // Вечерний Алматы. – 26 мая 2001.

53. Там же.

54. Данилов А.Н. Переходное общество: Проблемы системной трансформации. – Мн.: ООО «Харвест», 1988. – 432 с. (228).

55. Там же.

56. Там же. (228-229).

57. Казахстан: реалии и перспективы независимого развития / Российский институт стратегических исследований. – М., 1995. – 297 с. (50).

58. Султанбекова Г., Мухамедиева А., Коканбаева. З. Управление социальным развитием Республики Казахстан // Экономика и статистика. – 2000. – № 2. – С. 17-24.

59. См.: Краткий статистический ежегодник Казахстана. 1999. – Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2000. – 163 с. (19); Домашние хозяйства Казахстана, статистический сборник. – Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2000. – 48 с. (5).

60. См.: Домашние хозяйства Казахстана, статистический сборник. – Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2000. – 48 с. (12); Домашние хозяйства Республики Казахстан в первом полугодии 2000 года. – Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2000. – 52 с. (23).

61. Султанбекова Г., Мухамедиева А., Коканбаева. З. Управление социальным развитием Республики Казахстан // Экономика и статистика. – 2000. – № 2. – С. 17-24. (18).

62. См.: Краткий статистический ежегодник Казахстана. 1995. – Алматы: Госкомстат Республики Казахстан, 1996. – 291 с. (50); Статистический ежегодник Казахстана. 2000. – Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2000. – 442 с. (318).

63. См.: Краткий статистический ежегодник Казахстана. 1999. – Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2000. – 163 с. (19); Статистический ежегодник Казахстана. 2000 – Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2000. – 442 с. (77, 83).

64. Бектурганова Б. Трансформация социальной структуры казахстанского общества и средний класс // Аль-Пари. – 1998. – № 1. – С. 24-28. (25).

65. Статистический ежегодник Казахстана. 2000. – Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2000. – 442 с. (78).

66. Парамонов В.В. Экономика Казахстана. Годы независимости (1991-2000 гг.) – Астана: изд-во Фолиант, 2001. – 300 с. (197).

67. Кривко Н. Оценка уровня бедности в Республике Казахстан // Экономика и статистика. – 2000. – № 2. – С. 9-16. (13).

68. Парамонов В.В. Экономика Казахстана. Годы независимости (1991-2000 гг.) – Астана: изд-во Фолиант, 2001. – 300 с. (198).

69. См.: Кривко Н. Оценка уровня бедности в Республики Казахстан // Экономика и статистика. – 2000. – № 2. – С. 9-16. (13); Статистический ежегодник Казахстана. 2000. – Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2000. – 442 с. (80).

70. Статистический ежегодник Казахстана. 2000. – Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2000. – 442 с. (11, 69).

71. См.: Краткий статистический ежегодник Казахстана. 1998. – Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 1999. – 173 с. (13); Статистический ежегодник Казахстана. 2000. – Алматы: Агентство Республики Казах-

стан по статистике, 2000. – 442 с. (32).

72. См.: Краткий статистический ежегодник Казахстана. 1999. – Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2000. – 163 с. (17-18); Джалилов А. Оптимистичный отчет о ходе выполнения Программы по борьбе с бедностью не вызывает особого доверия даже в Правительстве // PANORAMA. – 23 февраля 2001.

73. Парамонов В.В. Экономика Казахстана. Годы независимости (1991-2000 гг.) – Астана: изд-во Фолиант, 2001. – 300 с. (203).

74. Там же. (204).

75. Социально-экономическое развитие Республики Казахстан. Январь 2001. – Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2001. – 276 с. (108).

76. Парамонов В.В. Экономика Казахстана. Годы независимости (1991-2000 гг.) – Астана: изд-во Фолиант, 2001. – 300 с. (207).

77. Алиев М. Какой должна быть система здравоохранения страны? // Казахстанская правда. – 17 июня 2000.

78. Аристотель. Сочинения в 4-х т. – М.: Мысль, 1984. – 550, 687, 613, 830 с. (507).

79. Там же. (508).

80. См., к примеру: Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 704 с.; Гилденс. Э. Социология. – М., 1999. – 380 с.; Crompton R. Class and Stratification. An Introduction to Current Debates. – Cambridge: Polity Press, 1993.

81. Средний класс в современном российском обществе. – М: РОССПЭН, 1999. – 257 с. (84-86).

82. Григорьев Л., Малева Т. Средний класс в России на рубеже этапов трансформации // Вопросы экономики. – 2001. – № 1. – С. 45-61. (46).

83. Средний класс в современном российском обществе. – М: РОССПЭН, 1999. – 257 с. (78).

84. Григорьев Л., Малева Т. Средний класс в России на рубеже этапов трансформации // Вопросы экономики. – 2001. – № 1. – С. 45-61. (45).

85. Александрова О.А. Идейный фон становления российского среднего класса // ОНС. – 1999. – № 1. – С. 18-28. (22).

86. Там же.

87. Романенко Л.М. Судьбы среднего класса на социальных просторах России (опыт исторического анализа) // Вестник Московского университета. Серия 12, политические науки. – 1995. – № 5. – С. 30-36. (30).

88. Там же. (30, 31).

89. Смирнов С. Теперь за страной останутся лишь функции сбора налогов да трата собранного на чиновников // Начнем с понедельника. – № 1 (274). – 7 января 2000.

90. Там же.

91. См., к примеру: Здравомыслов Г.А. Российский средний класс – проблема границ и численности // Социс. – 2001. – № 5. – С. 76-85. (78); Тихонова Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной эконо-

мике. – М.: РОССПЭН, 1999. – 140 с. (37).

92. Тихонова Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. – М.: РОССПЭН, 1999. – 196 с. (38).

93. Григорьев Л., Малева Т. Средний класс в России на рубеже этапов трансформации // Вопросы экономики. – 2001. – № 1. – С. 45-61. (51).

94. Аженов М. Социальная стратификация и средний класс // Мысль. – 1995. – № 9. – С. 12-24.

95. Григорьев Л., Малева Т. Средний класс в России на рубеже этапов трансформации // Вопросы экономики. – 2001. – № 1. – С. 45-61. (53).

96. Здравомыслов Г.А. Российский средний класс – проблема границ и численности // Социс. – 2001. – № 5. – С. 76-85. (83).

97. Матаев Г.М. Экономический и социальный контекст становления среднего класса в Казахстане // Казахстан-Спектр. – 2001. – № 2. – С. 74-77. (75).

98. Григорьев Л., Малева Т. Средний класс в России на рубеже этапов трансформации // Вопросы экономики. – 2001. – № 1. – С. 45-61. (55-56).

99. Ескеев Б. Средний класс – это когда очень мало богатых и очень много бедных? // Астана. Деловой мир. – 2001. – № 1(14). – С. 43-44. (42).

100. См.: Матаев Г.М. Экономический и социальный контекст становления среднего класса в Казахстане // Казахстан-Спектр. – 2001. – № 2. – С. 74-77. (76); Краткий статистический ежегодник Казахстана. 2000. Статистический сборник / Под ред. А.А. Смаилова. – Алматы: Агентство по статистике Республики Казахстан, 2001. – 176 с. (17, 19).

101. Матаев Г.М. Экономический и социальный контекст становления среднего класса в Казахстане // Казахстан-Спектр. – 2001. – № 2. – С. 74-77. (77).

102. Григорьев Л., Малева Т. Средний класс в России на рубеже этапов трансформации // Вопросы экономики. – 2001. – № 1. – С. 45-61. (57).

103. Здравомыслов Г.А. Российский средний класс – проблема границ и численности // Социс. – 2001. – № 5. – С. 76-85. (80).

104. Бектурганова Б. Трансформация социальной структуры казахстанского общества и средний класс // Аль-Пари. – 1998. – № 1. – С. 24-28. (28).

105. Ескеев Б. Средний класс – это когда очень мало богатых и очень много бедных? // Астана. Деловой мир. – 2001. – № 1(14). – С. 43-44. (43).

106. Гордон Л.А. Бедность, благополучие, противоречивость: материальная дифференциация в 1990-е годы // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 5-21. (6).

107. Цит. по: Данилов А.Н. Переходное общество: Проблемы системной трансформации. – Мн.: ООО «Харвест», 1988. – 432 с. (82).

108. Кузьмин С. // Экономист. – 1993. – № 9. – С. 29-36. (32).

109. Здесь и далее по тексту использованы рекомендации международного научно-практического семинара «Формирование социальной политики сокращения негативных последствий перехода к рынку». Санкт-Петербург. 16-18 марта 2000 года // Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ. Информационный бюллетень. – 2000. – № 25. – 305 с. (41-61).

Глава 3.

1. Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1955. – 800 с. (289).

2. Конституции зарубежных государств. – М., 1996. – 401 с. (23).

3. Там же. (261).

4. Там же. (104).

5. Майлыбаев Б.А. Институт Президента: традиции демократического конституционализма и опыт Республики Казахстан. – Алматы: Комплекс, 1988. – 144 с. (19).

6. Там же. (52).

7. Ертысбаев Е.К. Институт президенства как инструмент модернизации посттоталитарных транзитных обществ (на примере Республики Казахстан) // Институт президенства в новых независимых государствах. Материалы международной конференции. Алматы, 6 апреля 2001 года. – Алматы: компьютерно-издательский центр Института философии и политологии НАН РК, 2001. – 261 с. (112-113).

8. Постановление Верховного Совета Казахской ССР «О Декларации о государственном суверенитете Каз.ССР» от 25 октября 1990 г. // Ведомости Верховного Совета Каз.ССР. – 1990. – № 44. – 547 с. (408).

9. Конституция (Основной Закон) Каз. ССР от 25 апреля 1978 г. – Алма-Ата: изд-во «Казахстан», 1978.

10. Закон Казахской ССР «Об учреждении поста Президента Казахской ССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию Казахской ССР» от 24 апреля 1990 г. // Ведомости Верховного Совета Казахской ССР. – 1990. – № 18. – ст. 114.

11. Бабакумаров Е.Ж. Доклад о развитии парламентаризма в республике Казахстан (1991-2001 гг.) // ПРООН, Астана, октябрь, 2001. – 87 с.

12. Тасмагамбетов И.Н. Основные тенденции политической трансформации казахстанского общества // Саясат-Политика. – 1997. – № 6. – С. 14-29. (19).

13. Жигалов К.В., Султанов Б.К. Первый президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев. Хроника деятельности (1.12.1991 – 31.05.1993). – Алматы: «Казахстан-21 век», 1993. – 288 с. (7).

14. Масанов Н.Э. Политическое развитие суверенного Казахстана (1991-2000 гг.) // Электронная версия. – Web-сайт РНПК. – 2000.

15. См., например, Джунусова Ж.Х. Республика Казахстан: Президент. Институты демократии. – Алматы: Жеті жарғы, 1996. – 208 с. (133-137).

16. Назарбаев Н.А. О проекте Конституции Республики Казахстан и итогах его всенародного обсуждения. Доклад на сессии Верховного Совета // Советы Казахстана. – 10 декабря 1993.

17. Джунусова Ж.Х. Республика Казахстан: Президент. Институты демократии. – Алматы: Жеті жарғы, 1996. – 208 с.

18. Константинов Ю. Казахстан первым преодолел пик реформ // Независи-

мая газета. – 6 мая 1977.

19. См., к примеру, Джунусова Ж.Х. Республика Казахстан: Президент, институты демократии. – Алматы: Жеті жарғы, 1996. – 208 с.

20. Казахстанская правда. – 2 декабря 1993.

21. Речь Председателя Верховного Совета С. Абдильдина при открытии сессии // Советы Казахстана. – 9 декабря 1993.

22. Сообщение Центральной избирательной комиссии об итогах выборов депутатов Верховного Совета Республики Казахстан // Казахстанская правда. – 17 марта 1974.

23. Конституция Республики Казахстан. – Алматы: Жеті жарғы, 1999. – 100 с. (54).

24. Там же. (64).

25. См.: Майлыбаев Б.А. Институт Президента: традиции демократического конституционализма и опыт Республики Казахстан. – Алматы: Комплекс, 1988. – 144 с. (101-103).

26. Там же. (114-115).

27. Там же. (115).

28. Там же. (115-116).

30. Конституция Республики Казахстан. – Алматы: Жеті жарғы, 1999. – 100 с. (64).

29. Котов А.К. Особенности президентской республике по Конституции 1995 года // Мысль. – 1995. – № 10. – С. 24-28. (26-27).

31. Там же. (27).

32. Касымбеков М.Б. Становление института президентства в Республике Казахстан. – Астана: «Елорда», 2000. – 54 с. (51).

33. Касымбеков М.Б. // Институт президенства в новых независимых государствах. Материалы международной конференции. Алматы, 6 апреля 2001 года. – Алматы: компьютерно-издательский центр Института философии и политологии НАН РК, 2001. – 261 с. (135).

34. См., например: Джунусова Ж.Х. Республика Казахстан: Президент. Институты демократии. – Алматы: Жеті жарғы, 1996. – 208 с. (206); Обзор Оксфордского аналитического центра в Лондоне в связи с признанием нелегитимным Верховного Совета Республики Казахстан // Советы Казахстана. – 13 апреля 1995.

35. Сахаров Н.А. Институт президентства в современном мире. – М., 1994. – 176 с.

36. Локк Дж. Два трактата о правлении // Соч. в 3-х т. / [Ред. Н.С. Нарский, А.Л. Субботин]; АН СССР, Ин-т философии. – Т. 3. – М.: Мысль, 1985. – 668, [3] с.

37. См.: Гоббс Т. Левиафан // Соч. в 2-х т. Т.2. – М.: Мысль, 1991. – 748 с.; Локк Дж. Два трактата о правлении // Соч. в 3-х т. / [Ред. Н.С. Нарский, А.Л. Субботин]; АН СССР, Ин-т философии. – Т. 3. – М.: Мысль, 1985. – 668, [3] с.

37. Абдильдин С. Парламент Казахстана: от Союза к государственности. – Алматы: Казахстан, 1993. – 192 с. (3, 4).

39. Там же. (4).

40. Абдыкаримов О. Развитие парламентаризма – развитие демократии // Юридическая газета. – 2000. – № 15(334).

41. Конституция Республики Казахстан. – Алматы: Жеті жарғы, 1999. – 100 с. (54).

42. Абдыкаримов О. Развитие парламентаризма – развитие демократии // Юридическая газета. – 2000. – № 15(334).

43.Там же.

44. Конституции зарубежных государств. – М., 1996. – 401 с. (98).

45. Там же. (104).

46. См.: Закон о статусе депутаов Федерального Собрания России.

47. Конституция Республики Казахстан. – Алматы: Жеті жарғы, 1999. – 100 с. (72).

48. Конституционный закон Республики Казахстан «О Парламенте Республики Казахстан и статусе его депутатов» от 16 октября 1995 г. – Алматы, 1995.

49. Там же.

50. Там же (статьи 15, 28, 29, 30, 31, 32).

51. Информационно-справочные фонды Информационно-аналитического центра Парламента Республики Казахстан. – 2000. – январь.

52. Конституция Республики Казахстан. – Алматы: Жеті жарғы, 1999. – 100 с. (73, 78).

53. Архив Мажилиса Парламента Республики Казахстан.

54. Регламент Мажилиса Парламента Республики Казахстан.

55. Архив Мажилиса Парламента Республики Казахстан.

56. Мулдабаев Т. Взаимодействие ветвей власти: практика, проблемы // Переход от тоталитаризма к демократии: опыт Казахстана: Материалы республиканской научной конференции. 1 часть. – Астана, 2000. – 286 с. (223).

57. Там же.

58. Архив Мажилиса Парламента Республики Казахстан.

59. Туякбай Ж.А. Выступление на пленарном заседании Мажилиса Парламента Республики Казахстан 24 января 2001 года // Архив Мажилиса Парламента Республики Казахстан.

60. Выборы в представительные органы: ожидания и реальность // PANORAMA – 22 октября 1999.

61. См.: Государственное право Российской Федерации / Под ред. О.Е. Кутафина. Т.1. – М., 1993. – 317 с. (144).

62. Аристотель. Политика. – М., 1965. – 472 с. (5).

63.Конституционное право / Под ред. В.В. Лазарева. – М., 1998. – 176 с. (133).

64. Гегель Г.В. Философия права. – М., 1990. – 438 с. (227-228).

65. Колодко Г. Уроки десяти лет постсоциалистической трансформации // Вопросы экономики. – 1999. – № 9. – С. 19-32. (29).

66. Тимо Пиирайнен. Смягчение бедности и социальная помощь: основные вопросы // Социальная помощь, смягчение бедности и граждан-

ское общество. Новые шаги в социальной политике Казахстана: Программа ЕС Тасис Бистро / под ред. Тимо Пиирайнена. – февраль, 2001. – 93 с. – С. 3-24. (12).

67. Там же. (13).

68. Сиврюкова В.А. Социальная помощь, смягчение бедности и гражданское общество // Социальная помощь, смягчение бедности и гражданское общество. Новые шаги в социальной политике Казахстана: Программа ЕС Тасис Бистро / под ред. Тимо Пиирайнена. – февраль, 2001. – 93 с. – С. 35-57. (38).

69. См.: Тимо Пиирайнен. Смягчение бедности и социальная помощь: основные вопросы // Социальная помощь, смягчение бедности и гражданское общество. Новые шаги в социальной политике Казахстана: Программа ЕС Тасис Бистро / под ред. Тимо Пиирайнена. – февраль, 2001. – 93 с. – С. 3-24.

70. Там же. (14).

71. Там же. (15).

72. Григорьев Л., Малева Т. Средний класс в России на рубеже этапов трансформации // Вопросы экономики. – 2001. – № 1. – С. 45-61. (45).

73. Исмагамбетов Т.Т. Индикаторы гражданственности и феномен коррупции // Казахстан-Спектр. – 1998. – № 3(5). – С. 21-22. (17).

74. Балгимбаев А.С. Институты гражданского общества и правового государства как механизмы борьбы с коррупцией // Саясат. – 1999. – № 4. – С. 22-24. (23).

75. Сатпаев Д.А. Коррупция в Казахстане: тенденции и методы борьбы (Материалы дискуссионного стола) // Саясат. – 1999. – № 4. – С. 7-11. (10).

76. Там же. (11).

77. Государственная молодежная политика Республики Казахстан Астана, 2001. – 160 с. (145-146).

78. Беляев Д.И. Современная наука и проблемы исследования человека // Вопросы философии. – 1981. – № 3. – С. 5-9.

79. Бронфенбреннер У. Два мира детства. Дети США и СССР. – М., 1976. – 168 с. (58-62).

80. Там же. (64-65).

81. Тесленко А.Н. Социализация молодежи на пороге XXI века // Саясат. – 2001. – № 10-11. – С. 104-110.

82. Исаев В.Ф., Гришина Е.А. Сельская молодежь в меняющихся экономических условиях // Народонаселение. – 2001. – № 4. – С. 58-64.

83. Государственная молодежная политика Республики Казахстан. - Астана: Казахстан, 2001. – 160 с. (96).

84. Там же. (97-98).

85. Ковалева А.И. Социализация личности: норма и отклонение. – М., 2000. – 98 с. (13-15).

86. Молодежь Казахстана: социальное самочувствие. Основные тенденции развития политической культуры: Аналитический отчет по итогам республиканского социологического исследования «Казахстан накануне выборов». – Астана: Департамент внутренней политики МКОИС РК, 1999. – 135 с. (112-114).

87. Там же.

88. Там же. (84-88).

89. Государственная молодежная политика Республики Казахстан. – Астана: Казахстан, 2001. – 160 с. (96).

90. Молодежь Казахстана: социальное самочувствие. Основные тенденции развития политической культуры: Аналитический отчет по итогам республиканского социологического исследования «Казахстан накануне выборов». – Астана: Департамент внутренней политики МКОИС РК, 1999. – 135 с. (84-88).

91. Молодежь Казахстана 2000: положение, тенденции, перспективы: Государственный доклад. – Астана, 2000. – 31 с.

92. Молодежь Казахстана: социальное самочувствие. Основные тенденции развития политической культуры: Аналитический отчет по итогам республиканского социологического исследования «Казахстан накануне выборов». – Астана: Департамент внутренней политики МКОИС РК, 1999. – 135 с. (84-88).

93. Государственная молодежная политика в Республике Казахстан: Стенографический отчет парламентских слушаний. – Астана, 2001. – 24 с. (6-8).

94. Туякбай Ж.А. Выступление на парламентских слушаниях по вопросу «Государственная молодежная политика в Республике Казахстан» // Государственная молодежная политика в Республике Казахстан: Стенографический отчет парламентских слушаний. – Астана, 2001. – 24 с. (4-6).

95. Тасмагамбетов И.Н. Выступление на парламентских слушаниях по вопросу «Государственная молодежная политика в Республике Казахстан» // Государственная молодежная политика в Республике Казахстан: Стенографический отчет парламентских слушаний. – Астана, 2001. – 24 с. (9-16).

96. Основы политической науки: Учебное пособие для вузов под ред. В.П. Пугачева. В 2-х частях. Ч. II. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 349 с. (167-168).

Глава 4.

1. Бисенбаев А.К. Партийная система в Казахстане // АльПари, 1998. – № 1. – С. 19-23. (21).

2. См.: Гаевой В.С. Основы политологии: Реферат академического пособия «Наука о политике» / Под редакцией Боднара А.: Пер. с польского. 2-е изд., перераб. и доп. – Варшава, 1988. – М., 1990. – 75 с. (28-41); Голосов Г.В. Сравнительная политология: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – 207 с. (107-126); Основы политологии: Курс лекций / Под редакцией проф. Капесова Н.К. – Алматы: «Жеті жарғы», 1995. – 207 с. (156-172); Основы политологии / Под редакцией Пугачева В.П. М., 1992. – 351 с. (127); Политология: Курс лекций / Под редакцией проф. Мустафина Т.Т. – Алматы, 1994. – 303 с. (190-205); Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Аверьянов Ю.И. – М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. – 431 с. (245-246); 50/50: Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. Афанасьева Ю. и Марка Ферро. – М.: Прогресс, 1989. – 560 с. (331).

3. См.: Almond G.A. Political Development: Essays in Heuristic Theory. – Boston,

1970; Duverger M. Political Parties. – N.Y., 1954; Janda ree Press. – N.Y., 1980; Political Parties and Political Development. ed Joseph La Palombara and Myron Weiner. – Princeton, 1996; Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990; Вятр Е. Социология политических отношений. – М., 1979; Острогорский М. Демократия и политические партии. Т. 1-2. – М., 1930; Шумпетер Дж.Й. Капитализм, социализм, демократия // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. II. Зарубежная политическая мысль XX в. / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. Науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семгин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семгин и др. – М.: Мысль, 1997. – 830, [1] с. – С. 222-233 и др.

4. Цит. по: Демидов А.И., Федосеев А.А. Основы политологии: Учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 1995. – 271 с. (65); см. также: Гаджиев К.С. Политическая наука: Учебн. пособие. Ч.1 – М.: Сорос-Международные отношения, 1994. – 398 с. (138).

5. Левчик Д.А., Заславский С.Е. Особенности партогенеза России // Вестник Московского университета. Серия 12, политические науки. – 1995. – № 6. – С. 47-54. (50).

6. Бекназар-Юзбашев Т.В. Партии в буржуазных политико-правовых учениях. – М., 1988. (74).

7. См.: Шульце П.В. Массовое сознание и политические институты в переходный период (вступительное слово) // Трансформационные процессы в России и Восточной Европе и их отражение в массовом сознании: Материалы международного симпозиума, Москва, 24-25 мая 1996 г. – М., 1996. – 232 с. (11-12); Бабакумаров Е.Ж. Авторитарные и демократические тенденции в политической системе и массовом сознании казахского общества // Там же. – С. 143-154.

8. Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред.и сост. Аверьянов Ю.И. – М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993.

9. См.: Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: Республика,1944; Фромм Э. Бегство от свободы. – М., 1990. (159); Хайек Ф. Дорога к рабству // Вопросы философии. – 1990. – № 10-12.

10. См. подробнее: Клямкин И.М. Политическая социология переходного общества // Полис. – 1993. – № 4. – С.41-45.

11. Шаран П. Современная политология. Ч.Ч. I,II. – М., 1992. – 223 с.; Шварценберг Р.Ж. Политическая социология: В 3-х частях: Пер. с фр. – М., 1992.

12. Эту тенденцию отмечают Нойгебауэр Г., Панков И., Киммо Каариайнен, Дьярдь Чепели, Ян Шкалоуд в своих выступлениях в рамках тем: «Эволюция политических систем в постсоветских государствах» и «Массовое сознание в период общественной трансформации». См.: Трансформационные процессы в России и Восточной Европе и их отражение в массовом сознании: Материалы международного симпозиума, Москва, 24-25 мая 1996 г. – М., 1996. – 232 с. (11-13, 20, 33-34, 68, 98-99, 181, 187).

13. Ли Вл.Ф. Социальная революция и власть в странах Востока. (О проблемах и противоречиях некапиталистического переходного развития). – М.: Наука, 1984. – 288 с. (30).

14. Кармазина Л.И. Политическая культура и партийный плюрализм в их взаимовлиянии (на материалах современного Казахстана): Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Алматы, 1999. – 151 с. (80).

15. Сейдуманов С.Т. Становление многопартийности в Казахстане: политико-социологический анализ: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук. – Алматы, 1998. – 38 с. (4).

16. Современная буржуазная политическая наука: проблемы государства и демократизации / Под общ. ред. Шахназарова Г.Х. – М., 1982. (232).

17. Кармазина Л.И. Политическая культура и партийный плюрализм в их взаимовлиянии (на материалах современного Казахстана): Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Алматы, 1999. – 151 с. (78-79).

18. Прозоров Ю.Б. Партии в переходных обществах (латиноамериканский опыт) // Полис. – 1994. – № 4. – С. 138-144.

19. Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология: В 3-х частях: Пер. с фр. Ч.III. – М., 1992. (11).

20. См.: Латинская Америка. – 1989. – № 2. (37); Прозоров Ю.Б. Партии в переходных обществах (латино-американский опыт) // Полис. – 1994. – № 4. – С. 138-144; Эквадор: тенденции экономического и социально-политического развития. – М., 1989. (80).

21. См., например: Е.М. Абенов, Е.М. Арынов, И.Н. Тасмагамбетов Казахстан: эволюция государства и общества. – Алматы: ИРК, 1996. – 390 с. (312-313); Политические отношения на Востоке: общее и особенное / Отв. ред. Рейснер Л.И., Симония Н.А. – М., 1984. – 720 с. (273-274); Машанов М.С. Особенности формирования и прогноз развития плюралистической тенденции в постоталитарном Казахстане в контексте политической модернизации / Восток – Запад: диалог культур: Материалы II Международного симпозиума. 24-26 октября 1996 г. Часть I. – Алматы, 1996. – 299 с. (94-95).

22. Кармазина Л.И. Политическая культура и партийный плюрализм в их взаимовлиянии (на материалах современного Казахстана): Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Алматы, 1999. – 151 с. (80).

23. См.: Лейпхарт А. Многосоставные общества и демократические режимы // Полис. – 1992. – № 1-2. – С. 220-221; Сейдуманов С.Т. Становление многопартийности в Казахстане: политико-социологический анализ: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук. – Алматы, 1998. – 38 с. (4).

24. См.: Almond G.A. and Powell G.B. Comparative Politics: System, Process and Policy. – Boston: Little, Brown, 1978; Almond G.A. and Verba S. The Civic Culture Revisited. – Boston: Little, Brown, 1980.

25. Власть и демократия: зарубежные ученые о политической науке: Сборник статей / Под редакцией Цыганкова П.А. – М., 1992. (102, 232, 90).

26. Цит. по: Прозоров Ю.Б. Партии в переходных обществах (латиноамериканский опыт) // Полис. – 1994. – № 4. – С. 138-144. (139).

27. Robertson R. Globalization. Social Theory and Global Culture. – L., 1992. P. 58-59.

28. См., к примеру: Кармазина Л.И. Политическая культура и партийный плюрализм в их взаимовлиянии (на материалах современного Казахстана): Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Алматы, 1999. – 151 с. (70); Сейдуманов С.Т. Становление многопартийности в Казахстане: политико-социологический анализ: Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук. – Алматы, 1998. – 342 с. (5).

29. Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Полис. – 1998. – № 4. – С. 3-27. (7).

30. Бижанов А.Х. Государство и политические партии: история и современность // Государство и политические партии: история и современность: Материалы республиканской научно-практической конференции. Алматы, 27 апреля 1998 год. – Алматы, 1998. – 309 с. – С. 8-26. (14).

31. Основы политологии: Курс лекций / Под редакцией Путачева В.П. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 351с.

32. Ертысбаев Е.К. Голосовали за программу Назарбаева. Послесловие к выборам. Предварительные заметки // Казахстанская правда. – 19 января 1999.

33. См. Ведомости съезда Народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – М.,1990. – № 12. – Ст. 189.

34. См. Ведомости съезда Народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – М.,1990. – № 42. – Ст. 839.

35. Дмитриев Ю.А., Токмаков К.К. Россия: становление многопартийности. – М.: Независимое изд-во «Манускрипт», 1992. (43).

36. Назарбаев Н.А. На пороге XXI века. – Алматы: Өнер, 1996. – 288 с. (170).

37. Закон Казахской ССР «Об общественных объединениях в Казахской ССР». Глава I. Отд. изд. – Алматы, 1991.

38. Машан М.С. Этапизация политического процесса в Казахстане // Государство и политические партии: история и современность: Материалы республиканской научно-практической конференции. Алматы, 27 апреля 1998 год. – Алматы, 1998. – 309 с. – С. 106-113. (106).

39. Конституционный Закон Республики Казахстан «О государственной независимости Республики Казахстан» // Ведомости Верховного Совета Казахской ССР. - 1991. – № 51. – Ст. 6.

40. Назарбаев Н.А. На пороге XXI века. – Алматы: Өнер, 1996. – 228 с. (170).

41. См., к примеру, Ертысбаев Е.К. Голосовали за программу Назарбаева. Послесловие к выборам. Предварительные заметки // Казахстанская правда. – 19 января 1999.

42. Машан М.С. Этапизация политического процесса в Казахстане // Государство и политические партии: история и современность: Материалы республиканской научно-практической конференции. Алматы, 27 апреля 1998 год. – Алматы, 1998. – 309 с. – С. 106-113. (109).

43. См., к примеру: Ахметов К., Ахметова Г. ПНЕК: особенности идеологии и деятельности // Мысль. – 1998. - № 11. – С. 22-26; Бабакумаров Е.Ж. Социаль-

но-политические основы образования многопартийной системы в Республике Казахстан на современном этапе (1985-1993 годы): Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Алматы, 1995. – 203 с.; Бабакумаров Е.Ж., Булуктаев Ю.О., Кушербаев К.Е. Казахстан сегодня: мир политических партий. – Алматы: ИРК, 1995. – 141 с.; Государство и политические партии: история и современность: Материалы республиканской научно-практической конференции, г. Алматы, 27 апреля 1998 г. Сборник / Сост. Дьяченко С.А., Сеитова М.У. – Алматы: ПНЕК, КИСИ, 1998. – 309 с.; Политические партии и общественные движения современного Казахстана. Справочник. Выпуски 1, 2 / Сост. Аяганов Б.Г., Баймагамбетов С.З., Жуманова Г.Ж. и др. – Алматы, 1994; Политические партии Казахстана накануне выборов в парламент // PANORAMA. – Ноябрь, 1995. – № 46; Пономарев В.А. Общественные организации в Казахстане и Кыргызстане. Справочник. 1987-1991 гг. – Алма-Ата, 1991; Сейдуманов С.Т. Становление многопартийности в Казахстане: политико-социологический анализ: Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук. – Алматы, 1998. – 342 с. и др.

44. Булуктаев Ю.О., Дьяченко С.А., Кармазина Л.И. Политические партии Казахстана: Справочник. 1998 год. – Алматы: ИПК, 1998. – 163 с.; Дьяченко С., Кармазина Л., Сейдуманов С. Политические партии Казахстана: Справочник. 2000 год. – Алматы, 2000. – 248 с.

45. Куртов А.А. Партии Казахстана и особенности развития политического процесса в республике // Казахстан: реалии и перспективы независимого образования: Сборник Российского института стратегических исследований. – М., 1995. – 410 с. – С. 169-234. (172).

46. См., к примеру: Бисенбаев А.К. Проблемы переходного периода и развитие демократии в Казахстане // Казахстан-Спектр. – № 1-2. – 1997. – С. 15-26. (20); Кармазина Л.И. Политическая культура и партийный плюрализм в их взаимовлиянии (на материалах современного Казахстана): Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Алматы. – 1999. – 151 с. (77).

47. Машан М.С. Этапизация политического процесса в Казахстане // Государство и политические партии: история и современность: Материалы республиканской научно-практической конференции. Алматы, 27 апреля 1998 год. – Алматы, 1998. – 309 с. – С. 106-113. (109).

48. См., например, Машан М.С. Партийная система Казахстана: партийные и системные аспекты // Саясат. – 1999. – № 2. – С. 45-47. (45); Кармазина Л.И. Политическая культура и партийный плюрализм в их взаимовлиянии (на материалах современного Казахстана): Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Алматы. – 1999. – 151 с. (71) и др.

49. Цит. по: Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология: В 3-х частях: Пер. с фр. – М., 1992. Ч.3. – 293 с. (6).

50. Машан М.С. Партийная система Казахстана: партийные и системные аспекты // Саясат. – 1999. – № 2. – С. 45-47. (46).

51. Там же.

52. Об Общественных объединениях. Официальный текст Закона Республики Казахстан. – Алматы: «Жеті жарғы», 1996. – 20 с. (12).

53. См., например, Машан М.С. Партийная система Казахстана: партийные и системные аспекты // Саясат. – 1999. – № 2. – С. 45-47. (46); Кармазина Л.И. Политическая культура и партийный плюрализм в их взаимовлиянии (на материалах современного Казахстана): Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Алматы. – 1999. – 151 с. (90).

54. См., например: Бижанов А.Х. Я не понимаю политиков, которые слово «центризм» произносят с подтекстом // Казахстанская правда. – 3 сентября 1996; Умбеталиева Т.Б. Многопартийность и Парламент в условиях становления государственности в Казахстане // Государство и политические партии: история и современность: Материалы республиканской научно-практической конференции. Алматы, 27 апреля 1998 г. – Алматы, 1988. – 309 с. – С. 118-123. (120).

55. Народ не хочет потрясений // Казахстанская правда. – 15 июля 2000.

56. Оценка сегодняшнего положения в Республике Казахстан – различие и сходство мнений у экспертов Алматы и Астаны // PANORAMA. – 15 декабря 2000.

57. Машан М.С. Партийная система Казахстана: партийный и системные апсекты // Саясат. – № 2(45). – Февраль 1999. – С. 45-47. (47).

58. Ертысбаев Е.К. Политические преобразования и особенности избирательного процесса в постсоциалистических странах // Казахстан – Спектр. – 1999. – № 3(9). – С. 3-37. (12).

59. Кармазина Л.И. Политическая культура и партийный плюрализм в их взаимовлиянии (на материалах современного Казахстана): Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Алматы. 1999. – 151 с. (83-84).

60. Ертысбаев Е.К. Особенности электорального поведения на выборах // Казахстан – Спектр. – 2000. – № 1(11). – С. 3-35. (27).

61. Кармазина Л.И. Политическая культура и партийный плюрализм в их взаимовлиянии (на материалах современного Казахстана): Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Алматы, 1999. – 151 с. (71).

62. См.: Огнева В.В. Вхождение в демократию (опыт политологического анализа проблем переходного периода в Казахстане и России). – Алматы: ТУДАП, 1996. – 276 с. (66).

63. См., к примеру: Зубов А.Б. Парламентская демократия и политическая традиция Востока. - М., 1990. (7); Куртов А.А. Партии Казахстана и особенности развития политического процесса в республике // Казахстан: реалии и перспективы независимого образования: Сборник Российского института стратегических исследований. – М., 1995. – 410 с. – С. 169-234. (222).

64. Тараков А. «Круглый стол» не состоялся, диалог – продолжается // Казахстанская правда. – 7 сентября 2000.

65. Сейдуманов С.Т. Становление многопартийности в Казахстане: политико-социологический анализ: Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук. – Алматы, 1998. – 342 с. (5).

66. Исмагамбетов Т.Т. Влияние избирательной системы на формирование многопартийности в Казахстане // государство и политические партии: история и современность: Материалы республиканской научно-практической конференции. Алматы, 27 апреля 1998 г. – Алматы, 1988. – 309 с. – С. 88-92. (88).

67. Оукешот Майкл. Массы в представительной демократии // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. II. Зарубежная политическая мысль XX в. / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. Науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семгин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семгин и др. – М.: Мысль, 1997. – С. 449-465. (452).

68. Маркузе Герберт. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. II. Зарубежная политическая мысль XX в. / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. Науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семгин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семгин и др. – М.: Мысль, 1997. – С. 385-397. (393).

69. Гаджиев К.С. Размышления о политической культуре современной России // Мировая экономика и международные отношения. – 1996. – № 2. – С. 20-39. (34).

70. Баталов Э.Я. Советская политическая культура (к исследованию распадающейся парадигмы) // Общественные науки и современность. – 1994. – № 6. – С. 32-41. (67).

71. См., например: Абенов Е.М., Арынов Е.М., Тасмагамбетов И.Н. Казахстан: эволюция государства и общества. – Алматы: ИРК, 1996. – 390 с. (308); Огнева В.В. Вхождение в демократию (опыт политологического анализа проблем переходного периода в Казахстане и России). – Алматы: ТУДАП, 1996. – 276 с. (160).

72. Машанов М. Специфика посттоталитарного плюрализма // Евразийское сообщество. Экономика. Политика. Безопасность. – 1997. – № 2. – С. 4-14. (9).

73. Нурмуратов С.Е., Кадыржанов Р.К., Малинин Г.В., Матаев Г.М., Бисенбаев Ф.К. Система политических ценностей населения Казахстана: этнический, региональный, стратный анализ (научно-аналитический доклад). – Алматы: Институт философии МН-АН РК, 1997. – 51 с. (14).

74. Балгимбаев А.С. Проблемы формирования партийной системы в Республике Казахстан // Демократическая модернизация Казахстана: стратегия развития в XXI веке: Доклады и выступления «Республиканских политических чтений». – Алматы: Казак университеті, 1999. – 146 с. – С. 37-39. (38).

75. Кармазина Л.И. Политическая культура и партийный плюрализм в их взаимовлиянии (на материалах современного Казахстана): Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Алматы, 1999. – 151 с. (115).

76. См.: Абенов Е.М., Арынов Е.М., Тасмагамбетов И.Н. Казахстан: эволюция государства и общества. – Алматы: ИРК, 1996. – 390 с. (89); Бисенбаев А.К. Партийная система в Казахстане // АльПари. – 1998. – № 1. С. 19-23. (21).

77. Заславский Е.С. Функции политических партий в российском обществе // Россия и современный мир: Сборник / Под общ. ред. Шкаренкова Л.К. – М.: ИНИОН РАН, 1998. – 230 с. – С. 127-137. (135-136).

78. См.: Бисенбаев А.К. Партийная система в Казахстане // АльПари. – 1998. – № 1. – С. 19-23. (21); Кармазина Л.И. Политическая культура и партийный плюрализм в их взаимовлиянии (на материалах современного Казахстана): Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Алматы, 1999. – 151 с. (79).

79. См., например, Frentzel-Zagorska J. Two Phases of Transition from Communism to Democraty in Poland and Hungary // Sysyphis. Sociological Studies. – Warsaw, Poland, 1991. – V. 7. – P. 95-114.

80. Рукавишников В.О. Социологические аспекты модернизации России и других посткоммунистических обществ // Социологические исследования. – 1995. – № 1. – С. 34-46. (45).

81. Кожкенов С.А. Возможные направления демократических преобразований Казахстана в условиях переходного периода // Восток – Запад: диалог культур: Доклады и выступления участников на II международном симпозиуме, г. Алматы, 24-26 октября 1995 г. Часть I. – Алматы 1996. – 299 с. – С. 39-44. (39-40).

82. Кушербаев К.Е. Некоторые вопросы эволюции внутренней политики Казахстана // Саясат. Политика. – 1995. – № 4. – С. 27-43. (41).

83. Чеботарев А. Правовые проблемы политических партий Казахстана в переходный период // Правовое развитие: информационно-аналитический бюллетень общественного объединения «Правовое развитие Казахстана». – Январь 1997. – № 1(7). – С. 9-16.

84. О политических партиях. Официальный текст Закона Республики Казахстан. – Алматы: Жеті жарғы, 1996. – 20 с.

85. См., например: Даниленко В.Н. Деньги и политика: воздействие крупного капитала на политическую жизнь в капиталистических странах. М., 1989. – 267 с. (122).

86. Исаков Т. Финансирование политических партий в Республике Казахстан (правовые аспекты) // Евразийское сообщество. – № 2(30). – 2000. – С. 107-113. (108).

87. Юдин Ю.А. Политические партии и право в современном государстве. – М., 1998. – 288 с. (164-165).

88. Қазақстан Республикасындағы сайлау туралы. – О выборах в Республике Казахстан: (1977 жылғы 19 маусымдағы, 1988 жылғы 8 мамырдағы, 1998 жылғы 6 қарашадағы және 1999 жылғы 6 мамырдағы Конституциялық заңдармен өзгертулер мен толықтырулар енгізілген ресми мәтін) – 3 басылымы. (Официальный текст с изменениями и дополнениями, внесенными Конституционными законами Республики Казахстан от 19 июня 1997 года, от 8 мая 1998 года, от 6 ноября 1998 года и от 6 мая 1999 года) – 3 изд. Қазақстан Республикасының Заңы. – Алматы: Жеті жарғы, 1999. – 192 бет.

89. Назарбаев Н.А. Консолидация всех политических сил – главное условие процветания общества // Казахстанская правда. – 21 апреля 2001.

90. Сартаев Р.С. Политические партии Казахстана в контексте парламентских выборов // Триалог: «Государство – капитал – добровольческий сектор»: Сборник докладов и выступлений на международной конференции, Алматы, 6-9 февраля 1996 г. – Алматы, 1996. – 420 с. (349).

91. Лаагепера Р., Шугарт М.С. Описание избирательных систем // Политические исследования. – 1977. – № 3. – С. 107-123. (114).

92. Еженова К., Жусупов Б., Жусупов С. Эксперты пессимистично оценивают итоги 1996 года // PANORA MA. – 7 февраля 1997. – № 5.

93. Кинзябаева Г. Народ и партии – знакомы? // Казахстанская правда. – 14 августа 1999.

94. См.: Текущий архив Информационного Центра Парламента Республики Казахстан. Выборы глазами избирателей. Материалы социологического опроса. – Алматы, февраль-март 1994; Текущий архив Информационного Центра Парламента Республики Казахстан. Справка об итогах социологического исследования. – Алматы, февраль-март 1994. (347).

95. Назарбаев Н.А. Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана. О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики: демократизация общества, экономическая и политическая реформа в новом столетии // Казахстанская правда. – № 184. – 1 октября 1998.

96. Ертысбаев Е.К. Политические преобразования и особенности избирательного процесса в постсоциалистических странах // Казахстан – Спектр. – 1999. – № 3(9). – С. 3-37. (35).

97. Липсет С.М. Культурный фактор // Век XX и Мир. – М., 1994. – № 7-8. – С. 49-56. (52).

98. Ертысбаев Е.К. Избирательный процесс в Казахстане: тенденции и противоречия // Мысль. – № 3. – 2000. – С. 2-9. (5).

99. См.: Бюллетень Информационно-аналитического Центра Верховного Совета Республики Казахстан. – Алматы, март 1994; Бюллетень социологической информации РЦИОМ. – Алматы, апрель, август 1995.

100. См. Бюллетень Информационно-аналитического центра Верховного Совета Республики Казахстан. – Март 1994.

101. См., к примеру: Бисембаев А.К. Проблемы переходного периода и развитие демократии в Казахстане // Казахстан-Спектр. – № 1-2. – 1997. – С. 15-26. (24); Исмагамбетов Т.Т. Влияние избирательной системы на формирование многопартийности в Казахстане // Государство и политические партии: история и современность: Материалы республиканской научно-практической конференции. Алматы, 27 апреля 1998 г. – Алматы, 1988. – 309 с. – С. 88-92. (90-91); Кармазина Л.И. Политическая культура и партийный плюрализм в их взаимовлиянии (на материалах современного Казахстана): Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Алматы, 1999. – 151 с. (81); Матвеенкова Л.Г. Основные детерминанты поведения избирателей и механизм их влияния на результаты голосования: Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. – Алматы, 1993. – 128 с. (54); Машанов М.С. Сравнительный анализ партийного аспекта парламентских выборов 1994-1995 гг. – Алматы: ИРК, 1996. – 49 с. (7); Умбеталиева Т.Б. Многопартийность и Парламент в условиях становления государственности в Казахстане // Государство и политические партии: история и современность: Материалы республи-

канской научно-практической конференции. Алматы, 27 апреля 1998 г. – Алматы, 1988. – 309 с. – С. 118-123. (119) и др.

102. См., к примеру: Ертысбаев Е.К. Избирательный процесс в Казахстане: тенденции и противоречия // Мысль. – № 3. – 2000. – С. 2-9. (4).

103. См.: материалы социологических опросов. Текущий архив Верховного Совета Республики Казахстан. Фонд «Партии – 1994». Дело «Результаты социологических опросов». – Алматы, февраль, март, 1994.

104. См.: Сообщение Центральной избирательной комиссии об итогах выборов депутатов Верховного Совета Республики Казахстан // Советы Казахстана. – № 33. – 17 марта 1994.; Центризбирком обнародовал окончательные итоги парламентских выборов // Панорама. – № 3. – Январь 1996.; Сообщение Центральной избирательной комиссии Республики Казахстан об итогах выборов депутатов Мажилиса Парламента // Казахстанская правда. – 12 октября 1999.

105. Обращение ПНЕК ко всем патриотическим и демократическим силам республики // Казахстанская правда. – № 198. – 12 октября 1995.

106. Дьяченко С., Кармазина Л., Сейдуманов С. Политические партии Казахстана. Год 2000. Справочник – Алматы, 2000. – 428 с. (60).

107. Қазақстан Республикасы Президентінің конституциялық заң күші бар Жарлығы. Қазақстан Республикасындағы сайлау туралы. – Алматы: Қазақстан, 1995. – 159 бет. (116).

108. Ертысбаев Е.К. Голосовали за программу Назарбаева. Послесловие к выборам. Предварительные заметки // Казахстанская правда. – 19 января 1999.

109. Қазақстан Республикасындағы сайлау туралы. – О выборах в Республике Казахстан: (1977 жылғы 19 маусымдағы, 1988 жылғы 8 мамырдағы, 1998 жылғы 6 қарашадағы және 1999 жылғы 6 мамырдағы Конституциялық заңдармен өзгертулер мен толықтырулар енгізілген ресми мәтін) – 3 басылымы. (Официальный текст с изменениями и дополнениями, внесенными Конституционными законами Республики Казахстан от 19 июня 1997 года, от 8 мая 1998 года, от 6 ноября 1998 года и от 6 мая 1999 года) – 3 изд. Қазақстан Республикасының Заңы. – Алматы: Жеті жарғы, 1999. – 192 бет.

110. Назарбаев Н.А. Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана. О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики: демократизация общества, экономическая и политическая реформа в новом столетии // Казахстанская правда. – № 184. – 1 октября 1998.

111. Қазақстан Республикасының Конституциясы. – Конституция Республики Казахстан. – Алматы: Жеті жарғы, 1999. – 100 б. (70).

112. См.: Сатпаев Д.А. Иллюзия многопартийного рая // Новое поколение. – 6 ноября 1998.

113. Ертысбаев Е.К. Особенности электорального поведения на выборах // Казахстан – Спектр. – 2000. – № 1(11). – С. 3-35. (18).

114. См., например: Партии Казахстана встретились на перекрестке мнений. Накануне выборов в Мажилис Парламента Центризбирком организовал необычный политический диспут // Казахстанская правда. – 21 сентября 1999; Разумов Я. Первые в истории страны публичные дебаты кандидатов в депутаты

парламента стали настоящим шоу // PANORAMA. – 17 сентября 1999; «Хабар» провел политические дебаты // Вечерний Алматы. – 8 октября 1999.

115. Парламентские выборы в Казахстане: Доклад Комиссии по безопасности и сотрудничеству в Европе // XXI век. – 11 ноября 1999.

116. Парламентские выборы в Казахстане: Доклад Комиссии по безопасности и сотрудничеству в Европе // XXI век. – 4 ноября 1999.

117. Ертысбаев Е.К. О подлинной расстановке политических сил накануне парламентских выборов // Огонек – Казахстан. – Октябрь, 1999.

118. Кравец С. Блок «Республика» не оправдал надежд» // Казахстанская правда. – 25 сентября 1999.

119. См.: Барометр предвыборной ситуации. Электоральные настроения за 5 дней до выборов // Казахстанская правда. – 8 октября 1999; Мониторинг избирательной кампании: алматинцы не верят в победу достойных кандидатов // PANORAMA. – 8 октября 1999; Электоральное поведение граждан Республики Казахстан и рейтинги политических партий накануне парламентских выборов // Казахстанская правда. – 14 сентября 1999.

120. См.: Выборы законодательных органов Казахстана и России: истоки и последствия // PANORAMA. – 3 сентября 1999; Выборы в представительные органы: ожидания и реальность // PANORAMA. – 22 октября 1999.

121. См., к примеру: Исмагамбетов Т.Т. Особенности посттоталитарного развития электоральной системы Республики Казахстан: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Алматы, 1999. – 31 с. (21).

122. Дьяченко С., Кармазина Л., Сейдуманов С. Политические партии Казахстана. Год 2000. Справочник – Алматы, 2000. – 428 с. (204).

123. Название партии – ориентир для избирателя // Казахстанская правда. – 27 августа 1999.

124. Мониторинг избирательной кампании: алматинцы не верят в победу достойных кандидатов // PANORAMA. – 8 октября 1999.

125. См.: Мониторинг избирательной кампании: алматинцы знают о предстоящих выборах // PANORAMA. – 10 сентября 1999; Электоральное поведение граждан Республики Казахстан и рейтинги политических партий накануне парламентских выборов // Казахстанская правда. – 14 сентября 1999; Барометр предвыборной ситуации. Рейтинг политических партий Казахстана за три недели до парламентских выборов // Казахстанская правда. – 25 сентября 1999.

126. См.: Коваленко О., Махин В., Фоменко Ю. Нурсултан Назарбаев: эти выборы стали днем рождения нашей многопартийной демократии // Казахстанская правда. – 12 октября 1999; Издибаев Т. Группа кандидатов заявила о фальсификациях на избирательных участках // PANORAMA – 15 октября 1999; Фельде С., Алехова А. Последний бой, он трудный самый // Новое поколение. – 22 октября 1999; Парламентские выборы в Казахстане: Доклад Комиссии по безопасности и сотрудничеству в Европе // XXI век. – 11 ноября 1999.

127. Мониторинг избирательной кампании: алматинцы не верят в победу достойных кандидатов // PANORAMA. – 8 октября 1999.

128. Мельвиль А.Ю.. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. – 1998. – № 2. – С. 6-36. (9); Сагадиев К.А., Бектурганова Б.И. С. Хантингтон. «Третья волна демократизации в конце XX века. Демократия и средний класс» // Евразийское сообщество. – 1998. – № 1. – С. 15-28. (21).

129. Политическая система Казахстана: проблема стабильности // PANORAMA – 12 февраля 1999.

130. Выборы в представительные органы: ожидания и реальность // PANORAMA – 22 октября 1999.

131. Ертысбаев Е.К. Политические преобразования и особенности избирательного процесса в постсоциалистических странах // Казахстан – Спектр. – 1999. – № 3(9). – С. 3-37. (35).

132. См., к примеру: Руководители оппозиционных партий заявили о своем бойкоте деятельности рабочей группы по подготовке предложений для совершенствования выборного законодательства // PANORAMA – 26 января 2001.

133. Гаджиев К.С. Введение в политическую науку. – М., 1997. – 398 с. (162).

134. Исмагамбетов Т.Т. Влияние избирательной системы на формирование многопартийности в Казахстане // государство и политические партии: история и современность: материалы республиканской научно-практической конференции. Алматы, 27 апреля 1998 г. - Алматы, 1988. 309 с. – С. 88-92. (88).

135. Там же.

136. См., к примеру, Ертысбаев Е.К. Особенности электорального поведения на выборах // Казахстан – Спектр. – 2000. - № 1(11). – С. 3-35. (18).

137. Цит. по: Степан А., Скоч С. различные типы конституционного устройства и укрепления демократии // Демократия 1990-х – Вена: Региональная программа ЮСИА, 1995. – № 6. С. 51-61. (54).

138. Вятр. Е. Социология политических отношений. – М., 1979. – 342 с. (330).

139. Путачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. Учеб. пособие для студентов ВУЗов. 2-е изд. – М.: Аспект Пресс, 1995. – 320 с. (219).

140. G. Sartory. Parties and Party Systems: a Framework for Analysis. Vol. I, chs 5-6. – New York and Camridge: Camridge University Press, 1976. (120).

141. Кармазина Л.И. Политическая культура и партийный плюрализм в их взаимовлиянии (на материалах современного Казахстана): Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Алматы, 1999. – 151 с. (103).

142. Куртов А.А. Партии Казахстана и особенности развития политического процесса в республике // Казахстан: реалии и перспективы независимого образования: Сборник Российского института стратегических исследований – М., 1995. (170).

143. Бабакумаров Е.Ж., Машанов М.С. Казахстан в 1996 году: состояние и прогноз политической ситуации. – Алматы: ИРК, 1996. – 40 с. (10).

144. См.: Ежнова К., Жусупов Б., Жусупов С. Эксперты пессимистично

оценивают итоги 1996 года // PANORAMA. – 7 февраля 1997. – № 5; Сартаев Р.С. Проблема центризма в обществе переходного типа // Эволюция государственности Казахстана: Материалы международной конференции, Алматы, 3-5 апреля 1996 г. – Алматы, 1996. – 417 с. – С. 390-393. (392).

145. Кармазина Л.И. Политическая культура и партийный плюрализм в их взаимовлиянии (на материалах современного Казахстана): Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Алматы, 1999. – 151 с. (103).

146. См.: Мурзалин Ж.А. Куда движется партийная система Казахстана? // Саясат. – 1999. – № 4(47). – С. 25-28. (27); Партия deja vu // Деловая неделя. – 5 марта 1999; Чеботарев А.Е., Исмаилова С. Партийное строительство в Казахстане продолжается // XXI век. – 11 марта 1999.

147. Ертысбаев Е.К. Избирательный процесс в Казахстане: тенденции и противоречия // Мысль. – № 3. – 2000. – С. 2-9. (8).

148. Махин В. Нурсултан Назарбаев: консолидация всех политических сил – главное условие процветания общества // Казахстанская правда. – 21 апреля 2001.

Заключение.

1. Данилов А.Н. Переходное общество: Проблемы системной трансформации. – Мн.: ООО «Харвест», 1988. – 432 с. (43).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Глава 1. Теоретико-методологические аспекты исследования **трансформации политических систем переходных обществ 10**

1. Методология исследования политической системы трансформирующегося социума 10

2. Парадигмы трансформации политических систем транзитных обществ: общее и особенное 24

3. Особенности политической модернизации посткоммунистических государств 53

Глава 2. Социально-экономические основы трансформации казахстанского общества 72

1. Некоторые аспекты преобразования экономической и социальной структуры Казахстана 72

2. Специфика проводимой социально-экономической политики и первые результаты реформ 106

3. Проблемы формирования среднего класса в казахстанском обществе 125

Глава 3. Особенности трансформации политической системы Республики Казахстан 157

1. Генезис и становление института президентства 157

2. Особенности формирования института парламентаризма 183

3. Формирование гражданского общества в Казахстане 221

3.1. Проблемы развития неправительственных организаций республики 224

3.2. Общественные объединения молодежи в Казахстане как институт социализации личности 238

Глава 4. Развитие партийного плюрализма в Казахстане и его воздействие на массовое сознание 265

1. Закономерности формирования и институционализации партийной системы в условиях трансформации социума 265

2. Специфика и проблемы формирования партийной системы республики 273

3. Политические партии Казахстана в контексте выборных кампаний 310

4. Перспективы дальнейшей институционализации партийно-политической системы казахстанского государства 331

Заключение 343

Литература 349

ИБ № 46

Сдано в набор 19.09.2001 г. Подписано в печать 18.10.2001 г.
Формат издания 84x108 1/32. Гарнитура «Times». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,16. Уч. изд. л. 18,63
Тираж 1000 экз. Зак. № 5473

Министерство культуры, информации
и общественного согласия Республики Казахстан
Издательство «Елорда»
473000, г. Астана, ул. Бейбітшілік, 25
Печать и верстка – типография «Комплекс».
480100, г. Алматы, ул. Курмангазы, 29